IMT Nuremberg Archives

H – 1200

International Court of Justice

H1200 – 0001

H1200-0002

С Т Е Н О Г Р А М М Ы

ЗАСЕДАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Т о м ХХП-Й Экз. 2

С о д е р ж и т:

1 мая - утреннее и вечернее заседания

2 мая - утреннее и вечернее заседания

3 мая - утреннее и вечернее заседания

4 мая - утреннее заседание

6 мая - утреннее и вечернее заседания.

Страницы: с 9886-й по
10340-ю включительно.

H1200-0003

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяю, что данный том, пронумерованный с 9886 стр. по 10340 стр., озаглавленный "Русские стенограммы" содержит в себе стенографическую запись судебных заседаний Международного Военного Трибунала по делу Германа Вильгельма Геринга и других на русском языке за период времени с 1 мая 1946 г. по 6 мая 1946 г.

Указанная запись на русском языке составлена на основании стенографических записей и сверена с электрозвукозаписью производившихся в суде.

СЕКРЕТАРЬ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ
МАЙОР (А.ПОЛТОРАК)

"11" декабря 1946 г.
г.Нюрнберг

C E R T I F I C A T E

Official transcript of the International Military Tribunal from 1 May 1946 to 6 May 1946 in the matter of the United States of America, The French Republic, The United Kingdom of Great Britain und Northern Ireland und The Union of Soviet Socialist Republic against Hermann Wilhelm Goering and others contained in the volume under the title:

"Russian Transcripts"

numbered 9886 to 10340 inclusively are herewith certified as an authentic official Russian text, having identical force as the English, French und German texts.

JOHN E. RAY, Colonel, FA
General Secretary
International Military Tribunal

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяется, что русский текст стенограмм заседаний Международного Военного Трибунала за период времени с 1 мая 1946 г. по 6 мая 1946 г. по делу: Соединенные Штаты Америки, Французская Республика, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Союз Советских Социалистических Республик против Германа Вильгельма Геринга и других, - содержащихся в данном томе, озаглавленном "Русские стенограммы", пронумерованном с 9886 стр. по 10340 стр. включительно является аутентичным и официальным текстом, имеющим одинаковую силу с английским, французским и немецким текстами.

ПОЛКОВНИК ДЖОН Е. РЕЙ
Генеральный Секретарь
Международного Военного Трибунала

г. Нюрнберг
"11" декабря 1946 г.

H1200-0004

H1200-0005

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 1 мая 1946 года

/Утреннее заседание/

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прежде, чем мы приступим к делу подсудимого Шахта, я хотел бы объявить решение Трибунала касательно ходатайств, поданных доктором Заутером от имени подсудимого фон Шираха.

Первое ходатайство, которое вызвало ряд возражений, относится к группе документов за номерами 30, 31, 45, 68, 73, 101, 124 и 133; все ходатайство касательно этой группы документов отклонено. Следующее ходатайство касательно документа 118-а. Это ходатайство удовлетворено и документ должен быть переведен. Следующий документ под номером 121. И в данном случае ходатайство отклонено.

Что касается вызова свидетелей, то доктор Заутер отказался от ходатайства о вызове свидетеля Марселика. В отношении другого ходатайства Трибунал постановил: удовлетворить ходатайство о вызове Юберрейтера в качестве свидетеля.
Это - все.

/К микрофону подходит доктор Дикс/.

/ Продолжение прямого допроса подсудимого Шахта /

ДИКС. Я вчера, к сожалению, после ответа д-ра Шахта на мой вопрос - чувствовал ли он себя обманутым или был он разочарован в действиях Гитлера, - не огласил цитату из документа, которая относится к этому вопросу. Речь идет о предъяв-

ленном и зачитанном документе № 34. Эта цитата находится на странице 114-й английского текста книги документов, ее можно найти на странице 124-ой английской книги документов. Цитирую: + „Господин доктор Шахт уже в 1935-36 г.г., как это следовало из многочисленных высказываний, попал в число таких людей, которые предоставили всю свою силу и возможности в распоряжение Гитлера, но чувствовали, что они обмануты Гитлером. Я цитирую только одно из многочисленных высказываний Шахта, которое было сделано им летом 1938 г. на ужине со мной и моей женой. Когда доктор Шахт пришел, было совершенно ясно, что он чем-то взволнован, и за ужином все это прорвалось наружу. Он воскликнул: "Милостливая государыня, мы попали в руки преступников, какое я мог иметь представление об этом!". Это-письменное показание, данное под присягой Шнивельсом.

Вчера я упомянул три документа, а именно доклад Шахта во Франкфурте 9 ноября о "Географии и статистике", затем сочинение Шахта о колониальной проблеме и речь Шахта в Кенигсберге. Я передал эти документы, а именно доклад о "Географии и статистике" во Франкфурте, документ № 19 немецкой книги документов, стр.48, английский текст - стр.54; сочинение о колониальной проблеме-документ № 21 на стр.53 немецкого издания и на стр.59 - английского издания; и речь в Кенигсберге,документ № 25 моей книги документов, стр.66 немецкого издания и стр.73 английского издания.

Итак, доктор Шахт, мы остановились на середине 1934 года, т.е. незадолго до того, как Вы стали министром экономики, а, когда Вы действительно стали министром хозяйства, ~~то~~ — Вам были известны события 30-го июня 1934 г. и их легализация через кабинет?

9887

H1200-0006

H1200-0007

Скажите, были ли у Вас сомнения по поводу вступления в кабинет, или какие соображения побудили Вас отогнать от себя эти сомнения?

ШАХТ. Если бы речь шла о моем личном спокойствии и о моих личных удобствах, было бы очень просто не принять эту должность, отказаться от нее. Я, конечно, спрашивал себя - какую пользу принесет это дальнейшему развитию немецкой политики. Мы находились уже тогда в такой стадии, когда вся - кая открытая оппозиция и критика по отношению к гитлеровскому правительству была уже невозможна. Нельзя было созывать собраний, нельзя было создавать обществ, каждое замечание прессы было проверено цензурой, и Гитлер своей политикой террора не давал возможности для образования какой-либо политической оппозиции, без которой не может жить ни одно правительство. Была только одна единственная группа людей, ко - торая имела возможность критиковать и создать оппозицию и предотвратить проведение вредных и ошибочных мероприятий, и это как раз было само правительство. С сознанием этого я вступил в правительство и я надеялся, что со временем я найду поддержку (со стороны немецкого народа) и опору в лице немецкого народа. В Германии имелась еще большая масса умственных работников: профессо - ров, ученых и преподавателей, про которых нельзя было ска - зать, что они подчинятся этому насильственному режиму. Кроме того, было большое количество промышленных предпринимателей, экономистов, про которых также нельзя было сказать, что они подчинят управление своих предприятий антиэкономическому насилию, и поэтому я надеялся найти в этих кругах известную поддержку, которая дала бы мне возможность в самом прави - тельстве добиться тормозящего и регулирующего влияния, т.е. я хочу сказать, что я вступил в кабинет Гитлера не с чувст-

вом величайшего воодушевления, а с чувством необходимости дальше работать на благо немецкого народа и что торможение и исправление неправильных мероприятий можно производить только, будучи членом правительства.

ДИКС. Скажите, а в самой партии вообще не было никаких оппозиционных течений?

ШАХТ. Я должен сказать, что и в самой партии было много честных элементов, т.е. я хочу сказать, что даже большинство, и большая часть немецкого народа присоединилась к партии, руководствуясь хорошими желаниями, гонимая нуждой, которая выпала на долю немецкого народа. Я должен сказать здесь, например, про СС, что сначала в СС вступило много честных людей, так как Гиммлер создал видимость того, что организация СС борется за хорошие идеалы. Я вспоминаю книгу с характерным названием "Создайте хороших парней", вышедшую в то время. Эту книгу написал эсэсовец. С течением времени Гитлер сумел в самой партии и во всех ее организациях соб - рать вокруг себя все плохие элементы, он сумел привязать их к себе и, я сказал бы, привязать их сознательно тем, что он совершенно сознательно использовал все ошибки или проступки этих людей для того, чтобы неразрывно связать их с собой.

Я говорил вчера о пьянстве, как о составной части нацистской идеологии; я делал это не для того, чтобы унизить кого-либо лично, а по другой совершенно ясной причине. Я должен заметить, что в ходе событий большое количество членов партии, попавшихся в сети Гитлера и находившихся на руково - дящих постах, постепенно стали с ужасом осознавать последствия своей неправоты и преступных действий, на которые их подстрекала существовавшая система. У меня было такое чувство,

9889

H1200-0008

H1200 – 0009

что эти люди будут стараться заглушить голос своей совести такими большими пороками, т.е. они станут прятаться от своей собственной совести, что их действия нужно именно и рассматривать как попытку спрятаться от своей совести. Иначе нельзя, например, объяснить то большое количество самоубийств, которое имело место в конце существования этой системы.

ДИКС. Вам известно, что вас обвиняют в том, что вы были членом заговора, который ставил своей целью незаконно нарушить мир. Скажите, Вы получали когда-либо сведения о каких-либо секретных соглашениях, тайных приказах или инструкциях, которые преследовали подобную цель?

ШАХТ. Лично про себя я могу сказать, что я никогда не получал каких-либо приказов или даже пожеланий, которые содержали бы в себе что-либо несправедливое и нечестное. Гитлер никогда не давал мне подобного рода заданий, т.к. ему было определенно известно заранее, что я не выполню его, поскольку это не будет находиться в соответствии с моей совестью. Но я никогда не замечал и не наблюдал, чтобы мои коллеги-министры или кто-нибудь из руководящих работников, которые не принадлежали к узкому кругу друзей Гитлера - этих я не мог контролировать, - чтобы эти люди, министры и другие лица, с которыми я соприкасался, когда-либо говорили о том, что могло бы преследовать преступные военные цели. Напротив, мы всегда очень радовались, когда, например, Гитлер произносил свои большие речи, в которых он уверял не только весь мир, но и немецкий народ в том, что он ничего другого не хочет, кроме мира и мирного труда. То, что он и здесь обманул многих своих сотрудников и весь немецкий народ, относится к вопросам, которые я уже освещал вчера.

ДИКС. Скажите, вы когда-либо - конечно, кроме обычной присяги чиновников - давали какую-либо клятву или брали на себя какие-либо обязательства по отношению к партии или какой-либо другой национал-социалистской организации.[2]

ШАХТ. Нет, я не давал ни одной присяги и не принимал на себя никаких обязательств, кроме присяги чиновника по отношению к главе государства.

ДИКС. Скажите, Вы были в близких отношениях с руководящими национал-социалистами, например, с Гитлером или Герингом?

ШАХТ. Извините, я понимаю под близкими отношениями - дружественные отношения с этими людьми. Я должен сказать,что с Гитлером у меня никогда не было таких отношений. В первое время он настоятельно просил меня присутствовать во время обеда в его рейхсканцелярии, где он обедал в узком кругу своих друзей. Я дважды пытался принять его предложение, присутствовал два раза на обеде, но я должен сказать, что меня оттолкнули не только темы разговоров, которые велись за столом,и не только то низкопоклонство, которое проявлялось по отношению к Гитлеру, но и то, что мне было неприятно все общество. Я больше никогда не ходил туда.

Я лично никогда не бывал у Гитлера. Я, конечно, принимал приглашения на приемы, на которых присутствовали все министры, дипломатический корпус, высшие чиновники и т.д., но у меня не было дружественных отношений с Гитлером. То же самое относится и к другим господам. Само собой разумеется, что в первые месяцы нашего знакомства мы иногда посещали друг друга, но все собрания и встречи в обществе, которые имели в то время место, носили более или менее официальный характер. О дружественных, личных отношениях не может быть и речи.

2821

H1200 – 0010

H1200 – 0011

ДИКС. Скажите, этот ответ относится также и ко всем руководящим деятелям нацизма?

ШАХТ. Да, безусловно, ко всем.

ДИКС. Когда Вы, например, говорили в последний раз со следующими лицами. Возьмем сначала Бормана.

ШАХТ. Слово "сначала" наводит меня на мысль, что Вы собираетесь упоминать других лиц.

ДИКС. Да, я хочу еще спросить о Гиммлере, Гессе, Лее и Риббентропе.

ШАХТ. Вследствие этого я хотел бы предварительно сказать следующее: Когда по окончании похода во Францию Гитлер вернулся как победитель-триумфатор из Парижа, то мы, т.е. все министры, рейхслейторы, прочие руководители партии, по-моему, статс-секретари, получили приглашение прибыть на Ангальтский вокзал, чтобы встретить там Гитлера и приветствовать его. Так как я в то время был в Берлине, то я не мог отказаться от этого приглашения. Это было в 1942 году, и между Гитлером и мной уже давно существовал конфликт. Это было бы просто оскорблением, если бы я остался дома. Поэтому я пошел туда и увидел там много руководящих работников партии, министров и других. Я всех уже не помню.

ДИКС. Извините, что я вас прерываю. Я не слишком хорошо помню фильмы, особенно всякие журналы, но мне кажется, что эта встреча демонстрировалась на экране в виде журнала, и что Вы-один из всех присутствовавших были одеты в гражданское платье.

ШАХТ. Я не видел этого фильма, но мои друзья рассказывали мне об этом, и как раз они упоминали то обстоятельство, что я среди всех людей в блестящей форме одежды один был в

H1200 – 0012

гражданском костюме. Этот фильм может показать, кто там присутствовал. Я лично упомянул об этой встрече потому, что я там, возможно, многим сказал:"доброе утро", спросил:"как дела?" и т.д. Я помню даже, что я поехал туда в машине вместе с подсудимым Розенбергом, так как все сидели по-двое в машине. Но затем я не принимал участия в приеме, который имел место в имперской канцелярии. Розенберг пошел туда, а я сказал: "Мне не хочется итти туда, я поеду домой".

ДИКС. Таким образом я могу предполагать, что Вы видели Гесса, Лея, Риббентропа, Розенберга, Фрика, Франка, Шираха, Шпеера, Заукеля, Зейсс-Инкварта, Кальтенбруннера тогда, вероятно, в последний раз?

ШАХТ. Возможно, что они все присутствовали там, но я ни с кем из них не говорил, кроме как с самим Гитлером.

ДИКС. Вы говорили тогда с Гитлером?

ШАХТ. Гитлер заговорил со мной; надо сказать, что это удивительное событие в моей жизни. Мы все стояли на вокзале, Гитлер довольно быстро прошел среди рядов, и когда он увидел меня, ~~то~~ он подошел ко мне с улыбкой победителя, подал мне дружески руку, - чего я уже давно не видел, - и сказал: "Ну, господин Шахт, что же Вы скажете теперь?" Конечно, он ожидал, что я скажу ему что-либо, будь это поздравление или восхищение, что я признаюсь, что я был неправ в своих все - возможных "предположениях" о войне и о военном счастьи, о которых он хорошо знал, так как он знал мое отношение к войне, - что я признаюсь, что я был неправ. Мне было чрезвычайно трудно избежать ответа, и я подыскивал выражения, которыми я мог бы ответить на его вопрос. Я ему ответил: "Я могу только сказать Вам: Да хранит Вас бог". Это-единствен-

9893

H1200 – 0012

H1200 – 0013

ное, что я сказал в этот день. Мне кажется, что я не мог отделаться от Гитлера ничем другим, как именно таким незначительным нейтральным замечанием.

ДИКС. Но ...

ШАХТ. Может, мы теперь перейдем к вопросу о других лицах. Я буду Вам говорить о каждом, когда я говорил с ним в последний раз.

ДИКС. Начнем с Гиммлера.

ШАХТ. Я думаю, что с Гиммлером я говорил в последний раз в 1936 году.

ДИКС. Гесс?

ШАХТ. Гесс. Ну, я исключаю то, что я говорил с ним здесь, в тюрьме. С Гессом я не говорил еще задолго до начала войны.

ДИКС. Лей?

ШАХТ. Лея я тоже не видел с начала войны.

ДИКС. Риббентроп?

ШАХТ. Риббентропа я видел в последний раз в то время, как я был выброшен из имперского банка, так как я должен был говорить с ним о предстоящей поездке в Индию. Это было в феврале 1939 г. После этого я с ним больше не разговаривал.

ДИКС. А с Розенбергом?

ШАХТ. С Розенбергом, исключая этот прием у Гитлера, я не говорил, наверное, с 1936 года.

ДИКС. Фрик?

ШАХТ. Фрика я видел, очевидно, в последний раз в 1938 году.

ДИКС. Ширах?

ШАХТ. Шираха я вообще не знал.

ДИКС. Шпеер?

H1200 – 001A

ШАХТ. Шпеера я видел и говорил с ним в последний раз (я могу это сказать совершенно точно), когда я поехал на международную выставку в Париж, значит, в 1937 году.

ДИКС. Вы, конечно, исключаете разговоры с ними здесь, в тюрьме?

ШАХТ. Да, безусловно, здесь я с ними, конечно ...

ДИКС. Заукель?

ШАХТ. Заукеля я не видел с начала войны.

ДИКС. Зейсс-Инкварт?

ШАХТ. Зейсс-Инкварта я видел, по-моему, в 1936 году, когда я был в Австрии, при посещении своего коллеги из национального банка.

ДИКС. Кальтенбруннер?

ШАХТ. Кальтенбруннера я увидел впервые здесь, в тюрьме.

ДИКС. Ну, хорошо, о Кальтенбруннере мы еще поговорим. А Франк?

ШАХТ. Франка я видел в последний раз в 1937-1938 году.

ДИКС. Это было, очевидно, во время произнесения речи, о которой Вы вчера упоминали?

ШАХТ. Да, возможно, я говорил с ним еще на каком-нибудь официальном приеме, но мне кажется, что после 1938 года я с ним больше не говорил.

ДИКС. Скажите, как обстояло дело с руководящими армейскими работниками, ну, например, с Кейтелем?

ШАХТ. Нет, с Кейтелем я не имел никакой связи. Возможно, что я встречал его в каком-либо обществе, но, во всяком случае, после 1938 г. я его не видел.

ДИКС. Иодль?

ШАХТ. С господином Иодлем я познакомился в тюрьме.

ДИКС. Дениц?

ШАХТ. С господином Деницем я также познакомился в тюрьме.

ДИКС. Редер?

ШАХТ. Господина Редера я знал ранее; в начале нашего знакомства мы делали друг другу семейные визиты, которые носили полу-

H1200 – 0014

H1200 – 0015

официальный характер,но были исключительно дружескими.Мне кажется, что с 1938 года я не видел его и не говорил с ним.

ДИКС. Браухич?

ШАХТ. С Браухичем я не говорил с 1939 года или даже с 1938 года – после аферы Фрича.

ДИКС. А Гальдера?

ШАХТ. Я видел Гальдера,как Вам известно,в 1938 году осенью,в связи с путчем осенью 1938 года,а после я его не видел.

ДИКС. Скажите,как часто вы видели Гитлера после ухода с должности президента имперского банка в январе 1939 года?

ШАХТ. Я видел Гитлера в январе 1939 года еще один раз,так как я должен был с ним переговорить о моей дальнейшей деятельности.И он,Гитлер,попросил меня совершить большое путешествие,которое я все время хотел совершить. Он сказал,что теперь я могу сделать большое путешествие для того,чтобы не так много было разговоров по поводу моего ухода из имперского банка.Мы остановились на поездке в Индию. Тогда же я видел там в последний раз Геринга. А затем – после возвращения в августе я его не видел – началась война и во время войны я видел его два раза. Нужно ли рассказывать об этом?

Первый раз я видел его в феврале 1940 года.Я тогда получил задание от различных американских журналов и газет высказаться в печати о том,каково мнение Германии по отношению к обстановке ,о желаниях Германии и положении в Германии. Я чувствовал,что я могу это сделать,но ввиду того,что мы находились в состоянии войны,я не мог этого сделать,не сообщив об этом министру иностранных дел. Министр иностранных дел сказал,что он ничего не имеет против,если я напишу статью в американский журнал,но он просил меня перед отправкой представить ему эту статью для цензуры. У меня,конечно,не было никакой заинтересованности в этом и я не написал этой статьи. Но из Америки все время поступали новые запросы и я сказал себе, что мне недостаточно поговорить только с министром иностранных дел,

я должен сказать это Гитлеру. И с этой целью я посетил Гитлера. Он меня принял очень быстро и я рассказал ему о моих переговорах с Риббентропом, а затем я сказал ему, что я считаю эти статьи очень полезными, но мне кажется, что целесообразно будет иметь специального человека в Америке, который мог бы раз'яснять общественности, то-есть в прессе, цели и стремления Германии. На Гитлера эта моя идея произвела большое впечатление и он сказал, что он поговорит по этому вопросу с министром иностранных дел.

Из этого дела впоследствии ничего не вышло. Я через посредство подсудимого Функа, который беседовал с Риббентропом на эту тему, попытался получить ответ, по крайней мере, от Риббентропа. Риббентроп передал мне через Функа ответ, в котором говорилось, что еще слишком рано принимать такие меры.

Это было в 1940 году. Затем я посетил Гитлера в феврале 1941 года и ...

ДИКС. Извините, я Вас прерываю, чтобы здесь не возникло недоразумения. Скажите, если бы Гитлер дал свое согласие и Вы бы попали в Америку, то что бы Вы делали? Скажите вкратце. Я хочу, чтобы все было понятно.

ШАХТ. Я должен сказать, что в моем предложении я не имел в виду себя, я предложил вообще, но, разумеется, я бы с удовольствием поехал в Америку, если бы я одновременно имел возможность ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал считает, что несущественно знать, что бы сделал ~~обвиняемый~~ подсудимый, если бы что-то случилось, чего не случилось.

ДИКС. Хорошо. Я хотел только избежать некоторых ошибок. Теперь о втором посещении.

ШАХТ. В феврале 1941 года я еще раз посетил Гитлера по личному делу. Я потерял в 1940 году свою жену и хотел еще раз

H1200 – 0016

H1200 – 0017

жениться и, будучи министром без портфеля, - я все еще был им, - я должен был сообщить о своем намерении рейхсканцлеру и главе правительства; поэтому я посетил его. Но мы не разговаривали о политических вопросах в этом случае. Когда я уходил от фюрера, он сказал мне: "Вы когда-то намеревались, вернее, советовали мне, чтобы я послал кого-либо в Америку, но, мне кажется, что теперь уже слишком поздно". На это я ему тотчас же ответил: "Конечно, теперь уже поздно". Это было единственное политическое замечание, все остальное относилось к моей женитьбе. С этого дня я больше не видел Гитлера.

ДИКС. А как дело обстояло с Герингом?

ШАХТ. Геринга я также не видел с 1939 года.

ДИКС. Теперь я перехожу к моменту, который неоднократно упоминался обвинением, а именно к вопросу о пропагандистском влиянии Вашего участия в партийных с'ездах. Я напоминаю Вам о том, что говорил судья Джексон в своей вступительной речи. Я перевожу сам на немецкий язык, так как у меня нет немецкого текста: "Может ли кто-нибудь поверить, ~~когда~~ что Гельмар Шахт, сидевший в первом ряду на партийном с'езде со значком партии на груди, ~~я думаю, что он~~ был включен в нацистский фильм, только для художественного эффекта. ~~который затем был выпущен без специальной цели~~. Этот великий мыслитель, ~~внося~~ дав свое имя ~~в~~ этому ~~избитое~~ надоевшему предприятию, придавал ему ~~почтительность~~ респектабельность в глазах каждого сомневавшегося немца".

Вы скажете что-либо по этому поводу?

ШАХТ. Сначала я внесу несколько поправок. Я должен сказать, что в 1935 году у меня не было никакого партийного значка. Во-вторых, сомневавшихся немцев в 1935 году было очень мало, так как в 1935 году господство Гитлера уже окончательно установилось. Конечно, были такие люди, которые, так сказать, отходили от

2828

Гитлера, но не было ни одного, который бы приходил к нему. Я должен принять за комплимент, то, что меня представили как величину в политическом отношении, как мыслителя и т.д. Мне кажется, что я уже в достаточной мере осветил причины, почему я работал в гитлеровском кабинете, так что мне не следует возвращаться к этому еще раз. То обстоятельство, что в первые годы я не мог отсутствовать на партийных с'ездах, вполне об'яснимо, так как эти партийные с'езды были с внешней стороны центрами всей деятельности Гитлера и в них участвовали не только министры, но и многочисленные представители. Разрешите мне сказать еще?

Я должен еще сказать, что я не участвовал в дальнейших партийных с'ездах. Например, я не участвовал в партийном с'езде в 1935 году, о котором упоминает Обвинение, я вообще не присутствовал на нем, - речь идет как раз о том с'езде, на котором были приняты нюрнбергские законы о евреях, - и поэтому я случайно знаю о нем. Я не был тогда в Нюрнберге. Я участвовал на партийных с'ездах в 1933-1934 г.г. и я не помню точно, участвовал ли я на партийных с'ездах в 1936 и 1937 г.г. Я думаю, что в 1936 г. я все-таки присутствовал. На последующих же партийных с'ездах я отсутствовал. А на последнем партийном с'езде, о котором я говорил, я был только в день вооруженных сил.

ДИКС. Вы уже упомянули, что на этих партийных с'ездах присутствовали иностранцы. Были ли там представители дипломатического корпуса?

ШАХТ. Я думаю, что, за исключением советского посла и американского посла, все остальные руководящие и иные дипломаты в течение многих лет посещали эти партийные празднества, причем они были в полной форме и сидели в первых рядах.

ДИКС. Как об'яснить это явление? Ведь сам по себе дипломатический корпус должен был присутствовать только на государ-

H1200 – 0018

H1200 – 0019

ственных приемах. Здесь же речь идет чисто о партийном мероприятии. Как об'яснить их присутствие на с'ездах?

ДЖЕКСОН. Господа судьи, я хотел бы ~~изложить следующее~~ заявить возражение; ~~так как я не испытываю в данном случае никакого затруднения~~, если вообще ~~есть~~ какое-либо ~~затруднение~~: этому свидетелю говорить о поведении послов других стран, выражать мнение о том, что делали послы, значит, утверждать то, что не имеет абсолютно никакой доказательной силы. Его заявление о том, что они присутствовали на партийном с'езде, с которым он связывает и свое мнение, мне кажется, не имеет никакой доказательной силы. Я не возражаю против того факта, что они присутствовали на с'езде, но мне кажется, что ему незачем выражать свое мнение, если только у него нет каких-то фактов; я хочу внести ясность, я не возражаю против каких бы то ни было фактов, известных этому свидетелю, и я не возражал против большинства его мнений, которые мы слышали в течение весьма продолжительного времени; но я думаю, что ему давать характеристику деятельности иностранных представителей, т значит, уже переходить границу относящихся к делу и существенных показаний.

ШАХТ. Господин защитник, могу ли я сделать одно замечание по этому поводу?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я думаю, доктор Дикс, что мы лучше будем продолжать.

ДИКС. Да, конечно. Я просил бы разрешить мне коротко ответить мистеру Джексону, и не из упрямства, а потому, что мне кажется, что если я сейчас отвечу, мы избежим дальнейших дискуссий по этому поводу и дальнейшей траты времени. Я не спрашивал о мнении свидетеля по этим вопросам. Конечно, мистер Джексон прав, что свидетель не призван высказывать свое мнение об обычаях дипломатов, но я просто спросил его о том, как тогда

расценивалось участие дипломатов в с'ездах. Я считаю это важным по той причине, что - и это будет все время повторяться в продолжении моего допроса, поэтому я говорю об этом уже сейчас, - для характеристики всей оппозиционной борьбы, которую вел подсудимый и его друзья, важно, кто их поддерживал морально, духовно и кто их не поддерживал. В этом вопросе имеет, конечно, колоссальное значение поведение официальных иностранных представителей. Можно поддерживать такую оппозиционную группу, можно нейтрально относиться к ней и можно противодействовать ей из-за границы.

Только поэтому я поставил этот вопрос и считаю себя обязанным в дальнейшем остановиться на этом вопросе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Дикс, я не думаю, что господин судья Джексон возражал против самого того факта, что там присутствовали дипломатические представители. Он возражает только против комментариев о причинах их присутствия там. Если вы хотите доказать лишь факт их присутствия там, то я не думаю, что господин судья Джексон возражал против этого. Но подсудимый намеревался выразить свое мнение о причинах присутствия там дипломатических представителей.

ДИКС. Я думаю, что мне не следует отвечать на этот вопрос. Подсудимый уже сказал, что он не хочет далее давать об'яснения по этому вопросу, но если Вы позволите мне, то я буду продолжать.

~~В этой связи~~. В то время, до этого и после, Вы, очевидно, в служебном или частном порядке встречались с выдающимися представителями заграницы. Какую позицию они занимали в этот период укрепления власти национал-социалистов по отношению к ходу развития событий?

(К микрофону подходит судья Джексон).

9201

H1200 – 0020

H1200 – 0021

ДЖЕКСОН. Господа судьи! Я не люблю прерывать судебное разбирательство возражениями, но я не могу понять, каким образом тот факт, что видные иностранцы могли быть обмануты режимом, который подсудимый старался рекламировать, прикрывая его своим именем и авторитетом, может оправдывать действия подсудимого или помочь ему. Без сомнения, там были иностранцы, я готов настаивать на том, что там были иностранцы, как например, Далерус, которые были обмануты этой инсценировкой, в которой свидетель играл видную, но не очень красивую роль. Но мне кажется, что, если мы ~~собираемся~~ будем ~~ими~~ сейчас обсуждать отношение иностранцев, ~~нас не могут ни~~ которые здесь не привлекались к ответственности, ~~ни~~ и не обвиняются ~~тем, что мы подходим к~~ мы вступим в область бесконечных вопросов. Однако я не нахожу уместными такого рода показания.

Вопрос здесь, как я стремился указать доктору Диксу, заключается в том, что единственным обвинением, выдвинутым против этого подсудимого, является его участие в заговоре с целью втянуть народ в войну и совершать военные преступления и преступления против человечности, сопутствующие ей.

Поэтому я не вижу, каким образом положение иностранцев оправдывает подсудимого или помогает суду решить вопрос. Если это помогает, то я, конечно, не возражаю, но я не могу понять важности этого на данной стадии процесса.

ДИКС. Я думаю, что мистер Джексон ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минуту, доктор Дикс. Что именно Вы спрашивали сейчас? К чему относился Ваш вопрос?

ДИКС. Я спросил, какую позицию занимали выдающиеся заграничные деятели, с которыми встречался Шахт как по службе, так и вне службы. Какую позицию занимали эти люди в этот период укрепления власти по отношению к этой власти, симпатизировали ли они ей или они не признавали ее; короче говоря, как повлияли эти

иностранцы на ход мыслей Шахта?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Дикс! Я думаю, что Вам известно, что спрашивать свидетеля относительно его мнения касательно отношения других лиц является слишком общей формой вопроса. Отношение - что значит это слово? Это слишком общо, и я не понимаю, что именно Вы стремитесь доказать?

ДИКС. Я хочу уточнить этот вопрос. Какое оказывали на Вас, доктор Шахт, вцияние заграничные деятели, с которыми Вы обменивались мыслями, и как это повлияло на Вашу точку зрения и на Вашу позицию? Это—личное дело д-ра Шахта, о котором может рассказать только сам д-р Шахт. Я хочу, милорд, совершенно открыто назвать доказательство, которое кажется защите очень важным и которому будет способствовать этот вопрос. Я не хочу ничего скрывать. Я, т.е. защита, утверждаю, что та оппозиционная группа, о которой говорил уже Гизевиус и членом которой был Шахт, не только не получала поддержки из-за границы, но даже, напротив, у этой группы создавались трудности в борьбе. Это—не критика иностранных правительств. Нет сомнения, что те люди, которые представляли правительства этих стран, занимали такую позицию сознательно по указанию своих стран. А поведения членов этой оппозиционной группы было очень важно знать, как относилась заграница к существовавшему режиму, признавала она его или поддерживала, или она по мере возможности выражала свое несогласие с его политикой сдержанностью и этим самым укрепляла позиции этой оппозиции. Это - тема моей защиты и она играет для нас, защиты, большую роль. Я называю ее совершенно открыто и заявляю, что я в рамках возможного буду бороться за освещение этой темы.

(Члены Трибунала совещаются).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Дикс, Трибунал рассмотрел Ваши доводы и считает, что расследование этих фактов будет тратой времени

H1200 – 0022

H1200 – 0023

и здесь неприменимо. Поэтому я прошу продолжать дальнейший допрос подсудимого.

ДИКС. Доктор Шахт! Вы поддерживали вооружение, осуществляя его финансирование средствами имперского банка. Почему Вы это делали?

ШАХТ. Я считал, что для Германии совершенно необходимо добиться равноправия на международной арене, и я до сих пор того же мнения. Для этого было необходимо, чтобы наступило всеобщее разоружение, которое было обещано союзниками, или чтобы добиться равноправия, Германия должна была вновь вооружаться в необходимых размерах.

ДИКС. Доктор Шахт, скажите, вся эта финансовая помощь банка производилась только с Вашего разрешения и на это согласилась также и дирекция имперского банка?

ШАХТ. В имперском банке никогда не существовал принцип фюрерства. Я всегда был против введения этого принципа в дирекцию банка. Имперский банк руководился коллегией, в которой все члены имели равное право голоса. В случае равенства голосов, голос председателя давал перевес. Больше прав председатель в этом отношении не имел.

ДИКС. Нам известен аффидевит бывшего директора имперского банка Пуля. Способствовал ли Пуль - я спрашиваю с учетом содержания известного Трибуналу аффидевита, - финансовой помощи имперского банка, оказывавшейся для вооружения?

ШАХТ. Господин Пуль принимал участие во всех решениях, которые выносила дирекция банка, и ни разу не возражал.

ДИКС. Скажите, известно ли Вам, что эта финансовая помощь оказывалась путем использования так называемых векселей + Мефо. Обвинение много раз обсуждало этот вопрос и в вышеупомянутом аффидевите Пуля говорится, что этот метод дал возможность держать в секрете размеры вооружения. Это верно?

ШАХТ. О секретности вооружения вообще не может быть никакой речи. Я ссылаюсь на некоторые документы, которые были представлены самим Обвинением как доказательство. Сначала я зачитаю выдержку из аффидевита Джорджа Мессерсмита от 30 августа 1935 года № 2345-ПС. На странице 3-й, строка 19, говорится: "Как только нацисты пришли к власти, они стали проводить в жизнь чудовищную программу вооружения". На странице 8-й сказано, что "громная программа вооружения, которая никогда не была секретна ...." и т.д. Я думаю, что господин Мессерсмит, который был тогда в Берлине, знал все это и информировал об этом соответствующим образом своих коллег. Это-дневник посла Додда, где от 19 сентября 1934 года говорится (я цитирую по-английски, так как у меня только английский текст): "Когда Шахт заявил, что немцы не столь уже интенсивно вооружаются, я сказал: "В январе и феврале прошлого года Германия приобрела у американских авиационных фабрикантов высококачественные военные самолеты ~~высокого качества~~, заплатив золотом один миллион долларов". (Конец цитаты). Это собеседование, о котором пишет Додд, имело место в сентябре 1934 года между мной и им, где он указал на то, что мы уже в январе-феврале 1934 года покупали военные самолеты ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас об'явим перерыв.

(Перерыв на 10 минут).

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал хотел бы знать сколько времени у

H1200 – 0024

H1200 – 0025

Вас еще займет допрос подсудимого? Вы уже допрашивали его почти целый день. Трибунал считает, что в связи с положениями, имеющимися в Уставе, допрос подсудимого должен быть закончен, по крайней мере, в один день.

ДИКС. Милорд, я очень неохотно делаю две вещи: предсказываю то, что после не сбывается, или обещаю то, чего я не могу выполнить. И на Ваш вопрос я отвечаю, что я считаю совершенно невозможным кончить сегодня свое выступление. Я очень хорошо знаком с регламентом суда, но, с другой стороны, я прошу учесть, что Обвинение пыталось доказать виновность Шахта с помощью многочисленных документов, прямых и косвенных улик, и я считаю своим долгом высказаться по каждому доказательству в отдельности. Я прошу Суд тщательно взвесить мои вопросы, и если Суд выскажет мнение, что они не относятся к делу, то я подчинюсь этому решению. Но мне кажется, что я не только имею право, но и обязан поставить все те вопросы, которые будут содействовать опровержению доказательств Обвинения. Так что совершенно определенно, что сегодня я не закончу допроса, и я был бы очень благодарен, если бы меня не заставляли предсказывать. Очень может быть, я закончу завтра в первой половине дня, может быть, это займет целый день, во всяком случае, я буду стараться ставить только вопросы, относящиеся к делу. Если Трибунал найдет тот или иной вопрос не относящимся к делу, я прошу сказать тогда мне об этом после того, как я изложу свои соображения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Переходите сейчас к допросу, доктор Дикс, и, если Трибунал найдет, что Ваши вопросы слишком длинны или не относятся к делу, мы Вас остановим.

ДИКС. Итак, господин доктор Шахт, мы остановились на

H1200 – 0026

векселях Мефо, как ~~судебном~~ удобном средстве для сохранения в тайне процесса вооружения. Что Вы можете еще добавить по этому вопросу?

ШАХТ. Сохранение в тайне само по себе не было связано с фактом вооружения, так как эти мефо-векселя давались каждому поставщику как средство оплаты. И таких мелких и крупных поставщиков во всей стране имелись сотни и тысячи. Кроме того, эти векселя прежде, чем они были доставлены в имперский банк, ходили в течение по меньшей мере 3-х месяцев среди населения и поставщики, которым нужны были деньги, использовали эти векселя для получения аванса в банке. Таким образом, вся банковская система Германии участвовала в дисконтировании этих векселей. Далее, я хотел бы сказать, что все векселя Мефо, которые принимал имперский банк, смотря по обстоятельствам, прошли регистрационные книги. Далее, я хотел бы прибавить, что сохранение в тайне государственных расходов, - а расходы на вооружение и были государственными расходами, - было делом не президента имперского банка, а имперского министра финансов. Министр финансов гарантировал векселя Мефо, и, если он не опубликовал сообщения относительно этих гарантий, то это его дело, а не мое. Я не отвечал за это, за это нес ответственность только имперский министр финансов.

ДИКС. В отношении моего второго вопроса, милорд, можно сомневаться, относится ли он к делу или нет. Лично я считаю этот вопрос не имеющим значения для решения этого процесса, но, поскольку этот вопрос обсуждался Обвинением, я считаю себя обязанным представить доктору Шахту удобный случай для оправдания и ответа.

9917

H1200 – 0026

H1200 – 0027

Обвинение утверждает, что обеспечение векселей Мефо с точки зрения солидности финансовой системы является очень сомнительным. Конечно, можно защищать такую точку зрения, можно утверждать, что это было допустимо ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Задавайте только вопросы, д-р Дикс. Задавайте вопросы.

ДИКС. Вы же слышали, к чему я веду речь.

ШАХТ. Само собой разумеется, что в обычное время и при нормальной конъюнктуре экономики нет необходимости прибегать к таким методам, как система векселей Мефо. Если же находишься в очень затруднительном положении, то всегда применяется этот метод и он является такой политикой, которую рекомендуют все специалисты. Он заключается в том, чтобы эмиссионные банки с помощью дешевых денег заботились о правильном разрешении кредита для соответствующего поддержания экономики. Само собой разумеется, что операция с векселями Мефо была очень рискованной, но если она связана с разумной финансовой политикой, то она является абсолютно не рискованной и в доказательство этого я скажу, что если бы Гитлер после 1937 года не воспрепятствовал оплате этих векселей - деньги были налицо, - то эта система доказала бы свою полную состоятельность, как я это и предусматривал. Но г-н Гитлер предпочел отказаться от оплаты всех этих векселей и приказал вместо них использовать имеющиеся деньги на дальнейшее расширение вооружения. Я не мог предусмотреть, что он и здесь в чисто коммерческом деле не сдержит своего слова.

ДИКС. Но ведь, если бы векселя были оплачены, то тогда не хватило бы денег для дальнейшего развития вооружения и вооружение должно было бы быть приостановлено. Напрашивается такой вывод.

ШАХТ. Это было целью моего последующего отказа. Я уже говорил, что если векселя Мефо не будут оплачены, то по чьей-нибудь злой воле тогда будет продолжаться вооружение, а этого не должно было быть.

ДИКС. Вы уже раньше в другой связи высказывались относительно того, что вооружение держали в секрете. Вы можете что-нибудь добавить по этому вопросу?

ШАХТ. Мне кажется, что здесь в общем можно сказать, что вопросами государственного кредита не занимался президент имперского банка, а всеми вопросами финансов, расходом и приходом занимался министр финансов. Это было его обязанностью и он отвечал за это. Имперский банк еженедельно ~~за~~приходовал каждый вексель, который попадал к нему.

ДИКС. Это все, что вы можете сказать дополнительно по принципиальному вопросу о так называемом сокращении тайне вооружения?

ШАХТ. Да.

ДИКС. Вы только что об"яснили, почему вы в принципе были за вооружение. Можете ли вы что-либо дополнить?

ШАХТ. Да, по этому вопросу следует сделать несколько очень важных замечаний, поскольку этот вопрос является основным пунктом пред"явленного мне обвинения, ~~по~~ разрешите мне еще остановиться на этом.

Я считал разоруженную Германию, стоящую в центре Европы, окруженную хорошо вооруженными государствами, опасностью для мира, и я замечал, что остальные государства не только были вооружены, но они продолжали вооружаться дальше. Это относится к Чехословакии и Польше, которые ~~не~~ ранее не существовали, а дальнейшее вооружение относится, например, к вооружению английского морского флота, которое производилось в 1935 году и т.д. Я сам всегда - я хочу напомнить об этом еще раз - придерживался той точки зрения, что страна, которая не вооружена, не может обороняться и вследствие этого не может иметь никакого значения в международной сфере. Английский премьер-министр Болдуин сказал в 1935 году: "Страна, которая не намеревается предпринимать для своей же обороны необходимые предохранительные меры,

H1200 – 0028

H1200 – 0029

никогда не будет иметь ни моральной, ни материальной силы в этом мире". Я всегда рассматривал неравенство между Германией и окружающими ее державами как постоянную моральную угрозу для Германии.

Я также хотел бы заметить дальше – и это не является критикой с моей стороны, а только констатацией фактов,–что Германия находилась после Версальского договора в исключительно сложном положении. Положение в Европе было таковым, что, например, Россия состояла в скрытом конфликте с Финляндией и Польшей, которые включали в себе русские области, и с Румынией, у которой была Бессарабия; Румыния состояла в конфликте с Болгарией из-за Добруджи, с Венгрией – из-за Трансильвании; Сербия состояла в конфликте с ~~Венгрией~~ Венгрией, Венгрия почти со всеми соседними странами; Болгария с Грецией,–короче говоря, вся восточная Европа находилась в таком состоянии, когда каждую минуту можно было ожидать нового конфликта. К тому же следует добавить внутренние конфликты в целом ряде стран. Я напоминаю о конфликте между чехами и словаками. Я хочу также напомнить о гражданской войне в Испании. Это все делает понятным, что я считал совершенно необходимым, что, в случае какого-нибудь военного конфликта, для Германии совершенно необходимо защищать, по крайней мере, свой нейтралитет. Это не может быть обеспечено армией, состоящей из нескольких тысяч солдат; для этого должна была быть создана настоящая армия. Здесь, в тюрьме, мне случайно попала в руки номер газеты "Дейли Мейл" за апрель 1937 г., где как раз говорится об обстановке в Европе. И я могу здесь – я прошу разрешения – прочесть одно предложение. Я должен процитировать его на английском языке. Это предложение не выра-

жает мнения газеты, а отражает тогдашнее положение в Европе. Я цитирую:

"Все обозреватели соглашаются в том, что существует постоянная опасность нарушения мира и что сумасшедшие границы мирного договора не могут быть сохранены продолжительное время. И здесь основной осью Великобритании должно быть невмешательство. Какой жизненноважный интерес представляют для нас Австрия, Чехословакия, Румыния, Литва или Польша?"

Как раз эта фраза свидетельствует о том брожении, которое существовало в Европе. И в таком перегретом и постоянно грозящем взрывом котле находилась невооруженная Германия. Я считал это самой большой опасностью для моей страны. Теперь меня спросят, считал ли я, что Германии грозила какая-то опасность. Нет, господа судьи, я не считал, что ей непосредственно угрожала опасность какого-то нападения. Я также никогда не придерживался той точки зрения, что Россия нападет на Германию. Но мы пережили в 1923 году нарушение мира, и все это прошло, и настоящее положение заставляло всех, и в том числе меня, требовать равноправного положения Германии среди других государств и поддержки ее, в случае, если на нее нападут. Я полагаю, что мы остановимся еще на причинах, приведших к вооружению, на вопросе, как относилась к нам заграница и т.д.

ДИНС. Что вы тогда знали о стремлениях Германии обеспечить разоружение других государств? Играла ли ваша точка зрения значение для вашего решения?

ШАХТ. В основном я хочу сказать следующее. В принципе я не был за вооружение, я был лишь принципиально за равноправие Германии. Равноправие Германии могло быть

H1200 – 0030

H1200 – 0031

достигнуто лишь двумя путями: или с помощью разоружения других государств, или с помощью вооружения Германии. Я предпочел бы тогда, конечно, разоружение других государств, которое нам и было обещано. Вследствие этого я сначала, и даже в последующие годы, стремился избежать вооружения, если нам удастся добиться разоружения. Но разоружения других стран не последовало, хотя комиссия Лиги Наций по разоружению неоднократно говорила о том, что Германия выполнит свои обязательства в отношении разоружения.

Для всех нас, которые сидели тогда в национальном правительстве, и всех немцев, принимавших участие в политической жизни, было большим успокоением, что Гитлер в первые годы неоднократно настаивал на необходимости разоружения и предлагал провести его. Но уже теперь, спустя продолжительное время, можно сказать, что это было лишь ложью со стороны Гитлера, это было лишь предлогом. Но эта ложь была бы очень скоро понята, если бы заграница согласилась принять эти предложения. Я очень хорошо помню об этом, поскольку я присутствовал на большом приеме, когда министр иностранных дел Идеи в начале 1934 г. был в Германии. Во время бесед с ним ему делались совершенно конкретные предложения по вопросам разоружения Германии, но с тем условием, если другие государства также согласятся и полностью проведут разоружение. Ему было обещано, что все так называемые полувоенные организации /СС, СА, гитлеровская молодежь и т.д./ будут лишены своего военного характера, если только удастся тем самым добиться общего ~~ер~~ разоружения. Я мог бы привести много примеров и цитат относительно этих предложений по разоружению, но, чтобы не задерживать процесса, я могу отказаться от этого. Это всем известные высказывания государственных деятелей и

министров, а также послов и т.д., которые заявляли, что совершенно необходимо, чтобы обещание, данное союзниками, было выполнено, т.е. чтобы разоружение было проведено.

ДИКС. Простите, что я вас прерывал. Мы быстрее покончим с этим вопросом, если я попрошу суд принять к сведению документ № 12 /страница 31-я английского текста моей книги документов/, не зачитывал его. Это относящиеся к этому вопросу замечания: речи лорда Сесиля и др., речи министра иностранных дел Бельгии и т.д.Нам не нужно их зачитывать, они могут быть пред"явлены. Мы можем ссылаться на них.

Продолжайте, пожалуйста.

ШАХТ. Ну, тогда и я кончаю свое выступление. Я хочу лишь еще сказать, что Гитлер непрестанно делал такого рода предложения, но заграница не согласилась ни на одно из этих предложений и вследствие этого, к сожалению, осталась другая альтернатива, а именно вооружение, и я финансировал проводимое Гитлером вооружение и отвечаю за все, что я сделал в этом отношении.

ДИКС. Если я вас правильно понял, то из ваших слов можно сделать вывод, что вы, помогая и обеспечивая финансирование вооружения, имели при этом тактические соображения, а именно: снова придать актуальность вопросу разоружения, который тогда совершенно потерял свое значение.

ШАХТ. Я хотел бы упомянуть здесь один пример. Две партии заключают какой-то контракт. Одна партия нарушает этот контракт, а другая партия не имеет возможности заставить ее придерживаться этого контракта. Таким образом, второй партии не остается ничего иного, как также и со своей стороны нарушить этот контракт.

Это же самое сделала и Германия. Я это поддерживал и должен сказать, что я ожидал должного противодействия

H1200 – 0032

H1200 – 0033

со стороны других стран, как это всегда бывает в подобных случаях, т.е. я ожидал, что нам могут сказать: если и вы не придерживаетесь этого соглашения, давайте начнем вновь обсуждение этого контракта.

И я должен сказать, что для меня это было просто – я могу спокойно употребить это слово – разочарованием, когда началось вооружение Германии и другие страны не предприняли ничего против этого. Нарушение Версальского договора Германией было воспринято совершенно спокойно: ограничились лишь нотой протеста, никто не сделал ни малейшего шага, чтобы снова поставить вопрос о разоружении. Германии предоставили даже возможность не только спокойно вооружаться, но ей было дано такое право, на основании военно-морского соглашения с Великобританией, вооружаться, вопреки положениям Версальского договора. В Германию были посланы военные миссии, чтобы наблюдать за процессом вооружения, посещались военные заводы Германии. Делалось все, но только не для того, чтобы воспрепятствовать вооружению.

ДЖЕКСОН. Господа судьи, я не понимаю, для чего нужны все эти детали? Мы согласились с тем, что перевооружение здесь, за исключением его агрессивных целей, не существовало. И, как я сказал на открытии заседания, Соединенные Штаты не стремятся здесь судить проблему европейской политики и не ждут здесь решения этого вопроса Трибуналом. Единственный вопрос здесь – это Обвинительный Акт, обвинение в вооружении с целью агрессии.

Я не хочу вмешиваться в то, что подсудимый сообщает Трибуналу какие-то факты, имеющие отношение к его агрессивным намерениям, но подробности переговоров в области европейской политики, разногласий между правительствами, мне кажется, чрезвычайно далеки от познания, которое мы

H1200 – 0034

можем делать, а детали этого вопроса, мне кажется, не могут способствовать его разрешению, и, насколько я помню, были исключены Трибуналом в деле Геринга, если я не ошибаюсь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Видите ли, доктор Дикс, все это спорные вопросы, а спор - это не тема для показаний.

ДИКС. Мне кажется, милорд, что то, что сказал судья Джексон, является не совсем правильным, поскольку Шахт обвиняется за помощь в подготовке к агрессивной войне и эта помощь заключается в организации финансирования вооружения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжайте, доктор Дикс, и постарайтесь сократить допрос насколько возможно.

ДИКС. Мне кажется, что мы закончили этот допрос. Я хотел бы упомянуть о том, какие причины заставляли Шахта во время вооружения снова ставить вопрос о разоружении. По этому вопросу я ссылаюсь на документ № 36, стр. 141 немецкого текста и стр.149 английского текста. Это - письменные показания зятя доктора Шахта, доктора фон Шерпенберга. Я хочу обратить внимание на страницу вторую этого документа. Разрешите мне зачитать один небольшой абзац. Я могу даже ограничиться одним предложением.

"Шахт считал, что вооружение в определенных границах является единственным средством для того, чтобы восстановить вновь нарушенное равновесие в Европе и заставить другие европейские державы принять участие в ограничении вооружения, которое было игнорировано ими, вопреки Версальскому договору".

Эта цитата является обоснованием доктором Шерпенбергом тех высказываний, которые делал в то время Шахт, и

H1200 - 0034

H1200 – 0035

это обоснование не направлено на отступление, а оно передает содержание беседы, которую вел д-р Шперлинберг со своим тестем. Это я хотел добавить.

Относительно вооружения других государств, " в особенности Чехословакии и Польши," вы уже сказали. Можете ли вы нам сообщить что-нибудь в отношении того, знали ли вы или слышали что-либо определенное о вооружении этих государств?

ШАХТ. Я знаю, что в 1935 году Россией было об"явлено, что она намерена создать армию мирного времени в 960 тысяч человек. О Чехословакии было известно, что на первом плане у нее стояло строительство аэродромов. В отношении Англии мы знали, что она увеличивает свой военно-морской флот.

ДЖИС. Скажите, вы позднее уже совсем отказались от мысли о всеобщем разоружении?

ШАХТ. Наоборот, я использовал всякую возможность и, в особенности, во время бесед с представителями других государств, чтобы сказать, что нашей целью все еще должно быть разоружение, поскольку вооружение представляет собой большую тяжесть для народного хозяйства любого государства, что крайне нежелательно. Я помню об одной беседе, которая у меня была с американским послом Дэвисом. Относительно этой беседы Дэвис сообщает в документе, пред"явленном теперь суду, и как раз речь идет здесь о записях от 20 июня 1937 г., сделанных в Берлине, которые он использовал в своей книге "Миссия в Москву". Он в своей книге пишет, что он имел беседы со многими лицами, в частности, по вопросу разоружения, и я хотел бы здесь процитировать лишь одно предложение. У меня нет под рукой номера документа, но я знаю, что этот документ уже пред"явлен.

ДИКС. Это документ по делу Шахта № 18, стр.43-я - немецкий текст, стр.49-я - английский текст.

ШАХТ. Я читаю по-английски, поскольку у меня под руками только английский текст.

Дэвис пишет:

"Когда я изложил предложение президента (Рузвельта) об ограничении вооружения производством только оборонительного оружия, такого, которое солдат может носить на своем плече,- он /Шахт/ чуть не подпрыгнул от восторга". Конец цитаты.

Таким образом, из этого замечания посла Дэвиса ясно вытекает, что я полностью согласился с этими новыми попытками Рузвельта и приветствовал всякую инициативу, направленную на разоружение. В данном случае речь идет об инициативе президента Рузвельта.

В той же самой книге несколько дней спустя 26 июня 1937 г. Дэвис также пишет в письме к американскому президенту о беседе со мной. Разрешите зачитать небольшой абзац. Но мне придется снова читать по-английски.

"Затем я ему заявил /то-есть Шахту/, что во время беседы со мной президент проанализировал европейскую обстановку и заявил, что проблема может быть разрешена путем соглашения и договоренности между европейскими нациями, согласно которому вооружение должно ограничиться исключительно созданием оборонительной военной базы. Это должно быть достигнуто с помощью устранения авиации, танков и тяжелого вооружения - и ограничения вооружения таким оружием, которое солдат может нести на спине. Такое соглашение так же, как и его план, должно контролироваться нейтральным государством. Шахт был буквально в восторге от этой мысли.

0914

H1200 – 0036

H1200 – 0037

Он сказал: "Это безусловно решение вопроса." Он сказал, что по своей простоте, она носит следы гениальности. Его восторгу не было границ".

ДИКС. Скажите, в какой степени вы хотели вооружения?

ШАХТ. Ни больше, ни меньше, чем в той, чтобы в этом отношении быть равным с соседними государствами.

ДИКС. Скажите, говорил ли Вам Гитлер о своих дальнейших намерениях и планах?

ШАХТ. Нет, Гитлер никогда не говорил мне о своих намерениях и я никогда не слышал от других, что он делал такие замечания относительно своих намерений.

ДИКС. Скажите, вы знали о размерах, характере и темпах вооружения?

ШАХТ. Нет, об этом я никогда ничего не знал.

ДИКС. Вы устанавливали какие-либо границы для финансирования, или вы были готовы предоставить любое количество денег?

ШАХТ. Я ни в коей мере не намеревался ~~субсидировать~~ предоставить любую ~~количество денег~~ сумму, тем более, речь шла не о субсидиях, а о кредите, который должен был быть впоследствии оплачен. Эта финансовая помощь ограничивалась двумя обстоятельствами: во-первых, имперский банк был независим от государственного финансового управления и не находился в ведении государства в вопросах финансирования. Дирекция имперского банка могла сама решить, кому она даст кредит, кому откажет в кредите, если она найдет это необходимым; а так как я был полностью уверен в политике имперского банка - господа из директората имперского банка придерживались такой же точки зрения по вопросу финансовой и банковской

H1200 – 0038

политики, - то это являлось первой возможностью затормозить вооружение.

Второе ограничение возможностей кредитования заключалось в соглашении, которое было заключено министром финансов, правительством и, конечно, Гитлером. Векселя мефо, которые, собственно говоря, и представляли собой эту финансовую помощь, должны были по истечении определенного срока оплачиваться и через пять лет снова подлежали оплате. И, как я уже заявил, если бы эти векселя были оплачены, то у государства нехватило бы денег на дальнейшее кредитование вооружения. В этом заключалась вторая возможность ограничения вооружения.

ДИКС. Я попросил бы вас сообщить Трибуналу цифры.

ШАХТ. У нас было до...

/К микрофону подходит представитель американского обвинения, господин Джексон./

ДЖЕКСОН. Мы не имеем ни малейшего желания начинать полемику о цифрах финансирования перевооружения. Мне кажется, что подробности в отношении долларов и центов - или рейхсмарок - в данном случае не представляют важности, а лишь создают большие трудности. Мы не судим сейчас много или мало они стоят; цель этого перевооружения - вот единственный вопрос, который у нас на уме. Я не считаю, что статистика цен имеет к этому вопросу какое-либо отношение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Дикс, мы хотели бы знать о каких именно цифрах говорите вы и обвиняемый?

ДИКС. Какие суммы подсудимый Шахт хотел предоставить на нужды вооружения, будучи президентом имперского банка. А это, несомненно, имеет значение, так как, если эти

H1200 – 0038

H1200 – 0039

суммы ограничивались количеством денег, необходимых для оборонительного вооружения, то степень финансовой помощи является доказательством намерений Шахта в том отношении, что судья Джексон считает очень важным, а именно, способствовал ли Шахт подготовке для ведения агрессивной войны, если он предусматривал финансирование только мероприятий оборонительного характера и предоставлял на нужды вооружения только такие суммы, которые никогда не дадут возможность вооружению достичь ~~такого~~ об"ема, необходимого для ведения агрессивной войны. Таким образом, это послужит опровержением обвинения, выдвинутого против Шахта. И мне кажется, что нельзя сомневаться в важности этого вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы хотите сказать, что если бы подсудимый Шахт предоставил в распоряжение империи, предположим, 100 миллионов, то это было бы мероприятием оборонительного характера, а если бы он предоставил 150 миллионов, это не было бы оборонительным мероприятием, или ~~вице~~ каким-нибудь? Дело только в сумме? Или какая там сумма?

ДЖИС. Нет, я хочу сказать, если он, как будет доказано, предоставил лишь 9 миллионов, а затем с большой неохотой, я бы даже сказал с большим сопротивлением, предоставил 12 миллионов, то станет ясно, что, предоставляя эту сумму, он не способствовал ведению агрессивной войны.

9920

СУДЬЯ ДЕВИСОН: Здесь речь идет лишь о сумме?

ДИКС: Да, только о размерах суммы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это можно ведь сказать в нескольких словах, однако, детали финансирования...

ДИКС: Я согласен с Вами, что на обсуждение этого вопроса было затрачено много времени. Я хотел бы знать, какие суммы были предоставлены, но против этого стали возражать и начался спор. Я могу поставить этот вопрос?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

ДИКС: Скажите, какие суммы вы хотели предоставить?

ШАХТ: Я хотел, конечно, предоставить как можно меньше. Но важно то, что я предоставил. Я предоставил, выражаясь все одной суммой, до 31 марта 1938 г. кредит на сумму в 12 миллиардов рейхсмарок. Я говорил уже во время допроса меня английским обвинением, что это составляло третью часть всех тех сумм, которые были предоставлены вообще на вооружение. После этого срока, без вмешательства имперского банка, с 1 апреля 1938 года было предоставлено на вооружение одиннадцать миллиардов, а в следующем году 20 с половиной миллиардов, причем имперский банк не предоставил в следующем году ни одного пфеннига.

ДИКС: Это было после Вашего ухода из банка?

ШАХТ: Это было после прекращения кредитов.

ДИКС: Здесь получилась оговорка "Лапсус лингве" - я вместо "миллиардов" употребил слово "миллионов".Но эта оговорка совершенно очевидна. Я хотел только указать на это. Ну, господин Шахт, Обвинение инкриминирует Вам то, что 19 февраля 1935 г. министерство финансов получило полномочия брать взаймы деньги в таких суммах, в каких

H1200 – 0040

H1200 – 0041

требовал Гитлер. Господин обвинитель и здесь допустил ошибку.

ШАХТ: Так было заявлено обвинением. Мне кажется, что президент государственного банка не отвечает за поведение министра финансов. Мне кажется, что президент филиала федерального банка не может отвечать за то, что делает секретарь казначейства в Вашингтоне.

ДЖКС: Вам ставится в вину то, что государственные долги за время Вашего пребывания на посту президента имперского банка увеличились в три раза.

ШАХТ: Точно также мне могли бы поставить в вину, что за время моей деятельности прирост населения увеличился тоже в три раза. Но я подчеркиваю, что ни к тому, ни к другому я непричастен.

ДЖКС: Та же самая причина. Вы не несли ответственности за это.

ШАХТ: Да, я не отвечал за это.

ДЖКС: То же самое можно сказать в отношении дальнейшего обвинения в том, что в марте 1938 г. Вы якобы выработали новую финансовую программу.

ШАХТ: Наоборот, я отклонил предложение сделать что-то для финансирования вооружения, а финансовую программу разработал статс-секретарь имперского министерства финансов.

ДЖКС: Часть Вашей экономической политики, как политики министра хозяйства, как Вам ставится в вину, представляла собой подготовку к войне по так называемому "Новому плану". Что это такое?

ШАХТ: Здесь я должен предварительно заметить, что новый план не имел ничего общего с вооружением. Германия

после Версальского договора попала в очень тяжелое экономическое положение и в особенности...

ДИКС: Простите, я вас перебью. Милорд, если высокий Суд придерживается мнения, что новый план не имеет ничего общего с вооружением и с подготовкой к войне - Обвинение, мне кажется, придерживается противоположной точки зрения, - то я откажусь от этого вопроса. Я задал этот вопрос, поскольку Обвинение использовало "новый план" для своей аргументации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если, как вы сказали и как только что сказал обвиняемый, этот "новый план" не имел ничего общего с перевооружением, я думаю, вы можете оставить этот вопрос до перекрестного допроса, и Вы сможете поднять его снова во время прямого допроса, если этот вопрос будет затронут в ходе перекрестного допроса.

ДИКС: Хорошо, я не буду спрашивать относительно обмена договорами, а предоставлю возможность Обвинению спросить Вас об этом во время перекрестного допроса. Я не вижу здесь ничего общего с подготовкой к войне. Итак, вы показали, что вы стремились к устранению, вернее, к изменению Версальского договора путем мирных переговоров. Скажите, имелись ли вообще какие-либо средства мирного изменения этого договора по вашим тогдашним взглядам?

ШАХТ: По моему мнению вообще существовали только мирные средства. Изменить Версальский договор с помощью новой войны, было бы преступлением.

ДИКС: Хорошо, Вы также обвиняетесь в том, что так называемая подготовка к войне по сравнению с вооружением... Но и вооружение, безотносительно к подготовке агрессивной войны, т.е. вооружение как таковое, было якобы наруше-

H1200 - 0042

нием Версальского договора. Я полагаю, что Вы, когда Вы решили оказывать финансовую поддержку вооружению, имели какие то правовые и моральные соображения. В чем заключались эти соображения?

ШАХТ: Мне кажется, что я обстоятельно ответил на этот вопрос и что нет надобности дополнять еще что-то.

ДИКС: Скажите, вы, как пацифист, как человек, который отрицательно относился к расширению жизненного пространства Германии в Европе, скажите, Вы придерживались только такого мнения. Была ли известна, по-вашему, эта точка зрения за границей?

ШАХТ: Пока я занимал должность президента имперского банка, т.е. начиная с марта 1933 года — я говорю, конечно, о периоде господства Гитлера — мои друзья заграницей и знакомые были очень хорошо осведомлены о моих взглядах. У меня было очень много друзей и знакомых за границей и не только в силу профессии. У меня в Базеле происходили ежегодные встречи с президентами государственных банков других государств и эти встречи я всегда использовал для того, чтобы совершенно ясно обрисовать этим господам положение и обстановку в Германии. Разрешите мне остановиться на так называемом ведении разговоров с иностранцами. Если не имеешь возможности вести разговоров с представителями иностранных государств, то не имеешь возможности и договориться с ними. Я считаю неуместными всякие запрещения разговоров с иностранцами. И если свидетель Гизевиус надеялся защитить своих умерших друзей, которые являются также и моими друзьями, от

H1200 – 0043

H1200 - 0044

обвинения в измене родине, то я бы сказал, что я считаю это ненужным. Никогда никто из нашей группы не предавал германских интересов, наоборот, каждый боролся за интересы Германии и я хочу в доказательство этого привести один пример.

Когда мы взяли Париж, ~~то~~ было конфисковано здание министерства иностранных дел и в нем был произведен тщательный обыск уполномоченным германского министерства иностранных дел. Мне не нужно доказывать, что больше всего нскали доказательств того, не скомпрометировали ли себя за границей какие-либо пораженческие круги Германии. Все документы министерства иностранных дел Франции, которые относились к моей личности,-а среди них были записи многих разговоров, которые я вел с французами,-были перерыты министерством иностранных дел без моего ведома. И однажды, я полагаю, что это было в 1941 г., я получил письмо от одного немецкого профессора, который производил обследование этих документов. Я назову его имя, с тем, чтобы после сослаться на него. Это профессор финансовой экономики и национальной экономии, профессор Штокен из Эрлангена. Он писал мне, что во время расследования этих документов....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что это совершенно не имеет отношения к данному делу. Во всяком случае, если подсудимый говорит, что он ни в коем случае не предавал интересов Германии, этого, без сомнения, достаточно. Нам не нужны все детали этого. Какое это имеет отношение к данному суду, я не знаю.

ДИКС: Я думаю, милорд, что за этим последует как раз важный для подсудимого вопрос о том, что способным мыслить иностранцам, которые его знали, было известно, что Шахт являлся человеком, который стремился к миру, а не к развязыванию войны, даже в тот период, когда проводилось вооружение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но он сказал это пять минут тому назад.

ДИКС: Я не думаю, чтобы случай с профессором Штакенбеком был так важен, но, однако, мне кажется интересным то, что сообщает посол Дэвис о своем разговоре с народным комиссаром иностранных дел Литвиновым. Это сообщение находится в доказательстве № I8 моей книги документов, на стр. 43 немецкого текста и стр. 49 английского текста. Я прошу разрешить мне зачитать один абзац и спросить затем д-ра Шахта, соответствует ли сказанное послом Дэвисом его воспоминаниям. Речь идет об отчете Дэвиса - нет, это взято из его книги, а не из отчета, отрывок из его книги "Миссия в Москву", а это отчет Дэвиса стате-секретарю США; он находится на страницах I08 и I09. Я цитирую:

"Согласно договоренности, я посетил народного комиссара иностранных дел Литвинова, чтобы нанести ему прощальный визит перед моим от"ездом в США. Я упомянул ему, что обстановка в Европе очень простая и очень трудно понять, почему государственные деятели Европы никак не могут притти к соглашению, чтобы Англия, Франция, Германия, Италия и Россия обязались сохранять территориальную целостность Европы и путем торговых договоров обеспечивать

H1200 - 0045

H1200 – 0046

Германии сырье и этим самым дать ей гарантию в том, что она может спокойно жить. Это успокоило бы народы Европы и освободило бы мир от чудовищной тяжести вооружения и страха перед катастрофой войны.

На это мне возразил комиссар иностранных дел /т.е. Литвинов/: "Неужели вы думаете, что Гитлер когда-нибудь согласиться с этим?" Я сказал, что я этого не знаю, но что, по моему мнению, в Германии имеется достаточно большой круг влиятельных и ответственных лиц, которые бы согласились и удовольствовались бы таким разрешением вопроса. Литвинов, т.е. народный комиссар иностранных дел, ответил, что ему кажется, что это действительно правильный путь, что как раз вот таким человеком является Шахт, однако, он не думает, что им удастся провести что-нибудь, вопреки желанию Гитлера и правящих в Германии политических и военных кругов".

Я спрашиваю Вас, доктор Шахт, Вы помните об этом разговоре с Дэвисом?

ШАХТ: Мне кажется, что Вы что-то спутали, я об этом не говорил с Дэвисом, это лишь отчет Дэвиса статс-секретарю. О нем я ничего не знаю.

ДИСК: Да, Вы совершенно правы. Обвинение неоднократно подчеркивало, что о Вашей осведомленности о военных намерениях Гитлера уже говорит Ваша должность генерального уполномоченного по военной экономике и члена имперского совета обороны. Об этом уже говорил подсудимый Геринг во время допроса. Вы можете что-нибудь добавить к высказываниям Геринга?

ШАХТ: Мне кажется, что и свидетель Ламмерс говорил об этом и я должен только подтвердить, что имперский совет обороны, организованный в 1935 г., представлял собой ничто иное нежели узаконенный комитет из чиновников министерств, которые разрабатывали экономические и административные вопросы, которые в случае войны должны были приобрести для Германии большое значение.

ДЖКС: Скажите, как часто Вы встречались с военным министром и с генеральным уполномоченным по администрации?

ШАХТ: Я должен сказать, что этот триумвират, эта коллегия троих, которую обвинитель назвал краеугольным камнем всей агрессивной политики, никогда не собиралась. И нет ничего странного, что мы проиграли войну, если это является краеугольным камнем всей политики.

ДЖКС: Обвинение далее ссылается на отчет военного министра от 1934 г., в котором говорится о задачах совета по обороне империи. Это документ ЕС-428, США-623. Можете ли Вы что-нибудь добавить?

ШАХТ: Да. Я прошу разрешения процитировать совсем небольшой абзац из этого отчета. Это всего 2 предложения. В этом отчете говорится следующее:

Здесь ссылаются на первую мировую войну и на опыт первой мировой войны, т.е. с 1914 по 1918 г. И там написано (я должен опять это процитировать на английском языке, т.к. у меня имеется документ только на английском языке), я цитирую: "В то время мы были в состоянии расширить на Запад наши сырьевые базы: Лонгви, Бриэ, Туркуэн,

H1200-0047

H1200 – 0048

Рубэ, Антверпен /текстильные товары/, на Восток /Лодзь/ и на Юговосток /горные рудники в Сербии и в Турции, нефть в Румынии/. Сегодня мы должны считаться с возможностью быть предоставленными самим себе, т.е. расчитывать на свои ресурсы и потерять ценнейшее сырье на Западе и Востоке".

Мне кажется, что тот, кто в сентябре 1934 г. хотел готовить агрессивные войны, расчитывал на то, что можно избежать подобной обстановки, и это является лучшим доказательством тому, что здесь не могло быть никакой речи об агрессивной войне.

ДИКС: В связи с заголовком "Мирные стремления" Вы, может быть, можете сказать Трибуналу, в чем состояли эти мирные стремления: смягчить или отменить репарации, установленные Версальским договором?

ШАХТ: Я с самого первого момента установления репарационной системы в 1921 году боролся против этой бессмыслицы и доказывал, что проведение ее приведет к экономическому хаосу во всем мире. Ведь нельзя в продолжении жизни целого поколения выплачить 120 миллиардов марок, или 2 миллиарда марок в год.

ДИКС: Будем кратки, говорите лишь о ваших намерениях мирного порядка, а не разбирайте народо-хозяйственные вопросы.

ШАХТ: Хорошо, - никаких народо-хозяйственных рассуждений. Я боролся против этого, и с течением времени мне удалось убедить общественность почти всех стран в бессмысленности этого мероприятия. Это привело к тому, что в

иде, если я не ошибаюсь, 1932 г. бывший рейхсканцлер фон Папен имел возможность подписать соглашение, согласно которому репарации юридически были сокращены до 3-х миллиардов, а фактически они были отменены.

ДИКС: Скажите, каким образом Вы конкретно реализовали свои мирные намерения в какой-нибудь другой области? Вы уже говорили о переговорах в Париже по колониальному вопросу. Я не знаю, можете ли Вы что-либо дополнить в этой связи?

ШАХТ: Я не знаю, не помню сейчас, как далеко зашло дело в отношении этих переговоров, но мне кажется, что я подробно рассказал о них и что мне не нужно повторяться.

ДИКС: Георг Мессершмидт - генеральный консул США - в своем аффидевите ЕЩ-451, документ США 626 - и Обвинение ссылается на этот аффидевит - говорит, что национал - социалистский режим не был бы в состоянии удержаться у власти и пустить в ход свою военную машину, если бы не имела места Ваша деятельность. Обвинение в конце Обвинительного Заключения повторяет от своего имени эти слова Мессершмидта. Я прошу Вас высказаться по этому вопросу.

ШАХТ: Я не знаю, имеют ли доказательную силу чисто личные высказывания господина Мессершмидта, но, несмотря на это, я хотел бы противопоставить несколько цифр: Я уже сказал, что до 31 марта 1934 г. имперский банк предоставил 12 миллиардов и это значит: в первом бюджетном году 2 ¼ млрд и в последующие 3 года по 3 ¼ млрд ежегодно. Вы уже спрашивали об этом подсудимого Кейтеля и Кейтель показал, что расходы на вооружение составляли

9930

H1200 – 0049

H1200 – 0050

5 миллиардов марок в 1935/36 бюджетном году; 7 миллиардов в 1936/37 бюджетном году; 9 миллиардов в последующих бюджетных годах, но я должен заметить, что на этом прекращается помощь имперского банка. Несмотря на это, в следующем году уже без помощи имперского банка, эта сумма на вооружение выросла до II миллиардов, а в следующем году - до 20 1/2 миллиардов. Оказывается, что деньги можно было доставать и без финансовой гениальности Шахта. Каким образом это происходило - это уже другой вопрос.

ДИКС: В свое время я упрекнул свидетеля Кейтеля, приведя эти цифры. Тогда, кажется, этот документ еще не пред"являлся. Теперь он уже пред"явлен.

Это документ № 7, страница 15-я немецкого текста и 21-я английского текста. Кейтель мог дать показание только в отношении первой графы, а именно об общей сумме расходов. Но схема имеет еще 2-ю и 3-ю графы. Эти две графы представляют собой расчеты Шахта, а именно вычисление того, что дал имперский банк и что было получено из других источников. Я не хочу вдаваться в подробности и прошу только разрешения спросить доктора Шахта, правильно ли исчислены им цифры, находящиеся в графах 2-й и 3-й документа.

ШАХТ: Эти цифры передо мной. Они абсолютно правильны. Они показывают, что в первые годы после того, как имперский банк прекратил отказывать помощь, было израсходовано не менее 5 млрд, т.е. в общем II миллиардов.

ДИКС: До сих пор Вы ~~уже~~ заявляли Трибуналу о том, что Вы были против чрезмерного вооружения, не давая на него денег. Применяли ли Вы другие методы борьбы против

вооружения, как например, обличительные доклады и т.п.?

ШАХТ: Я неоднократно выступал не только перед экономическими деятелями Германии, профессорами и т.д., но я также выступал по приглашению военного министра и председателя Военной академии в кругу старших офицеров. Во всех этих докладах я указывал на финансовые и экономические границы, которые существуют в вооружении Германии, и предостерегал постоянно от чрезмерного вооружения.

ДИКС: Скажите, когда у Вас сложилось впечатление, что масштаб германского вооружения стал чрезмерным?

ШАХТ: Мне очень трудно назвать дату, но, начиная с 1935 г., я постоянно пытался замедлить темпы вооружения. Гитлер сказал однажды, что - одну минуточку, у меня записано здесь - до весны 1936 г. темп вооружения должен сохраняться. Я не возражал открыто против этого, хотя уже со второй половины 1936 г. я постоянно пытался это тормозить. После 1935 г. я сказал себе: так как фюрер сам сказал, что эти темпы нужно будет сохранить до 1936 г., то потом такие темпы будут ненужны. Об этом как раз говорится в документе ПС-1301. Там как раз цитируются мои высказывания по этому вопросу. Я сделал их на заседании "малого совета министров". Как раз на этом заседании Геринг возражал мне, но я настаивал на своем. Я также все время говорил военному министру о необходимости замедления темпов в экономических интересах Германии, так как я хотел, чтобы экономика работала на экспорт. Ярким примером того, как я настаивал на этом своем решении в разговоре с военным министром, является мое письмо от 24 декабря 1935 г., т.е. в конце, когда я увидел, что период, намеченный Гитлером, подходил к концу и я уже находился у тормоза, я написал это письмо, которое

H1200 – 0051

H1200 – 0052

также было здесь уже пред"явлено обвинением под № ПС-I30I на стр. 25 английского сборника документов. Я прошу позволить мне процитировать. Эта цитата очень короткая. Он написал письмо военному министру. Я цитирую:

"Из Вашего письма от 29 ноября я сделал вывод, что потребности в сырье и главным образом в меди стали в два раза больше прежнего потребления. Здесь речь идет только о текущих потребностях, в то время, как срочно необходимые запасы не выражены цифрами. Вы ожидаете от меня, как я обеспечу финансовую поддержку этих мероприятий. Я отвечал Вам, что я не имел никакой возможности оказывать Вам эту поддержку". /Конец цитаты/.

Когда Бломберг потребовал от меня, чтобы я обеспечил ему сырье с помощью иностранной валюты, я ему ответил, что у меня нет таких возможностей. Далее следующая цитата:

"Во всех прежних разговорах с фюрером и рейхсканцлером, а также со всеми руководящими военными инстанциями я высказывал свое убеждение в том, что было бы возможно в прежних размерах вооружения до апреля 1936 г. обеспечить такое вооружение сырьем. Несмотря на то, что эту программу затрудняла отвергаемая всем миром наша культурная политика, а также аграрная политика, я все-таки надеюсь осуществить мои надежды".

То-есть это значит, что я смогу придерживаться этой программы до I-го апреля, а после этого уже нет. Известно, что министр транспорта Дорпмюллер хотел выпустить заем на нужды ж.д. транспорта.

ДИКС: Скажите, как Вы, как президент банка, относились к вопросу о займе, который хотел выпустить Дорнмюллер?

ШАХТ: На совещании, которое происходило между фюрером, Дорнмюллером и мной и на котором фюрер с радостью соглашался с предложением Дорнмюллера, я решительно отклонил это предложение и Дорнмюллер ничего не получил.

ДИКС: Здесь также говорилось о заседании "Малого совета министров" от 27 мая 1936 г. под председательством Геринга. Обвинение придерживалось той точки зрения, что, якобы, на заседании обсуждался вопрос о намерении вести агрессивную войну.

ШАХТ: Простите, какого числа это было?

ДИКС: 27 мая 1936 года.

ШАХТ: Я присутствовал на этом заседании, но я не могу найти в протоколе этого заседания ничего такого, что могло бы говорить о планах и военных намерениях. Я очень внимательно просмотрел документ.

ДИКС: В доказательство Вашей вины здесь был пред"явлен отчет посла Буллита, документ М-151, США, документ № 70 от 23 ноября 1937 г. Вы слышали, что Обвинение делает и из этого отчета выводы, что Гитлер намеревался вести агрессивную войну. Хотите ли Вы высказаться по этому поводу?

ШАХТ: Во всем документе я не вижу ничего такого, что бы свидетельствовало о том, что Гитлер хотел начать агрессивную войну. Я только что говорил о намерении Гитлера по возможности добиться присоединения Австрии и предоставить автономию Судетской области. Мне кажется, что здесь нет никакой речи об агрессивных войнах. Между прочим, Буллит в своем отчете говорит обо мне следующее:

9934

H1200 – 0053

H1200 - 0054

"Затем Шахт стал говорить о том, что совершенно необходимо сделать что-нибудь для того, чтобы установить мир в Европе". /Конец цитаты/.

ДИКС: Отчет об этой беседе содержится также в моей книге документов под № 22. Это - 57-я страница немецкого текста и 64-я - английского текста. Скажите, что ... Мы должны теперь подробнее разобрать вопрос о Вашей осведомленности о военных намерениях Гитлера. Сначала вообще: Говорил ли Вам когда-нибудь Гитлер...

ФАЙФ: /Прерывая/ Милорд, я спросил доктора Дикса, не будет ли он возражать, если Трибунал разрешит мне, поскольку он переходит к новому вопросу, упомянуть вопрос о документах Редера. У меня была беседа с доктором Зиммерсом, и имеется еще ряд важных вопросов; так что мы были бы благодарны Трибуналу, если бы он нас выслушал, если возможно, сегодня во вторую половину дня, так как отдел переводов ждет документов Редера, чтобы продолжать свою работу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как Вы думаете, сэр Дэвид, сколько времени это займет?

ФАЙФ: Не больше получаса, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если отдел переводов ждет, нам может быть лучше заняться этим в 2 часа.

ФАЙФ: Если Вы так хотите, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если это займет лишь получаса, я не думаю, что оно продолжится более длительный срок.

ФАЙФ: Я думаю, что это займет не больше получаса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы этим займемся в 2 часа, а теперь мы сделаем перерыв.

/Об"является перерыв до 2-х часов/.

9925

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 1-го мая 1946 г.

Вечернее заседание.

Встать! Суд идет!

/К микрофону подходит сэр Давид Максуэлл Файф./

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, Трибунал, очевидно, имеет перед собой изложение наших возражений против некоторых документов, которые в нем разделены на шесть групп. К этому листу приложено краткое изложение документов на английском языке, где коротко дается содержание каждого из них.

Милорд, что касается 1-й группы, то здесь я должен сделать два исключения из наших возражений: документ № 19 был допущен по делу Шахта; если я правильно понял доктора Зиммерса, он не настаивает на 76-ом номере.

Далее, милорд, что касается других документов из этой группы, то документ № 9 представляет собой серию цитат из книги Лернера о Версальском договоре;

№ 10 - цитата из книги немецкого публициста левого крыла - Томаса Манна;

№ 17 - "Провал миссии" сэра Невиля Гендерсона;

№ 45 - цитата из книга господина Черчилля;

№ 47 - представляет собой сообщение о жалобе, обращенной к лорду Галифаксу по поводу статьи в "Ньюс Кроникл", критикующей Гитлера.

Что касается № 66, то надо сказать, милорд, что он несколько отличается от других. Если члены Трибунала будут добры и взглянут на этот документ, они увидят, что это отчет германского юриста, доктора Мозлера, кажется

H1200 - 0055

H1200 – 0056

так его зовут, который пользуется авторитетом в области международного права по вопросу о действиях в Норвегии.

Доктор Зиморс был, конечно, со мной совершенно откровенен, и он сказал, что его очень бы устроило, если бы этот отчет, который фактически является правовой аргументацией, был бы включен в книгу документов. Конечно, цель документальных книг фактически не в этом; это, конечно, дело Трибунала, но мы считали, что мы должны были привлечь внимание к этому вопросу.

Затем, милорд, идет номер 76, он исключается.

93-96 представляют собой выдержки из советских газет.

101 является цитатой из сообщения французского агентства "Гавас".

102-107 – менее важные приказы, касающиеся Нидерландов, которые, как считает Обвинение, не имеют доказательной ценности.

Затем идет вторая группа, включающая ряд документов, которые, по мнению Обвинения, не относятся к каким-либо обвинениям, выдвинутым по этому делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сэр Дэвид, вы не рассматривали 109 документ? Нет?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Простите, милорд, 109 документ, это второстепенный по значению документ. Он, опять-таки, относится к аргументации правового характера, – воздействие войны на правовое положение Исландии, – и представляет собой цитату из британского журнала информации публичного и международного права.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Милорд, вторую группу

H1200 – 0057

документов Обвинение считает не относящимся к делу.

22-й документ - это бельгийский декрет от 1937 года о возможной эвакуации гражданского населения во время войны.

39-й документ - это французский документ, относящийся к Среднему Востоку.

63-й и 64-й - две речи, одна - господина Эмери и другая - господина Черчилля относительно положения Греции в конце 1940 года, около двух месяцев спустя после начала похода Италии на Грецию.

№ 71 - это недатированная директива об изучении путей сообщения в Бельгии, и мы считаем, что она не имеет для нас какой-либо доказательной ценности.

№ 76 - исключается, это - "Альтмарк".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы сказали № 76 исключается?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, милорд, это "Альтмарк", тот же самый документ, что и 71. Простите, милорд, его следовало вычеркнуть.

99-й - это протокол девятого совещания об"единенного совета кабинета от 27 апреля 1940 года и в нем рассматривается предложение господина Поля Рейно, касающееся шведских рудных шахт. Так как это было много времени спустя после норвежской кампании и так как оно, конечно, никогда не было проведено в жизнь в Норвегии, - нам кажется, что оно не имеет никакого отношения к данному процессу.

Документы с 103 по 107 + относятся к группе, которую я рассматривал под № 1; это, по существу, маловажные меморандумы, относящиеся к Нидерландам.

112-й - это французский документ, в котором господин Поль Рейно цитирует слова Черчилля из заявления о том, что

H1200 - 0057

H1200 – 0058

он будет сражаться до самого конца, что опять-таки не представляет большой важности в 1946 году.

Далее, милорд, в следующую группу входят документы по ходатайству подсудимого Риббентропа, отклоненные Трибуналом,- первые два касаются британского перевооружения, а другие - Балкан и Греции. Трибунал, вероятно, вспомнит ту группу документов в связи с ходатайством Риббентропа, которую он отклонил, а 4-я группа состоит из других документов из той же самой серии, что и отклоненные Трибуналом по делу подсудимого Риббентропа.

Что касается 5-й группы, то входящие в нее документы заслуживают возражения на основании "ту квокве". Я полагаю, что это исключительно французские документы, которые касаются предложений на самой начальной стадии, причем предложений, о проведении которых договаривались, но которые никогда не были осуществлены,- касательно разрушения нефтяных промыслов или блокирования Дуная и Среднего Востока. Милорд, эти документы датированы весной 1940 года и, как я сказал, касаются самой начальной стадии, и планы, в них изложенные, никогда не были практически осуществлены. Эти планы никогда не были проведены в жизнь.

6-я группа - это документы, касающиеся Норвегии, которые были захвачены после оккупации Франции. Насколько я понял аргумент доктора Зиверса,- не предполагается, что эти документы были известны подсудимым в то время, когда они осуществляли нападение на Норвегию. Но утверждается, что подсудимые имели другую информацию. Конечно, что касается их собственной информации, против нее мы не выдвигали никаких возражений, и эти документы могут обсуждаться для подтверждения упомянутой информации. По су-

честву, как это показывает документ 83, против которого мы не возражаем, они также касаются первоначальных предложений, которые никогда не были претворены в жизнь и никогда не были окончательно сформулированы; но, по мнению Обвинения, важным является то, что знали сами подсудимые до 9 апреля 1940 года, а детальный разбор множества других документов, которые нужны только для дискуссии о том, соответствовали ли они информации, которой, по словам подсудимых, они располагали, здесь не применим.

Милорд, я старался рассматривать эти документы очень коротко, так как я обещал Трибуналу уложиться в определенное время, но я надеюсь, что я указал очень ясно, в чем заключаются наши возражения.

ЭЙМЕРС /защитник подсудимого Редера/. Высокий Суд, чрезвычайно тяжело высказываться по поводу такого большого количества документов, когда я знаю, что эти документы до сих пор еще не переведены и поэтому содержание их не известно участвующим в этом заседании. Поэтому я хотел бы указать на то, что существует некоторая опасность в таком рассмотрении документов. Здесь речь идет частично о принципиальных частях моей защиты. Вследствие этого при обсуждении этих документов, о чем я заблаговременно заявляю, я вынужден для обоснования отношения отдельных документов к делу указать на места, которые я во время нормального пред"явления моих доказательств, возможно, и не все бы даже должен был оглашать, так как они в том случае, если книга документов готова, известны суду и могут быть даже не оглашены. В своем высказывании я буду придерживаться того же порядка рассмотрения документов, который избрал сэр Дэвид.

9940

H1200 – 0059

H1200 – 0060

В первую группу включены документы 9 и 10-й. В записках, которые пред"явил сэр Дэвид суду, указывается на то, что пред"явление документов находится в противоречии с определением суда от 29 марта. Я хотел бы указать на то, что это мнение обвинения является ошибочным. В определении суда было сказано, что не могут быть пред"явлены никакие документы, которые касаются несправедливости Версальского договора и вопроса о том, что он носил принудительный марактер. Эти документы относятся не к его несправедливости и не к тому, что он носил принудительный характер, что было выражено в Версальском договоре, - они должны лишь дать несколько примеров суб"ективной точки зрения, например, такого человека, как Носке, который был социал-демократом и, безусловно, не хотел вести агрессивных войн.

Несколько других заявлений, которые помещены в документах №№ 9 и 10, относятся к идеям, существовавшего тогда правительства и господствовавшей прослойки населения, которые были направлены на оборонительную войну, и к опасности, что германская армия при нападении, например, со стороны Польши, может оказаться слишком слабой. Таким образом, это простые факты. Я заверяю суд, что я не буду цитировать таких предложений, которые имеют полемический характер. В остальном я нуждаюсь в этих документах только как в ~~качестве~~ доказательствах для моей защитительной речи.

Документ № 17 представляет собой короткую цитату из книги Гендерсона "Провал миссии", относящейся к 1940 г. Мне кажется, что не составляет особого труда перевести

15 строчек, если мне их нужно будет упомянуть в защитительной речи, чтобы показать, что Гендерсон, который хорошо узнал Германию, еще в 1940 году думал, что он должен признать положительные стороны существовавшего режима. И считаю, что тем самым оправдывается положение, согласно которому от немецкого командующего нельзя требовать, чтобы он был более скептически настроен, чем английский посол.

Далее идет документ № 45. Этот документ, несомненно, взят из книги Черчилля. Однако в нем указывается на факт, который я хотел бы доказать, а именно - что уже за много лет до первой мировой войны существовал британский имперский комитет обороны. В перечне документов, которые пред"явил сэр Дэвид, в цитате употреблен термин "Имперский комитет обороны". Я из этого делаю вывод, что обвинение в данном случае заблуждается. Оно предполагает, что здесь речь идет, очевидно, о немецком имперском [illegible] кабинете обороны. Это неправильно. Документ этот показывает, как произошло, что обвинение слишком преувеличивало значение германского имперского комитета обороны, так как оно, естественно, сравнивало его с британским имперским комитетом обороны, который имел гораздо большее значение.

Документ № 47 + является доказательством того, что в связи с указанием германского посольства о том, что были опубликованы слишком резкие статьи против Гитлера, помещенные в газете "Ньюс Кроникл", лорд Галифакс указал в свою очередь на то, что он не имеет возможности повлиять на эту газету. Я хотел бы - я должен об этом сказать уже сейчас - привести этот документ только для сравнения, потому что Обвинение так изобразило Редера, как будто бы

H1200 - 0061

H1200 – 0062

он имел что-то общее с достойной сожаления статьей "Черчилль потопил "Атению", помещенной в газете "Фелькишер Беобахтер". Редер не имел ничего общего с этой статьей, так же, как и Галифакс, не имел ничего общего со статьей, помещенной в газете "Ньюс Кроникл". И он был, к сожалению, еще в большей степени бессилен в отношении этой статьи, чем английское правительство.

Документ № 66 представляет собой экспертизу эпатога международного права доктора Мознера и, в частности, заключение о норвежской операции в очень /суд, несомненно, согласится со мной/ сжатой форме. Далее, суд очевидно согласится также и с тем, что в ходе моей защиты я должен буду подробно остановиться на основах международного права в связи с норвежской операцией. Основы международного права не являются такими простыми. Я ничего не имею против того, чтобы цитировать отдельные места из этого документа. Я руководствуюсь мыслью о том, что суд все время напоминает о необходимости экономить время. Мне кажется, что мы сэкономим очень много времени, если мне разрешат пред"явить суду эту экспертизу. Тогда я не буду считать своим долгом приводить большое количество цитат и авторов и давать совершенно точное правовое обоснование этого вопроса. В этом случае я смогу в течение получаса покончить с правовыми основами этого вопроса, в то время как без этой экспертизы для меня было бы совершенно невозможно разрешить в течение получаса подобную проблему. Если обвинение не имеет ничего против того, чтобы мое высказывание затянулось, то я не возражаю, чтобы этот документ был отложен; и тогда я должен буду сделать соответствующий вывод из этого.

Документ № 76 зачеркнут, значит он допущен Обвинением.

Документы с № 93 по 96 - это выдержки из высказываний руководящих московских газет "Известия" и "Правда". Эти высказывания доказывают, что советское мнение, которое существовало в то время в отношении правовых основ германской операции в Норвегии, полностью согласовывалось с тогдашним мнением германского правительства.

Если высокий суд считает, что эти весьма краткие цитаты не могут быть допущены, то я не хочу создавать затруднений, так как на данном этапе процесса я все равно должен буду указать, о чем идет речь в этих документах.

Высокий Суд помнит, что тогда Россия и Германия поддерживали дружественные отношения и точка зрения Советского Союза имеет, безусловно, определенное значение, так как речь идет о чисто правовой проблеме.

Далее документ № 101. Я очень прошу извинить меня, сэр Дэвид, но, если я не ошибаюсь, доктор Браун полтора часа тому назад сказал, что этот документ должен быть исключен.

Хорошо. Значит переходим к документам № 101 по № 107. Здесь речь идет об операциях против Норвегии. Как я уже говорил, - это проблема чисто международного права. Здесь речь идет о той проблеме, имеет ли право одна из сторон нарушить нейтралитет другой стороны, если имеется обоснованная опасность, что третья, воюющая держава также намерена нарушить нейтралитет этого нейтрального государства.

В ходе представления мною доказательств я докажу, что гросс-адмирал Редер осенью 1939 года имел сведения из разных источников о том, что союзники разрабатывают

H1200 - 0063

H1200 – 0064

планы взять под свою защиту государственные воды Норвегии, или высадить десанты в Норвегию с тем, чтобы овладеть норвежскими базами. Я затем остановлюсь еще на этом моменте в связи с документами о Норвегии.

Я хотел бы сказать, что необходимо выяснить и доказать, что правовая позиция союзников по отношению к вопросу о возможном нарушении нейтралитета нейтрального государства в 1939 и 1940 г.г. была такой же, как и позиция подсудимого Редера в случае с Норвегией в то же самое время. Поэтому необходимо в связи с этим не только остановиться на норвежской операции, но и показать, что это - принципиальная точка зрения, которая может быть доказана на основании целого ряда параллельных случаев. Эти параллельные случаи относятся, во-первых, к примеру планирования операции союзников на Балканах и, во-вторых, к вопросу о планировании союзников в связи с операциями в Кавказском нефтяном бассейне.

Господа, я далек от того, как здесь говорил сэр Дэвид, чтобы рассматривать эти события с точки зрения "ту квокве", т.е. с той точки зрения, что подсудимый сделал то же, что сделали союзники или что они хотели сделать. Здесь речь идет о правовой оценке действий подсудимого Редера. Такие действия, однако, можно понять лишь в том случае, если рассматривать общий комплекс вопросов. С моей точки зрения это необходимо и для этого я ссылаюсь на экспертизу доктора Мозлера - документ № 66, что нельзя вменять в вину что-либо из этой области. Здесь, господа, речь идет о принципиальном положении, признанном международным правом. Речь идет о праве на самосохранение. В этой связи...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Зиверс, мы не хотим очень глубоко вдаваться в этот вопрос на данной стадии. Если вы изложите

те причины, которые вы хотите выдвинуть в поддержку ваших предложений, и изложите не кратко, то мы сможем рассмотреть этот вопрос.

ЗИМЕРС. Я крайне сожалею, что я должен углубиться в эти детали, однако, если Обвинение опротестовывает эти документы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал не желает заслушивать все ваши подробности. Я сказал, что Трибунал не желает заслушивать от вас все подробности.

ЗИМЕРС. Таким образом, я прошу здесь учесть лишь то, что речь идет о принципе международного права, которое в 1928 году было изложено Келлогом, а именно права на самосохранение. И вследствие этого я хотел бы пред"явить эти документы, так как ~~согласно~~ в соответствии с этими документами союзники действовали согласно международному праву и, следовательно, также согласно международному праву действовал и подсудимый Редер.

Дальше документ № 22. Я только что указал на различные принципиальные точки зрения, которые относятся к большому количеству документов. Таким образом, я могу сослаться на то заявления, которые я делал уже раньше. Документы № № 22 и 29 относятся как раз к такого рода документам. В связи с документами №№ 63 и 64 я хотел бы указать на то, что эти документы относятся к Греции, а именно не только эти два документа, но и затем целый ряд - группа других, примерно, 10-12 документов. Я могу лишь коротко остановиться на них с тем, чтобы я в данном случае подробнее сказал об этом вопросе.

С вопросом о Греции дело обстоит следующим образом. Я должен признать, что для меня является неожиданным, что

H1200 - 0065

H1200 – 0066

Обвинение опротестовало эти документы /их всего 14/. Обвинение в документе С-12 это (тот же документ 262-вБ) информировало Редера, что он 30 декабря 1939 г. отдал распоряжение/ я цитирую/:

"Греческие торговые корабли следует рассматривать как корабли противника в зоне вокруг Англии, которую Соединенные Штаты Америки об"явили запретной". Это обвинение было бы справедливым в том случае, если бы Греция не действовала так, что Редер был вынужден издать соответствующий приказ. Если будут исключены документы, относящиеся к Греции, из которых вытекает, что Греция не строго соблюдала нейтралитет, то я не смогу выдвинуть контрдоказательств. Я не думаю, чтобы в намерение Обвинения входило подобное ограничение моей аргументации. Здесь речь идет о документах, которые все относятся к одному и тому же периоду и доказывают, что Греция предоставила все свои торговые корабли Англии, которая находилась в состоянии войны с Германией, и вследствие этого мы должны были рассматривать их как корабли противника.

/К микрофону подходит представитель английского Обвинения Сэр Дэвид Максуэлл Файф./

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хотел бы сказать, что мне следовало бы довести до сведения Трибунала, что я не возражаю против документов 53 и 54, так как они действительно касаются фрахтования греческих пароходов Британским правительством.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но вы не возражали против них, вы не возражали против документов № 53 и 54.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хотел, чтоб было совершенно ясно, что я не возражаю против них.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Против этих документов нет возражений в письменной форме. Доктор Зимерс, каких вопросов вы касаетесь в 63 и 64 документах? Не в документах 53 и 54. О, простите, я вижу это несколько ниже. Я теперь вижу. Вычеркните это, пожалуйста, отсюда.

Д-р ЗИМЕРС. Нет возражений против документов № 53 и 54?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Нет, мы не возражаем против них. Милорд, мой друг говорил о греческом флоте.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да. Простите, я неправильно расслышал.

ЗИМЕРС. Далее документ № 71. Об этом документе я могу сказать то же, что и о документах 101 и 107.

Только документ № 99 практически относится к 6-й группе, т.е. ко всем документам по поводу Норвегии. Поэтому я хотел бы остановиться на этом документе, чтобы потом ссылаться на него. Вся эта группа документов представляет собой документы о Норвегии, т.е. документы, которые касаются планирования операций союзников против Норвегии. В этих документах говорится о высадке в Нарвике, Ставангере и Бергене и о необходимости овладеть норвежскими базами. В документах идет речь о том, что нельзя допустить, чтобы Германия снабжалась шведской рудой. В целом ряде документов также говорится о Финляндии, они содержат такие же планы к моменту окончания финско-русской войны. Из этого вытекает... - я должен, чтобы доказать, что эти документы относятся к делу, огласить некоторые места. Но, так как Суд заявил мне, что я не могу этого сделать, то я прошу довольствоваться этими короткими замечаниями. Факты, которые изложены в этих документах, совпадают абсолютно точно с теми сведениями, которые гросс-адмирал

H1200 – 0067

H1200 – 0068

Редер получал с сентября 1939 года до марта 1940 года через информационную службу германских вооруженных сил, которая руководилась генералом Канарисом. Эти планы совпадают с теми сведениями, которые получал Редер через морского атташе в Осло, капитана второго ранга Шрейбера, в тот же период, и с теми сведениями, которые он получил в письме адмирала Чарльза Энде в конце сентября 1939 года.

Сведения из этих трех источников побудили Редера указать на большую опасность, которая заключалась в том, что Норвегия могла попасть в руки союзников и что тогда война была бы для Германии проиграна. Таким образом, это чисто стратегические соображения. Оккупация Норвегии не имеет ничего общего, как это утверждало британское обвинение, со славой или стремлением к завоеваниям. Она имеет связь лишь с этим положительным сообщением. Таким образом, мне необходимо доказать: во-первых, что Редер получал эти сведения и, во-вторых, что эти сведения были об"ективно обоснованы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Зиммерс, вы сейчас говорите о 99-м документе, не так ли?

ЗИММЕРС. Это относится к 99 документу и ко всей 6-й группе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не знаю, что вы имеете в виду, говоря о 6-й группе. 99 номер входит в группу "Б".

ЗИММЕРС. Это-та группа, которую сэр Дэвид назвал шестой, она находится под буквой "Ф", последняя группа на последней странице.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Возражение Обвинения против этого документа заключалось в том, что этот документ датирован 27 апреля 1940 года, т.е. после того, как Германия вторглась в Норвегию.

Вы ничего об этом не сказали.

ЭММЕРС. Я хотел бы избежать того, чтобы останавливаться на каждом отдельном документе, потому что я думаю, что на них необходимо остановиться в общем. Но я охотно остановлюсь на этом отдельном случае...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не хочу, чтобы вы рассматривали каждый документ в отдельности. Я думал, чтобы в данный момент рассматривали 99-й документ. Если вы можете разбирать документы группами, то, пожалуйста, делайте так. Но все же вы отнимаете очень много времени у Трибунала.

ЭММЕРС. В 99-м документе речь идет о записях о 9-м совещании Верховного Совета, т.е. руководящего военного управления Англии и Франции, от 27 апреля. Безусловно, эта запись свидетельствует о том, что это происходило после оккупации Норвегии. Но это только формальная оговорка. Содержание документа показывает, что на этом совещании участники говорили о событиях, которые относятся к периоду перед оккупацией, и в этом совещании принимали участие самые главные руководители союзников: Чемберлен, Галифакс, Черчилль, сэр Самуэль Горт, сэр Александер, Кадоган и другие; со стороны Франции присутствовали - Рейно, Дарлан, Гамелен, Даладье. Они говорили о планах, которые были составлены раньше и которые провалились вследствие оккупации Германией Норвегии. Однако они говорили о том, каким образом рудники Швеции должны были перейти в руки союзников, что необходимо предпринять для того, чтобы предотвратить получение руды Германией, и как следует достичь того, чтобы эти рудники были разрушены.

Вследствие этого я считаю, что хотя этот документ

H1200 – 0069

H1200 – 0070

формально и относится к более позднему периоду, но те мысли, которые там имеются, показывают, что он имеет большое значение.

Далее следует документ № 100. Это протокол заседания французского военного комитета от 9 апреля 1940 года, которое занималось теми же проблемами, а именно + планами союзников и вопросом о том, что можно было сделать в связи с получением сообщения относительно операций Германии.

С № 102 по 107 документы уже рассматривались. К документу № 110 относятся те замечания, которые я сделал к документам от 101 по 107. Документ № 112 - это документ, в котором указывается на то, что Черчилль уже в мае 1940 г. ожидал активных действий со стороны Америки. Я хотел остановиться на нем в связи с обвинением, которое пред"явлено Редеру, в том, что он весной 1941 года пытался развязать войну против США через Японию. Это + документ не имеет для меня такого решающего значения, как те принципиальные документы, на которых я останавливался раньше. Поэтому я предоставляю его рассмотрение Обвинению или суду.

Следующая группа представляет собой документы, которые были отклонены при рассмотрении дела Риббентропа. Я хотел бы в этой связи указать на то, что я не имел возможности + при рассмотрении дела Риббентропа + остановиться на отношении этих документов к делу и на их значении. Поэтому я лишь суммарно заявляю, что эти документы были отклонены при рассмотрении дела Риббентропа. Те возражения, которые здесь высказывались...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы уже обсудили эти аргументы довольно внимательно и пришли к выводу, что они не приемлемы.

ЭЙМЕРС. Я считал, что решение относится лишь к делу

Риббентропа, так как с другой точки зрения эти документы не рассматривались на процессе, а именно - в связи с теми обвинениями, которые вы выдвигаете против Редера. Так, например, в документе С-125 заявляется, что Редер способствовал полной оккупации Греции, и это обвинение не выдвигалось против Риббентропа, а выдвигалось только против Редера; как я могу выдвинуть контр-доводы, если эти документы будут исключены?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Зиверс, Трибунал знает эти документы и знает в чем обвиняется Редер, и не имеет желания выслушивать дальнейших споров по этому поводу. Трибунал рассмотрит этот вопрос.

ЗИВЕРС. Я прошу извинения, при этих обстоятельствах я должен установить путем сравнения, имеются ли все эти документы в книге документов Риббентропа. Мои записи, как я уже сегодня утром говорил Обвинению, не совпадают с данными Обвинения. Возможно, я смогу, если я не могу этого сделать сейчас, после заседания еще указать на это, в случае несоответствия документов.

Дело обстоит фактически так, что эти документы - при рассмотрении дела Риббентропа - не были представлены полностью, и Суд не полностью знаком с этими документами. Я не знаю, списал ли доктор Горн те же самые места из каждого документа в отдельности. Я знаю лишь только, что в подавляющем большинстве документов те цитаты, которые заимствовал доктор Горн, не совпадают с теми цитатами, которые я хотел привести, так как он рассматривал эти документы только с точки зрения защиты Риббентропа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повидимому, вы представили эти отрывки Обвинению. Обвинение заявляет нам, что это те же самые отрывки, которые были отклонены в связи с делом Риббентропа.

H1200 – 0071

H1200 – 0072

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, пока что у нас есть лишь список этих документов. Самих отрывков мы не видели.

Милорд, простите, я слишком поспешил высказаться. Мы видели эти отрывки на немецком языке, но они еще не переведены. Мы старались ознакомиться с ними на немецком ~~тексте~~ языке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. 24, 25, во всяком случае, представляют собой речи на английском языке.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, милорд, некоторые из них на английском языке. Простите, милорд, эти - действительно на английском языке, вы совершенно правы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сэр Дэвид, насколько я понял, доктор Зимерс говорит, что это не те же самые отрывки показаний - или предполагаемых показаний, которые были отклонены по делу Риббентропа.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, я не проверил это сам, но майор Баррингтон, который проверял документы Риббентропа, просмотрел и эти документы и сравнил их с другими. Он дал мне эти сведения, которые послужили основой для нашего мнения. Таково положение вещей, Милорд, я не могу сказать вам, что я действительно сам проверял их.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, но доктор Зимерс говорит, что это не соответствует действительности.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Насколько я понял доктора Зимерса, он говорит, что он не знает, те же ли это самые отрывки или нет...

ЗИМЕРС. Разрешите сказать по этому поводу. Я точно не знаю в отношении каждого документа, имеются ли они в книге документов по делу Риббентропа. Я хорошо знаю, что они не соответствуют тем отрывкам, которые приводил Горн, а именно: вследствие того, что я для облегчения работы отдела переводов сравнил номера и в некоторых немногочислен

ных случаях, когда эти цитаты соответствовали, я указывал отделу переводов, что эти документы - в свое время - были уже переведены. Но, к сожалению, большее количество документов не совпадало. Доктор Горн заимствовал их не полностью, исходя из защиты подсудимого Риббентропа.

Далее, я хотел указать еще на то, что номера документов, входящих в группу "Д", которые здесь указаны, как документы по делу Риббентропа №№ 29, 51, 56, 57, 60, 61, 62 несмотря на все мои старания, я не смог найти в книге документов по делу Риббентропа.

Далее, в списке документов также не указано, какие номера этих документов соответствуют номерам в книге документов Риббентропа.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, это не предполагается. Имеется в виду то, что они относятся к той же категории документов, которые посвящены тем же самым вопросам, а именно вопросам Греции и Балкан, т.е. к тем документам, которые Трибунал исключил в связи с делом Риббентропа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Видите ли, доктор Зиверс, я думаю, что лучше всего для вас было бы просмотреть эти документы под заголовком С сегодня, во вторую половину дня, и выяснить те ли это самые документы, которые были отклонены по делу Риббентропа, или нет; если это не те документы, то вам следует точно указать, чем они отличаются от документов, отклоненных по делу Риббентропа, и доказать, что они имеют некоторое отношение к вашему делу. Мы надеемся, что это будет сделано к 5 часам дня. А сейчас вы продолжите разбор других документов.

ЗИВЕРС. Я хотел бы сказать еще только одно слово в связи с тем, что сэр Дэвид заявил в отношении группы "Д".

H1200 – 0073

H1200 – 0074

В отношении этих документов не было заявлено протеста - не потому что они уже рассматривались по делу Риббентропа, а потому что они рассматривают один и тот же вопрос. Это правильно. Они рассматривают вопрос о Греции, и я не могу ничего сказать кроме того, что Обвинение в документе за № С-52 инкриминировало Редеру, что он прилагал усилия в отношении того, чтобы Греция была полностью оккупирована, и достиг своей цели. Остановиться на этом замечании я смогу лишь в том случае, если мне разрешат представить какие-либо документы о Греции, которые не будут отклонены, потому что по делу Риббентропа вообще были отклонены все документы, касавшиеся Греции.

Далее, я останавливаюсь на группе "Е", которая начинается с документа № 26. К этим документам относятся те же высказывания, которые я уже делал в связи с документами за №№ 101-107. Нападение, которое было запланировано союзниками, на нефтяные районы нейтральной Румынии и Северного Кавказа, сверх того, что я упоминал, уже рассматривалось на данном процессе. Высокий Суд помнит, что я в связи с записями из дневника Йодля говорил по этому вопросу и спрашивал об этом Геринга во время его допроса; он дал показания в отношении этих сведений в протоколе заседаний на стр.6069 и 38. И здесь эти высказывания касаются лишь суб"ективной стороны того, что знала Германия. Я хочу подчеркнуть, что эта об"ективная сторона, т.е. то, что тогда планировалось,- полностью соответствует суб"ективной стороне, т.е. сообщениям. В отношении этого я и хочу пред"явить эти документы. Это касается документов № 26, № 30-32, №№ 36, 37, 39, 40, 41, 42, 43 и 44. Далее, здесь упоминался документ № 99, который уже рассматривался раньше.

Он должен быть указан дважды, и документы №№ 101 и 110 также указаны дважды.

Далее, я перехожу к 6-й группе. Это документы, которые считаются не относящимися к делу и касаются нападения на Норвегию. По этому вопросу я уже принципиально высказался. Я прошу Высокий Суд ни при каких обстоятельствах не отказывать мне в возможности пред"явить эти документы, так как в том случае, если мне будет отказано в пред"явлении этих документов, я просто не буду в состоянии в разумной форме привести доказательства. Я могу пред"явить доказательство по этому важному вопросу только в том случае, если мне так же, как и Обвинению, будет разрешено пред"являть документы. В том случае, если мне будут запрещены все документы, которые относятся к этому комплексу вопросов, ~~то~~ я не знаю, как я буду рассматривать этот комплекс вопросов, и я думаю, что Высокий Суд поможет мне в этом деле.

Я также прошу об этом по следующим причинам. Когда я обосновывал свои ходатайства об истребовании документов, я ходатайствовал о том, чтобы мне была дана возможность пред"явить документы британского адмиралтейства, которые содержат описание подготовки операций на Скандинавском полуострове, т.е. в Норвегии. Сэр Дэвид в свое время не заявлял возражений против них и сказал мне лишь, что он должен обратиться к британскому адмиралтейству. Суд разобрал мое ходатайство и утвердил мою просьбу; между тем британское адмиралтейство дало ответ. Я предполагаю, что сэр Дэвид будет согласен со мной, если я оглашу здесь полученный мною ответ. Этот ответ гласит. Дело касалось, если мне разрешено сказать...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы уже получили этот ответ, не так ли?

H1200-0075

H1200 – 0076

Мы уже получили этот ответ и передали его вам.

ЭММЕРС. Хорошо. Я благодарю вас. Из этого ответа вытекает, что документы не будут здесь пред"явлиться, вследствие чего я не могу использовать ваше разрешение.

Далее, из этого витекает, что целый ряд фактов, которые важны для пред"явления доказательств, – согласованы с британским адмиралтейством; однако, формально, – у меня нет возможности что-нибудь доказать путем пред"явления этих документов. Так как я не могу пред"явить это доказательство, ~~то~~ я прошу предоставить мне возможность представить другие документы, а именно документы из германских "Белых книг".

Эти документы признаны вполне достоверными. Их можно точно проверить, и мне кажется, что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Эммерс! Мы сейчас занимаемся вашими ходатайствами о конкретных документах. Мы сейчас не занимаемся дискуссией по общим вопросам или общей критикой, с которой вы считаете нужным выступить. Мы заслушиваем сейчас только ваш ответ на некоторые возражения, которые были выдвинуты британским Обвинением.

ЭММЕРС. Ваша честь! Если я не ошибаюсь, – прошу меня поправить, – сэр Дэвид выступал по поводу этих документов, об"единенных под буквой "Ф"; это документы № 59 и 91 с небольшими исключениями. Он говорил о всех документах, а не о каждом документе в отдельности. Я же должен остановиться на каждом документе, но практически я должен сказать по каждому документу то же самое. Я прошу лишь, чтобы эти документы вообще были допущены, так как без них я не могу обойтись.

Мои высказывания относятся...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы не ссылались на эти документы. Вы ссылались на тот факт, что британское адмиралтейство не намеревалось разрешить вам пользоваться его материалами. Это не имеет никакого отношения к этим документам.

ЗИМЕРС. Мне кажется, Высокий Суд, что меня неправильно поняли. Я совершенно ясно заявил, почему мне необходимы эти документы для пред"явления доказательств в связи с норвежской операцией. Я, кроме того, сказал, что если я не получу эти документы, то я вообще не смогу пред"являть доказательств. Я лишь просил Суд учесть, что я не получил документов из Лондона, которые я первоначально предусматривал, и я не знаю, почему мне отказывают в просьбе, с которой я обращаюсь к Суду лишь для обоснования моих высказываний.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это все, что вы хотите сказать?

ЗИМЕРС. На этом я заканчиваю свое выступление и хотел бы лишь сказать, что я ни в коем случае не предполагаю оглашать все документы или слишком долго останавливаться на них. Мне кажется, что если эти документы будут утверждены, то пред"явление доказательств будет гораздо проще, так как эти группы документов показывают развитие целого ряда планов в определенной последовательности во времени. И если мне нужно представить документы № 5, 6 или 7, то я не буду зачитывать каждый документ. Если из них будет допущен только один, то я окажусь в очень тяжелом положении и должен буду говорить об этом гораздо подробнее, чем если бы я просто ссылался на эти документы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал рассмотрит этот вопрос. Пожалуйста, доктор Дикс.

/К микрофону подходит Дикс, к свидетельскому пульту - подсудимый Шахт./

H1200 - 0077

H1200 – 0078

/Продолжение прямого допроса подсудимого Шахта./

ДИКС. Мы теперь переходим к общей проблеме относительно вашей осведомленности о непосредственных военных планах Гитлера. Вы уже указали здесь, что Гитлер никогда не говорил с вами по вопросу о войне. Вы можете еще кое-что добавить по этому вопросу?

ШАХТ. Нет.

ДИКС. Вы также говорили об искренности его заверений о мире и предложений о разоружении. Можете ли вы добавить что-либо новое?

ШАХТ. Нет, я с самого начала верил в них.

ДИКС. Как обстоит дело с отдельными членами кабинета? Отдельные члены кабинета говорили с вами о военных планах?

ШАХТ. Я никогда не слышал от моих коллег в имперском кабинете, что кто-либо из них имел намерение или приветствовал бы, если бы Германия начала войну.

ДИКС. Теперь я переходу к вашей собственной позиции по вопросу о войне. Вы дали общее показание по этому вопросу, когда вы говорили о вашем мировоззрении, как пацифиста. Мне кажется поэтому целесообразным, если я коротко зачитаю из моей книги документов показания третьего лица, которое вас хорошо знает. Это-бывший член правления имперского банка Пильзе. Это в книге документов Шахта № 37-Ш, на странице 130 немецкого экземпляра, страница английского экземпляра 168-я. Это аффидевит. Начиная со 2-го абзаца, говорится: "Я вспоминаю о нескольких беседах с доктором Шахтом в 1935-1937 годах относительно войны и вооружения. В них он всегда выражал свое отвращение ко всякой войне и всяким военным действиям. Он решительно стоял на той точке зрения, что война приносит убытки даже победителю и

H1200 – 0079

что новая европейская война будет преступлением против культуры и человечества в целом. Он надеется, что Германия на долгое время будет иметь мир, который ей нужен больше, чем другим странам, для того, чтобы улучшить свое неустойчивое экономическое положение и укрепить его. На заседаниях правления имперского банка и в частных беседах доктор Шахт, насколько мне известно, до начала 1938 года говорил всегда лишь об оборонительных мероприятиях, когда дело касалось вооружения. Мне кажется, что я помню, как он, примерно в середине 1938 года сказал мне, что вызывающие шаги Гитлера по отношению к Австрии и Судетской области были с военной точки зрения более чем легкомысленными. По его словам, Германия предпринимала лишь оборонительное вооружение, которое было совершенно недостаточным для обороны от нападения со стороны какой-либо великой державы, с возможностью которого Гитлер должен был считаться. Он никогда не слышал, чтобы германская армия была сколько-нибудь пригодна или вооружена для агрессивной войны. Когда началась и стала все более распространяться война, он часто говорил, что он в корне ошибся в своей характеристике личности Гитлера. Он долго надеялся, что из Гитлера выработается настоящий государственный деятель, который, имея опыт первой мировой войны, будет избегать попытки военного конфликта".

Вы также говорили по вопросу о присоединении Австрии. Я прошу вас теперь конкретно высказаться относительно присоединения, которое уже имело место, и в особенности о тех формах, в которых оно было осуществлено.

ШАХТ. То, что это присоединение будет когда-либо произведено, мы, немцы, знали хорошо. А о различных поли-

H1200 – 0079

H1200 – 0080

тических переговорах, которые велись между Гитлером, Шушнигом и другими, я был также мало информирован, как и другие министры кабинета, за исключением, может быть, Геринга, Риббентропа и еще нескольких человек. Действительное присоединение в марте было полной неожиданностью для нас. Я имею в виду дату, а не самый факт и мы, - я имею в виду моих знакомых и меня, - совершенно не были подготовлены к этому.

ДЖКС. Как вы оцениваете форму и характер осуществления присоединения?

ШАХТ. Мне кажется, что в отношении формы можно кое-что сказать. То, о чем мы уже слышали здесь и о чем я узнал частично только здесь на процессе, не является отрадным, но мне кажется, что это мало влияло на факт присоединения и на весь ход событий. Все являлось больше демонстрацией для заграницы так же, как например, вступление в Рейнскую зону. Однако, насколько я считаю, это вступление войск не оказало никакого особого влияния на общий ход событий. Я остановлюсь теперь на вступлении войск. Это был скорее праздник.

ДЖКС. Представители Обвинения указали на то, что вы в марте 1938 года установили отношение шиллинга к марке на случай возможного присоединения, и в связи с этим я хотел бы указать здесь на то, что вы заранее знали об этой акции. Выскажетесь ли вы по этому поводу?

ШАХТ. Факт, на который ссылается Обвинение, - это сообщение подполковника Видермана 11-го числа в 3 часа дня, мне кажется я вспоминаю, но я не помню, было ли это по телефону, или лично кто-то - может быть это был как раз подполковник Видерман - справился у меня по вопросу о том, что если немецкие войска вступят в Австрию, каковы будут

возможности для закупки товаров войсками в Австрии, т.е. он ставил вопрос с чисто валютной точки зрения, и нужны ли какие-нибудь инструкции в связи с этим. Я на это ответил, что, естественно, необходимо заплатить за все, что будут там закупать войска, и в случае, если они заплатят не шиллингами, а марками, то одна марка равняется двум шиллингам. Это соответствовало действительному курсу валюты в то время, который оставался неизменным. Тот факт, что 11-го числа днем со мной говорили об этом, и то, что я высказал такую точку зрения, является лучшим доказательством того, что я раньше ничего не знал об этих событиях.

ДИКС. Обвинение далее инкриминирует вам то, что вы в своем обращении к австрийскому национальному банку, произнесенном после вступления войск, использовали чисто нацистские термины и приветствовали присоединение. Может быть следовало бы использовать эту возможность для того, чтобы сократить высказывание и остановиться вообще на том, что вам часто инкриминирует Обвинение, а именно то, что вы в своих речах, статьях и т.п. часто используете термины, которые можно назвать национал-социалистской фразеологией. Это выдвигается в качестве улики против вас. Хотите ли вы высказаться по поводу этого аргумента и обосновать свою позицию в связи с этим?

ШАХТ. Если я сделал это в первый же год, то я это делал для того, чтобы снова и снова указать партии и народу на первоначальную программу национал-социалистской партии, так как действительное и практическое поведение руководящих деятелей партии и рядовых членов партии находилось в явном противоречии с этой программой. Я всегда пытался доказать, что основные мысли, которые я высказывал по отношению ко многим политическим событиям, полно-

H1200 – 0081

H1200 – 0082

стью совпадали с основной идеей национал-социалистской программы, так, как это было предусмотрено в самом тексте программы, т.е. равноправие для всех, уважение личности, уважение церкви и т.д. В более поздние годы я также неоднократно использовал национал-социалистские термины, так как, начиная с моей речи в Кенигсберге, противоречия между моей точкой зрения и точкой зрения Гитлера стали совершенно ясны, и я постепенно получил в партии кличку врага партии, т.е. человека, который придерживается противоположной точки зрения, чем другие члены партии. Начиная с этого момента, опасность угрожала не только моему сотрудничеству, но и вообще моему существованию. И в такие моменты, когда я особенно ясно видел угрозу со стороны партии моей деятельности и моей жизни, т.е. моей свободе и жизни, я использовал национал-социалистскую фразеологию для того, чтобы показать, что я действую в рамках установленной политики, что мои действия можно привести в соответствие с этой политикой, и таким образом защитить себя от этих нападок.

ДИКС. Стало быть, вы, чтобы напомнить о высказываниях свидетеля Гизевиуса об одном слове Гердлера, применили метод Талейрана?

ШАХТ. Я не совсем хорошо знаю метод Талейрана, но, во всяком случае, я маскировался.

ДИКС. Разрешите мне в связи с этим вкратце зачитать еще одну цитату из аффидевита Шнивинда, о котором уже говорилось. Это документ № 34. Я уже часто называл номера страниц: в немецком тексте это страница 118-я, 126-я-английской книги документов. Шнивинд говорит: "Если Шахт, с другой стороны, высказывался устно и письменно в

отношении расхождения его позиций с позицией гитлеровского режима, то эти ~~показания~~ высказывания, безусловно, были нам всем известны. Однако, какое он имел мнение в действительности, это было известно почти каждому чиновнику в имперском министерстве хозяйства и в рейхсбанке. В особенности, это было известно его ближайшим сотрудникам. Мы неоднократно спрашивали доктора Шахта, не пошел ли он слишком далеко в этих высказываниях. Он всегда отвечал, что он подвергается таким сильным нападкам со стороны партии и СС, что он может защититься только такими заявлениями".

Я хочу еще указать на то, что Шнивинд был высшим чиновником министерства хозяйства, работал под руководством Шахта и непосредственно вместе с ним.

Далее, обвинение ссылалось на аффидевит Тили, в котором говорится о том, что вы предполагали, что у Гитлера есть агрессивные намерения. Хотите ли вы высказаться специально по этому вопросу?

ШАХТ. Аффидевит британского майора Тили является вполне правильным. Я во время предварительного следствия сказал майору Тили, что я в 1938 г. в ходе событий, связанных с аферой Фрича, и в последующий период пришел к убеждению, что Гитлер, во всяком случае, не при всех обстоятельствах, станет избегать войны, а, возможно, даже стремиться к войне. И я тогда ретроспективно обдумал целый ряд высказываний Гитлера и спросил самого себя, почему Гитлер с течением времени пришел к такому убеждению, что он, возможно, не сможет избежать войны. Я в качестве обоснования, которое я нашел для этого, сказал майору Тили, что моим впечатлением ретроспективно является то, что Гитлер играет роль, которая свойственна любому дик-

H1200 – 0083

H1200 – 0084

татору, не ~~исполнителю~~ исполнителю своевременно выпустить из своих рук власть, что он хочет выслужиться перед своим народом какими-либо славными победами и что, вероятно, такой ход развития идей имел место у Гитлера.

ДИКС. Таким образом, это то же заявление, которое сделал в свое время барон Метерних о Наполеоне.

Вы уже говорили только что, что первое подозрение у вас возникло в связи с аферой Фрича. Свидетель Гизевиус подробно описал эту аферу Трибуналу. Мы не будем повторять это еще раз. Я поэтому прошу вас сказать, в связи с аферой Фрича только то, что вы можете дополнить к показаниям Гизевиуса, и, может быть, вы скажете что-либо, отклоняясь от его показаний. В том случае, если это займет слишком много времени, я бы предложил суду об"явить перерыв, если суд хочет сделать перерыв.

ШАХТ. У меня есть только одно небольшое замечание.

ДИКС. Это небольшое замечание? Ответьте коротко на этот вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если он может сделать это коротко, то лучше это сделать сейчас.

ШАХТ. У меня есть одно единственное замечание. Показания, которые дал Гизевиус, в связи с аферой Фрича, насколько я знаю и насколько я вспоминаю, совершенно правильны во всех деталях. Я ничего не могу добавить к этому, я могу только подтвердить их. Однако, я хотел бы остановиться на одной речи Гитлера, которую он произнес 20 февраля 1938 года в рейхстаге, и где имеется замечание, которое уже тогда обратило на себя мое внимание. Он говорит там /я цитирую эту речь по "документам германской

политики", которые имеются здесь во всех экземплярах/. "Изменение в составе имперского кабинета и военной администрации, произведенное 4 февраля /т.е. немедленно после айер Фрича и Бломберга/ имело целью "привести к усилению военной власти в наикратчайший срок, который отвечает требованиям момента".

Это замечание укрепило мое убеждение в том, что здесь у Гитлера явно намечается поворот от мирной к военной политике. И я не хотел упустить случая сослаться на это замечание для того, чтобы дополнить картину, которая здесь была изображена Гизевиусом.

ДИКС. Это документ № 28 нашей книги документов, на странице 81-й английского текста и на странице 74-й немецкого текста. Он зачитал это место.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо, сейчас мы сделаем перерыв на 10 минут.

/Перерыв на 10 минут./

9916

H1200 – 0085

H1200 – 0086

Встать. Суд идет.

ДЖС: Далее. Здесь речь идет о различных заседаниях, на которых Гитлер прямо или косвенным образом говорил о своих намерениях агрессивного характера. Принимали ли Вы участие в таких заседаниях?

ШАХТ: Ни в одном.

ДЖС: Как вы уже показывали, по многим вопросам вы придерживались другой точки зрения, чем Гитлер и партия. Вы высказывались об этом или вы всегда подчинялись распоряжениям Гитлера? Можете ли вы, в частности, дать доказательства вашего критического отношения к вопросу о церкви, к еврейскому вопросу, к вопросу о масонах и т.д.?

ШАХТ: Я хотел бы предпослать своему ответу замечание, что Гитлер никогда не давал мне приказов или инструкций, которые бы противоречили моим взглядам и что я никогда не делал ничего того, что находилось бы в противоречии с моим внутренним убеждением. Я с самого начала не скрывал лично перед Гитлером, не только в кругу моих друзей и в широких партийных кругах, но и перед всей общественностью своих убеждений по всем вопросам, о которых Вы сейчас говорили.

Я уже здесь однажды говорил, что я уже после чистки партии 30-го июня 1934 г. указывал Гитлеру на незаконность его действий. Я сослался, далее, на документ, к сожалению, лишь половина которого была представлена Обвинением. Это письменный отчет, который я составил 3-го мая 1935 года и лично передал Гитлеру. Я так хорошо помню эту дату потому, что это произошло во время пробной посадки парохода "Шарнгорст", на котором находился как Гитлер, так и я. В этот день я передал ему два связанных друг с другом меморандума, которые до некоторой степени представляли собой единое

целое.

9867

В первой половине речь идет о том, что я настроен против непрекращающихся сборов денег, производящихся различными партийными организациями, так как мне казалось, что эти деньги нужно было использовать не для целей партии, /4/ в частности, не для строительства различных зданий, не для организаций партии и т.д., а что эти деньги нам необходимы для покрытия наших государственных расходов. Безусловно, здесь имелись в виду и расходы на вооружение.

Во второй половине этого документа говорилось о культурных вопросах. Защита и я в течение долгого ряда месяцев пытались получить от Обвинения эту вторую половину документа, после того, как оно пред"явило первую половину этого документа в качестве доказательства, однако, оказалось невозможным достать эту вторую половину документа. Поэтому я должен ограничиться тем, что я остановлюсь на содержании этого документа.

Я хочу предварительно заметить, что, естественно, во всех своих высказываниях против неправильной правовой и культурной политики партии и Гитлера, я мог лишь основываться на тех данных, которые имелись в моем ведомстве, ибо только в этом случае я имел право доложить об этих моментах Гитлеру. Поэтому я написал, что моя политика внешней торговли сильно страдает от этой негуманной и произвольной культурной и правовой политики, которую вел Гитлер. Я в особенности указал на преследование церкви, я особо указал на беззаконные действия по отношению к евреям и далее, в частности, я указал на абсолютную беззаконность и произвол режима гестапо. И я при этом вспоминаю, что я указывал на "Декларацию прав человека", ко-

H1200 – 0087

H1200 – 0088

тора уже сотни лет тому назад защищала права личности, и что я подчеркну, что этот произвол гестапо, я считаю, сделает нас достойными презрения в глазах всего мира.

Гитлер немедленно прочитал обе части этого меморандума на борту "Паригорета", вызвал меня тот час же к себе и пытался успокоить меня теми же словами, которые он уже говорил мне в июле 1934 года, что это лишь явления временного характера, явления, связанные с революционным развитием, и что с течением времени это все будет приведено в порядок.

Я, однако, последствие событий июля 1934 года, убедился, что я был прав и меня не успокоило это об"яснение, а несколько недель спустя, 18 августа 1935 года, я посетил восточную ярмарку в Кенигсберге и использовал это посещение для того, чтобы в речи, которую я там держал,, остановиться на этих моментах. И я здесь совершенно ясно указал на те же самые возражения, которые я в начале мая выдвигал лично Гитлеру на борту "Паригорета". И отмечу, что я здесь говорил не только об отношении к церкви, к евреям, о произволе, но также и об обращении с массонами, и о разрешении суда и процитирую лишь несколько предложений из этой речи. Это очень короткие предложения. Затем я буду говорить о людях, а сейчас прочту...

ДЖС: Одну минутку. Я хотел бы только сказать суду, что это-та речь в Кенингсберге, которую я уже пред"явил суду сегодня в качестве документа.

9969

ХАХТ: И здесь говоря о людях; итак, я цитирую: "Люди, которые ночью героически разбивают витрины магазинов, которые об"являют предателем народа каждого немца, который покупает товар в еврейском магазине, которые об"являют бродягами всех масонов и которые со своей стороны в обоснованной борьбе со священниками и Kapellanen, занимающимися политикой, не делают различия между религией и злоупотреблением церковной кафедрой"...."

И другое предложение; я цитирую: "Так же, как и раньше, как по состоянию законодательства, так и в соответствии с различными заявлениями заместителя фюрера, рейхминистра внутренних дел и рейхминистра народного образования и пропаганды /уже не говоря о министерстве хозяйства/, - еврейским предприятиям разрешено заниматься их деятельностью". /Конец цитаты/.

И затем последнее предложение. Я цитирую: "Никто в Германии не лишен прав. Согласно 4-му пункту национал-социалистской программы, еврей не может быть ни гражданином Германии, ни членом немецкой общины. Однако, 5-й пункт программы партии предусматривает и для них законодательство, т.е. еврей подчинен не произволу, а закону".

Я занимал такую же позицию при всех представлявшихся возможностях.

ДЖС: Одну минуту, доктор Шахт, неужели этот режим примирялся с этой речью?

ШАХТ: Хорошо, что Вы мне напомнили об этом, так как в своих показаниях свидетель Гизевиус говорил уже относительно выступления Папена в Марбурге по этому

H1200 - 0089

H1200 – 0090

вопросу. Так как мои речи не подвергались ранее цензуре, /я бы не позволил этого делать/, - ~~то~~ эта речь по ошибке, так сказать, была передана по немецкому радио. Вследствие этого министр пропаганды Геббельс узнал об этой речи и он тот час же запретил опубликовывать ее в газетах. Вследствие этого эта речь, хотя и была передана по немецкому радио, однако, не была помещена ни в одной газете. Так как рейхсбанк - по счастливому стечению обстоятельств - имел свою собственную типографию, которая, естественно, не была подчинена цензуре, - я отпечатал эту речь в типографии рейхсбанка и она затем тиражом в 250 тысяч экземпляров была распространена по четырем сотням филиалов имперского банка во всей стране и таким образом стала известна всему населению.

ЛИКС: Пожалуйста, Вы хотите продолжать?

ШАХТ: Да, я хотел продолжить, что при всех представлявшихся мне возможностях, которые я просто искал, я всегда старался снова возвратиться к этим вопросам.

Я хотел бы здесь остановиться еще на двух моментах. Я сегодня утром в связи с письмом, которое я написал 24 декабря 1935 года имперскому военному министру, говорил об этих событиях и я хотел бы добавить лишь несколько слов, на которые следует обратить внимание. Я цитирую.

"Политико-экономическое и политико-правовое обращение с евреями, антицерковное движение некоторых партийных организаций и произвол по отношению к праву, которым руководит гестапо, наносят ущерб вооружению" и т.д.

9971

12 мая 1936 года из протокола заседания малого совета министров, который был здесь пред"явлен в качестве документа обвинением, опять-таки вытекает, что я придерживался той же позиции. В этом протоколе написано:

"д-р Шахт, далее, открыто подчеркнул, что необходимо вести такую культурную и правовую политику, которая оставит в покое хозяйство". Я хочу заметить в связи с этим, что, я, естественно, в качестве министра хозяйства воспользовал свои права в этом направлении. В качестве последнего примера, наряду со многими другими, которых я здесь не могу сегодня привести, я укажу на речь в связи с выпуском учеников-ремесленников в берлинской ремесленной палате 11 мая 1937 года. Там я сказал следующее:

"Никакое общее дело и, во всяком случае, никакое государство не может процветать, если оно не основано на законности, порядке и дисциплине". /Конец цитаты/.

И второе предложение /я цитирую/: "Поэтому вы должны не только сами уважать право и законность, вы должны также выступать против всяких беззаконий и несправедливостей везде, где вы встретитесь с ними". /Конец цитаты/.

Таким образом, также и вследствие того, что моя позиция была известна не только в узком кругу, и не стеснялся сообщать о ней при любой возможности перед лицом общественности, ~~и результате этого~~ начальник 3-го отдела главного управления имперской безопасности,

9272

H1200 – 0091

H1200 – 0092

свидетель Олендорф при ответе на вопросы, которые ему поставили, назвал меня врагом партии,по крайней мере, с 1937-1938 г.г. И, мне кажется, начальник службы безопасности, занимавшийся внутренней политикой, должен был это знать, так как в его функции входила борьба с внутриполитическими врагами.

ДЖС: Я хотел бы указать на то, что это выступление на заседании малого совета министров 12 мая 1937 года имеется в моей книге документов, документ по делу Шахта № 20, стр. 57 английского текста, стр. 51 немецкого текста. Что касается речи Шахта в промышленной и торговой палате от 6 марта 1937 года...

ШАХТ: В палате ремесленников.

ДЖС: Я затем еще возвращусь к этому, когда получу надлежащий документ. Я продолжаю. Относительно вашего участия в имперском партийном с"езде мы уже говорили, и я хотел бы еще дополнительно спросить Вас - участвовали ли Вы в каких-либо других мероприятиях партии?

ШАХТ: Я не помню, чтобы я когда-либо принимал участие в каких-нибудь мероприятиях партии.

ДЖС: Далее, в обвинительном заключении говорится буквально следующее: "Вам вменяется в вину, что вы лично оказывали влияние и имели тесное сотрудничество с фюрером и использовали это для известных целей". Убеждены ли вы, согласно вашим воспоминаниям, что Вы имели какое-то влияние на фюрера?

ШАХТ: Я лично, к сожалению, никогда не имел никакого влияния на деятельность и решения фюрера. Я имел влияние лишь в том отношении, что фюрер не решался препятствовать

мне в проведении специальной финансово-экономической политики. В остальном по вопросу о невозможности оказать влияние на Гитлера со стороны его окружения говорили различные свидетели в достаточной степени и, мне кажется, что мне не следует занимать время суда и повторять подобные показания.

ДЖС: Последнее, что вы сказали, относится также к вопросу, кто имел влияние, к вопросу о влиянии членов имперского кабинета, к вопросу о последних заседаниях имперского кабинета и т.д. Различные свидетели здесь уже давали показания по этому вопросу. Можете ли вы сказать что-либо новое по этому вопросу?

ШАХТ: Я могу в общем добавить, что имперский кабинет не имел ни малейшего влияния на Гитлера и что он, уже начиная с мая 1937 г., как уже здесь показывалось, он никогда не созывался для совещаний. Имперский кабинет представлял собой группу политически бесцельных и не всегда соответствующих этому назначению министров.

ДЖС: Я добавлю [illegible] номер речи на заседании ремесленной палаты; это документ № 30 моей книги документов, стр. 89 английского текста и стр. 82 немецкого текста. Как дело обстояло с вооружением? Чье мнение играло решающую роль в вопросе о размерах вооружения?

ШАХТ: Я не могу ничего сказать по этому вопросу, однако, безусловно лишь решение Гитлера было решающим и определяющим по этому вопросу.

ДЖС: Таким образом, вы не имели никакого влияния, кроме того, что вы были поставщиком денег для государства

9974

H1200 – 0093

H1200 – 0094

ШАХТ: Поскольку я руководил своим ведомством, я ничего не делал такого, за что я сам не мог бы отвечать.

ДЖКС: По отношению к иностранным представителям. Вы высказывались о том, что вы не имели никакого влияния на Гитлера?

ШАХТ: Я напоминаю вам в этой связи беседу с послом Буллитом в ноябре 1937 г.

ДЖКС: Эта беседа с послом Буллитом уже упоминалась в другой связи, и меморандум посла Буллита был пред"явлен здесь в качестве документа обвинения. Из всего текста я укажу лишь на одно предложение, которое относится ко мне. Я цитирую:

"Он, - т.е. Шахт - начал свое высказывание словами, что он сегодня совершенно не имеет влияния на этого человека, а именно на Гитлера. Он считал себя политически конченым человеком и относился без особого уважения к этому человеку."

Таким образом, это было сказано в ноябре 1937 г. Я, однако, укажу, если мне разрешат дополнить мои показания, на то, что в отношении моей позиции и всей моей деятельности в то время, когда я находился на официальном посту в Германии, мои друзья за границей, как я уже указывал, были постоянно информированы. Это можно будет в дальнейшем подтвердить теми или другими примерами.

ДЖКС: Я представил сегодня по этому вопросу документ № 22, стр. 22, стр. 64 английского текста. Еще несколько специальных вопросов в связи с Вашей деятельностью в качестве министра хозяйства. Вы уже здесь дали показания относительно поставки иностранного сырья и цитировали

соответствующие места. Нельзя ли было, по вашему мнению, заменить эти поставки сырья отечественными продуктами?

ШАХТ: Часть этого сырья, безусловно, можно было заменить отечественными продуктами. Мы за это время сумели производить целый ряд новых продуктов синтетическим путем, однако, большую часть нельзя было заменить и можно было достать лишь посредством внешней торговли. Таким образом...

ДЖКС: Как Вы относитесь к проблеме автаркии?

ШАХТ: Я относился к проблеме автаркии следующим образом. В случае рационального расходования средств, т.е. без слишком больших расходов, что означало бы растрату народного состояния Германии, и рабочей силы можно было бы производить часть сырьематериалов в Германии, то с этим можно было бы согласиться. В остальном же, исходя из экономических соображений, была абсолютно необходима внешняя торговля. Она была еще более необходима, если исходить из принципа международных культурных связей и сотрудничества народов. Я всегда считал большим несчастьем изоляцию одного народа от другого. И торговле в первую очередь я рассматривал как один из средств международной связи.

ДЖКС: Кто был представителем идеи об автаркии внутри правительства?

ШАХТ: Насколько мне известно, все идеи об автаркии, которые нашли свое выражение в 4-летнем плане, всегда принадлежали лишь Гитлеру. И после того, как руководство 4-летним планом было поручено Герингу, Геринг, соответственно, также представлял эти идеи.

9976

H1200 – 0095

H1200 – 0096

ДЖС: Вы говорили о своих противоположных взглядах Герингу и Гитлеру?

ЯХТ: Мне кажется из моих показаний вытекает, что я это делал при первой возможности.

ДЖС: Один попутный вопрос. Вы, очевидно, помните, что Геринг воскликнул: "Я хотел бы спросить, где эти люди, которые отрицательно относились к нашему плану?" Теперь я хотел бы спросить, относите ли Вы себя к тем людям, которые отрицательно относились к этим взглядам? Я напоминаю Вам о Вашем письме от ноября 1942 г.

ЯХТ: Я в любой момент, когда у меня не было возможности что-либо сделать, что соответствовало моим внутренним убеждениям, говорил "нет". Я неоднократно выступал против злоупотреблений по отношению к партии или тех злоупотреблений, которые исходили от партии, и я не молчал, а, во всяком случае, выступал против этих злоупотреблений лично частным образом, по служебной линии и перед общественностью. Я говорил по поводу всех этих событий "нет", я запретил предать, я противодействовал чрезмерному вооружению, я выступал против войны и предпринимал шаги для того, чтобы избежать войны. Я не знаю, кто может назвать себя человеком, относившимся отрицательно к этому, если не я.

ДЖС: Вы не давали присяги на верность Адольфу Гитлеру?

ЯХТ: Я никогда не давал присяги никому господину Гитлеру. Я дал присягу Адольфу Гитлеру, как главе государства немецкого народа, так же, как я дал присягу

не лично кайзеру и не господину президенту Эберту или господину президенту Гинденбургу, а им, поскольку они находились на посту главы государства. Также и Адольфу Гитлеру я не давал другой присяги, и та присяга, которую я дал главе немецкого государства, относилась не к личности этой главы государства, а к тому, что он представлял, а именно - к немецкому народу.

ДЖКС: Геринг здесь давал подробные показания...

ШАХТ: Я хотел бы в этой связи еще кое-что добавить. Я никогда не давал присяги клятвоотступникам, а Гитлер оказался прожженным клятвоотступником.

ДЖКС: Геринг давал очень подробные показания относительно 4-летнего плана, о его происхождении, о его подготовке, о его деловых противоречиях по отношению к Вам, о том, какие выводы Вы сделали из этих противоречий. И поэтому я хочу, чтобы и Вы коротко ответили, можете ли Вы сказать что-либо новое? Имеете Вы что-нибудь добавить по поводу показаний Геринга? Может быть Вы отклонитесь от этого в своих воспоминаниях и взглядах?

ШАХТ: Я заключил из показаний Геринга, что он весьма правильно изображает события, так что мне нечего добавить по этому вопросу, если только Вы не хотите спросить меня о чем-либо еще.

ДЖКС: Когда, по Вашему мнению, Гитлер узнал, что Вы являетесь препятствием для быстрого и широкого вооружения? И признавал ли он Ваши экономические соображения, был ли он доволен Вашей политикой или нет?

ШАХТ: Тогда, в 1936 г., когда в сентябре был принят 4-х летний план, я не мог узнать, какова была

H1200 – 0097

H1200 – 0098

действительная позиция Гитлера по отношению ко мне в связи с этими экономическими и политическими проблемами. Я заметил, что его личное недоверие ко мне зародилось со времени произнесения речи в Кенигсберге в августе 1935 г. Однако, то, как он относился к моей экономической и политической деятельности, я не мог еще точно определить в 1936 году. Исходя не того, что я вообще не участвовал в подготовке четырехлетнего плана, а узнал о нем неожиданно на с"езде партии, и далее из того, что совершенно неожиданно для меня руководителем управления по четырехлетнему плану был назначен Геринг, а не министр хозяйства, о чем я также узнал на с"езде партии в сентябре 1936 года, - исходя из всех этих фактов, я, конечно, мог установить, что Гитлер недоверял мне в хозяйственно-политическом отношении в связи с вооружением. Впоследствии, однако, мне, здесь в тюрьме - подсудимый Шпеер показал меморандум, который он получил при занятии поста от Гитлера, меморандум, который, как это ни странно, связан с четырехлетним планом и моей деятельностью и в котором очень подробно говорится о них. Меморандум относится к августу 1936 года. Таким образом, в августе 1936 года Гитлер лично написал, продиктовал этот меморандум, о котором я здесь, в тюрьме, узнал от подсудимого министра Шпеера, и я предполагаю, что если я зачитаю здесь целый ряд кратких цитат, если Вы позволите...

ДЖКС: Разрешите сделать небольшое пояснение. Этот меморандум в оригинале мы получили три недели тому назад через Обвинение от коменданта лагеря в Дуттбине и мы передали его для перевода, чтобы предоставить этот документ. Перевод еще не готов. Я пред"явлю потом этот до-

кумент под новым номером.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Было ли подано ходатайство в отношении этого документа?

ДИНС: Нет. Ходатайства не было ~~сделано~~ подано, я хотел...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что это за меморандум? Кто его составил?

ДИНС: Это меморандум Гитлера, относящийся к 1936 году, с него снято 3 копии, из которых одна находилась в лагере "Дуетбин". Эта копия две или три недели тому назад была получена нами после того, как мы уже обсудили нашу книгу документов обвинения. Я хотел пред"явить сегодня этот меморандум Гитлера в переводе. Одновременно я хотел просить принять этот меморандум Гитлера, но не имея возможности, так как перевод еще не готов. Было сказано даже моему коллеге д-ру Краусс, что перевод отложен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Динс, пусть подсудимый продолжает, а документ в качестве доказательства и перевод Вы сможете передать позднее.

ДИНС: Очень хорошо. Подсудимый имеет копию и он сейчас процитирует оттуда отдельные важные места.

ШАХТ: Я только прочту лишь несколько коротких цитат из этого меморандума. В этом меморандуме Гитлер говорит /я цитирую дословно/: "Это не является задачей государственно-экономических учреждений ломать себе голову в отношении методов производства продукции. Это совсем не касается министерства хозяйства".

/Конец цитаты/.

9-2-80

H1200 – 0099

H1200 – 0100

Министерство хозяйства находилось в то время под моим руководством; таким образом, это обвинение направлено против меня.

Другая цитата /я цитирую/: "Далее необходимо выработку немецкой продукции из железа в Германии поднять до возможных пределов, а возражения, что мы не в состоянии производить такой же чугун из немецкой руды, которая содержит 26% железа, как из шведской руды, которая содержит 45% железа, не имеют никакого основания. То возражение, что все немецкие домны в этом случае должны быть перестроены - также не заслуживает внимания, а главное, это не имеет никакого отношения к деятельности министерства хозяйства" /Конец цитаты/.

Я показал, как вытекает из данного меморандума, что для того, чтобы из руды, содержащей 26% железа, получить столько же чугуна, как из 46 процентной руды, такой руды требуется в два или три раза больше.

Далее я указал на то, что для обработки этой руды нужны другие сооружения, чем при обработке руды, содержащей 45% железа. Гитлер заявил, что это не имеет никакого отношения к деятельности министерства хозяйства, - т.е. к деятельности господина Шахта.

И последняя краткая цитата /я цитирую/: "Я хотел бы при этом подчеркнуть, что в этих задачах я вижу единственную возможность экономической мобилизации, а не конверсации военных заводов..." /Конец цитаты/.

Эти высказывания также направлены против моей политики.

ДИКС: Таким образом, мы сейчас перешли к вопросу о Ваших противоречиях с Германом Герингом и с Адольфом Гитлером в связи с Вашей деятельностью в качестве министра хозяйства.

Каковы были тогда Ваши соображения относительно Вашего ухода в отставку с поста министра хозяйства? Как обстояло дело с возможностью ухода в отставку?

Я прошу Вас не повторять того, что говорил Ламмерс и другие - о невозможности уйти в отставку, я прошу Вас остановиться лишь на Вашем особом случае и сказать, что Вы для этого сделали.

ШАХТ: Вначале я пытался продолжать мою экономическую политику, несмотря на то, что Геринг, приняв руководство по выполнению четырехлетнего плана, разумеется, старался взять в свои руки разрешение целого ряда экономических задач. Я использовал первую попытку Геринга вмешаться в мои дела как министра хозяйства, для того, чтобы добиться ухода с поста министра хозяйства. Это было в начале августа 1937 года. Я тогда очень кратко изложил Гитлеру свои соображения, заявив, что если я должен нести ответственность за экономическую политику, то я бы хотел иметь в своих руках соответствующую власть. Если, однако, этой власти у меня не будет, то я не желаю нести никакой ответственности. Борьба за мою отставку, которая велась мною с применением сильных мер, продолжалась, примерно, два - два с половиной месяца, пока, наконец, Гитлер не был вынужден решиться на то, чтобы прекратить дальнейшее развитие конфликта и не дать узнать о нем общественности, и удовлетворил мое ходатайство об отставке.

3982

H1200 – 0101

H1200 – 0102

ДИКС: Вы подразумеваете под сильными мероприятиями так называемую итальянскую забастовку, которую Вы предприняли. Я хотел бы в этой связи пред"явить суду документ № 140 моей книги документов. Это письменные показания под присягой бывшего сотрудника д-ра Шахта в имперском министерстве хозяйства, директора палаты, доктора Асмиса. Это в английском тексте страница 180. Я зачитаю лишь один пункт из этого пространного показания под присягой. Я цитирую: "Когда, однако, его борьба не достигла успеха и развитие продолжалось по этому, с его точки зрения, ложному пути, д-р Шахт осенью 1937 года, т.е. задолго до начала войны, как искренний человек, сделал выводы из этого и ходатайствовал о своей отставке с поста имперского министра хозяйства и тем самым хотел снять с себя ответственность. Нормальной отставки ему в то время нельзя было добиться, так как партия, во имя престижа, нуждалась в его имени. Тогда, он в течение долгих недель не появлялся в помещениях имперского министерства хозяйства. Он об"явил итальянскую забастовку, как это тогда называли в министерстве, и только заходил по служебным вопросам в помещения рейхсбанка".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Дикс, необходимо ли занимать время Трибунала всеми этими деталями? Разногласий по поводу того, что он подал в отставку, нет, и единственно, что он должен об"яснить, это - почему он продолжал оставаться министром. Обвинение предоставило свои материалы относительно его отставки и конфликта между ним и подсудимым Герингом. Какой смысл входить сейчас во все эти детали такие, как итальянская забастовка и тому подобное? Это Трибунал не интересует.

ДЖИС: Он не остался тогда на посту министра. ~~Это известно.~~ Он ушел с поста министра.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думал, что он оставался министром до 1948 г.?

ДЖИС: Министром без портфеля, да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не сказал министром с портфелем, я сказал министром.

ДЖИС: Да, но существует разница. Однако, я позже остановлюсь на этом вопросе. Я понял Вас так, что Вы говорили о действительном министре, но я сейчас не буду останавливаться на этом. Я заканчиваю этот вопрос. Я хотел лишь проиллюстрировать, как тяжело ему было добиться отставки. Мы переходим теперь к форме, в которой Вы были уволены. Вы можете что-либо добавить к показаниям Лямерса?

ШАХТ: Мне кажется, что следует сделать Суду одно сообщение, которое я услышал в тюрьме от подсудимого Кпеера. Свидетель лично слышал спор между Гитлером и мной на решающем совещании, на котором я добился своей отставки. Если Суд разрешит мне, что я вкратце оглашу некоторые места. Речь идет о 2-х или 3-х предложениях. Господин Кпеер сообщил мне следующее. Цитата: "Я находился на террасе Берггофа в Оберзальцберге и ожидал, когда я смогу предоставить свои планы, свои архитектурные планы. Осенью 1937 года, когда Шахт прибыл в Берггоф..."

ДЖЕКСОН: /прерывая/ Кпеер присутствует здесь в этом зале. Одному подсудимому давать показания о разговоре с другим подсудимым, это очень удобный способ получения показаний без перекрестного допроса, но мне кажется, что это

H1200 – 0103

H1200 – 0104

метод, вызывающий самые решительные возражения. Я возражаю против этого на том основании, что показания о беседе подобного характера тогда, когда сам подсудимый Кпеер находится в зале суда и может сам под присягой дать показания, не будут иметь доказательной силы. Он сидит здесь и его всегда можно вызвать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какова тема этой беседы?

ДЖИС: Тема этой беседы является делом, которое касается подсудимого Шахта, а именно высказывания Гитлера о Шахте. Это вопрос, который не касается подсудимого Кпеера. Поэтому я считаю ~~его~~ существенным, поскольку речь идет о вопросе, касающемся Шахта, если он сможет дать показания по этому вопросу. Я бы считал, однако, правильным, чтобы он не зачитывал того, что написано Кпеером, а чтобы он остановился на этом споре между Гитлером и Шахтом и заявил бы: "Я узнал об этом от Кпеера". Мне кажется это целесообразнее, чем... Я прошу не зачитывать этих показаний, а рассказать об этом случае и указать, что Вы слышали об этом от Кпеера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Д-р Дикс, Вы можете заниматься этим вопросом.

ГОСПОДИН ДЖИКСОН: Мне кажется, что это вызывает еще больше возражений, чем зачтение письменных показаний Кпеера. Если мы должны иметь показания Кпеера, то это, во всяком случае, должны быть показания Кпеера, а не повторение беседы между двумя подсудимыми. Если Кпеер составил письменное заявление, то оно нам может быть предоставлено обычным порядком. Это второй документ, который мы не имели

честн видеть прежде, чем он был предоставлен здесь. И мне кажется, что если это документ, подписанный Шпеером, - но я не думаю, что это так,-все же, если это так, то это одно дело: мы можем ознакомиться с ним и, возможно, его можно будет использовать. Если же это беседа, то я бы предпочел версию Шпеера.

ДЖКС: Разрешите мне сказать, что вопрос о порядке предоставления документа не является для меня принципиальным. Хорошо, тогда мы рассмотрим этот вопрос, когда будет допрашиваться Шпеер. Однако, я не знаю, будет ли Шпеер вызван в качестве свидетеля. Но его, очевидно, вызовут. Практически я считаю более целесообразным заслушать это сейчас, но предоставляю этот вопрос на усмотрение Суда. Для меня это не является основным вопросом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал допускает эти показания.

ДЖКС: Следовательно, не зачитывая, а только заслушав сообщение о произведем.

ШАХТ: Когда Шпеер вместе с другими находился на террасе, он слышал этот разговор, который велся довольно громко. В конце разговора Гитлер вышел на террасу и при этих обстоятельствах...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту /Пауза/.

Хорошо, господин Дикс, продолжайте.

ШАХТ: Гитлер после окончания этого разговора вышел на террасу и сказал окружающим, среди которых был и Шпеер, что у него очень серьезный разговор с Шахтом и что он не может больше работать вместе с Шахтом. Шахт мешает его финансовым планам.

H1200 – 0105

H1200 – 0106

ДЖКС: После того, как Вы ушли с поста министра хозяйства, Вы оставались президентом рейхсбанка. Обращались ли Гитлер или имперский министр финансов к Вам, как к президенту рейхсбанка, с требованием о получении кредитов?

ШАХТ: После того, как 31 марта 1938 г. рейхсбанк отказался давать кредиты, требования кредитов со стороны имперского министра финансов становились все более настоятельными и к концу года он оказался в затруднительном положении.

Он, мне кажется, тогда даже не был в состоянии выплачивать из своей кассы чиновникам денежного содержания. Затем он пришел ко мне и просил меня дать ему специальный особый кредит. Рейхсбанк, согласно его положениям и уставу, имел право и в некоторой степени был обязанным, собственно говоря, лишь только имел право когда-либо предоставлять государству кредиты на сумму в 400 миллионов марок. Эти 400 миллионов марок министр финансов уже получил, и теперь он снова потребовал кредита сверх установленной нормы. В этом кредите рейхсбанк ему отказал и имперский министр финансов вынужден был обратиться к частным банкам и получил от всех этих банков кредит на сумму в несколько сот миллионов марок. Рейхсбанк, однако, не принимал участия в поставке этих кредитов.

ДЖКС: Если Вы, как президент рейхсбанка, отклонили эти кредиты, то можно было предположить, что будет выпущено дополнительное количество денежных знаков. Гитлер или какая-либо другая инстанция требовали от Вас выпуска дополнительного количества банкнот?

9987

ШАХТ: После событий в ноябре 1938 г. в декабре я еще раз был в Лондоне в связи с обсуждением вопроса о финансировании надлежащим образом эмиграции евреев из Германии, которое должно было производиться по моей инициативе. В связи с этим я беседовал также с премьер-министром Чемберленом. 2 января 1939 г. я возвратился в Берхтесгаден - Бертоф для того, чтобы обо всем этом доложить Гитлеру. В связи с этим мы, естественно, остановились также на финансовых нуждах империи. Я попрежнему был против поставки новых кредитов государству и указал на все трудности финансового положения, которое настоятельно требовали сокращения государственных расходов, а также и расходов на вооружение. Далее, я указал в особенности на то, что в начале декабря необходимо было получить первый взнос штрафа, который был наложен на евреев после убийства советника посольства Рада и который в начале декабря поступил в размере 250 миллионов марок. Эти 250 миллионов марок, этот первый взнос, не были полностью выплачены наличными деньгами. Имперский министр финансов вынужден был значительную часть этого взноса принять в ценных предметах, так как было невозможно найти столько свободных денег для уплаты. Однако, на это Гитлер мне ответил: "Но ведь можно же издать некоторое количество банкнот, соответствующих этим драгоценностям, которые были получены в счет взноса. Я уже продумал этот вопрос и когда я через несколько дней возвращусь в Берлин, то я поговорю с Вами и с министром финансов по поводу моих планов". Я тотчас же распознал, что Гитлер имел намерение выпустить дополнительное количество банкнот для финансовых

9998

H1200 - 0107

H1200 – 0108

расходов, независимо от того, обеспечиваются ли они золотом или нет. Тем самым возникла опасность инфляции, и, так как я сразу же почувствовал, что это тот пункт, которого не поменяет ни рейхсбанк, ни я, ~~я~~ я сказал ему: "Ну, хорошо, тогда я прошу разрешения о том, чтобы рейхсбанк для этого совместного совещания с министром финансов написал меморандум, в котором были бы изложены позиции рейхсбанка в связи с этой проблемой".

Затем я возвратился в Берлин, информировал моих коллег в правлении рейхсбанка и к нашему личному удовлетворению мы установили, что этот шаг даст нам повод для того, чтобы решительно отойти от таких методов ведения политики. Меморандум, который правление рейхсбанка вручило Гитлеру, датирован 7 января. Мне кажется, он был здесь пред"явлен также Обвинением в качестве доказательства.

Для характеристики того, что в этот решающий момент правление имперского банка хотело сказать Гитлеру по поводу дальнейших государственных расходов и в особенности расходов на вооружение, я прошу разрешения огласить два коротких предложения из этого меморандума. Я цитирую:

"Благодаря беспрепятственным расходам, валюта подвергается угрозе инфляции. Неограниченный рост государственных расходов уничтожает всякую попытку упорядочить государственный бюджет и, несмотря на величайшее напряжение налогового пресса, приведет государственные финансы на край пропасти и тем самым подорвет основы валюты" /Конец цитаты/.

И в другом месте написано /и цитирую/:

9989

"Так как во время двух больших внешнеполитических мероприятий в Австрии и в Судетской области рост общественных расходов был необходим, ~~а~~ тот факт, что после окончания этих внешнеполитических кампаний нельзя было отметить ограничения политики расходов, а, наоборот, все указывает на то, что намечается дальнейшее увеличение расходов, ~~это~~ заставляет нас считать себя обязанными указать на последствия такой политики для валюты. Нижеподписавшееся правление рейхсбанка вполне сознает, что оно в своем сотрудничестве, ради достижения великих поставленных целей, а радостью сделает все возможное, чтобы только устранить подобное явление". Конец цитаты.

ДЖИС: По поводу этого меморандум, который был пред"явлен обвинением под № ЕЦ-169 и будет еще раз пред"явлен и который помещен в нашей книге документов под № документ 24 на странице 64-й английского и на стр. 63 немецкого текста; по поводу этого документа я позже поставлю Вахту еще несколько вопросов, но мне кажется, что я должен буду сделать это завтра, так как время заседания истекло.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если Вы считаете, что Вы должны это сделать, доктор Дикс, но считаете ли Вы, что это очень важно? Во всяком случае, будет лучше, если вы сделаете это завтра, если Вы вообще намереваетесь это сделать.

ДОКТОРС ДИКС: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зиммерс, можете ли Вы информировать нас относительно того, совпадают ли те выдержки, о которых вы говорили, с теми, которые были отклонены?

ЗИММЕРС: Я произвел сравнение и могу в письменном виде пред"явить Суду это сравнение. Некоторые документы

H1200 – 0109

H1200 – 0110

совпадают, некоторые не совпадают. Некоторые документы отсутствуют. Я изложил это в письменной форме.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Благодарю Вас.

Трибунал об"является перерыв.

/Об"является перерыв до 10.00 2-го мая/.

АД
ВП

9991

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 2 мая 1946 г.

/Утреннее заседание/

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зимерс! Трибунал хотел бы знать точно, что означает Ваше письмо, которое Вы адресовали Трибуналу и которое касалось следующих документов. В письме говорится, что эти документы были исключены. Я хотел бы знать, значит ли это, что их не следует переводить? Я назову Вам номера этих документов: 18, 19, 48, 53, 76, 80, 81, 86 и 101. Означает ли Ваше письмо, что эти документы не должны быть переведены?

ЗИМЕРС: Нет, Ваша честь, это означает, что британская делегация сообщила мне, и притом вчера утром, что возражения против этих документов со стороны британской делегации взяты обратно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я понимаю.

ЗИМЕРС: Я написал письмо 30 апреля вечером, после того как я переговорил с сэром Дэвидом, а на следующее утро мне было сообщено, что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы больше не будем касаться этого вопроса. Вы сказали, что с их стороны более нет возражений. Если обвинение подтверждает это, то все в порядке.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Мне кажется, милорд здесь имеет место взаимное непонимание в отношении трех документов, 80, 101 и 76. Против других мы не возражали.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: В отношении документа № 76, очевидно, между мной и доктором Зимерсом имеет место недоразумение. Насколько я понял, доктор Зимерс не хотел настаивать на представлении юридического отчета об инциденте Альтмарка и как мне кажет-

H1200-0111

H1200-0112

ся, доктор Зимерс понял, что я также не настаиваю на своей точке зрения. Однако, я считал, что доктор Зимерс отказывается от этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, но Вы все еще возражаете против пред"явления этого документа?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, я все еще возражаю против этого документа, милорд, если он еще не из'ят. Что же касается других документов, упомянутых в Вашем списке, милорд - 18, 19, 48, 53, 81, 82 и 86, - то против этих документов мы не возражаем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

ЗИМЕРС: В отношении документа 76 я согласен с сэром Дэвидом, № 76 может быть, пожалуй, вычеркнут.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Это все, что я хотел знать.

ЗИМЕРС: Документ 80, о котором я подробно говорил с британской делегацией...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вам незачем сообщать мне об этом.

ЗИМЕРС: Я полагал, что возражений нет. Я ходатайствую о том, чтобы он был допущен в любом случае.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, это совершенно верно. Для того, чтобы Отдел переводов мог как можно скорее заканчивать свою работу, Трибунал вынес решение об этих документах. По поводу этих документов Трибунал принял только одно решение, которое заключается в том, что они должны быть переведены. Вопрос о том, будут ли эти документы допущены, будет решен после того, как они будут переведены. Я сейчас распределю их по тем группам, по которым возражал против них сэр Дэвид, исходя из его меморандума.

По группе "А" - первой группе - 66-й номер будет допущен. № 76-й, как доктор Зимерс только что заявил, исключается. Документы 101-106 - допускаются; остальные недопускаются. Это по группе "А". Следующая группа "В", по ней допускаются следующие документы: 39-й, 63-й, 64-й, 99-й и 100-й и, конечно, №№ с 102

по 107, поскольку они уже допущены по группе "А". Остальные документы отклоняются Трибуналом.

Группа "Ц". Следующие документы допускаются: 38, 50, 55 и 58. Остальные отклоняются.

По группе "Д" допускаются следующие документы: 29, 56, 57, 60 и 62.

Группа "Е" - следующие документы допускаются: 31, 32, 36, 37, 39, 41 и, конечно, 99 и 100, которые уже были допущены Трибуналом.

Последняя группа, группа "Ф". Трибунал имеет большие сомнения по вопросу о том, насколько относятся к делу документы, входящие в эту группу, но по распоряжению Трибунала они будут переведены, за исключением документа № 73.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Милорд, разрешите мне назвать номера документов, представляющих собой, дополнительные отрывки из газеты "Дер Штюрмер", которые были пред'явлены при перекрестном допросе Штрейхера. Номера эти у меня готовы, и я хотел в удобное время их указать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите дать номера доказательств?

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите зачитать их?

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: С разрешения Трибунала я предложил представить таблицу, которая фактически является оглавлением 2-х папок А и Б, имеющихся у Трибунала. Я предлагаю представить это оглавление в качестве доказательства под номером "Великобритания 450", если Трибунал не будет иметь ничего против этого. Тогда я смогу не зачитывать номера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: У меня еще одна просьба. Подлинник газеты "Израэлитишес Вохенблатт", который был представлен Трибуналу, я взял из библиотеки; и хотел бы просить разрешения

H1200 - 0113

H1200 – 0114

Трибунала, чтобы при содействии секретариата Трибунала представленные в качестве доказательства отрывки были сфотографированы, после чего ими могут быть заменены подлинники документов. Тогда я смогу получить обратно те оригиналы документов, которые мне нужно возвратить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал не возражает против этого.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Я Вам весьма благодарен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Маркс, Вы не возражаете против этого?

МАРКС: Простите, г-н председатель, я не имею возражений против этого. Я ведь оставил за собой право огласить в случае необходимости еще какие-либо контр-документы. Но это представление документов соответствует тому, что представил г-н Гриффитс Джонс во время процесса... уже представлены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У Вас здесь имеется копия этого документа, пред'явленного в качестве доказательства?

МАРКС: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я спрашиваю у Вас, имеются ли у Вас какие-либо возражения против того, чтобы подлинник этой еврейской газеты был возвращен...

МАРКС: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: После того, как с него будут сняты фотостаты?

МАРКС: Нет, я не имею возражений против этого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Благодарю Вас.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Я очень признателен Вам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста, доктор Дикс.

/Продолжение допроса подсудимого Шахта/.

ДИКС /обращаясь к свидетелю/: Доктор Шахт, мне кажется, что вам следовало бы дополнить ваш ответ на один из вопросов, которые я задал вам вчера.

Я указал вам на то, что различные заявления, которые вы направляли Гитлеру, письма Гитлеру и т.д., кишели национал-социа-

листскими терминами. Вы рассмотрели письма и т.д. с момента прихода Гитлера к власти и позже, когда вы перешли в оппозицию, вы применяли эти термины. Но Обвинение, а именно во время устной речи обвинителя, насколько я помню, ссылалось по меньшей мере на одно ваше письмо, которое было направлено Гитлеру до прихода его к власти, в ноябре 1932 года и в документах имеется еще одно письмо аналогичного содержания от августа 1932 года. Мне кажется, было бы правильно, если бы вы высказались и по поводу этих двух писем в дополнение к ответу на этот мой вопрос.

ШАХТ: Я уже вчера показал Вам, что я до решающих выборов в июле 1932 года ни в какой мере не вмешивался в развитие национал-социалистского движения, а держался совершенно в стороне. После того, как это движение в июле 1932 года добилось своего решающего успеха, о котором я говорил вчера, я совершенно ясно предвидел дальнейшее развитие. Согласно принципам демократического политического мировоззрения имелась только одна возможность, а именно та, что фюрер этой подавляюще огромной партии должен был теперь взять в свои руки образование правительства. Другую теоретическую возможность - возможность создания военного правительства и может быть возникновения из-за этого гражданской войны - я с самого начала считал нереальной и несовместимой с моими принципами.

После того, как я пришел к такому убеждению, я старался приобрести влияние на Гитлера и его движение и в этом духе написаны оба эти письма, о которых Вы только что говорили.

ДИКС: Теперь мы переходим к вопросу о территориальных стремлениях Гитлера. Что Вы знали о планах Гитлера по отношению к Австрии?

ШАХТ: Относительно планов против Австрии мне никогда ничего не было известно. Планы Гитлера в пользу Австрии также не были мне известны в деталях. Я знал лишь, что он, как пожалуй и

9996

H1200 – 0115

H1200 – 0116

большинство немцев, был за воссоединение Австрии с Германией.

ДИКС: Что вы знали о его планах против Чехословакии?

ШАХТ: О планах против Чехословакии я примерно до Мюнхенской конференции не знал ничего.

ДИКС: После Мюнхенской конференции, то-есть, мирного еще решения судетского вопроса, слышали ли Вы какие-либо высказывания Гитлера о Мюнхене, которые имели бы значение для Вашего внутреннего отношения к Гитлеру? Сообщите Трибуналу об этих высказываниях, которые Вы слышали.

ШАХТ: Разрешите сказать сначала, что, согласно тому, что я знал о положении в то время, Гитлер получил тогда в Мюнхене в подарок больше, чем он,собственно, ожидал. Насколько я знаю, тогда Гитлер рассказал об этом в беседе с послом Булитом и намеревался только достичь автономии немцев в Чехословакии. В Мюнхене союзники поднесли ему на серебряном подносе отторжение Судетской области. Я, само собой разумеется, полагал, что честолюбие Гитлера теперь больше чем удовлетворено и был несколько удивлен и, можно сказать, ошеломлен, когда я через несколько дней после Мюнхена увидел Гитлера. Я тогда не имел с ним длительной беседы, но я встретил его в группе, относящейся к его окружению, которая в основном состояла из эсэсовцев. Из беседы между ним и эсэсовцами я услышал лишь замечание: "Этот шапопай сорвал мне вступление в Прагу", т.е. сделал его невозможным. Он совершенно очевидно не был удовлетворен достигнутым им большим внешнеполитическим успехом, ему нехватало того, о чем я вчера говорил, а именно, ореола бутафорской славы, как я мог заключить из этого его замечания.

ДИКС: И какова была Ваша позиция после Мюнхена в смысле Вашего внешнеполитического отношения к Гитлеру?

ШАХТ: Несмотря на этот внешнеполитический успех, я очень

сожалел, так же, как и мои близкие друзья, что в результате этого вмешательства политики союзников наша попытка устранить режим Гитлера стала невозможной на долгое время. Мы ведь не знали тогда, что произойдет в будущем, но, безусловно, в тот момент мы должны были смириться.

ДИКС: Что Вы знали о планах Гитлера против Мемельской области?

ШАХТ: Об этом я вообще ничего не знал и ничего не слышал. Я, насколько я помню, узнал о присоединении Мемельской области уже во время моего начавшегося путешествия в Индию.

ДИКС: Итак, если Вы в то время были в Индии, то Вы, естественно, ничего не знали о переговорах и т.д., которые предшествовали нападению на Польшу?

ШАХТ: Об этом ничего не знал. Поэтому я также ничего не знал и о неоднократно обсуждавшемся майском заседании в 1939 г. Я в начале марта выехал из Берлина. Затем некоторое время я еще находился в Швейцарии и в конце марта отправился в путешествие в Индию через Геную и, таким образом, я ничего не знал ни об афере с Гаха, т.е. о создании протектората в Чехословакии, ни о Мемельской области, ни о Польше, так как я лишь в начале августа вернулся из путешествия в Индию.

ДИКС: Здесь обсуждалось вторжение в Бельгию, Голландию, Норвегию и Данию. Вы одобряли эти мероприятия и действия?

ШАХТ: Ни при каких обстоятельствах.

ДИКС: Вы как-либо и где-либо могли выразить это Ваше неодобрение?

ШАХТ: Перед вторжением в Бельгию меня посетил, по поручению начальника генерального штаба Гальдера, генерал-квартирмейстер полковник, а позже генерал Вагнер, который после катастрофы также покончил жизнь самоубийством; он познакомил меня с планами

H1200 – 0117

H1200 – 0118

намечавшегося вторжения в Бельгию. Я был в ужасе и тогда возразил ему: "Если Вы хотите еще осуществить и это безумие, то Вам уже нельзя помочь".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда это было?

ШАХТ: Перед вторжением в Бельгию, когда это точно было, я сказать не могу, возможно, это было в ноябре 1939 г. Возможно, что это было и в апреле 1940 г. Точно я уже не помню, когда это было.

ДИКС: Таким образом, если Вы не одобряли и эти действия, то во всяком случае Германия вела борьбу не на жизнь, а на смерть и не побудило ли Вас это, т.к. Вы все еще были министр ром без портфеля, и даже не имели никакого определенного ведомства, все-таки начать активное сотрудничество?

ШАХТ: Я этого не сделал.

ДИКС: Но от Вас требовали, чтобы Вы это сделали?

ШАХТ: Это посещение, о котором я только что говорил, генерал-квартирмейстера Вагнера, по поручению начальника генерального штаба Гальдера, имело своей целью при намечавшейся оккупации Бельгии заставить меня действовать в интересах Германии. Я должен был контролировать валюту, финансы и банки Бельгии и руководить ими. Я категорически отказался от этого и позже меня спрашивал военный губернатор Бельгии генерал Фалькенхаузен о советах в связи с управлением финансами Бельгии. Я также отказался дать ему совет и ни в коей мере не принимал никакого участия в этом.

ДИКС: Когда Вы в первый раз...

ШАХТ: Я хотел бы привести еще один случай; когда меня хотели привлечь к активному сотрудничеству. Однажды вскоре после того, как Америка была вовлечена в войну, ко мне обратился

представитель журнала, который издавал Геббельс, с предложением, чтобы я, при моем знании условий в Америке, написал в "Рейхе" статью, чтобы успокоить немецкий народ в отношении того, что военный потенциал США не недооценивается. Я отказался написать эту статью, обосновывая это тем, что как раз в связи с тем, что я знаю очень хорошо американские условия, мое описание может сводиться только к тому, что я скажу как раз обратное. Таким образом, я и на этот раз отказался.

ДИКС: Когда Вы в первый раз узнали о заседании, которое мы здесь коротко называем заседанием Хосбаха, или заседание, о котором говорится в протоколе Хосбаха?

ШАХТ: К моему величайшему удивлению я узнал об этом заседании 20 октября 1945 года здесь, в своей камере. Я был крайне удивлен, что меня во время всего предварительного следствия не спрашивали об этом протоколе, т.к. из этого протокола совершенно ясно вытекает, что имперское правительство не должно было быть информировано о военных планах Гитлера и, вследствие этого, ничего не знало о них.

ДИКС: Участвовали ли Вы в аналогичных совещаниях, которые являлись подготовкой к нападениям, например, в заседании от ноября 1940 года, на котором обсуждалось нападение на Россию? Я прошу не понять меня сейчас превратно, в документе Шпеера/ о котором Вы вчера давали показания, говорилось об угрозе нападения со стороны России в духе того, как об этом говорил Гитлер. Я имею в виду совещание, на котором говорилось о нападении на Россию.

ШАХТ: Опасения относительно нападения на Россию относятся к осени 1936 года, т.е. ничего общего с войной еще не имели. В каком-либо совещании, свидетельствовавшим о военных планах, и, таким образом, также и в совещании по поводу намечавшегося нападения на Россию, я никогда не участвовал и также ничего не

10000

H1200 – 0119

H1200 – 0120

знал о них.

ДИКС: Это относится также и к заседанию в мае 1941 года?

ШАХТ: В данный момент я не знаю, о каком заседании Вы говорите, однако, и в мае 1941 года я не принимал участия ни в каком совещании, как и вообще в течение всего периода, когда я занимал пост министра без портфеля, я никогда не участвовал ни в каком служебном совещании.

ДИКС: Тогда, очевидно, Вам ничего неизвестно и относительно переговоров, которые вел японский министр иностранных дел Мацуока в Берлине?

ШАХТ: Относительно переговоров Мацуока мне не было известно ничего кроме того, что может быть сообщалось по радио или в прессе.

ДИКС: Как-то раз говорилось о том, что Вы однажды выдали 200 тысяч марок для целей нацистской пропаганды в Австрии. Это правильно?

ШАХТ: Мне ничего неизвестно об этом.

ДИКС: Теперь мы переходим к Вашей отставке с поста президента имперского банка. Как Вы слышали, обвинение утверждает, что вы в конце концов сами добились Вашей отставки для того, чтобы снять с себя ответственность за состояние финансов. Я прошу Вас высказаться в связи с этим обвинением, и кратко, но исчерпывающе изложить Трибуналу о тех причинах и тактических соображениях, которые изложены в неоднократно упоминавшемся меморандуме директора имперского банка, которые привели к Вашей отставке и отставке ваших сотрудников.

ШАХТ: Я хотел бы разделить этот вопрос на две части: Первый вопрос заключается в том - стремился ли я уйти со своего поста президента имперского банка? Я должен категорически ответить на этот вопрос положительно. С середины 1938 года мы в Рейхсбанке постоянно убеждались в том, что если не произойдет изменения кур-

са, то мы ни в коем случае не согласимся далее оставаться на своих постах, ибо, и теперь я перехожу ко второй половине вопроса, мы не хотели брать на себя ответственность, которую мы отклонили в этом случае. Ответственность за все то, что мы сделали для оборонительного вооружения Германии с целью добиться равноправия Германии в области международной политики, мы охотно брали на себя и не слагаем с себя ее ни перед историей, ни перед этим судом. Но никто из нас не хотел брать на себя ответственности за какое-либо последующее вооружение, которое может быть уже заключало в себе опасность войны, или которое даже преднамеренно должно было привести к войне. Вследствие этого, когда стало ясно, что Гитлер хотел и в будущем усиленного вооружения, - я вчера говорил об этом в связи с беседой от 2-го января 1939 года, когда мы заметили это, мы составили меморандум, неоднократно здесь цитировавшийся и представленный суду в качестве доказательства. Из этого меморандума ясно следовало, что мы будем возражать против всякого дальнейшего увеличения государственных расходов, и не возьмем на себя ответственности за это.

Гитлер понял из этого меморандума, что ему не удастся склонить Рейхсбанк в будущем к какому-либо финансированию и поэтому у него была лишь одна возможность - изменить состав директората, так как без имперского банка он не мог обойтись. Он должен был сделать еще одно - он должен был изменить закон об имперском банке, т.е. он должен был ликвидировать независимость имперского банка от решений правительства. Он это сделал вначале с помощью секретного указа - он был у нас - от 19 или 20 января 1939 г., который был опубликован лишь приблизительно через полгода. Этим указом ликвидировалась самостоятельность имперского банка и президент имперского банка превратился лишь в казначея для удовлетворения пожеланий в области кредита - империи, т.е. - Гитлера.

В этом развитии директорат имперского банка не хотел участ-

H1200 – 0121

H1200 – 0122

вовать, и вследствие этого 20 января были уволены в отставку президент рейхсбанка, вице-президент и главные референты по финансам, директор Рейхсбанка Хюльзе; три другие члена директората Рейхсбанка: тайный советник Докке, директор Эрхардт и директор Блессинг, до тех пор стояли на своем пока их отставка не была принята, а два члена директората Рейхсбанка, уже упомянутый здесь директор Пуль и восьмой директор, - директор Печман, остались в правлении Рейхсбанка и при новом положении. Они были членами партии, единственными в директорате и поэтому, очевидно, не могли подать в отставку.

ДИКС: Это - одно обвинение, которое выдвигалось против Вас в отношении тех причин, которые заставили Вас написать этот меморандум, а именно, что Вы хотели сложить с себя ответственность за состояние финансов.

Второе обвинение заключается в том, что в этом меморандуме ни слова не сказано об ограничении вооружения. Наоборот, меморандум в основном рассматривает вопросы валютные, финансово-технические, чисто экономические и Обвинение считает, что поэтому в меморандуме говорит не д-р Шахт, выступающий против вооружения, а лишь озабоченный, опасающийся за валюту президент эмиссионного банка.

Поэтому необходимо, чтобы Вы, как один из авторов этого меморандума, основной автор меморандума, высказались также и по поводу этого обвиняющего Вас толкования меморандума.

ШАХТ: Я уже раньше показывал здесь, что всякое возражение, которое я представлял Гитлеру и должен был представить - и это относится не только ко мне, но и ко всем министрам - могло быть сделано лишь на основании аргументов, которые относились только к тому ведомству, которым руководишь.

Если бы я сказал Гитлеру: -Я больше не дам Вам денег, так как Вы намерены вести войну, - то я не имел бы удовольствия,

господин советник юстиции, вести с Вами сейчас этот оживленный разговор. Я мог бы тогда только побеседовать со священником, и эта беседа была бы весьма односторонней, ибо я молча лежал бы в могиле, а священник произносил бы монолог.

ДИКС: Таким образом, - этот меморандум ведь очень важен и поэтому мы еще должны несколько остановиться на нем. Я могу понять Вас следующим образом: в этом меморандуме в конце имеются предложения,как можно увеличить источники получения денег путем повышения налогов или также и путем использования рынка капиталов,и то и другое было невозможно: налоги нельзя было еще повысить, а рынок капиталов только что пережил неудачный заем. Если бы эти сами по себе невыполнимые предложения удалось начать осуществлять, то была бы гарантия того, что дальнейшие суммы не будут использованы для того или иного вооружения.

Однако, такого успеха ожидать было нельзя. Скорее Вам следовало ожидать отставки.

Правильно ли я понял, говоря исчерпывающе и коротко, Вас в этом вопросе?

ШАХТ: Весь меморандум был составлен так, что оставалось только две возможности - не реагировать на него, или, изменение финансовой политики и тем самым прекращение вооружений, таким образом, - полное изменение политики Гитлера,или же президент Рейхсбанка должен был быть выброшен из него. Произошло последнее. И этого мы и ожидали, так как я тогда уже не верил в то, что Гитлер окончательно изменит свою политику, на 180 градусов.

ДИКС: Таким образом, обвинение право, когда оно заявляет, что Ваша миссия была закончена с уходом в отставку?

ШАХТ: Это ведь подтвердил сам Гитлер и в своем письме об отставке категорически заявил мне - и мы слышали из свидетельских показаний господина Ламмерса здесь, что это дополнение было написано самим Гитлером собственноручно, - что мое имя будет

H1200 – 0123

H1200 – 0124

связано лишь с первой эпохой вооружения. Я выступил против второй эпохи вооружения и Гитлер это очень хорошо понял, так как он, когда он получил этот меморандум рейхсбанка, сказал окружавшим его лицам: "Это бунт".

ДИКС: Откуда Вы это знаете?

ШАХТ: Это подтвердит свидетель Фокке, который, я надеюсь, еще выступит здесь.

ДИКС: Обвинение далее утверждает, что Ваш уход с политической арены произошел не вследствие Вашей антимилитаристской политики, а из-за споров о ранге с Германом Герингом. Мне лично кажется, что это обвинение опровергнуто уже показаниями Геринга и Ламмерса. Я не хотел бы повторяться. Я лишь хотел бы спросить Вас, можете ли Вы что-нибудь добавить к показаниям Геринга и Ламмерса, или Вы в чем-либо не согласны с ними?

ШАХТ: В своей устной обвинительной речи представитель обвинения заявил, что он во всем материале, который он проработал, не нашел ни одного момента, который бы свидетельствовал о моей враждебности к военной политике. В связи с этим я могу лишь сказать, что, если кто-либо из-за близорукости не видит дерева на равнине, то это еще не является доказательством того, что дерева вообще нет.

ДИКС: Вы слышали от обвинения, что Вам вменяется в вину то, что Вы остались в кабинете в качестве имперского министра без портфеля. Это было также причиной вчерашнего недоразумения. Я хотел вчера лишь сказать, что Вы прекратили свою деятельность в качестве активного ведомственного министра, т.е. министра экономики, и милорд вполне справедливо указал мне на то, что Вы остались министром без ведомства, т.е. без определенного круга задач, до января 1943 года. И этот факт обвинение инкриминирует Вам. Какова была решающая причина того, что Вы остались в кабинет

в качестве министра без портфеля? Почему вы это сделали? В частности, не были ли решающими денежные соображения? Я прошу извинить меня, что я упоминаю об этом. Однако в досье Обвинения на странице 5-й Вам приписывается этот мотив.

ШАХТ: Я здесь уже неоднократно показывал, что моя отставка с поста министра экономики встретила очень большие трудности и Вы приводили в связи с этим несколько доказательств из письменных показаний, данных под присягой.

Гитлер ни при каких обстоятельствах не хотел чтобы заграница поняла, что здесь имеют место разрыв или даже только разногласия между одним из его сотрудников и им лично. И когда он в конце концов согласился с моей отставкой, то лишь с условием, чтобы я номинально остался в кабинете в качестве министра без портфеля.

Что касается второго обвинения, то оно так же недостойно, как и неправильно. В Германии существовал закон, на основании которого, если кто-либо занимал две должности, он получал жалованье лишь за одну. Так как я был президентом рейхсбанка и регулярно получал сначала жалованье соответственно этой должности, а затем пенсию от рейхсбанка, то от должности министра я не получал никаких доходов.

ДИКС: В тот период, когда Вы были имперским министром без портфеля, занимались ли Вы,-конечно, как таковой- какой-либо деятельностью, принимали ли участие в важных решениях кабинета, участвовали ли в переговорах. Короче говоря, была ли эта должность министра без портфеля только положением генерала без армии, или же она имела какое-то значение?

ШАХТ: Я уже указывал,неоднократно подчеркивая здесь и могу лишь повторить, что я после моего ухода из рейхсбанка не участвовал больше ни в одном служебном совещании и не проводил таковых, не участвовал ни в каких официальных встречах или встречах служебного характера, и со своей стороны, к сожалению, не имел возмож-

H1200 – 0125

H1200 – 0126

ности высказаться о делах, так как меня лишили всякой деловой информации, поскольку я не имел своего ведомства. Мне кажется, я был единственным министром без портфеля, - министров без портфеля было несколько, - который вообще не вел больше никакой деятельности. Насколько я знаю, Зейсс-Инкварт был без сомнения министром без портфеля, однако, у него была своя администрация в Голландии. Франк был министром без портфеля, но у него была польская администрация; Ширах - я не знаю, был ли он министром без портфеля, мне кажется, его как-то раз упоминали - верно ли эт я не знаю - ведал в Вене управлением Австрии. Я же вообще не имел больше ничего общего с управлением государства или еще каким-либо образом с партией и государством.

ДИКС: Каково положение было с текущими делами? Может быть издавались какие-либо циркуляры Ламмерсом, к которым Вы были причастны?

ШАХТ: Я в общем - после того, что я сказал об этом, мне кажется, это понятно - очень тщательно следил за всякой возможностью какого-либо вмешательства с моей стороны, и я очень отчетливо помню и совершенно ясно заявляю здесь, что я за все время до разгрома получил всего-навсего три официальных отношения, ибо многочисленные приглашения на торжественные похороны и на аналогичные общественные государственные праздники , пожалуй,не надо упоминать здесь в качестве официальных мероприятий. Я и в них не принимал участия. Но, во всяком случае, эти три отношения представляют некоторый интерес. Первое отношение - это письмо Гитлера, простите, - Гиммлера, это циркуляр, или ходатайство, проект закона, который был составлен Гиммлером, в котором предлагалось передать судопроизводство над так называемыми асоциальными элементами населения, полиции, т.е. гестапо, т.е., тот принцип администрации, что обвинение и суд разделяются...

ДИКС: Хорошо, предположим, что это известно д-р Шахт. Вы можете считать, что это известно.

ШАХТ: Я немедленно присоединился по этому вопросу к письму, которое в копии прислал мне имперский министр Франк, в котором он высказывался против этого принципиального нарушения основ права, и закон не был издан. Это было бы весьма прискорбно, ибо я твердо убежден в том, что я сам был в понимании Гиммлера крайне асоциальным элементом.

Второе было письмо о каких-то вопросах государственной собственности в Югославии после ее оккупации. Я ответил на это письмо, что, так как я не участвовал в предварительных переговорах по поводу этого проекта закона, то прошу обойтись без моего сотрудничества при его издании.

И третий раз, наконец, - и это был самый важный случай, - имел место в ноябре 1942 года. Тогда, очевидно, вследствие недосмотра, ко мне поступил проект закона имперского министра авиации, в котором высказывалось предложение призывать в военном порядке 15-16-летних учеников старших классов школы на службу в зенитной обороне. В связи с тем, что это письмо было для меня благоприятной возможностью хоть раз высказаться по поводу военного положения, я ответил на него подробным письмом, которое послал Герингу.

ДИКС: От 3 ноября?

ШАХТ: Это письмо от 30 ноября 1942 года, которое 2-го декабря, мне кажется, было лично вручено моей секретаршей ад"ютанту Геринга в запечатанном конверте, с просьбой, чтобы его вскрыл сам адресат.

ДИКС: Одну минуту, д-р Шахт.

Это письмо в качестве документа ПС-3700 было пред'явлено здесь обвинением, однако, оно имеется также и в нашей книге

H1200 – 0127

H1200 – 0128

документов под номером 23; стр. 66 английского и стр. 59 немецкого текста. Если бы мы не были так ограничены во времени, я бы с особым удовольствием огласил это письмо полностью, это очень интересное письмо. Однако, учитывая ограниченное время, я прошу Вас, д-р Шахт, очень кратко высказаться по поводу его содержания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал ознакомится с этим письмом. Вам сейчас нет необходимости его зачитывать.

ДИКС: Хорошо, можно ли ему коротко высказаться об этом письме до перерыва, или Вы ничего не хотите добавить?

ШАХТ: Да, я хотел еще сказать, если это разрешается, что это письмо было уже оглашено здесь главным американским обвинителем.

ДИКС: Оглашено?

ШАХТ: Или упомянуто, или, по крайней мере, были оглашены главные пункты. Мне кажется, будет достаточно, если Вы представите его суду в качестве доказательства.

ДИКС: Это уже сделано. И это вся Ваша деятельность в качестве министра без портфеля?

ШАХТ: Да, этим заканчивается...

ДИКС: Так что, давая "титул", можно действительно сказать "генерал без армии" /по-немецки - "характер-майор". Примечание переводчика/.

ШАХТ: Я не знаю, что это значит. Во всяком случае я никогда не был майором, но всегда имел характер.

ДИКС: Но, д-р Шахт, это историческое замечание кайзера Вильгельма 1-го об авторитете Бисмарка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, что сейчас удобно об"явить перерыв.

/Об"является перерыв/.

ДИКС: Доктор Шахт, мы говорили о письме от 30 ноября 1942 г. - Герингу. Вызвало ли это письмо какие-либо последствия?

ШАХТ: Да, последствия этого письма были значительны, а именно, 22 января мне было разрешено уйти с номинальной должности министра без портфеля, чего я давно хотел. Правда, обоснование было мне не слишком приятно. Я думаю, что это письмо уже приобщено к делам Трибунала. Это сопроводительное письмо к официальному документу об отставке Ламмерса.

ДИКС: Да, хорошо. Мы допрашивали об этом Ламмерса.

ШАХТ: Да. Я хотел бы только остановиться на высказывании, гласящем: "... принимая во внимание вашу общую позицию в этой борьбе за судьбу немецкой нации..." - так что это было моей общей позицией .

ДИКС: Господа судьи, это документ № 26 книги документов, страница 76-я английского текста и 69-я немецкого текста.

Продолжайте пожалуйста.

ШАХТ: Итак, моя общая позиция в этой войне привела к моей отставке, и в сообщении об отставке было сказано, что сперва меня уволят в отставку. Это слова "сперва" - как говорил здесь свидетель Ламмерс, - фюрер по своей инициативе включил в это письмо и это слово было мне вполне понятно, когда я получил это письмо. Через два дня я был исключен из прусского государственного совета, в котором я состоял. Правда, этот совет не собирался уже по крайней мере 8 лет. Во всяком случае я на нем не бывал..., или 6 лет, я не помню. И притом мне был сообщен текст решения председателя государственного совета, Германа Геринга, и оно, вследствие его почти забавного содержания, очень ясно запечатлелось у меня в памяти. Это гласило: "Мой ответ на Ваше пораженческое, подрывающее силу сопротивления немецкого народа, письмо, заключается в том, что я исключаю Вас из прусского государственного совета". Я говорю, забавное, т.к. запечатанное письмо от меня Герингу не могло подрывать силу сопротивления немецкого

H1200 – 0129

H1200 – 0130

народа. Другим последствием было то, что партийное руководство в лице Бормана потребовало от меня возврата золотого почетного партийного значка, что я немедленно и исполнил. Кроме того, в последующие дни меня особенно строго охраняло гестапо, и тотчас же покинул свою берлинскую квартиру, и притом в 24 часа, причем меня весь день преследовали шпионы гестапо пешком и на автомашинах по всему Берлину, а потом я тихо жил в своем имении.

ДИКС: Так как в судебных выдержках освещены как материальные, так и духовные мотивы побудившие Вас принять те или иные решения, мне кажется, что справедливым будет поставить вопрос, о том, как вообще обстояло дело с Вашими денежными средствами и доходами, начиная с 1933 года. Отвечая на этот вопрос, я прошу Вас учесть, что особенно бросается в глаза то обстоятельство, что Ваши доходы в 1942 г. сильно увеличились.

ШАХТ: В прессе несколько месяцев тому назад , очевидно, с разрешения военных властей,появилось сообщение о тех дотациях, которые получали германские министры и партийные работники от фюрера. В связи с этим сообщалось о капиталах и о доходах этих людей. Там упоминалась и моя фамилия, правда, не в связи с дотациями; там говорилось, что в 1942 г. мои доходы были чрезвычайно большими. Это совершенно неверные данные, так как все это общая цифра в ней не учитывается, что следует отнять военные налоги, которые во время составления этих данных еще не были точно установлены. И я должен сказать, что 80 процентов из приводимой там суммы надо вычесть. И тогда мои доходы никоим образом не будут бросаться в глаза. Что касается моих денежных средств, то я должен сказать, что в течение 10 лет мои доходы оставались на одном и том же уровне. И я еще раз хочу здесь подчеркнуть, что за последние 20 лет мои доходы были почти что неизменными, они не увеличивались.

10011

ДИКС: Если я правильно помню, Вы по собственной инициативе понизили свою ставку, которая Вам причиталась, как президенту имперского банка?

ШАХТ: Когда я по предложению Гитлера президентом Гинденбургом был назначен в марте 1933 г. на должность президента имперского банка, Гитлер предоставил мне решить вопрос о том, какую ставку я буду получать. И тогда я добровольно уменьшил свои доходы и стал получать 25% того, что я получал ранее в имперском банке.

ДИКС: Скажите, Вы получали когда-либо какие-нибудь подарки или дотации от Гитлера, деньгами или ценностями?

ШАХТ: Как я уже сейчас только что сказал, я никогда не получал никаких дотаций от Гитлера. Он никогда бы наверное и не рискнул бы предложить мне что-либо подобное. Я однажды получил в подарок от Гитлера в день моего шестидесятилетия картину, которая, примерно, все же стоила 20.000 марок. Это была картина, написанная маслом немецким художником Шпицвэг'ом, думаю, что она стоила бы 200.000 марок в том случае, если бы она была настоящей. Когда эту картину внесли в мою комнату, я сразу увидел, что это подделка. И через три месяца я нашел оригинал. Я возбудил судебное дело и суд установил, что это подделка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ваше замечание не относится к числу таких, которые могут быть заслушаны настоящим трибуналом.

ДИКС: Скажите, Гитлер когда-либо давал вам военный мундир или награждал Вас орденом и давал вам какие-нибудь военные чины?

ШАХТ: Если Трибунал не будет возражать я еще скажу, что я отдал эту подделку и не получил замены, так что от Гитлера я никаких подарков не получал.

H1200 – 0131

H1200 – 0132

На Ваш вопрос я отвечаю следующее: Гитлер мне предлагал носить военную форму, я мог получить любую военную форму, какую мне было угодно, но я отказывался от формы и никогда не ходатайствовал о ней, я не хотел носить и административную /чиновничью/ форму.

ДИКС: Теперь я перехожу к другой теме. Знали ли Вы что-нибудь о концентрационных лагерях?

ШАХТ: Когда в 1933 году Герингом были созданы концентрационные лагери, я неоднократно слышал о том, что такие люди, как политические противники или неугодные люди направлялись в концентрационные лагери. Конечно, я был очень возмущен таким лишением свободы; я всегда, если мне предоставлялась возможность в разговорах требовал, чтобы после ареста или отправки в концлагерь дело было бы рассмотрено в судебном порядке с защитой и со всеми необходимыми аттрибутами. Имперский министр Фрик также очень энергично выступал именно в этом направлении. В последующее время такого рода аресты или вернее заключения не получали такой огласки и поэтому я предполагал, что вся эта история пошла на убыль, но позднее, в конце 1934 - 1935 года...

ДИКС: Т.е. вы имеете ввиду, когда Вы познакомились с Гизевиусом?

ШАХТ: Да, когда я познакомился с Гизевиусом, мне время от времени говорили, что не только аресты продолжаются, но иногда в определенных случаях имеют место издевательства, т.е. избиения и т.п. Я еще в мае 1935 года обратил внимание Гитлера на это и сказал ему тогда, что такая система опозорит нас перед всем миром и что это должно прекратиться. Я упоминал о том, что я всегда открыто выступал против этого, если мне представлялась возможность сделать это. Об издевательствах и преступлениях, об убийствах и т.п., которые имели место позднее я ничего никогда не слышал; наверное потому, что во-первых, это имело место

очевидно, во время войны, после того, как война началась и потому, что я с 1939 года жил в отдалении от всего этого. Об этом я услышал здесь в тюрьме. Я, правда, в 1938 году слышал об угоне евреев и когда мне представлялись отдельные случаи, я мог только установить, что речь идет об эвакуации евреев в Терезиенштадт, где, якобы, был специальный лагерь-сборный пункт, куда направлялись евреи на определенный срок, т.е. они ждали там разрешения еврейской проблемы. О каком-либо плохом обращении и издевательствах я ничего никогда не слышал.

ДИКС: Скажите, Вы когда-нибудь осматривали концлагерь?

ШАХТ: Да. Я имел возможность побывать во многих концентрационных лагерях, когда я 23 июля 1944 года сам был заключен в концлагерь. До этого я просто никогда не видел никакого концлагеря, но после этого я побывал не только в обычном лагере, но и в лагере уничтожения в Флоссенбурге.

ДИКС: Скажите, этот лагерь в Флоссенбурге не посещал один, если так можно выразиться, единомышленник?

ШАХТ: Я знаю об этом только из письма, которое этот господин прислал Вам или Трибуналу; в этом письме он описывает это посещение.

Г-н ДЖЕКСОН: Я считаю, неуместным здесь приводить содержание письма от какого-то неизвестного лица, я уже ранее заявлял настоящему Трибуналу, что письма от неизвестных лиц приходят ко всем нам - если автор данного письма был установлен, это во всяком случае не было сообщено при представлении доказательств. Я уверен, что члены Трибунала также получают значительное количество подобных писем. Если такие письма принимаются в качестве доказательства, то Обвинению следует вновь начать представление своих доказательств, т.к. в моем распоряжении имеются целые корзины таких писем.

10014

H1200 – 0133

H1200 – 0134

Я считаю, что совершенно недопустимо представлять в качестве доказательств сведения немедленно после их получения, и еще более недопустимо представлять эти сведения в виде устных показаний, не пред"являя суду соответствующего письменного документа. Я считаю, что материалы такого рода не имеют доказательственной ценности и возражаю против их представления.

ДИКС: Я думаю, что я никогда не делал и не сделаю ничего преднамеренного. Я не намереваюсь это безобидное шутливое письмо представлять Трибуналу, как доказательство. Но это письмо, которое я получил законным путем, дало мне и д-ру Шахту возможность узнать, что в Флоссенбурге Шахта намеревались убить. Я об этом и спрашивал свидетеля Кальтенбруннера. И спрашивая по этому поводу д-ра Шахта только потому, что хочу, чтобы он сообщил Суду, что действительно такой план убить его существовал. Вот этот факт, а не письмо,мне кажется,является важным; так как, если какой-либо режим хочет уничтожить человека, то это,по крайней мере,является доказательством того, что он плохо относится к этому человеку. Это единственная причина того, что я просил разрешения представить это письмо. Я могу представить это письмо судье Джекоону,-это очень занимательное письмо, написанное простым человеком, но мне никогда не приходило в голову представить это письмо в качестве доказательства. Если Суд не хочет заслушивать этого тем более, что этот вопрос уже освещался при допросе Кальтенбруннера, я с удовольствием откажусь от этого. Я очень удивлен тем, что этому письму придается такое большое значение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Дикс, Трибунал считает, что в связи с тем, что это письмо не представляется в качестве доказательства, Вам не следует на него ссылаться. Так что не ссылайтесь на него,.

ДИКС: Ну, хорошо, оставим это. И так Вы были, наконец, сняты с должности. Что же Вы сделали далее?

ШАХТ: Я после этого не делал ничего другого, кроме того, что предпринимал все возможное для того, чтобы устранить Гитлера. В этом заключалась вся моя политическая деятельность. Вообще же я жил в имении.

ДИКС: Что Вы в 1939 году разве никуда не ездили?

ШАХТ: Извините, я полагал, что Вы говорили об отставке моей с должности президента имперского банка, а я думал, что Вы имеете ввиду уход с поста министра. Я сейчас имел ввиду 1943 г. Вы сейчас возвращаетесь к 1939 г. Я уже говорил о том, что в январе 1939 года Гитлер предложил мне совершить длительную заграничную поездку. Итак, я поехал тогда через Швейцарию, где я посетил своих друзей, в Индию.

ДИКС: Скажите, Вы в Индии занимались политической деятельностью?

ШАХТ: Нет, в Индии я был просто туристом и не занимался политическими вопросами. Правда, я посетил многих губернаторов и был также в качестве гостя три дня в доме вице-короля в Зимле.

ДИКС: Скажите, Вы в Рангуне не посещали различных политических деятелей и Вы не установили политических связей с китайскими государственными деятелями.

ШАХТ: Да, когда я был в Бирме меня посетил один мой китайский друг, который уже ранее был у меня в Берлине и по поручению своего правительства говорил о положении Китая.

ДИКС: Вы имеете ввиду Китай - Чан Кай-ши?

ШАХТ: Я имею ввиду Китай - Чан Кай-ши, который в то время уже находился в состоянии войны с Японией. Другого Китая тогда еще не было и этот господин по поручению Чан Кай-ши и китайского кабинета...

Г-н ДЖЕКСОН: Во всем этом, Ваша честь, я не могу усмотреть и тени отношения к рассматриваемому нами вопросу. Во-первых, мы уже однажды слышали об этом, и во-вторых, заслушав этот

10016

H1200 - 0135

H1200 – 0136

материал, мы пришли к выводу, что он не имеет отношения к делу. Мы не пред'являем подсудимому обвинений в связи с его деятельностью в Китае. Мы можем условиться считать, что за все время пребывания в Китае он был чист и бел, как снег. Мы не имеем никакого отношения к этим вопросам; мы теряем на это время, т.к. все эти показания ни к чему не приведут. И это просто отводит нас в сторону от тех обвинений, которые мы пред'явили подсудимому по этому делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал полностью согласен с Вами, когда Вы заявляете, что это не относится к делу. Почему Вы считаете, что это не имеет отношения к делу?

ДИКС: Я сожалею, что мистер Джексон и я так плохо понимаем друг друга. Это относится к делу и здесь имеется некоторая связь, а именно в этом заявлении, а также в оглашенных здесь письменных показаниях...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы уже три раза слышали о том, что подсудимый Шахт ездил в Индию. Три раза во время своих показаний он обращался к своей поездке в Индию и Китай. Какое это имеет отношение к [redacted] делу?

ДИКС: Я не говорю сейчас о поездке в Индию. Ее следовало только кратко упомянуть для определения времени. Я хотел лишь поставить вопрос о переговорах Шахта в Рангуне с представителем Чан Кай-ши и с китайцами; против этого возражал г-н Джексон. Я считаю, что вопрос о дружественных отношениях к правительству Чан Кай-ши и поддержка этого правительства относится к делу именно по той же самой причине, по которой я особое внимание обращал на то, что и по отношению к Советскому Союзу в те годы, когда Гитлер вел политическую войну с Советским Союзом, Шахт в то время проводил просоветскую политику, т.е. я должен сказать, что он выступал против политики Гитлера в экономике. Здесь мы имеем второй случай противодействия, а именно Шахт поддерживает отноше-

ния, которые сами по себе противоречат законам гитлеровской политики, т.е. он выступает за Чан Кай-ши против союзника Гитлера - Японии. В этой связи эти переговоры с китайцами имеют значение. Они займут всего лишь несколько минут и о них будет упомянуто только вскользь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: По мнению Трибунала, если Вы считаете, что его отношения с Китаем имеют значение, то это можно показать одной фразой.

ДИКС: Я тоже так считаю.

ШАХТ: Я скажу это очень коротко. Я в письменном меморандуме посоветовал правительству Чан Кай-ши сопротивляться Японии, защищаться, так как экономических ресурсов у Китая больше и Китай выдержит дольше, чем Япония. Я посоветовал Чан Кай-ши во внешней политике опираться в первую очередь на Соединенные Штаты Америки.

ДИКС: Итак, когда Вы вернулись из Индии примерно в августе 1939 г. положение в Германии было довольно напряженным. Скажите, Вы тогда не пытались установить связь с кабинетом или Гитлером для того, чтобы как-то обсудить создавшееся положение?

ШАХТ: Я, конечно, увидел, что положение очень напряженное и в особенности с Польшей и я воспользовался своим возвращением и написал письмо Гитлеру, письмо Герингу и письмо Риббентропу, т.е. трем руководящим лицам. В письмах я сообщал им, что я возвратился из Индии на родину. Я считал, что кто-либо из этих господ попросит меня доложить ему обо всем том, что я видел и слышал и, таким образом, я буду иметь возможность поговорить с руководящими лицами, но, к моему великому удивлению, я вообще не получил ответа ни от Гитлера, ни от Геринга, а господин фон Риббентроп ответил мне, что он принял к сведению мое сообщение. Мне ничего не оставалось, как самому рассмотреть как обстоит дело с Польшей. После того, как отношения обострились, я,как из-

10018

H1200 – 0137

H1200 – 0138

вестно, попытался пойти в главную ставку. Об этом уже говорил г-н Гизевиус.

ДИКС: Да, это не следует повторять. Для меня не ясен еще один вопрос. Скажите, что Вы хотели сказать в последний момент генералам и,в частности, фон Браухичу?

ШАХТ: Я хотел сказать, что у него есть еще одна возможность предотвратить войну. Я знал, что одними высказываниями по экономическим вопросам, а так же и политическими доводами у г-на фон Браухича, конечно, ничего добиться нельзя, т.к. в таком случае он бы сейчас же сослался на руководство Гитлера. Поэтому я хотел сказать ему нечто совсем другое и я считаю, что это имеет решающее значение, а именно я хотел напомнить ему, что он присягнул Веймарской Конституции. Я хотел напомнить ему, что закон передавал все полномочия не Гитлеру, а имперскому кабинету. Я хотел напомнить ему, что в Веймарской Конституции имелась и имеется статья, которая никогда не отменялась и по которой войну нельзя об'являть без согласия рейхстага. Я был уверен, что Браухич на это скажет мне, что он присягнул Гитлеру, и я хотел сказать ему, что и я также присягнул Гитлеру. Вы не давали никакой другой присяги, кроме военной, но это присяга ни в коей мере не сделала присягу Веймарской Конституции недействительной, превалирующей в данном случае является присяга Веймарской конституции. Ваш долг следовательно, позаботиться о том, чтобы этот вопрос - быть или не быть войне - был бы рассмотрен имперским кабинетом, там подвергался бы обсуждению и когда имперский кабинет примет решение, этот вопрос должен быть передан в рейхстаг. Вот, что я хотел сказать. И я уверен, что если бы это было выполнено, дело никогда бы не дошло до войны.

ДИКС: Вы не попали к Браухичу. Давайте не повторяться, описывая то, какие были предприняты попытки в Бендлерштрассе и т.д. Скажите, можете ли Вы что-либо добавить к показаниям

Гизевиуса, или что-либо изменить в его показаниях по этому вопросу.

ШАХТ: Я должен сказать, что показания Гизевиуса совершенно верны и хочу со своей стороны только добавить, что Канарис, говоря о том, почему нам не следует итти к Браухичу, перечисляя причины, указал и на то, что Браухич нас, очевидно, сейчас же арестует, если мы будем выступать у него против войны и захотим удержать от выполнения присяги Гитлеру. Но основную причину, почему мы не пошли к Браухичу, приводил совершенно правильно Гизевиус. Кроме того, об этом говорит генерал Томас в своих письменных показаниях, которые мы еще пред ставим. Основная причина заключалась в том, что военные действия отменены. После этого я поехал в Мюнхен по делам и в Мюнхене я внезапно услыша л о том, что Польше об"явлена война или, что мы вторглись в Польшу.

ДИКС: Вы здесь говорили о рейхстаге. Действительно ли заседание рейхстага состоялось сразу же после начала войны? Тогда Вы еще были министром без портфеля и, следовательно, Вы должны были как министр занять свое место на заседании рейхстага. Что Вы присутствовали на этом заседании?

ШАХТ: Я не присутствовал на этом заседании. Я должен здесь сказать, что я во время войны участвовал только в одном заседании рейхстага, я не мог избежать этого в связи с теми обстоятельствами, о которых я вчера упоминал. Это было в день возвращения Гитлера из Парижа и я должен был участвовать в заседании рейхстага, которое состоялось сразу же после встречи на вокзале, иначе это было бы слишком явным оскорблением с моей стороны. На этом заседании политические вопросы не обсуждались, там просто раздавались титулы фельдмаршалов и притом, целыми дюжинами.

ДИКС: Эта последняя попытка предотвратить войну через Канариса, о которой говорилось выше, привела нас к особой главе относительно ваших попыток осуществить путч, который ставил своей

10020

H1200 – 0139

H1200 – 0140

целью устранить Гитлера и его правительство. Я прошу Вас не повторять того, что уже сказал свидетель Гизевиус, а просто дополнить его показания или внести в них поправки, или же изложить то, что Вы сами помните. Но, прежде чем я приступлю к этой главе, я хотел бы Вас спросить, знали ли Вы из сообщений или каким-либо другим путем, что Ваши оппозиционные позиции и цели были известны влиятельным кругам заграницей?

ШАХТ: Я не хочу повторяться. Я лишь хочу указать на то, о чем я здесь уже неоднократно упоминал, а именно, что я всегда говорил с моими заграничными друзьями о положении в Германии и таким образом и о своем положении не только с американцами, англичанами и французами, но и с представителями нейтральных стран. И я хотел бы добавить, что иностранные радиостанции без устали говорили об оппозиции Шахта против Гитлера, так что моя семья и друзья всегда, после таких сообщений страшно были напуганы.

ДИКС: Скажите, когда Вы начали предпринимать попытки организовать путч против гитлеровского правительства?

ШАХТ: Еще в 1937 году я пытался определить те группы, на которые можно будет опереться в том случае, если будет пред принята попытка уничтожить гитлеровский режим. К сожалению, в 1935, 1936 и 1937 г.г. я узнал, что все эти круги, на которые я надеялся, не оправдали себя и я должен сказать, что это были люди науки , просвещенные представители буржуазии, руководители хозяйства. Я должен напомнить, что научные деятели покорно слушали национал-социалистские доклады, и не протестовали против этого. Я хочу напомнить, что экономисты, когда они увидели, что я ничего не значу теперь в экономических вопросах, столпились в приемной у Геринга и покинули мою приемную. Короче говоря, на эти круги нельзя было положиться. Следовательно расчитывать можно было только на генералов, на военных людей и как я считал тогда по той причине, что надо было рассчитывать и на сопротивление гвардии- СС. Поэтому,

как здесь уже говорилось, я установил связь с такими генералами, как например, Клюге для того, чтобы только выяснить, есть ли среди военных люди, с которыми можно открыто говорить. И вот именно поэтому я вел переговоры с различными генер алами, и с течением времени установил с ними связь.

ДИКС. Итак, это было в 1937 году. Теперь мы переходим к 1938 году, все время помня о том, что сказал Гизевиус и не повторяясь, нужна только ссылка и подтверждение. Скажите, Вы участвовали непосред ственно или косвенно в переговорах в Годесберге или Мюнхене?

ШАХТ: Нет, никоим образом.

ДИКС: Итак, мы продолжаем говорить о вашей работе по подготовке путча. Скажите, верны ли показания Гизевиуса, относящиеся к 1938 г. или к ним следует еще кое-что добавить?

ШАХТ: Я должен сказать, что эти показания точны и правильны.

ДИКС: Скажите, это относится и к Вашей попытке совершить государственный переворот в конце лета 1938 г.

ШАХТ: Да.

ДИКС: Итак, наступила война, и что же Вы сложили руки после того, как началась война?

ШАХТ: Нет, я всю войну старался привлечь на свою сторону каждого генерала, если это было возможно, причем оперировал теми же аргументами, которые я только что упомянул, говоря о переговорах с Браухичем, которые должны были иметь место. Следовательно я не остановился на одной теории, я говорил со всеми этими генералами.

ДИКС: Скажите, посещение генерала Геппнера здесь не играет роли?

ШАХТ: Да, в 1941 г. я не только пытался установить связь с генералом Геппнером, но и неоднократно беседуя с ним пытался убедить его в том, что надо действовать.

10022

H1200 – 0141

H1200 – 0142

Геппнер был готов на все и,как известно, после 20 июня 1944 г. поплатился жизнью. В 1942 г. /об этом здесь еще не говорилось, так как Гизевиуса там не было/, я опять попытался привлечь на свою сторону и подготовить генерала фон Витцлебена,для этого, я специально поехал во Франкфурт-на-Майне, где он в то время находился по службе. Г-н Витцлебен сказал, что как раньше, так и теперь он полон решимости действовать, но он может начать действовать только после того, как он получит назначение на фронт.

ДИКС: Скажите, во Франкфурте тогда была фрау Штрюнкк, которая была посвящена во все эти дела?

ШАХТ: Да, она была посвящена во все эти дела и может это подтвердить.

ДИКС: Я разрешу себе сказать Суду следующее: Мне разрешили вызвать фрау Штрюнкк в качестве свидетеля, она здесь. Но я отказываюсь от нее для того, чтобы сэкономить время, т.к. она может дать показания кумулятивные показаниям Гизевиуса, я думаю, что в этом нет необходимости. Единственное, что она может добавить, так это то, о чем сейчас говорил Шахт, а именно, об этой поездке, особой поездке во Франкфурт к Витцлебену. Но на основании жизненного опыта, Суд может сказать относительно этой поездки, что подготовка любого путча требует целого ряда поездок и нет необходимости представлять по этому вопросу особые доказательства. Поэтому для того, чтобы сэкономить время я отказываюсь от свидетельницы Штрюнкк.

/К Шахту/. Извините, что я Вас прервал.

ШАХТ: Итак, я хочу сказать следующее. Во время переговоров, о которых говорил Гизевиус с другими генералами, т.е. с группой - Бекк, Фромм, Альбрихт и т.д., я, конечно, также присутствовал. И я должен сказать, что дело двигалось так медленно потому, что генералы ожидали каких-то заграничных переговоров. Мне кажется,

что об этом здесь достаточно говорилось и я не буду углубляться в этот вопрос.

Затем я,правда, перехожу к следующему, последнему пункту, который не освещен в показаниях Гизевиуса, но здесь будут представлены письменные показания под присягой полковника Гранау. Для того, чтобы сэкономить время я могу лишь кратко упомянуть об этом. Я само собой разумеется, как и группа Бекк, Герделер, мой друг Штрюнкк, Гизевиус и др. были полностью проинформированы обо всем, что связано с 20 июля. Мы были в это посвящены. Но я должен сказать, что мы,и я думаю, все без исключения, говорили друг другу только то, что каждому из нас необходимо было знать, для того чтобы его не могло смутить гестапо, если бы кто-либо из нас попал туда. Таким образом, с одной стороны я был связан с Бекком, Герделером, Гизевиусом и Штрюнкком и др., а с другой стороны поддерживал связь с генералами, которые руководили этим путчем. Это был генерал артиллерии Линдеманн. Один из главных участников путча, который , к сожалению, позднее погиб.

ДИКС: Может быть будет правильным, если я кратко покажу участие Линдеманна в событиях 20 июля, если я оглашу ту часть письменных показаний полковника Гранау, которая относится к Линдеманну. Это доказательство № 39 нашей книги документов, стр. 168 немецкого текста, страница 176 английского текста. Я пропускаю первую часть этих письменных показаний и прошу ее просто приобщить к делу, т.к. в первой части освещается то, о чем здесь уже говорилось. Итак, я оглашаю только ту часть, в которой говорится о событиях 20 июля. Эта цитата начинается на стр. 178 английского текста и на странице 170 немецкого текста. 5-й вопрос.

Вопрос: Вы познакомили Шахта с генералом Линдеманном; когда это было?

10024

H1200 – 0143

H1200 – 0144

Ответ: Осенью 1943 года я вновь встретился с генералом Линдеманном, моим старым товарищем по школе и по полку, которого я не видел несколько лет. Беседуя с ним на политические темы я рассказал ему, что я хорошо знаком с Шахтом и Линдеманн просил меня представить его Шахту, что я и сделал. Таким образом был установлен контакт.

Вопрос. Чего ожидал Линдеманн от Шахта и как относился к нему Шахт?

Ответ. Установления политических связей с заграницей после удачного покушения. Он согласился в будущем сотрудничать. В начале 1944 г. он упрекал Линдеманна за то, что генералы слишком медлят. Покушение должно произойти до высадки союзников.

Вопрос. Был ли как-либо Линдеманн связан с покушением 20 июля 1944 года

Ответ. Да, он был одним из главных заговорщиков.

Вопрос. Сообщил ли он Шахту подробности плана?

Ответ. Ничего о самой технике этого дела, но он сообщил ему то, что должно было произойти после этого.

Вопрос. Одобрил ли Шахт этот план?

Ответ. Да.

Вопрос. Предоставил ли себя Шахт в распоряжение генералов на тот случай, если бы покушение удалось?

Ответ. Да.

Вопрос. После 20 апреля Вы были арестованы?

Ответ. Да.

Вопрос. Как вы смогли освободиться?

Ответ. Я упорно отрицал свое участие. /Конец цитаты/.

Итак, мы от 1941 - 1942 г.г., говоря о путче перешли сразу к 1944 г., сохраняя логическую последовательность. Этого нельзя было избежать. Теперь давайте еще раз вернемся к 1941 г. Вы уже

вскользь упомянули о заграничных попытках. В 1941 г. Вы были в Швейцарии. Вы там предпринимали что-либо в этом направлении?

ШАХТ: Я каждый раз, когда бывал за границей, разговаривал с моими заграничными друзьями и все время пытался найти какой-либо путь для того, чтобы как можно скорее закончить войну и найти какое-либо посредничество для начала переговоров.

ДИКС: Здесь играет роль письмо Фрауера. Мне кажется, что свидетель Гизевиус уже рассказал о судьбе этого письма и о том, как оно было переправлено в Швейцарию. Я дважды говорил об этом письме: первый раз, когда речь шла о переводе и во второй раз, когда обсуждался вопрос о допустимости этого доказательства. Я таким образом кратко повторил уже здесь Трибуналу содержание этого письма. Я представляю этот документ в качестве доказательства под № 31, страница 84 немецкого текста, страница 91 английского текста. Тоже самое для того, чтобы покончить с этим надо сказать и о статье, которая была в этом году опубликована в "Базелер Нахрихтен". Там говорится о беседе Шахта с одним американцем. Я это также не буду оглашать. Я в основном уже передал содержание. Я передаю этот документ под № 32, стр. 90 немецкого текста и стр. 99 английского текста. Я хотел бы указать на то, что эта статья неоднократно упоминалась во время перекрестного допроса свидетеля Гизевиуса представителем советского обвинения.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Я хотел бы выступить с возражениями по документу № 32. Эта статья из "Базельских известий" о том, как доктор Шахт мыслил. Это статья неизвестного автора о беседе с неизвестным экономистом. Опубликована она 14 января 1946 г.,т.е. когда проходил настоящий процесс. Я полагаю, что эта статья не может быть представлена как доказательство по делу Шахта.

ДИКС: Я могу ответить на это. Разрешите мне, перед тем как суд примет решение сказать несколько слов по этому поводу...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, пожалуйста.

10026

H1200 – 0145

H1200 – 0146

ДИКС: Статья была мне разрешена, т.е. мне разрешили представить ее в качестве доказательства. Мы уже обсуждали этот вопрос и Трибунал разрешил мне представить эту статью в качестве доказательства. Конечно, Трибунал может изменить свое решение. Я считаю...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я считаю, что трибунал всегда раз"яснял положение о том, что разрешение относительно допущения документа является всегда временным и окончательное решение принимается уже в то время, когда докумен т представляется в качестве доказательства, лишь тогда обсуждается вопрос о допустимости документа и об его отношении к делу, главным образом, об его отношении к делу.

ДИКС: Это совершенно ясно. Я хотел лишь указать на то, что мы уже обсуждали этот вопрос. Конечно, Суд сейчас может отклонить этот документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подобное решение носит временный характер. Это не вопрос о том, что Трибунал изменяет свое предварительное решение. Дело в том, что первоначальное решение носило лишь временный характер, а впоследствии должен быть решен вопрос о том, допустим ли этот документ.

ДИКС: Милорд, это мне совершенно ясно. Я не понимаю только возражений представителя Советского Обвинения, меня эти возражения удивляют постольку, поскольку советское обвинение ссылалось на этот документ, допрашивая свидетеля Гизевиуса, правда, Советский Обвинитель не представил этот документ Трибуналу, но он представил его свидетелю Гизевиусу и таким образом сослался на этот документ. Если Суд имеет сомнения по поводу того, можно ли эту статью представлять в качестве доказательства, то я отказываюсь от этого документа. Я думаю, что в таком случае мне будет разрешено спросить свидетеля Шахта, правильно ли, что он в 1941 г. разговаривал с одним американцем - профессором национальной

экономики о возможностях заключения мира. Вообщем мне все равно. Мне только казалось, что будет проще, если я представлю статью.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал Руденко, в связи с тем, что Вы выдвинули возражение против представления этого документа, - что Вы можете сказать по поводу доводов доктора Шахта, относительно того, что Вы сами использовали этот документ при перекрестном допросе?

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Господин председатель, мы этого документа не использовали при допросе свидетеля Гизевиуса. Это был задан выясняющий вопрос с тем, чтобы дать заключение по этой статье. Я особенно подчеркиваю...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторите, пожалуйста, еще раз то, что вы сказали. Я Вас не понял.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Я говорю, что Мы не использовали этот документ при перекрестном допросе Гизевиуса, а задали выясняющий вопрос с тем, чтобы при представлении этого документа доктором Диксом выступить с отводом этого документа, как не имеющего доказательной силы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но разве Вы не говорили о содержании этого документа свидетелю Гизевиусу? Я сейчас не помню. Я хочу выяснить, использовали ли Вы содержание этого документа при допросе свидетеля?

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Нет, нет, не пред'являли содержания и не говорили по существу этого документа, а только задали вопрос: известно ли ему, свидетелю Гизевиусу, о статье в "Базельских известиях" от 14 января 1946 года?

Свидетель ответил, что известно.

ДИКС: Я хотел бы сказать еще одно. Я чувствую, что Советское Обвинение не хотело бы, чтобы я представил эту статью в качестве доказательства. Поэтому я отказываюсь от представления этой

H1200 – 0147

H1200 – 0148

статьи в качестве доказательства. И я считаю, что в том случае, если у меня нет существенных деловых контраргументов, я должен исполнить пожелание Советской делегации. И поэтому я рассматриваю этот вопрос как решенный вопрос. Разрешите мне задать вопрос /обращаясь к Шахту/. Итак, Вы вели беседы в Швейцарии?

ШАХТ: Да.

ДИКС: Каково было их содержание в общих чертах и с кем Вы вели эти беседы.

ГОСПОДИН ДЖЕКСОН: Прежде всего, Ваша честь, разрешите мне высту пить с возражением, я не присоед инился к советскому возражению против документа по той причине, что я хотел выяснить, +кем был этот экономист. Я хочу проверить это. С этим документом связаны очень странные обстоятельства и я возражаю сейчас против того, чтобы подсудимый так подробно излагал свой разговор с каким-то неизвестным экономистом. Я прошу лишь о том, чтобы он точно указал здесь, с кем он тогда говорил, где была эта беседа и когда она имела место, с тем, чтобы мы могли несколько проверить эту его попытку представить Трибуналу события, которые до 1946 г. не получали огласки.

ДИКС: По этому вопросу таким образом придается такое значение, которое право не соответствует сущности данного вопроса. Я отказываюсь от этого вопроса. Не расскажите ли вы нам сейчас о своей беседе с этим профессором. Я предоставляю Обвинению возможность поставить этот только что затронутый г-ном Джексоном вопрос во время перекрестного допроса.

Итак, Ваши переговоры в Швейцарии исключая беседу с неизвестным профессором.

ШАХТ: Итак, я все время хотел сократить сроки войны и найти какого-либо посредника для ведения переговоров. Такого посредничества я в особенности всегда искал у американского президента.

ДИКС: Вы уже говорили о письмах Риббентропу, Гитлеру и Герингу. Скажите, во время войны Вы кроме этого высказывали в письменной форме свою точку зрения по поводу военной политики?

ШАХТ: Я уже говорил о беседе с Гитлером в феврале 1940 г. Летом 1941 года я написал подробное письмо Гитлеру, причем свидетель Ламмерс подтвердил, что это письмо было общеизвестно. Я думаю, что его не спрашивали здесь о содержании этого письма и он не мог высказаться по этому поводу. Я хотел бы восполнить этот пробел, я в этом письме говорил примерно следующее; я буду передавать в прямой речи: "Вы сейчас на высоте своих успехов", - это было после первых побед в России - "Враг считает Вас сильнее, чем Вы есть в действительности. Союз с Италией очень сомнительный, ибо в один прекрасный день падет Муссолини и тогда Италия будет выключена из войны. Может ли Япония вообще оказать Вам помощь. Это крайне сомнительно ввиду слабости Японии по отношению к Америке. Я не думаю, что японцы будут настолько безумны и вступят в войну с Америкой. Япония, численность населения которой почти-что равна численности населения Америки производит лишь 1/10 часть всей стали, выпускаемой в Америке. Поэтому я не думаю, что Япония вступит в войну. Я советую Вам сейчас при всех условиях повернуть внешнюю политику на 180 градусов и стремиться к заключению мира.

ДИКС: Скажите, а вы говорили с Риббентропом во время войны, Вы высказывали ему свою точку зрения?

ШАХТ: Я не помню, когда это было, но однажды Риббентроп через своего статс-секретаря Вейцзеккера сделал мне замечание о том, что мне не следует допускать антивоенных высказываний. Это было, очевидно, в 1940 г., а может быть и в 1941 году. В эти годы я спросил, где я делал такие пацифистские замечания и выяснилось, что я, якобы, говорил моему коллеге министру Функу, что Германия никогда не одержит победу в этой войне, причем я обосно-

10030

H1200 – 0149

H1200 – 0150

вал эту точку зрения; я должен сказать, что в этом я был убежден даже после падения Франции. Я на это замечание Риббентропа через статс-секретаря ответил, что я как министр без портфеля считаю себя обязанным излагать свою точку зрения своим коллегам-министрам, и ту точку зрения, которую я изложил и в своем письме, а именно, что у Германии нет необходимых экономических ресурсов для этой войны. Копию этого письма, т.е. один экземпляр я передал министру Функу, а также и министру Риббентропу через статс-секретаря.

ДИКС: Я думаю, господин председатель, что сейчас будет удобное время для перерыва.

/Об'является перерыв до 14.00 часов/.

10031

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 2 мая 1946 года.

/Вечернее заседание/

Встать! Суд идет!

ДИКС: Мы говорили ранее о событиях 20 июля. Известно ли вам высказывание Гитлера относительно вас в связи с событиями 20 июля?

ШАХТ: Подсудимый министр Шпеер присутствовал, когда 22 июля 1944 года Гитлер отдал приказ о моем аресте и сообщил мне об этом. При этом Гитлер очень отрицательно высказался обо мне, заявив, что я сильно мешал ему в его работе по вооружению, тормозя его, что он поступил бы лучше, если бы приказал расстрелять меня еще до войны.

ДИКС: Теперь, приближаясь к концу, я перехожу к некоторым общим принципиальным вопросам. Обвинение, неоднократно признававшее ваш ум и ваши успехи в работе, дает основание отметить то непонятное обстоятельство, что такой умный человек, как вы, не мог своевременно разгляжеть истинную сущность и намерения Гитлера. Замечания в таком же духе раздаются в самой Германии и за границей. Я попрошу вас высказаться по этому вопросу.

ШАХТ: Мне было бы очень приятно, если бы я познакомился с этими господами, которые дают мне такую оценку, в то время, когда это могло иметь какой-то смысл. Они относятся к той категории людей, которые потом утверждают, что они заранее знали, что должно будет произойти. Я могу лишь констатировать, что, во-первых, с 1920 года до прихода Гитлера к власти, как в самой Германии, так и за границей я всегда пытался оказывать на события влияние в том смысле, ударением
чтобы воспрепятствовать появлению на поверхности государственной жизни и приходу к власти такого лица, как Гитлер. Я призывал Гер-

H1200 – 0151

H1200 – 0152

манию к финансовой экономии,меня не слушали. Я постоянно призывал иностранные государства придерживаться такой экономической политики,которая дала бы немецкому народу возможность жить,меня не слушали,несмотря на то, что как сейчас кажется, ~~что~~ меня считают проворливым и умным человеком.Гитлер пришел к власти потому,что не послушали моих советов. Немецкий народ попал в исключительно тяжелое экономическое положение, и ни сама Германия...

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Господин председатель. Мы уже в течение двух дней слушаем пространные об'яснения подсудимого Шахта. Мне думается, об'яснения,которые сейчас дает подсудимый Шахт,это не ответы на конкретные вопросы в связи с пред'явленным ему обвинением, а речи. Я полагаю,что это только затягивает процесс.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Дикс, Трибунал,я думаю, полностью оценивает все материалы,представляемые по делу подсудимого Шахта. Трибунал не хочет лишать этого подсудимого возможности полностью представить свою защиту ,но мы хотели бы,чтобы вы,насколько это возможно,сократили представление доказательств вашей защиты и чтобы сам подсудимый также сократил свои показания.

ДИКС: Милорд, я уверен,что до перерыва,может быть, и раньше,я кончу. Но я прошу учесть,что Шахту инкриминируется оказание Гитлеру помощи при захвате им власти. Встает вопрос: как могло случиться,что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не сказал,что эти показания не принимаются как доказательство. Я лишь просил вас освещать вопросы,по возможности,более кратко.

ДИКС: Итак, г-н доктор Шахт,продолжайте и по возможности учтите пожелание г-на представителя советского обвинения.

ШАХТ: Я буду краток насколько это возможно. Я не буду

вдаваться в подробности. Я лишь констатирую, что вследствие катастрофы 1918 года и неблагоприятных для Германии условий Версальского договора, Германия попала в столь тяжелое экономическое положение, что демократические партии, бывшие тогда хозяевами положения, оказались не в состоянии добиться изменения существовавшего порядка, что иностранные государства не поняли какую политику следовало им вести по отношению к Германии, - я никого ни в чем не упрекаю, я лишь констатирую, что при создавшемся отчаянном положении Гитлеру удалось добиться такого большинства в рейхстаге, какого еще никогда не бывало за всю историю существования империи.

Я спрашиваю тех, которые теперь, когда уже поздно, говорят мне, что я должен был делать тогда, хотя тогда они мне ничего не говорили. Я заявил, что я был против военного режима, что я хотел избежать гражданской войны и что по демократической линии я видел лишь один путь: предоставить человеку, который уже добился власти, руководство правительством. Далее я утверждал, что с момента, когда я пришел к этому убеждению, я пытался включиться в руководство страной, не с намерением поддерживать его крайние идеи, а наоборот с намерением тормозить осуществление их, направляя их по возможности в нормальное русло.

ДИКС: Наступил момент, когда вы осознали всю опасность ситуации и когда вы сами начали страдать от того невыносимого положения, когда господствовал террор и людям затыкали рот. Я думаю, правилен и уместен будет следующий вопрос: почему вы не эмигрировали?

ШАХТ: Если бы речь шла только о моей личной судьбе, то ничего легче не было, тем более, что как уже сказал, мне предлагали это сделать, обещав содействие. Но речь шла не обо мне; после того, как с 1923 года я посвятил себя делу

10034

H1200 – 0153

H1200 – 0154

служения общественному благу Германии,важнее для меня был вопрос о существовании моего народа,моей родины. Я никогда еще не видел в истории,чтобы эмигранты,я говорю,конечно, о добровольных эмигрантах,а не о высланных – я ни разу не видел,чтобы эмигранты в каком-либо отношении оказывались полезными своей родине. Этого не было в 1792 г. во время Французской революции, этого не было в 1917 году во время Русской революции,этого не было и во время национал-социалистской революции, которую мы пережили.

Сидеть где-нибудь в тихой гавани и писать статейки,которых не читает ни один человек на твоей родине...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Дикс,нам не нужно здесь лекций исторического характера,не так ли?

ДИКС: Мне кажется, мы можем на этом остановиться. Он просто хотел об'яснить,почему он не эмигрировал.Вас поняли.

ШАХТ: Спасибо.

ДИКС: Здесь,на процессе, в каком-то письме,или в каком-то стихотворении,я сейчас точно не помню,шла речь о ваших рассуждениях относительно возможной мученической смерти; может быть,следовало сослужить службу делу мира или немецкому народу,пойдя еще дальше,чем пошли вы,и пожертвовать собой...

ШАХТ: Мне кажется,что вы намекаете на одну цитату из моих записей, которую огласил здесь представитель американского обвинения и в которой я говорил о мертвом молчании.

ДИКС: Да.

ШАХТ: Если бы я пожертвовал собой,то это не принесло бы ни малейшей пользы,поскольку обстоятельства моего самопожертвования остались бы неизвестными. Я или пропал бы в какой-либо тюрьме,или умер бы там,и ни один человек не

знал бы - жив я или нет. Или я погиб бы от преднамеренного несчастного случая,но это была бы уже не мученическая смерть. Мученики оказывают своей смертью какое-то воздействие только тогда,когда о них известно общественности.

ДИКС: Я хотел бы сейчас попросить на минуту внимание суда на следующее: вчера мне не разрешили задать вопрос относительно общественной позиции дипломатического корпуса и относительно его влияния на таких людей, как например Шахт. Вопрос,который я сейчас хочу задать,не тот же самый, иначе я не стал бы задавать его,но он во всяком случае...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мое возражение касалось использования слова "позиция", так как я не представляю себе,каким образом свидетель мог давать показания по поводу позиции по тому или иному вопросу целого корпуса. Я указал,что тот факт,что дипломатический корпус присутствовал на партийном с'езде мог быть приведен в качестве доказательства,но я заявил,что слово "позиция" носит слишком обобщенный характер. Какой вопрос вы хотите задать сейчас?

ДИКС: Вчера бы отклонен мой вопрос,который я уточнил следующим образом: "Какое влияние имела на Шахта общая позиция дипломатического корпуса"? Этот вопрос был отклонен и тем самым исчерпан. Теперь я,естественно,хочу предварительно внести ясность, чтобы не создалось впечатления, будто я хочу протащить вопрос,постановка которого нарушает то же самое постановление суда.

С ~~другой~~ одной стороны,для защиты очень важно показать,что люди из иностранных государств, с мнением которых стоит считаться, относились к этому режиму так же,как и Шахт.Эти люди вне всякий подозрений в том,что они хотели подготовить агрессивную войну. С другой стороны,громадное значение для защиты имеет изложение того факта, что деятель-

H1200 – 0155

H1200 – 0156

ность этих оппозиционных кругов не только не стимулировалась отношением заграничных государств к гитлеровскому режиму, но, наоборот, очень затруднялась ими. Это "Thema probandum" важная для меня и – доктор Шахт, пожалуйста, не отвечайте, пока суд не даст разрешения, – я и не хочу...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сформулируйте ваш вопрос более точно.

ДИКС: Да, и хочу задать сейчас вопрос. Я хотел бы вначале пред'явить ему мою запись различных почестей, которые оказывались нацистскому режиму за границей /о них здесь уже шла речь/, многочисленных представительских визитах, оказывавших честь режиму в Германии и затем спросить – теперь следует вопрос: какое влияние оказывали эти многочисленные и большие почести на деятельность и цели этой заговорщической группы. Но так как этот вопрос ставится в той же плоскости, что и вопрос, который был вчера отклонен, а я охотнее сам выдвигаю "возражения", чем вызываю их со стороны других – я представляю этот вопрос вначале суду для решения, можно его задать или нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Дикс, вы ведь задали следующий вопрос: "Как повлияло признание нацистского режима за границей на деятельность группы заговорщиков, с которыми подсудимый Шахт был связан?" Вы, ведь, задали именно этот вопрос? Трибунал считает, что вы можете поставить такой вопрос.

ДИКС: Могу. Слово "признание" в правильном переводе значит "оказание почестей", не официальное дипломатическое признание, а оказание почета, т.е. выделить, отметить, наградить. Это трудно перевести. Я хотел бы, чтобы там не было, как это говорят по-английски... Сначала я хотел бы пред'явить ему перечень отдельных визитов государственных деятелей, который имеется у меня, чтобы он смог ответить на мой вопрос. Разрешите?

10037

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да,пожалуйста. Вы имеете в виду фактические посещения?

ДИКС: Этот список не полный. Я напоминаю вам,что в 1935 году член парламента от лейбористской партии Аллан Хартвуд...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает,что вам следует поставить этот вопрос в общей форме, так как я вам указал: вы не должны углубляться в детали каждого посещения в отдельности или подробно рассматривать количество этих визитов.

/К микрофону подходит судья Джексон/.

ДЖЕКСОН: Ваша честь,я хочу возразить против этого вопроса в связи с тем, что он носит слишком общий характер. Уже было установлено,что Соединенные Штаты не разделяли этого мнения; я старался исключить из рассмотрения здесь вопросы европейской политики; затронутая сейчас тема представляет собой один из первых вопросов подобного рода,которые будут здесь ставиться. Я не хочу углубляться в обсуждение этих вопросов. Я считаю,что тот факт,что какой-либо иностранец,введенный в заблуждение той видимостью,которую подсудимый Шахт поддерживал вместе с другими,не счел необходимым начать войну в более ранний период,не имеет никакого отношения к делу. Все эти вопросы не имеют совершенно никакого отношения к делу. Соединенные Штаты стремились исключить эти вопросы из числа вопросов, подлежащих рассмотрению здесь,т.к. обсуждение подобных тем оказалось бы бесконечным. Мне кажется,если доктор Шахт хочет возложить ответственность за свои действия на кого-то другого, то этот человек должен быть здесь назван. Он уже заявил, что представители Соединенных Штатов,г-н Мессершмидт и г-н Додд не принимали участия в этих действиях,так как они постоянно против них возражали. Таким образом,мы оказы-

H1200 – 0157

H1200 – 0158

ваемся перед необходимостью рассматривать здесь вопросы, которые не должны затрагиваться настоящим Трибуналом. Я не вижу, какие смягчающие вину обстоятельства могут возникнуть для Шахта из того факта, что иностранные державы продолжали поддерживать отношения с Германией даже в период ее вырождения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что этот вопрос относится к делу, но при рассмотрении его не следует входить в детали.

ДИКС: Я не буду вдаваться в детали, но предварительно я хотел бы заметить, что я, конечно, не могу говорить о себе и об Америке в одной плоскости, но и я стремлюсь к тому, чтобы оставаться подальше от вопросов внешней политики. Вопрос, который я задаю, не относится к ней.

Наконец, вопрос: какое влияние на вашу заговорщическую группу оказывал тот факт, что иностранные государства известным вам образом оказывали нацистскому режиму всевозможные почести.

ШАХТ: В годы с 1935 и приблизительно до 1938 г. включительно, бесконечное число государственных деятелей почти всех стран, включая и некоторых коронованных особ, наносили визиты Гитлеру в Берлине. Из Америки был, например, младший государственный секретарь Филиппс.

ДИКС: Не называйте фамилий.

ШАХТ: Нет, я отметил его только потому, что некоторые имена уже назывались. Дело не ограничивалось только Европой. Я не собираюсь говорить о политике, но хочу сказать, что в то время было много визитов, которые означали для Гитлера не только признание его, но и оказание ему чести, что делало этого человека в глазах германского народа великим человеком. Я помню, как кажется, в 1925 году, король Афганистана Аманулла первый из иностранных деятелей нанес визит

социал-демократическому правительству в Берлине. Ему был оказан большой прием, наконец-то к нам приехал большой человек из-за границы. При Гитлере же, начиная с 1935 года, визит следовал за визитом. Гитлер шел от одного успеха в области внешней политики к другому, что неимоверно затрудняло нашу раз'яснительную работу среди германского народа и делало ее просто невозможной.

ДИКС: Теперь два заключительных вопроса. Вы слышали обвинительную речь британского королевского прокурора Шоукросса, который сказал, что однажды должен был наступить такой момент, когда слуги Гитлера должны были отказаться служить ему. Встанем сейчас на эту точку зрения. Я вас спрашиваю: придерживаетесь ли вы того мнения, что это заявление справедливо в отношении вас?

ШАХТ: Я не только полностью встаю на эту точку зрения, я одобряю его мнение всем сердцем. В тот момент, как я понял, каким вредным явлением был Гитлер, какую угрозу он представлял собой для мира во всем мире, я сейчас же отвернулся от него. Я сделал это не тайно, а публично, и в наших личных отношениях.

ДИКС: Значит, вы считаете, что правильно оценив обстановку, вы сделали все, что было в человеческих силах для того, чтобы предостеречь человечество от несчастий войны, а в случае ее возникновения - все для того, чтобы приблизить скорее ее конец?

ШАХТ: Я не знаю в Германии ни одного человека, который сделал бы в этом отношении больше, чем я. Я предостерегал от слишком большого вооружения. Я всячески тормозил вооружение, ~~всячески~~ придерживаясь своей экономической политики, и, если вам угодно, даже саботировал его. Вопреки воли фюрера, я добился своей отставки из министерства экономики. В своих беседах с Гитлером и публично я протестовал против всех

H1200 – 0159

H1200 – 0160

перегибов партии.Я постоянно предостерегал и предупреждал другие государства,я пытался изменить их политику по отношению к Германии,я требовал разрешения колониального вопроса,и создания,таким образом, мирной атмосферы. Я отказал Гитлеру в дальнейшем кредитовании вооружений...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Дикс, мне кажется, мы уже неоднократно слышали об этом.

ШАХТ: Разрешите мне еще одну фразу: я закрыл для него кредит - и,наконец, я попытался устранить его.

ДИКС: Господа судьи! Сейчас я заканчиваю предоставление доказательств по делу Шахта. У меня лишь одна просьба.Как раз в последние дни ко мне поступило очень большое количество писем и аффидевитов от лиц, которые знали Шахта.Я просмотрю эти документы.

Если я найду,что те или иные письменные показания под присягой могут относиться к делу, то я свяжусь с обвинением и узнаю,имеются ли у него какие-либо возражения против перевода их,чтобы потом представить суду тот или иной документ для принятия его к сведению,не оглашая его. Я просил бы суд оставить за мной это право.

К концу представления доказательств я еще коротко вернусь к своим документам. Пока жжжжжжжжих пред'явлена лишь часть их.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желает ли еще кто-либо из защитников задать вопросы подсудимому?

Д-р фон ЛЕДИНГХАУЗЕН /защитник подсудимого фон Нейрата/: У меня к д-ру Шахту лишь несколько вопросов.С какого времени вы знаете г-на фон Нейрата,г-н доктор?

ШАХТ: Я не могу назвать точно год,но во всяком случае с очень давних пор, много,много лет.

ЛЕДИНГХАУЗЕН: Затем некоторое время,приблизительно в течение 4-х лет вы,как министр,были его коллегой,входя,

как и он, в состав правительства. Существовали ли между вами в то время более тесные отношения, кроме официальных?

ШАХТ: К сожалению, недостаточно, но я, естественно, всегда время от времени видел его. Я бы с удовольствием виделся с ним чаще.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Из разговоров с ним, из того, что вы о нем слышали, вы могли, конечно, составить себе мнение о его политических установках, о его политических идеях, о его политических планах?

ШАХТ: Они мне были хорошо известны.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: К чему же сводились его политические установки?

ШАХТ: О г-не Нейрате у меня сложилось такое впечатление, что в принципе он был приверженцем консервативной политики, но он всегда шел навстречу разумному прогрессу и, прежде всего, он был за мирное сотрудничество народов.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Считаете ли вы возможным, есть ли у вас какие-нибудь основания полагать, что при определенных обстоятельствах он мог прибегнуть к военным средствам, входило ли это в его ~~мои~~ расчеты на тот случай, если мирное соглашение, которого он добивался, окажется действительно невозможным.

ШАХТ: Насколько я знаю Нейрата, он совершенно отрицательно относился ко всякой политике развязывания войны.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Вы могли наблюдать, что под его руководством германская внешняя политика...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /прерывая/: Д-р Людингхаузен, Трибунал считает, что эти вопросы не могут быть заданы, так как они носят общий характер.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Не сложилось ли у вас впечатление, что все то, чего он добился, прежде всего, занятие Рейнской

10042

H1200 – 0161

H1200-0162

области...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Лэдингхаузен, вам не надлежит задавать свидетелю подобные вопросы - "сложилось ли у вас какое-либо впечатление о данном человеке"? Вы можете спросить его о том, что он говорил и что он делал. Вы можете спросить, что делал фон Нейрат или что он говорил.

ЛЭДИНГХАУЗЕН: Хорошо, тогда этот вопрос я не буду задавать.

У меня последний вопрос:

- Вы знаете, что 4-го февраля 1938 года фон Нейрат ушел с поста министра иностранных дел. Что говорили вы и близкие вам круги об этом отходе г-на фон Нейрата от внешней политики? Какое впечатление произвело это на вас?

ШАХТ: Мне кажется, что во время допроса я уже сказал, что я воспринял отставку господина Нейрата, как очень курной признак, свидетельствовавший о том, что Германия сворачивает со своего прежнего пути во внешней политике, с пути взаимопонимания с другими государствами.

ЛЭДИНГХАУЗЕН: У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желают ли остальные защитники задать вопросы подсудимому? Желает ли обвинение подвергнуть подсудимого перекрестному допросу?

ДЖЕКСОН: Я думаю, Ваша честь, что в интересах сохранения времени более целесообразно сейчас об'явить перерыв. Я знаю, что это немного рано, но мне нужно время на приведение в порядок своих документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста.

/Перерыв на IO минут/.

Встать! Суд идет!

ДЖЕКСОН: Господа Судья!

Доктор Шахт, согласно протоколу вашего допроса, страни-

ца 8698, вы сказали, что в 1938 году вы во время обеда заявили некой лэди, у которой вы обедали: "Моя дорогая лэди, мы попали в руки преступников. Как я мог когда-либо подозревать это?" Вы припоминаете эти показания?

ШАХТ: Не я давал эти показания. Мой защитник огласил это из одного аффидевита, но это верно.

ДЖЕКСОН: Я уверен, что вы готовы помочь Трибуналу, назвав этих преступников?

ШАХТ: Гитлер и его товарищи.

ДЖЕКСОН: Хорошо, но вы ведь тоже были в их числе. Вы знаете кто были сообщники Гитлера. Я прошу вас назвать тех лиц, которых вы вместе с Гитлером причисляете к числу преступников. Как вам известно, Гитлер мертв?

ШАХТ: Господин Джексон, мне очень трудно полностью ответить на этот вопрос, так как я не знаю, кто участвовал в этом заговоре Гитлера. Но мы слышали здесь, от подсудимого Геринга, что он себя причисляет к этой группе. Я причисляю к этой группе еще Гиммлера и Бормана. А кто еще принадлежал к этому узкому кругу, я не знаю.

ДЖЕКСОН: Вы назвали всего трех лиц. Верно будет, если я скажу, что в числе преступников вы назвали четырех человек, из них трое мертвы, а один, как вы заявили, признал...

ШАХТ: Позвольте, я могу еще добавить одного, я полагаю, что и министр иностранных дел фон Риббентроп всегда был осведомлен о планах Гитлера. Я полагаю, что это так, я не знаю точно, я не могу показать.

ДЖЕКСОН: Кого еще вы включали в эту группу, когда говорили об этом с лэди?

ШАХТ: В тот вечер я не называл имен.

ДЖЕКСОН: Но кого же вы имели в виду? Вы ведь не могли выставлять обвинения против ваших собственных соотечественников, людей, стоявших во главе вашего собственного прави-

H1200 – 0163

H1200 – 0164

тельства,не имея в виду определенных лиц?

ШАХТ: Я осмелился только что упомянуть этих лиц.

ДЖЕКСОН: И это все?

ШАХТ: Этого я не могу знать,но я думаю,что их было много больше. Например,такого человека,как Гейдрих я,конечно,не колеблясь,причислил бы к этой группе. Не правда ли? Но я не могу знать с кем...

ДЖЕКСОН: Гейдрих уже мерт.

ШАХТ: К сожалению, что эти люди умерли так, мне бы приятнее было видеть,что они умерли другой смертью,но...

ДЖЕКСОН: Итак,вы имели в виду только этих.

ШАХТ: У меня нет доказательств того, что в заговор был посвящен еще кто-нибудь,о ком бы я мог сказать: такие-то обстоятельства говорят за то, что ты тоже был участником заговора.

ДЖЕКСОН: Доктор Шахт,в то время,когда нацисты захватили власть,у вас ведь были связи во всем мире и вы занимали высокое положение одного из первых банкиров Германии,не только и всего мира,не так ли?

ШАХТ: Я не знаю,так ли это. Но если вы придерживаетесь такого мнения, то я не буду вам противоречить.

ДЖЕКСОН: Но во всяком случае первоначально вы это признавали,не так ли?

ШАХТ: Я не противоречу.

ДЖЕКСОН: Тем не менее,насколько нам известно,вы открыто выступали в Германии перед германским народом с поддержкой нацистского режима,причем в этих выступлениях вы шли бок о бок с такими лицами,как Штрейхер и Борман.

ШАХТ: Г-н судья, я разрешил себе раз'яснить здесь,что до июля 1932 года я ни коим образом не выступал публично в пользу Гитлера или партии,что напротив ,например, в Америке я предостерегал от Гитлера и что я в то время с эти-

ми людьми... имя Бормана было мне вообще неизвестно, а "Штюрмер" Штрейхера был мне тогда также противен,как и позднее. Я не думал, что у меня было что-либо с господином Штрейхером.

ДЖЕКСОН: Я не думаю,чтобы у меня также было с ним что-либо общее. Именно поэтому я заинтересовался тем вопросом, что вы вместе с ним открыто выступали перед германским народом после 1933 года,в период укрепления нацистского режима. Это ведь так,не правда ли?

ШАХТ: Что я делал,г-н судья, что я сделал?

ДЖЕКСОН: Я говорил о ваших открытых выступлениях вместе со Штрейхером и Борманом перед германским народом,цели которых была поддержка нацистской программы после захвата власти.

ШАХТ: Я не думаю: меня никогда не видели вместе с Борманом и Штрейхером.Во всяком случае в то время. Возможно, что он был на том же партийном с'езде,где был я, что он сидел недалеко от меня и т.п., но во всяком случае в 1933 году меня в обществе не видели вместе ни с Борманом,ни со Штрейхером.

ДЖЕКСОН: Я попрошу,чтобы вам показали фотографию из коллекции Гофмана за № IO /Шахту предъявляют фотографию/. Вы без труда узнаете себя на этой фотографии,не так ли?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: По правую руку от вас сидит Борман?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Рядом с Борманом сидит министр труда?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: По другую сторону от вас находится Гитлер?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: А за ним Штрейхер?

H1200 – 0165

H1200 – 0166

ШАХТ: Я не знаю его,я не знаю Штрайхер ли это,может быть.

ДЖЕКСОН: Хорошо, я представляю эту фотографию в качестве показательства.Возможно,вполне достаточно будет того, факта, что вы их опознали. Видете вы на фотографии Фрика?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Хорошо. Это документальное показательство № 829. Я попрошу,чтобы вам показали.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин судья Джексон, каким числом датирована эта фотография?

ДЖЕКСОН: На этой фотографии нет даты. Может быть,свидетель сможет сообщить что-нибудь об этом.

ШАХТ: Господин судья, вы сказали,что в 1933 году,я якобы появлялся публично,как представитель национал-социалистской партии вместе с Штрайхером и Борманом. Я очень хотел бы знать,как была снята эта фотография и когда. Я не могу вспомнить этого.

ДЖЕКСОН: Я спросил вас о периоде после 1933 года. Вы отрицаете,Шахт,что эта фотография...

ШАХТ; Нет,нет ни в коем случае. Я только спрашиваю, когда это было. Мне кажется,что эта фотография относится не к периоду 1933 - 1934 года.

ДЖЕКСОН: Может быть, вы нам скажете, к какому периоду это относится?

ШАХТ: Я не знаю,я не могу этого установить.

ДЖЕКСОН: Я покажу вам другую фотографию,вернее, 2 фотографии,которые проходят под номерами 3 и 4. На фотографии № 3 вы вместе с доктором Лейем маршируете с рядом других лиц.

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: На фотографии № 4 вы входите в зал и отдаете нацистское приветствие.

ШАХТ: Да,да.

10047

ДЖЕКСОН: Доктор Лей был тем человеком, который преследовал рабочие союзы в Германии?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: И вы признаете аутентичность этих фотографий?

ШАХТ: Конечно.

ДЖЕКСОН: Я пред'являю эти фотографии в качестве документального доказательства за № 829.

Сейчас я покажу вам фотографии за №№ I,2,6 и 7./Шахту пред'являют фотографии/.

Давайте посмотрим на фотографию, помеченную № I. Вы припоминаете, когда она была снята?

ШАХТ: Да. Минуту, тот ли это номер. Подождите минуту, да.

ДЖЕКСОН: Где была снята эта фотография?

ШАХТ: Я думаю, что фотография № I снята в имперской канцелярии, если я не ошибаюсь.

ДЖЕКСОН: Среди лиц, которые запечатлены на фотографии, находится Фрик?

ШАХТ: Гюртнер, Геббельс, Попиц, Шахт, Папен, Геринг и другие и в середине Гитлер.

ДЖЕКСОН: И Нейрат тоже, вы его узнаете?

ШАХТ: Нейрат, кажется, справа от Гитлера, на заднем плане.

ДЖЕКСОН: Геббельс?

ШАХТ: Да, да, я назвал Геббельса.

ДЖЕКСОН: Вы узнаете Функа на этой фотографии? Он снят справа, с самого краю, причем виднеется только часть его туловища.

ШАХТ: Кто это?

ДЖЕКСОН: Функ, подсудимый Функ.

ШАХТ: Нет, это Геринг.

H1200 – 0167

H1200 – 0168

ДЖЕКСОН: Посмотрите на человека,стоящего за Герингом и за Нейратом.

ШАХТ: Простите,может быть,у меня другая фотография. О,извините, это фотография № 2.На фотографии № 2 я вижу слева направо: Попица,Густа,Геринга,Нейрата,Гитлера,Бломберга,Шахта,Гюртнера,Кребика, Эльц фон Рюбенаха и совсем сзади справа - Функа.

ДЖЕКСОН: Давайте обратимся к фотографии № 7.Кого вы узнаете на этой фотографии из числа знакомых вам лиц?

ШАХТ: Совсем слева - моя покойная жена; затем вице-президент рейхсбанка Драйзе,затем Гитлер,затем я. Затем ад'ютант Гитлера,а толстый господин справа - я не знаю, кто.

Эта фотография,снятая в 1934 г. в момент закладки фундамента нового здания имперского банка;/сзади меня сразу справа Бломберг.

ДЖЕКСОН: Что вы скажете о фотографии № 6?

ШАХТ: Одну минуточку.Это фотография, где я иду рядом с Гитлером,не правда ли? Это прибытие Гитлера в моем сопровождении к месту закладки нового здания имперского банка. Сзади меня и Гитлера вы видите тайного советника Фокке,который завтра выступит здесь, как свидетель,и несколько других господ из директората рейхсбанка.

ДЖЕКСОН: Я представляю остальные фотографии №№ I,6 и 7 в качестве документального доказательства под тем же номером. Таким образом,доктор Шахт,оказывается,что большинство лиц,которые вас сейчас окружают,поддерживали с вами связь еще в 1933-1934 гг.?

ШАХТ: Это вопрос? Или?

ДЖЕКСОН: Разве это неправда?

ШАХТ: Нет,если бы вы также часто фотографировали меня с другими моими знакомыми,то кипа фотографий была бы раз

в десять больше.

ДЖЕКСОН: Вы показали здесь, я ссылаюсь на страницу 8650 стенограммы, что вы не стали членом партии по принципиальным соображениям, что членство в партии не соответствовало вашим принципам.

ШАХТ: Это верно.

ДЖЕКСОН: Вы также заявили - я ссылаюсь на страницу 8692 стенограммы - что с 1932 г. по 30 января 1933 г. - я цитирую ваши слова: "В течение всего этого времени, я не написал и не произнес публично ни одного слова в пользу Гитлера".

ШАХТ: Я думаю, что это верно, если вы делаете ударение на слове "публично".

ДЖЕКСОН: Вы хотите подчеркнуть слово "публично"?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Я хочу задать вам следующий вопрос. Вы также сказали: "Я никогда и ни коим образом не способствовал росту влияния Гитлера в своих разговорах с компетентными людьми, как с Гинденбургом, Нейсенером и т.п. Я также ни в какой мере не содействовал назначению Гитлера рейхсканцлером". Это правильно?

ШАХТ: Это правильно.

ДЖЕКСОН: Имеются ли какие-нибудь особые слова в этом вашем высказывании, которые вы хотели бы подчеркнуть, чтобы яснее передать его смысл?

ШАХТ: Нет, в отношении занятия Гитлером поста канцлера и "компетентных людей".

ДЖЕКСОН: Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду под этим, но я дам вам возможность раз'яснить это.

ШАХТ: Да, компетентными я называл тех людей, которые могли оказать влияние на весь этот процесс. Я, конечно, говорил, что Гитлер станет канцлером, должен стать канцлером и это убеждение я выражал в кругу личных знакомых.

10050

H1200 - 0169

H1200 –0170

ДЖЕКСОН: Вы открыто заявляли об этом?

ШАХТ: Нет,это я высказывал только в кругу своих друзей,экономистов и тому подобное.

ДЖЕКСОН: Сейчас я хочу процитировать заявление фон Папена:

"Когда я был канцлером Германии в 1932 году,ко мне зашел Шахт; это было в июле или августе,я был дома. Он сказал мне: "Вот исключительно способный человек". Это было сказано в присутствии моей жены и я никогда не мог забыть об этом. Он сказал мне: "Отдайте ему вашу должность.Отдайте вашу должность Гитлеру, это единственный человек, который может спасти Германию".

Вы это говорили или нет?

ШАХТ: Я не помню,чтобы я сказал,что он - единственный человек, который может спасти Германию.Но я сказал ему, что Гитлер должен стать и станет канцлером.Это было в июле или августе,после июльских выборов,но это не имеет никакого маленького отношения к назначению Гитлера,о котором стали говорить лишь после отставки кабинета Шлейхера.

ДЖЕКСОН: Д-р Шахт,в ответ на мой вопрос,вы только что заявили, что вы не имели никакого отношения к его назначению на должность канцлера.

ШАХТ: Это правда.

ДЖЕКСОН: И здесь сказано,что вы просили фон Папена передать свою должность Гитлеру?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: И вы утверждаете - я хочу,чтобы вы сообщили по этому поводу все,что хотите - вы утверждаете,что вы не способствовали приходу Гитлера на пост канцлера?

ШАХТ: Я не знаю,было ли это помощью Гитлеру. Во время допроса в качестве свидетеля,меня спросили, оказывал ли я какое-либо влияние на выборы Гитлера и на назначение его

H1200 – 0171

канцлером в январе 1933 г. Я назвал имена Гинденбурга, Майснера, т.е. тот круг, который существовал вокруг Гинденбурга. С начала ноября 1932 г. Папен уже не был канцлером, т.е. не оказывал на эти дела никакого влияния. И в эти недели я ни разу не говорил с ним. После выборов 1932 г. я, напротив, сказал и Папену, что человек, получивший столько голосов в рейхстаге, неизбежно должен взять на себя политическое руководство.

ДЖЕКСОН: Я хочу правильно понять вас. Когда вы увидели, что Гитлер должен победить, вы к нему присоединились?

ШАХТ: Нет.

ДЖЕКСОН: Я сейчас разъясню то, что вы только что сказали. Вы не помогали ему до тех пор, пока он не захватил в рейхстаге большее количество голосов, чем какая-либо другая партия?

ШАХТ: Я присоединился к Гитлеру не тогда, когда я увидел, что он победит, а тогда, когда я констатировал, что он уже победил.

ДЖЕКСОН: Ну, хорошо, я принимаю эту поправку. Вы ссылались на ваше письмо к Гитлеру от 29 августа 1932 г..

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: ...в котором, вы советовали ему не выдвигать никакой детализированной экономической программы.

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Вы заявили ему в этом письме, что нет такой экономической программы, с которой бы согласились 40 млн человек.

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: И вы сказали ему, что экономическая политика, не может являться фактором при построении партии?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: И вы добавили: "Вы всегда можете полагаться

H1200 – 0171

H1200 – 0172

на меня,как на заслуживающего доверия помощника".Вы так сказали?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Таким образом, это было уже после того,как он победил?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: И затем 12-го...

ШАХТ: Ноября.

ДЖЕКСОН: Совершенно верно. Я сейчас хочу сослаться на документ ЕЦ-456, США-775. Таким образом,12 ноября 1932 г. вы написали ему письмо,в котором вы,помимо прочего,писали: "Я не сомневаюсь в том,что настоящее развитие событий может привести только к назначению вам канцлером".

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН:"По всей вероятности наши попытки собрать для этой цели целый ряд подписей со стороны "промышленных кругов не оказались бесплодными?"

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Значит,вы собирали подписи для этой цели?

ШАХТ: Не я,но я участвовал в этом.

ДЖЕКСОН: Значит вы содействовали его назначению?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Мы говорили о документе № ЕЦ-456.В ноябре 1932 г. был подготовлен документ,который должно было подписать значительное число промышленников ,и в котором содержался призыв избрать Гитлера рейхсканцлером.Таково было основное содер-жание этого документа? Не так ли?

ШАХТ:Я уже не помню этого документа,но я полагаю,что это тот документ.

ДЖЕКСОН: И этот документ подписали такие люди,как Шахт,Пренер,Крупп и еще большое число промышленников,не так ли?

ШАХТ: Да,возможно.

ДЖЕКСОН: Этот документ был послан фон Гинденбургу?

ШАХТ: Я этого не знаю.

ДЖЕКСОН: Этот документ был составлен с целью содействовать назначению Гитлера на пост канцлера?

ШАХТ: Возможно.

ДЖЕКСОН: Этот документ адресован рейхспрезиденту, не так ли? Это документ № 3901-ПС, США-831.

ШАХТ: Я не видел этого документа,но,наверно,это так.

ДЖЕКСОН: Таким образом,вы не отрицаете факт существования этого документа?

ШАХТ: Я полагаю,что это так, я его не видел,но я не сомневаюсь,что это так?

ДЖЕКСОН: Затем,в ноябре 1932 г. вы сообщили Гитлеру о результатах вашей кампании по поднятию денежных фондов, не так ли?

ШАХТ: Об этом я ничего не знаю.

ДЖЕКСОН: Я сейчас напомню вас то,что вы говорили на вашем допросе. Прежде всего,я приведу вам ваши показания, в которых вы говорите,что,повидимому, вы не посылали запроса о денежных фондах,но что о них запрашивал Геринг. Я хочу спросить вас,давали ли вы следующие ответы на вопросы,которые были заданы вам во время допроса 9 октября 1945 года.Эти вопросы относились к событиям февраля 1933 года?

ШАХТ: Когда это было?

ДЖЕКСОН: События,имевшие место в феврале 1933 г.?

ШАХТ: Да,большое спасибо.

ДЖЕКСОН: Возвратимся к 1933 году Вам был задан следующий вопрос: "Вы припоминаете совещание в доме Геринга,имевшее место по того времени,когда вы были назначены Гитлером на пост президента рейхсбанка?"

10054

H1200 – 0173

H1200 – 0174

ОТВЕТ: "Да. Это было совещание финансового характера. Меня уже несколько раз допрашивали по этому поводу".

ВОПРОС: "Расскажите мне об этом".

ОТВЕТ: Хорошо, с удовольствием. Выборы Гитлера должны были иметь место 5 марта и для этой избирательной кампании он нуждался в деньгах. Он попросил меня обеспечить его деньгами, и я это сделал. Геринг созвал всех этих людей и я произнес речь - пожалуй, это нельзя назвать речью, т.к. Гитлер произнес речь. Я просил их сказать, на какие денежные суммы они могут подписаться и произвести подписку в пользу выборов. Они подписались на общую сумму в три миллиона и распределили ее между собой.

ВОПРОС: Скажите, кто были те люди, которые составили этот подписной лист?"

ОТВЕТ: "Мне кажется, что все это были банкиры и промышленники. Они представляли химическую промышленность, металлургическую промышленность, текстильную промышленность, фактически все отрасли промышленности".

ВОПРОС: "Таким образом, там были представители всех отраслей промышленности"?

ОТВЕТ: Да, представители всех видов промышленности, всех наиболее значительных видов промышленности".

ВОПРОС: "Вы можете припомнить имена некоторых из этих людей?"

ОТВЕТ: "Да, конечно".

Там был Крупп?

Старый Густав Крупп. Он поднялся со своего места, благодарил Гитлера и говорил тогда о нем с большим энтузиазмом. Затем там был Флитцлер, мне кажется, это был именно он, а также Фоглер, из концерна сталелитейных заводов?"

Вы давали эти показания?

ШАХТ: Конечно.

10055

ДЖЕКСОН. На этом совещании вы ссылались на протокол одного совещания, представляющий собой документальное доказательство Д-203. На этом совещании Геринг кратко изложил содержание этого протокола, не правда ли? "Жертвы, которые требуются от промышленности, гораздо легче будет перенести, если промышленники смогут быть уверены в том, что выборы 5 марта будут последними на протяжении следующих 10 лет и, может быть, даже на протяжении следующих ста лет".

Слышали, когда он говорил это, не правда ли?

ШАХТ. Да.

ДЖЕКСОН. Вчера или позавчера вас допрашивали по поводу той поддержки, которую вы оказали, и тех почестей, которые вы оказали Геббельсу. Вы заявили суду: "Если господин Геббельс совершил ошибку, то это не моя вина". Вы припоминаете эти слова?

ШАХТ. Да.

ДЖЕКСОН. Я спрашиваю Вас, дали ли вы следующие показания следователю, представлявшему Соединенные Штаты, когда вас допрашивали о Геббельсе 17 октября 1945 г. Это-документальное доказательство США № 616.

"Вопрос: Когда вас заинтересовало сотрудничество с Гитлером?

Ответ: Я бы сказал, в 1931, 1932 г.г.

Вопрос. И именно тогда вы увидели, что он возглавляет массовое движение, которое может притти к власти?

Ответ. Да. Это движение безостановочно росло.

Вопрос. И в те годы, вы открыто заявляли о своей поддержке Гитлера?

Ответ. Кажется, в декабре 1930 года я по возвращении из Америки сделал заявление перед членами Баварской народной партии. Я тогда сказал, что любое будущее правительство должно будет выбрать перед тем, бороться ли ему против 25% социалистов в составе правительства, или против 20%

10056

H1200 -0175

H1200-0176

национал-социалистов.

Вопрос. Но я хотел спросить вас о том - я изложу это более кратким образом - отдали ли вы ваш престиж и ваше имя, чтобы помочь Гитлеру притти к власти?

Ответ: Я открыто заявлял, что я ожидал прихода Гитлера к власти. Насколько я помню, в первый раз я сделал подобное заявление в ноябре 1932 г.

Вопрос: И вы знаете, а может быть и не знаете, что Геббельс в своем дневнике с большой благодарностью вспоминает вас.

Ответ. Да.

Вопрос. О той помощи, которую вы ему оказали в то время?

Ответ. Да, я это знаю.

Вопрос. Это был ноябрь 1932 г.

Ответ. Вы говорите, эта книга называется "От двора кайзера до имперской канцелярии.

Вопрос. Совершенно верно. Вы читали это?

Ответ. Да.

Вопрос. И вы не отрицаете, что Геббельс был прав?

Ответ. Я считаю, что в его представлении он в то время был прав".

Вы давали эти показания?

ШАХТ. Я никогда не сомневался, что Геббельс находился под таким впечатлением. Я лишь сказал, что он ошибался.

ДЖЕКСОН. Значит, вы не давали этих показаний. Хорошо, я более не буду останавливаться на этом вопросе. Затем позавчера во время ваших показаний, вы привели несколько обширных цитат из высказываний посла Додда, не так ли?

ШАХТ. Да.

ДЖЕКСОН. Давайте разберемся в этом. Посол Додд все время последовательно высказывался против всей нацистской

H1200-0177

группировки,не так ли?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Таким образом,вы от него не получали никаких поощрений для того,чтобы вступить в эту нацистскую группировку?

ШАХТ: О,нет.

ДЖЕКСОН: И насколько я вас понял,вы заявили в своих показаниях,что посол Додд пригласил вас посетить Соединенные Штаты Америки и вы сказали - я сейчас цитирую со страницы 8670 стенограммы:

"В.то время, в 1937 году, он зашел ко мне и стал меня уговаривать поехать с ним или же последовать за ним как можно скорее после его от'езда"; он убеждал меня навсегда переехать в Америку,он говорил,что меня в Америке очень хорошо примут. Я думаю,что он никогда не предложил бы мне этого,если бы он не относился ко мне с чувством дружбы".

Вы заявили об этом Трибуналу?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: И,мне кажется, вы стремились уверить Трибунал в том,что посол Додд вам очень доверял и был вашим большим другом?

ШАХТ: У меня создалось такое впечатление.

ДЖЕКСОН: Скажите,вы читали весь его дневник или ограничились лишь ознакомлением с отдельными отрывками из него?

ШАХТ: Мне также известно место,где он говорит:"Вы были бы очень плохим американцем", или что-то вроде этого.

ДЖЕКСОН: Да,да,вы об этом не упоминали перед Трибуналом.

ШАХТ: Я думаю,что это не обвинения.

ДЖЕКСОН: Ну,в таком случае мы вас не разочаровываем.

Скажите,знакомы ли вы с записью в дневнике, сделанной

10058

H1200 - 0177

H1200 – 0178

21 декабря 1937 года,где он говорит о завтраке,на котором вы присутствовали.

"Шахт говорил о поражении Германии в 1918 году и возлагал вину за это всецело на Вудро Вильсона,который заставил Америку принять участие в мировой войне. Но я возражаю на это, что 14 пунктов Вильсона были величайшим обещанием международного мира и сотрудничества и что все страны,сражающиеся как на одной,так и на другой стороне, содействовали тому, чтобы его планы были разрушены. Не считаете ли вы,что даже через 50 лет Вильсон будет рассматриваться,как один из величайших президентов,которого когда-либо имели Соединенные Штаты.Он уклонился от ответа на этот вопрос и перевел разговор на тему о японо-китайской войне. Им были высказаны возражения против сердечных отношений между Японией и Германией".

Затем Додд показал действительное отношение Германии к этим вопросам и привел ваши слова: "Если бы Соединенные Штаты прекратили японскую войну и предоставили Германии возможность делать в Европе то,что она хочет,мы бы тогда имели мир во всем мире".

ШАХТ: Какой вопрос вы мне задаете?

ДЖЕКСОН: Вы делали подобное заявление?

ШАХТ: Я не помню,сказал ли я это,но мне и сегодня кажется,что это - вполне разумное заявление.Я считаю,что это было правильно,за одним исключением,я думаю...

ДЖЕКСОН: Давайте окончательно выясним этот вопрос.Если я вас правильно понял,вы заявили,что мог наступить мир, мир во всем мире,если бы Германии была предоставлена свобода действий в Европе?

ШАХТ: Да. Об этом пути Германии люди придерживались различных мнений.Мой путь был мирным путем.

ДЖЕКСОН: Далее он продолжает: "Я не высказывал никаких замечаний по этому поводу и остальные также не высказывались в этой связи. Шахт имел в виду то же самое, что имели в виду командующие армией 1914 года, когда они вторглись в Бельгию и намеревались в течение 6 недель завоевать Францию, а именно: присоединение к Германии небольших союзных государств, в особенности - северных и восточных, и господство над ними.

ШАХТ: Должен ли я отвечать?

ДЖЕКСОН: Вы это говорили?

ШАХТ: Нет, нет.

ДЖЕКСОН: Именно это Долл писал по поводу вашего разговора с ним?

ШАХТ: Но я этого не говорил.

ДЖЕКСОН: А вы?.

ШАХТ: Нет, разрешите...

ДЖЕКСОН: Какое впечатление сложилось у Долла в этой связи?

ШАХТ: Нет, разрешите мне возразить?

ДЖЕКСОН: Я хочу задать вам следующий вопрос. Какое впечатление создается в результате знакомства с вами у человека, которого вы описываете, как честного человека и как вашего друга.

ШАХТ: Разрешите мне на это сказать, что я уже об'яснил, что г-н Долл оказался жертвой многих недоразумений. Он и здесь не говорит, что я сказал это. Он говорит "Шахт считал". Это было его мнение, которое он приписывал мне. Я никогда не говорил этого.

ДЖЕКСОН: Я это так и рассматриваю, но из сказанного вами я берусь заключить, что эта оценка была сделана человеком, дружественно настроенным к вам.

ШАХТ: Дружественно настроенным наблюдателем, который

H1200 – 0179

H1200 – 0180

всегда все понимал неверно,как это показал посол Гендерсон,в своей книге.

ДЖЕКСОН: Он мог неправильно понять Гендерсона,но не может быть сомнения в том, что он с самого начала правильно оценил нацистскую угрозу,не так ли?

ШАХТ: Да, но он меня неверно понял.

ДЖЕКСОН: Когда вы отправились к министру иностранных дел и просили сначала его,а потом Гитлера,чтобы кто-нибудь из них поехал в Соединенные Штаты,или чтобы они послали кого-нибудь в Соединенные Штаты, вы заявили Гитлеру следующее; - это имеется на странице 8708 стенограммы:

"Мне кажется жизненно важным,чтобы кто-либо постоянно находился в Америке,кто мог бы публично раз'яснять интересы Германии, сообщать о них прессе и т.д.".

Вы говорили это?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Скажите,это действительно передает те слова, которые вы тогда сказали Гитлеру?

ШАХТ: Да:

ДЖЕКСОН: Теперь я обращаю ваше внимание на ваше собственное письмо рейхсмаршалу - это № 3700-ПС.

"В начале 1940 года я предложил фюреру,чтобы я поехал в Соединенные Штаты для того,чтобы попытаться ослабить помощь,оказываемую Англии со стороны Америки в отношении вооружения и,если возможно,предотвратить то,чтобы Америка все глубже и глубже втягивалась в войну".

Я спрашиваю вас,которое из этих заявлений отвечает дей-ствительности?

ШАХТ: И то и другое.

ДЖЕКСОН: Оба правильны? В таком случае вы не раз'яснили вчера Трибуналу,когда говорили об этом разговоре,что именно вы предполагали делать в Соединенных Штатах,когда

H1200 – 0181

просили,чтобы вас туда послали,не так ли?

ШАХТ: Нет,конечно,нет. Я,например,пытался добиться посредничества президента для заключения мира. Об этом я также не говорил здесь.

ДЖЕКСОН: И вы также заявили вчера, что вам никогда не было известно о размерах перевооружения, о типах оружия,о той быстроте,с которой проводилось перевооружение. Вы припоминаете это заявление?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Однако,хотя вы не располагали подобными сведениями,вы говорили о том,что оно идет слишком интенсивно?

ШАХТ: Я чувствовал,что нужно действовать медленно.

ДЖЕКСОН: Разрешите мне напомнить вам об одном заявлении,сделанном генералом фон Бломбергом по поводу событий 1937 года.

ОТВЕТ: "В то время совещание Вермахта было почти закончено в соответствии с предусмотренным планом".

ВОПРОС: "Когда?" В 1937 году?"

ОТВЕТ: "Да, я думаю, что это было в 1937 году".

ВОПРОС: Это был именно тот план, который обсуждался с доктором Шахтом,относительно его финансирования и по вопросу о том,каких размеров должен был достичь Вермахт?"

ОТВЕТ: "Да. Шахт очень хорошо знал план формирования Вермахта,так как мы ежегодно сообщали ему о создании новых соединений,на которые мы расходовали деньги. Я помню,что в 1937 году мы обсуждали вопрос о том, какие денежные суммы будут необходимы Вермахту для текущих расходов после того, как на его создание будет истрачена весьма значительная сумма.

ВОПРОС: "Это означает,что вы давали Шахту ясное представление о том, какие денежные суммы ежегодно уходили на создание новых боевых частей,новых сооружений и т.п.,а так

10062

H1200 – 0181

H1200 – 0182

же о том, сколько средств тратилось на покрытие текущих расходов Вермахта?"

ОТВЕТ: "Совершенно верно".

ВОПРОС: "Когда вы говорите, что в 1937 году этот план был выполнен, вы имеете в виду, что он был выполнен в основных чертах?"

ОТВЕТ: "Да, в основных чертах".

Я пропускаю 2 – 3 маловажных вопроса и перехожу к следующему вопросу.

ВОПРОС: "Вы говорите о том, что Шахт был знаком с этими цифрами. Таким образом, они доводились до его сведения?"

ОТВЕТ: "Запросы на предоставление необходимых денежных средств передавались Шахту в письменной форме".

ВОПРОС: "Это означает, что в связи с теми средствами, которые Шахт выделял на проведение программ перевооружения, ему сообщалось о том, сколько дивизий, танков и прочих видов вооружения создавалось этим путем".

ОТВЕТ: "Я не думаю, чтобы мы в отдельности указывали, какое количество средств необходимо для строительства танков и других видов вооружения, но мы обычно сообщали, каких средств требовало развитие отдельных отраслей Вермахта, как, например, военно-морского флота или военно-воздушных сил, причем обычно отдельно указывалось, какие денежные суммы были необходимы для приведения этих отраслей в боевую готовность и какие шли на текущие расходы.

Таким образом, доктор Шахт мог ежегодно следить за тем, каким образом увеличивались размеры вооруженных сил на те денежные средства, которые он поставлял".

ОТВЕТ: Это совершенно неоспоримо".

Я спрашиваю вас, отрицаете ли вы правильность показаний, данных фон Бломбергом в том виде, в каком их я сейчас вам передал?

10063

ШАХТ: Да, к сожалению, я должен сказать, что мне это совершенно неизвестно. И я просил бы - завтра в качестве свидетеля будет выступать один член директората рейхсбанка, тайный советник Хокель - задать ему этот же вопрос. Ибо речь шла не о том, что я был информирован, а о том, что был информирован директорат рейхсбанка. Все, что знал я, естественно, знал и директорат рейхсбанка.

ДЖЕКСОН: Доктор Шахт, меня не интересует, было ли вам известно и знаете ли вы сейчас, что с точки зрения доказательств, представляемых обвинением, я задаю вам эти вопросы для того, чтобы выяснить, в какой мере мы можем полагаться на ваши показания.

ШАХТ: Да, я понимаю.

ДЖЕКСОН: Таким образом, по этому поводу не будет никаких недоразумений. Вы отрицаете, что Бломберг говорил правду, когда заявил, что он в письменной форме докладывал вам об этих фактах?

ШАХТ: Да, к сожалению, я должен это отрицать. Очевидно, он не помнит этого.

ДЖЕКСОН: Хорошо. Вчера или позавчера вы дали показания по поводу того, что так называемый "Новый план" не имел никакого отношения к программе вооружения, не так ли?

ШАХТ: Именно к вооружению никакого отношения.

ДЖЕКСОН: Значит, он не имел никакого отношения к этой программе?

ШАХТ: Нет, я конечно имею в виду... здесь специально спрашивали суд, должен я говорить о "Новом плане" или нет и суд решил, что о нем следует говорить во время перекрестного допроса. Я с удовольствием дам сведения о "Новом плане" прежде чем вы...

ДЖЕКСОН: Доктор Шахт, вы не возражаете против того, чтобы ответить на мой вопрос?

H1200 - 0183

H1200 – 0184

ШАХТ: Конечно,нет.

ДЖЕКСОН: Я сейчас ссылаюсь на тот ответ,который вы дали в этой связи,а не на тот ответ,который вам не разрешено было давать. Обратитесь к странице 8732 соответствующей стенограммы.

ВОПРОС: "Часть вашей политики в отношении экономики в тот период, когда вы занимали пост министра экономики, против которой выдвинуто обвинение о том,что она являлась политикой подготовки к войне, относилась к так называемому "Новому плану".Что означал этот план? Вот ваш ответ: "Разрешите мне прежде всего раз'яснить тот факт,что "Новый план" не имел совершенно ничего общего с перевооружением".

Затем вы перешли к раз'яснению сущности "Нового плана" раз'яснению,которого Суд слушать не хотел.

Я хочу спросить вас лишь о следующем: разве вы это не сказали в вашей речи о чудесах финансовой системы,произнесенной 29 ноября 1938 года,следующее - до этого вами был приведен целый ряд цифр: "Эти цифры показывают,насколько новый план способствует проведению в жизнь программы вооружения,а также свидетельствуют о том, насколько этот план гарантирует обеспечение нас продуктами питания". Говорили вы это или нет?

ШАХТ: Конечно.

ДЖЕКСОН: Это документ ЕЦ-611,который я представляю за № США-622.Насколько я вас понял,вы в ваших показаниях заявили,что не имели совершенно ничего общего с Гитлером и с другими нацистами с социальной точки зрения.Вы отклонили их приглашение на завтрак, который должен был состояться в имперской канцелярии,и сделали это главным образом потому,что все присутствующие слишком явно унижались в присутствии Гитлера. Вы говорили об этом?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Я хочу сейчас огласить вам выдержку из вашей речи, содержащейся в документе № 501-ЕЦ; это была ваша торжественная речь по случаю дня рождения фюрера. Между прочим эта речь, ведь, была произнесена перед широкой публикой, не правда ли?

ШАХТ: Я не знаю, я не помню.

ДЖЕКСОН: Вы произнесли речь по случаю дня рождения фюрера 21 апреля 1937 года и она была напечатана в газетах?

ШАХТ: Может быть.

ДЖЕКСОН: "Мы здесь собрались для того, чтобы с любовью и уважением вспомнить того человека, которому германский народ более четырех лет тому назад вручил свою судьбу".

Затем после ряда других замечаний вы говорите: "С безграничной страстью сердца, горящего ярким пламенем, и с безошибочным инстинктом прирожденного государственного деятеля, Гитлер в борьбе, которую он со спокойной логикой вел в течение 14 лет, завоевал себе душу германского народа".

Это является выдержкой из вашей речи, которая была произнесена перед широкой аудиторией и опубликована в печати?

ШАХТ: Я полагаю, что вы цитируете совершенно правильно, и я не думаю, чтобы кто-то в день рождения главы государства мог сказать что-нибудь другое, в значительной степени отличное. Разрешите вас, господин судья, попросить об одном. Вы совершенно обошли "новый план" в то время, как Трибунал ожидал, или указал, чтобы этот вопрос был обсужден во время перекрестного допроса. Разрешите просить, чтобы во время повторного допроса мой защитник поднял вопрос о "новом плане", если вы сами не будете спрашивать меня о нем.

ДЖЕКСОН: Я не спрашивал вас о том, что представлял собой "новый план". Я спросил вас, отвечает ли действительности ваше заявление о том, что вы не имели никакого отно-

H1200 – 0185

H1200 – 0186

пения к вооружению. Однако, если ваш защитник хочет допросить вас по этому поводу, он может просить Трибунал разрешить ему сделать это. Вы сегодня цитировали письмо Гитлера от 19 января 1939 года, в котором он сообщал о том, что вы смещаетесь с поста президента рейхсбанка. Но вы не огласили заключительного предложения, насколько я помню оно гласит: "Я счастлив буду пользоваться вашими услугами при разрешении тех новых задач, которые встанут перед вами на посту имперского министра". Эта цитата приведена правильно, не правда ли?

ШАХТ: Я ссылаюсь на показания свидетеля Гизевиуса, который показал, что внешне Гитлер никогда не показывал тех разногласий, которые существовали у него с его бывшими сотрудниками. И что он, напротив, всегда старался показать миру иную картину, чем это было в действительности.

После января 1939 года Гитлер ни разу не интересовался моим мнением, деятельностью и т.п.

ДЖЕКСОН: Вас еще кто-нибудь спрашивал об этом?

ШАХТ: Нет, те случаи, когда меня спрашивали, я перечислил сегодня утром, т.е. в отношении Бельгии, в отношении журнала "Дас райх" и это все, я думаю.

ДЖЕКСОН: И вы не выполняли никаких задач в связи с Бельгией?

ШАХТ: Нет.

ДЖЕКСОН: Сейчас я буду цитировать ваше письмо от 17 октября 1940 года, адресованное имперскому министру экономики. Это - документ ЕЦ-504, США-830. В это время вы уже перестали быть президентом рейхсбанка, не так ли?

ШАХТ: Да, я был лишь министром без портфеля.

ДЖЕКСОН: "С целью избежания параллельной деятельности у германских банков в оккупированных восточных территориях, т.е. деятельности, направленной друг против друга, вы

H1200 – 0187

поручили "Дейче банк" пробить дорогу к более тесному экономическому сотрудничеству с Голландией, и поверили Дрезденскому банку ту же задачу в отношении Бельгии".

Далее вы описывали создавшееся положение и говорили:

"Для того, чтобы устранить эти трудности, вы, господин имперский министр согласились с запросами этих двух банкирских домов относительно об'ективного выражения точек зрения по этому вопросу. Я впоследствии обсудил этот вопрос, как с тем, так и с другим банком, и в процессе этого обсуждения мы пришли к заключению, что со стороны датских и бельгийских финансовых учреждений не замечается тенденции входить в тесные связи с германскими предприятиями".

Вы припоминаете это высказывание?

ШАХТ: Да, после того, как вы мне зачитали, я теперь вспоминаю. Разрешите мне высказать свое мнение, или какой будет вопрос?

ДЖЕКСОН: Меня лишь интересовал вопрос, помните ли вы об этом?

ШАХТ: Да, и я прошу разрешить мне высказаться. Дело идет о...

ДЖЕКСОН: Если вы считаете, что этот вопрос требует об'яснения...

ШАХТ: Я думаю, но пусть решит суд. Если я могу сказать. Дело идет о споре двух больших банков. И оба эти банка обратились ко мне, как к бывшему "банкиру" и президенту рейхсбанка, с просьбой вынести решение в споре между ними, что я и сделал. Какое отношение имеет это к официальному участию в управлении Бельгией и т.д. я не понимаю.

ДЖЕКСОН: Цель вашего вмешательства заключалась в том, чтобы избежать на оккупированных территориях неправильного соотношения банковых интересов оккупированных территорий и германских банков, не так ли?

10068

H1200 – 0187

H1200 – 0188

ШАХТ: Конечно, они должны были мирно сотрудничать.

ДЖЕКСОН: Да. Однако, вы заявили данному Трибуналу, что вы принципиально возражали против того, чтобы немецкие банки вообще входили в экономику оккупированных территорий, не так ли?

ШАХТ: Конечно. Но после того, как они туда проникли, я призывал к миру.

ДЖЕКСОН: К вам обратился также Крупп фон Болен по поводу создания фонда, который был известен под названием "фонд расходов Гитлера", не так ли?

ШАХТ: Нет.

ДЖЕКСОН: И он к вам никогда не обращался по этому поводу?

ШАХТ: Никогда.

ДЖЕКСОН: В таком случае очень грустно, что ваше имя связывают с...

ШАХТ: Да, мне знакомо это письмо, оно знакомо мне.

ДЖЕКСОН: Вы никогда не получали такого письма?

ШАХТ: Я знаю это письмо, но мне никогда не давали поручения по сбору этого фонда.

ДЖЕКСОН: Но вы содействовали образованию его, не так ли?

ШАХТ: Нет.

ДЖЕКСОН: Но вы способствовали этому?

ШАХТ: Нет.

ДЖЕКСОН: Но вы помогали этому?

ШАХТ: Я лично вовсе нет. Я не понимаю, в чем вы меня УПРЕКАЕТЕ.

ДЖЕКСОН: Я думал, что вы знаете о письме, исходящем от фон Болена.

ШАХТ: Да, я прошу, я спрашиваю, в чем вы меня упрекаете? Спросите меня!

ДЖЕКСОН: Совдавали ли вы в мае 1933 года вместе с Круппом фон Болен фонды в помощь организации займа - я говорю о фондах расходов Гитлера.

ШАХТ: Нет.

ДЖЕКСОН: Что вы ответили на письмо Крупна фон Болена, в котором последний просил вас помочь созданию этих фондов?

ШАХТ: Напомните мне, пожалуйста, что мне писал тогда господин Крупп фон Болен?

ДЖЕКСОН: У вас имеется письмо от 29 мая?

ШАХТ: Да, минуточку. Я прочту это письмо или просмотрю его. Можно ли мне ответить на это?

ДЖЕКСОН: Прежде всего скажите, получали ли вы это письмо?

ШАХТ: Да, я получал это письмо.

ДЖЕКСОН: Хорошо. Теперь расскажите, что тогда произошло.

ШАХТ: В этом письме господин Крупп фон Болен сообщает мне, что промышленники и другие представители экономики, из области
например сельского хозяйства и т.п. намерены организовать общественный сбор пожертвований в фонд Гитлера для того, чтобы сконцентрировать в одном месте денежные сборы, поддерживавшие хозяйство Германии. Вот об этом он и сообщал в этом письме, в котором он далее говорил, что необходимо создать наблюдательный совет по этому фонду Гитлера. Я подчеркиваю, что я никогда не присоединялся к этому совету и никогда не работал в нем. Затем он сообщил о том, что представители банков, а именно доктор Фишер и доктор Мосле установят со мной связь по этому вопросу и будут информировать меня о положении вещей. Это все, что написано в этом письме.

ДЖЕКСОН: Я представляю этот документ за номером США-831.

10070

H1200 – 0189

H1200 – 0190

Взгляните, пожалуйста, на следующее письмо от 30 мая 1933 г., в котором говорится, что у него имелась возможность сообщить вам об этом.

ШАХТ: Минуту, пожалуйста, Этого письма у меня, кажется, нет. Да, у меня нет этого письма.

/Свидетелю передается документ/.

ДЖЕКСОН: Я просил вас вначале прочесть письмо от 29 мая. Здесь имеется одно письмо от 29 мая и одно - от 30 мая. Письмо от 29 мая не было переведено.

ШАХТ: Я вижу. Одну минуту, я сейчас прочту./Пауза/.

Это письмо не попало мне в мои руки, оно перечеркнуто и, очевидно, вообще не было отослано, так как между Круппом и мной ~~не~~ состоялась устная беседа, на которую Крупп ссылается в письме от следующего дня, а именно от 30 мая...от 30 мая.

Письмо начинается словами: "Как я вместе с господином доктором Кеттгеном имел возможность сообщить вам вчера"... Это была, очевидно, устная беседа.

ДЖЕКСОН: Вы также заявили: "Вы были настолько любезны, что обещали мне поручить подробные и специальные сведения господина Отто Кристиана Фишера и доктора Мослера по поводу того, в какой мере банки, представляющие собой учреждения общественного характера, могут участвовать в выполнении этой задачи".

ШАХТ: Нет, судья Джексон, этого в письме нет. Пожалуйста, будьте так любезны, прочтите это письмо от 29 мая. Где это сказано, что я говорил с доктором Фишером и буду говорить с доктором Мослером? Где это написано?

ДЖЕКСОН: Вы отрицаете факт получения вами письма от 29-го?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Вы никогда его не получали?

ШАХТ: Нет.

ДЖЕКСОН: Вы отрицали то,что между вами и Круппом фон Болен имела место беседа,содержание которой отражено в этом письме?

ШАХТ: Нет,минуту. Дайте мне спокойно отвечать. Я не хочу оставить без возражения хотя бы одно обвинение.

Я не получил этого письма 29 мая,и позже тоже нет; это письмо было заменено устной беседой.Содержание этой устной беседы имеется в письме от 30 мая,которое мы читали ранее,и которое я получил.Вы сейчас утверждали, что я,якобы,обещал Круппу фон Болену поговорить с доктором Шмером и доктором Мюллером, этого в письме не написано.

ДЖЕКСОН: Разве этого не сказано в письме,в котором,по вашим словам восстанавливается содержание разговора? Я пытаюсь добиться от вас ответа именно на этот вопрос?

ШАХТ: Хорошо. Во всяком случае я не обещал переговорить с этими господами.

ДЖЕКСОН: Вы хотите сказать что-нибудь по этому поводу?

ШАХТ: Нет,с меня хватит!

ДЖЕКСОН: Насколько я помню,вчера вы дали показание о том, что вы выступали с публичными заявлениями против политики террора,проводимой нацистским режимом; в связи с этими показаниями вы привели цитату из своей речи, произнесенной в Кенигсберге.

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: К сожалению,доктор Шахт,вы остановились как раз на том месте,с которого эта речь начала меня интересовать.

ШАХТ: Да, так бывает,как правило. /Смех в зале/.

ДЖЕКСОН: После того,как вы заявили, что имелись люди, которые господствовали над Германией... Я хочу процитиро-

H1200 – 0191

вать также ту часть,которую вы уже цитировали,т.к. интересующее меня место приобретает значение в связи с первой выдержкой.

ШАХТ: Процитируйте всю эту выдержку.

ДЖЕКСОН: Хорошо. Вот то место,которое было оглашено вами: "Это те люди,которые героически в середине ночи вламывают оконные стекла,которые клеймят именем предателя каждого немца, который покупает в еврейских магазинах, которые осуждают бывшего свободного масона,как бездельника,и которые в справедливой борьбе против священников и служителей церкви, которые со своих кафедр говорят о политике,сами не могут провести различия между религией и злоупотреблением права, даваемого церковной кафедрой. Цель,к которой стремятся эти люди,обычно бывает справедливой и благонамеренной..." Вы цитировали это место.

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Давайте,пойдем дальше.

"Цель,к которой стремятся эти люди, обычно бывает справедливой и благонамеренной. В Третьей империи нет места для тайных обществ,сколь бы безобидными они ни были. Служители церкви и священники должны заботиться о душах, а не вмешиваться в вопросы политики.Евреи должны понять, что их влияние исчезло навсегда! Эта цитата также является отрывком из речи, не так ли?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: И вы указали в той речи,что по вопросу "еврейской проблемы",как вы ее назвали,готовятся законодательные акты,изданию которых уже ожидается?

ШАХТ: Да, я нацелился на это.

ДЖЕКСОН: Вы уверили евреев в скором появлении этих законодательных актов,не так ли?

ШАХТ: Простите? Да,да, таково было намерение и такова была перспектива.Я заключил это на основании моего разговора с Гитлером.

ДЖЕКСОН: И вы знали,что законы,касающиеся еврейского вопроса,уже находились в процессе создания?

ШАХТ: Не те законы,которые появились позднее. Я всегда требовал от Гитлера,чтобы евреям была предоставлена защита закона,вот чего я добивался и полагал,что добьюсь. А вместо этого были изданы расовые законы от ноября или сентября,да от ноября 1935 г.

ДЖЕКСОН: Я оглашу выдержку из документального доказательства США-832. Это документ ЕЦ-433; в этом документе вы заявляете,что законы,изданию которых было предсказано и обещано вами,ставили своей целью охрану евреев?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Мы вернемся к этому несколько позднее. Вы привели Трибуналу целый ряд доводов,которые,по вашим словам, носили принципиальный характер,по поводу того,почему вы не стали членом партии. Вы помните их.

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Вы говорили об этом вчера на суде,вы припоминаете?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Разве не соответствует действительности тот факт, что вы сообщили членам американского обвинения о том, ,что вы спросили Гитлера,должны ли вы вступать в партию и что,к вашему великому облегчению,Гитлер сказал,что вы можете не вступать?

ШАХТ: Да, прежде чем начать какое-либо сотрудничество с ним,я хотел установить,требует ли он от меня,чтобы я стал членом партии. Он ответил отрицательно. Это меня успокоило.

H1200 – 0193

H1200 – 0194

ДЖЕКСОН: Таким образом, вы оставались вне рядов партии с согласия и одобрения Гитлера?

ШАХТ: Но,конечно. Мне кажется,что это лишнее доказательство того,что я никогда не был членом партии.

ДЖЕКСОН: Но вы об этом ничего не говорили Трибуналу, когда об'ясняли, почему вам нужно было говорить о тех разрешениях,которые давались Гитлером.

ШАХТ: Да,я думал,что Трибунал мне и так поверит.

ДЖЕКСОН: Когда вы получили золотой значек партии с изображением свастики,вы говорили,что это величайшая честь, которая может быть оказана Третьей империей. Вы помните об этом?

ШАХТ: Да, я сказал это.

ДЖЕКСОН: Вы не носили этого значка ежедневно,по вашим собственным словам,вы одевали его в официальных случаях, не так ли?

ШАХТ: Да,это приносило большие удобства при поездках по железной дороге,при вызове автомобиля и т.п.

ДЖЕКСОН: С 1933 по 1942 год вы ежегодно вносили в фонд партии тысячу рейхсмарок?

ШАХТ: Нет, да, простите,с 1937 до 1942 года.

ДЖЕКСОН: Разве вы во время допроса не заявили, что речь шла о периоде с 1933 по 1942 год?

ШАХТ: Нет, это ошибка. С 1937 года после того,как я получил свастику.Это,очевидно,недоразумение.Но после того,как я получил ее,я сказал себе: "Это порядочно,давай им 1.000 марок в год,и все в порядке".

ДЖЕКСОН: В течение более десяти,или в период немногим менее десяти лет,вы принимали на себя и выполняли обязанности самого различного характера,действуя в условиях этого режима,не так ли?

ШАХТ: С 17 марта 1933 года до 21 января 1943 г.

ДЖЕКСОН: Насколько я вас понимаю, на протяжении всего этого времени или по крайней мере части этого времени Гитлер вас обманывал и в течение всего этого времени вы обманывали Гитлера.

ШАХТ: О,нет,нет.

ДЖЕКСОН: Я вас неправильно понял?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Ну,в таком случае...

ШАХТ: Я думаю,что во всяком случае первые годы я не обманывал Гитлера,хотя я не только думал,но я знаю это. Я его стал обманывать лишь начиная с 1938 года. До этого времени я всегда честно высказывал ему свое мнение,совершенно не обманывая его,напротив.

ДЖЕКСОН: Что же в таком случае остается от вашего заявления по поводу того,что вы вступили в его правительство с тем,чтобы тормозить его программу. Вы ему говорили об этом?

ШАХТ: О,нет, я никогда этого не говорил. В противном случае,он никогда бы не включил меня в состав правительства, но я его не обманывал в этом.

ДЖЕКСОН: Знал ли он, что при вступлении в его правительство,вы ставили своей целью срыв его программы путем саботажа?

ШАХТ: Я ведь не сказал,что я хотел саботировать его программу,я сказал, что я хотел направить ее в нормальное русло.

ДЖЕКСОН: Вы сказали,что вы хотели тормозить эту программу.Вы сами употребили это выражение.

ШАХТ: Конечно.

ДЖЕКСОН: А это означало замедление выполнения этой программы,не так?

ШАХТ: Конечно.

10076

H1200 – 0195

H1200 – 0196

ДЖЕКСОН: А он хотел ее ускорения?

ШАХТ: Да,может быть.

ДЖЕКСОН: Вы никогда не допускали того,чтобы он узнал о том, что вы вступили в его правительство с целью замедлить проведение его программы перевооружения,не так ли?

ШАХТ: Мне же не нужно было говорить ему того,что я думал. Я его не обманывал. Я не говорил ему ничего ложного. Я же не говорил ему,что я думаю, и чего я в душе хочу.Мне он тоже не говорил этого. Вы ведь тоже не говорите этого своим политическим противникам? Я никогда не обманывал Гитлера до 1938 г.

ДЖЕКСОН: Я хочу указать,что я вас не спрашиваю о политическом противнике. Я спрашиваю вас о человеке,в правительство которого вы вступили и в правительстве которого вы участвовали.

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Конечно,вы делитесь своими мнениями с противниками,но разве в Германии существовал обычай,заключавшийся в том,что членами германского правительства становились люди,которые ставили своей целью нанести поражение лицу, возглавляющему правительственную программу.

ШАХТ: Я только что отклонил сказанное вами,г-н судья, слово "саботаж,срыв".У меня не было намерения "сорвать его план". Я намеревался тормозить его выполнение и это обычно в практике,ибо на такой основе существует всякое коалиционное правительство. Если вы вступаете в коалицию,то это означает,что вы должны добиваться некоторого взаимопонимания с другими партиями и стараться своим влиянием воспрепятствовать некоторым вещам,желательным другим. Это не обман,это... попытка компромиссного решения.

ДЖЕКСОН: Вы утверждаете,что вы вступили в правительство,как в коалицию?

10077

H1200 – 0197

ШАХТ: Я ясно и подробно раз'яснил это.

ДЖЕКСОН: Вы сегодня сами употребили это выражение, когда говорили о своей деятельности по саботированию программы перевооружения, не так ли?

ШАХТ: Да, я делал, скажем, с 1936 года. И он замечал это. Это не было "обманом".

ДЖЕКСОН: Насколько я вас понял, вы принимаете на себя часть ответственности за проигрыш войны со стороны Германии?

ШАХТ: Это очень удивительный вопрос. Простите, но я говорю, что я не беру на себя за это ответственности. Так как я не несу ответственности за то, что была начата война, то я не могу нести ответственность за ее проигрыш. Я вообще не хотел войны.

ДЖЕКСОН: Когда у вас появились первые сомнения относительно Гитлера, как человека, когда вы стали впервые сомневаться в его честности?

ШАХТ: Об этом я так подробно говорил в течение всего допроса, что я не считаю, что я должен повторять все это еще раз.

ДЖЕКСОН: Скажите, случалось ли, что... - я буду придерживаться выражений, которые употреблялись во время вашего допроса, т.е. показания, данные на этом предыдущем допросе, вносят несколько большую ясность в этот допрос.

"В 1934 году" - так гласит ваш допрос - он убил множество людей без каких-либо юридических обоснований для этого, а через несколько дней после этого в рейхстаге он заявил, что "Он является величайшим судьей в Германии". Он, конечно, не был таковым и я тогда впервые был потрясен его концепцией. Она показалась мне совершенно бесчеловечной и аморальной". Это правильно?

ШАХТ: Уже вчера или позавчера, я говорил то же самое.

10078

H1200 – 0197

H1200 – 0198

ДЖЕКСОН: Я хочу лишь зафиксировать все эти даты. Видите ли, доктор Шахт, те цели, которые вы себе ставите на данном процессе, и те, которые ставлю себе я, несколько отличаются друг от друга.

ШАХТ: Да, да я это знаю.

ДЖЕКСОН: Вы получали от Гизевиуса полную информацию относительно деятельности гестапо в 1935 и 1934 годах, как это явствует из его показаний, не так ли?

ШАХТ: Нет, он об этом не говорил. Он сказал, что он был хорошо осведомлен об этих делах. Он мне не все рассказывал и сегодня утром я признал, что кое-о чем он мне сообщал, на основании чего я делал свои выводы. Уже в начале мая 1935 года я говорил об этих делах с Гитлером.

ДЖЕКСОН: Вы были информированы относительно террора гестапо, о поджоге рейхстага...

ШАХТ: Празднике рейхстага?

ДЖЕКСОН:...ложного об'яснения причин путча...

ШАХТ: Простите, минутку, разрешите мне итти по порядку. Подробности поджога рейхстага мне стали известны лишь несколько лет спустя от покойного графа Хельдорфа, который упоминался здесь также Гизевиусом.

ДЖЕКСОН: Вы хотите сказать, что Гизевиус никогда не говорил вам об этом?

ШАХТ: Я думаю, что об этом мне говорил Хельдорф, но возможно и Гизевиус. Мне кажется, что это был Хельдорф, во всяком случае я узнал об этом лишь после 1935 года. До этого времени я не считал поджог возможным.

ДЖЕКСОН: Вы никогда не сомневались в правильности слов Гизевиуса, когда он, судя по его показаниям, сообщил вам об этом в 1934-1935 гг., не так ли?

ШАХТ: Одну минуту. Он рассказал мне об этом в 1934

ии в 1935 году,но,пожалуйста,не в 34 и 35 годах.Если Гизевиус показал,что он рассказывал мне,то я полагаю,это верно.

ДЖЕКСОН: Скажите,вы именно тогда узнали о преследовании церквей и об уничтожении профсоюзов,не правда ли?

ШАХТ: Уничтожение профсоюзов произошло уже в мае 1933 года.

ДЖЕКСОН: И вы об этом знали,не так ли?

ШАХТ: Я знал не все, только то,что было известно. Я знал точно то,что знал каждый немец и что сами профсоюзы знали об этом.

ДЖЕКСОН: Фактически это являлось одной из тех причин, руководствуясь которыми,вы сами и другие промышленники предоставляли нацистской партии денежные вклады?

ШАХТ: О,нет,о нет, об этом вообще никогда не было и речи.

ДЖЕКСОН: Вы имеете в виду,что на совещаниях промышленников никогда не обсуждался такой важный для промышленности вопрос,как роспуск профсоюзов?

ШАХТ: Я ничего не помню об этом. Пожалуйста,напомните мне что-нибудь.

ДЖЕКСОН: И не обсуждался вопрос о конфискации их собственности и заключении руководителей профсоюзов в концлагери?

ШАХТ: Я знал об этом - одну минуту. Кто попал в концлагери,я не знаю. О конфискации имущества я был информирован,ибо об этом было сообщено официально. Но какое отношение имеют к этому собрания промышленников,если я вас верно понял, я не знаю.

ДЖЕКСОН: Вы также очень рано узнали о преследовании евреев,не так ли?

ШАХТ: Я совершенно ясно сказал здесь вчера,что именно

10080

H1200 – 0199

H1200 – 0200

я знал о преследовании евреев, какую позицию я занимал по вопросу, и что до тех пор пока я был министром, я делал все возможное для того, чтобы предотвратить проведение подобных мероприятий в жизнь.

ДЖЕКСОН: Я понял ваши общие высказывания, доктор Шахт, но я хотел бы осветить этот вопрос более детальным образом. Скажите, давали ли вы следующие показания во время вашего допроса 17 октября 1945 года: "Национал-социалисты, насколько я мог заключить из их программ, намеревались снизить процент евреев, занимающих правительственные и общественные должности в Германии; я был согласен с этой точкой зрения.

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: ВОПРОС: "Вы, ведь, читали "Майн Кампф", не так ли?"

ОТВЕТ: "Да".

ВОПРОС: "И вам была известна точка зрения Гитлера в отношении еврейского вопроса, не так ли?

ОТВЕТ: "Да".

Вы давали такие показания, не правда ли?

ШАХТ: Конечно.

ДЖЕКСОН: В то время, когда вы занимали пост имперского министра, были изданы декреты, которыми запрещалось, например, всем адвокатам еврейской национальности заниматься судебной практикой в судах?

ОТВЕТ: "Да, я это говорил".

ВОПРОС: "Вы были согласны с этой установкой?"

ОТВЕТ: "Да".

Скажите, вы давали эти показания?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: И вы соглашались с необходимостью исключать..

ШАХТ: Да, я был всегда согласен с этим принципом.

H1200 – 0201

ДЖЕКСОН: Да. И вы также соглашались с принципом, согласно которому евреи не должны были занимать гражданские должности, не так ли?

ШАХТ: Нет. Я хотел бы ясно сказать, что я...

ДЖЕКСОН: Хорошо...

ШАХТ: Разрешите мне высказаться?

ДЖЕКСОН: Да, пожалуйста.

ШАХТ: Относительно огромного влияния евреев в правительственных, правовых вопросах и в вопросах культуры я всегда высказывался в том духе, что оно нежелательно ни в интересах немецкого народа и Германии, которая является христианским государством, построенным на основе христианского мировоззрения, ни в интересах самих евреев, так как подобное положение вызывало враждебное отношение к ним. Поэтому я выступал за известные ограничения, за ограничение количества евреев, работающих в этих областях, хоть не в абсолютном соотношении с составом населения, но все-таки с сохранением определенного процента.

ДЖЕКСОН: Хорошо, давайте вернемся к протоколу вашего допроса. Протоколы допросов всегда несравненно более кратки, чем те ответы, которые вы даете здесь, на суде, в присутствии представителей прессы. Скажите, вы давали следующие ответы? Прежде всего обратимся к вопросу, касающемуся гражданской службы:

"ВОПРОС: В этом отношении проводилась арийская точка зрения. Вы были согласны с декретами, изданными в этой связи?

ОТВЕТ: Да, с включением также самых ограничений.

ВОПРОС: Вы когда-либо высказывались на заседаниях кабинета или в других местах по поводу того, что вы стояли за введение этих ограничений, ограничений, которые тогда рассматривались."

10082

H1200 – 0201

H1200 – 0202

Ответ. Не думаю, это было бы бесполезно.

Вопрос. Вы говорите "это было бы бесполезно"?

Ответ. Да.

Вопрос. Мне казалось, вы как-то заявляли, что продолжали оставаться на занимаемой вами должности по той причине, что хотели оказывать некоторое влияние на политику?

Ответ: Да.

Вопрос. Разве вы не считали, что это был достаточно важный вопрос, чтобы занять по отношению к нему какую-либо определенную позицию?

Ответ. Нет, я не считал его достаточно важным для того, чтобы рисковать разрывом.

Вопрос: Рисковать?

Ответ. Совершенно верно, рисковать разрывом".

Затем вам задали следующий вопрос: "Вы безусловно подписали закон, по которому евреям запрещалось получать лицензии на обороты с иностранной валютой". Вы помните об этом?

ШАХТ. Да.

ДЖЕКСОН. "Ответ. Да, вполне возможно".

Вопрос. Вы стояли за эти ограничения?

Ответ: Я не помню деталей этого вопроса.

Вопрос. Здесь не стоит вопрос о деталях, это вопрос дискриминации.

Ответ. Да.

Вопрос. Вы говорили это?

Ответ. Безусловно".

Вы считали эти декреты правильными, не так ли?

ШАХТ. Вы сейчас задаете мне этот вопрос или цитируете его из протокола допроса?

Г-н ДЖЕКСОН. Я задаю вам его сейчас.

ШАХТ. Да, я был согласен с ними, да.

H1200 – 0203

ДЖЕКСОН: Таким образом, вы одобряли их? Вы не говорили этого, когда вас допрашивали?

ШАХТ: Вы можете видеть, насколько это трудно.

ДЖЕКСОН: Тогда стоял вопрос о том, стоите ли вы за эти декреты и вы ответили: Я был против них, но я должен был их подписать!"

ДЖЕКСОН: "Вопрос: Таким образом, вы были единственным человеком, подписавшим эти декреты. Вы были имперским министром экономики?"

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: "Вопрос: И, очевидно, этот декрет был введен вашим министерством, не так ли?

ОТВЕТ: Да! Это правильно?

ШАХТ: Да, я полагаю. Не правда ли, в этих вопросах могут быть различные степени. О принципах своей политики я только то рассказал, а как далеко заходили отдельные законы, это отдельные вопросы политики, сегодня их можно толковать как угодно.

ДЖЕКСОН: Вы также выступали в пользу закона, подписанного вами, которым не допускались евреи к экзаменам на должности советников по экономическим вопросам, например, в кооперативных обществах.

ШАХТ: Да, возможно. Я не помню, но повидимому, это верно.

ДЖЕКСОН: И вы также утвердили закон, который предусматривал смертную казнь для немецких подданных, которые переводили свою собственность за границу, или оставляли ее там.

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: И вы, конечно знали, что от этого главным образом и весьма серьезно страдали евреи, которые переезжали за границу.

ШАХТ: Я однако не считаю, что евреи больше обманывали, чем христиане.

ДЖЕКСОН: Таким образом, смертная казнь, на которую осуж-

10084

H1200 – 0203

H1200 – 0204

лались немецкие граждане за перевод немецкой собственности за границу, представляла собой вашу идею о справедливом законе?

ШАХТ: Я не понимаю вас. Мою идею?

ДЖЕКСОН: Да.

ШАХТ: Это была идея министра финансов, а также подписался под ней.

ДЖЕКСОН: После ссылки на этот закон вам был задан следующий вопрос: "Была ли в этом вопросе замешана ваша совесть или нет? Вы ответили: "В некоторой степени да, но это не было бы настолько серьезным, чтобы стоило рисковать разрывом?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Затем вас спросили: "Хорошо. Иными словами вы ставили себе другую цель, которая была для вас более выгодной.

ОТВЕТ: Да, так точно.

"Какова же была эта цель, доктор Шахт? Я все еще цитирую протокол допроса, т.к. я все еще думаю, таким образом мы выгадываем время.

ШАХТ: О, простите.

ДЖЕКСОН: "Ответ: Цель моя заключалась в том, чтобы оставаться у власти и помогать проводить все это обычными и целесообразными методами.

"Вопрос. То-есть вы имеете в виду восстановление германской экономики?

ОТВЕТ: Совершенно верно.

ВОПРОС: И окончательное завершение программы вооружения?

ОТВЕТ: Окончательное ~~завершение~~ запрещение политического равенства и равных прав для Германии в вопросах международной политики.

ВОПРОС: Путем вооружения, как вы это сами указали?

ОТВЕТ: Да, также путем вооружения".

ШАХТ: Все это правильно, я и сегодня того же мнения.

ДЖЕКСОН: Хорошо. Таким образом, вопрос вооружения был настол

H1200 – 0205

ко важен для вас,что вы тогда не решились рисковать разрывом из-за еврейского вопроса.

ШАХТ: Не вопрос вооружения,а равноправие Германии.

ДЖЕКСОН: Но я ведь только что спросил вас проводилось ли это путем вооружения,как вы сами указали?

ШАХТ: И я говорю,также и путем вооружения.Это одно из средств

ДЖЕКСОН: И это был единственный метод,который в основном применялся в этой связи?

ШАХТ: Нет,это не так. Имелись и другие.

ДЖЕКСОН: Мы в свое время вернемся к этому.Разве в действительности вы не одобрили тогда также закон,по которому все еврейские чиновники и нотариусы увольнялись с занимаемых ими должностей.

ШАХТ: Это возможно.

ДЖЕКСОН: 24 декабря 1935 г. вы написали письмо Бломбергу,в котором вы,повидимому, излагали свою точку зрения.Там было сказано следующее: "Разрешение еврейской проблемы в свете экономических вопросов,беззаконное обращение с евреями,выступления против церкви со стороны некоторых организаций,беззаконие,царящее в гестапо, - все это является помехой при выполнении нашей задачи по перевооружению,которая могла бы быть значительно облегчена путем применения более порядочных методов,ни в коей мере не отходя от стоящих перед нами целей." Вы это писали,не так ли?

ШАХТ: Да,я сам вчера цитировал это.

ДЖЕКСОН: Что касается программы перевооружения,то вы принимали в ней участие,работая в трех различных управлениях,не так ли?

ШАХТ: Я не знаю,что вы имеете в виду,но,прошу вас,продолжайте.

ДЖЕКСОН: Я помогу вам их перечислить. Во-первых,вы были уполномоченным по военным вопросам?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: В первое время эта должность носила секретный ха-

H1200 – 0205

H1200 – 0206

рактер?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Вы были президентом рейхсбанка. Это было финансовое управление?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: И, наконец, вы были министром экономики; занимая этот пост вы имели контроль над всем министерством по вопросам общего экономического положения?

ШАХТ: Да, это слово "контроль" имеет слишком общее значение, я не хотел бы подчеркивать его, но я был министром хозяйства.

ДЖЕКСОН: Давайте прежде всего остановимся на вашей должности уполномоченного по военным вопросам. Вы показали здесь, что эта должность была создана с двойной целью:

"/а/ подготовка к войне, /в/ контроль над экономикой в случае войны". Это правильно?

ШАХТ: Это значит: разработка предварительных планов на случай войны и руководство экономикой тоже на случай. Это значит: настоящая подготовительная эра и будущая эра в случае возникновения войны.

ДЖЕКСОН: На вопрос относительно ваших обязанностей вы дали следующий ответ:

"Подобно тому, как начальник штаба обеспечивает мобилизацию с военной точки зрения" + Вы занимались теми же вопросами в экономической области.

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Вы ответили " конечно". Будучи уполномоченным по военным вопросам, вы занимали положение, равное положению военного министра, не так ли?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: И, таким образом, в случае войны ответственность в первую очередь возлагалась на военного министра и начальника генерального штаба вооруженных сил и, во-вторых, на равных основа-

ниях она возлагалась на доктора Шахта,как на уполномоченного по экономическим вопросам.Это правильно?

ШАХТ: Я полагаю,что правильно.

ДЖЕКСОН: В январе 1937 г. вы писали следующее,не правда ли:

"Мне доверена подготовка военной экономики в соответствии с тем принципом,что наша военная экономика должна быть организована в мирное время таким образом, чтобы в случае необходимости она могла быть немедленно переведена с продукции мирного времени на военные нужды, с тем,чтобы не было необходимости создавать эту экономику в начале войны".

ШАХТ: Я думаю,что это правильно.

ДЖЕКСОН: Кто был вашим заместителем на этом посту? Вольтат?

ШАХТ: Я думаю,что Боденштац, Вольтат.

ДЖЕКСОН: Таким образом,мы говорили о ваших обязанностях,как уполномоченного по вопросам военной экономики. Перейдем теперь к вашим обязанностям как президента имперского банка.

Вы заявили, что проведение программы вооружения было основной задачей германской политики в 1935 г.,не так ли?

ШАХТ: Без сомнения.

ДЖЕКСОН: Нет сомнения в том,что вы добровольно приняли на себя ответственность за отыскание финансовых и экономических методов для осуществления этой задачи?

ШАХТ: Несомненно.

ДЖЕКСОН: И вы руководили развитием промышленности вооружения в Германии,причем в вашем ведении находились финансовые и экономические вопросы?

ШАХТ: Нет.

ДЖЕКСОН: Вы этого не делали?

ШАХТ: Нет,ни коим образом.

ДЖЕКСОН: Может быть, я вас неправильно понял.

ВОПРОС: "Теперь в связи с настоящим развитием"-я ссылаюсь на ваш допрос от 16 октября 1945 г.,документальное доказательство США-536,страница 44.

10088

H1200 – 0207

H1200 – 0208

"Теперь в связи с настоящим развитием промышленности вооружения вы взяли на себя ведение экономических и финансовых дел, связанных с этой промышленностью".

В ответ на это вы киваете головой.

ШАХТ: Простите?

ДЖЕКСОН: В ответ на это вы киваете головой.

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: "Вы взяли на себя" – я задам вам этот вопрос полностью, чтобы вы его себе уяснили.

ШАХТ: Хорошо.

ДЖЕКСОН: "В связи с настоящим развитием промышленности вооружения вы взяли на себя ведение экономических и финансовых дел, связанных с этой промышленностью. В протоколе сказано, что в ответ на это вы кивнули головой.

Следующий вопрос гласит: "В этой связи вами были предприняты самые различные меры. Может быть, вы будете достаточно любезны разъяснить нам, какие самые значительные меры были вами приняты в связи с целью добиться перевооружения; в первую очередь, расскажите нам о мерах, проведенных внутри Германии, и, во вторых, о мерах, принятых по отношению к иностранным государствам".

ОТВЕТ: Внутри страны я стремился собрать все возможные денежные средства для финансирования счетов МЕФО. В отношении иностранных государств я стремился в возможно большей степени контролировать их коммерческие обороты".

Скажите, давали ли вы эти ответы и отвечают ли они действительности?

ШАХТ: Очевидно, вы правы.

ДЖЕКСОН: Вы стремились добиться контроля над торговыми оборотами иностранных государств с той целью, чтобы получить достаточное количество иностранной валюты, которое дало бы вам возможность импортировать сырьевые материалы, т.е. материалы, не подвергавшиеся обработке, необходимые для проведения в жизнь

программы перевооружения. Разве это неправильно?

ШАХТ: Это был вопрос,который был мне поставлен.Затем следует ответ.Скажите, пожалуйста,какой же был ответ.

ДЖЕКСОН: Что вы сейчас ответите на это?

ШАХТ: Я отвечу сегодня,что это было не единственной целью:

ДЖЕКСОН: Не было единственной целью?

ШАХТ: Правильно.

ДЖЕКСОН: Но это ваша первостепенная задача,не так ли?

ШАХТ: Нет,вовсе нет.

ДЖЕКСОН: Хорошо. Что же представляли из себя другие цели?

ШАХТ: Сохранить существование Германии,обеспечить производство в Германии,получить достаточно продовольствия для Германии.

ДЖЕКСОН: Что же являлось вашей доминирующей целью?

ШАХТ: Обеспечение Германии продовольствием и обеспечение ее промышленности,работающей на экспорт.

ДЖЕКСОН: Я хотел бы рассмотреть с вами один - два документа, касающихся ваших целей. Я ссылаюсь на документ № 1168-ПС от 3 мая 1935 года.

ШАХТ: Хорошо.

ДЖЕКСОН: Документ озаглавлен:"Финансирование вооружения". Это документальное доказательство № 37.

"Следующие замечания основаны на утверждении о том,что осуществление программы вооружения в отношении скорости ее проведения и ее масштабов является задачей германской политики; исходя из этого,все остальные задачи должны быть подчинены одной этой цели в той мере, в какой стремление к этой первостепенной цели не грозит пренебрежительным отношением к другим вопросам". Вы писали это?

ШАХТ: Я не только написал это,но я лично передал написанное Гитлеру. Это один из двух документов-близнецов,из которых один представлен здесь в качестве доказательства и подробно разобран обвинением, тогда как второго документа я не получал.

10090

H1200 – 0209

H1200 - 0210

Во время допроса меня моим защитником, я сказал,что я был заинтересован в том,чтобы прекратить партийные сбори денег,которые повсюду выжимали средства из немецкого народа,т.к. трудности в области получения денег для вооружения и для оплаты векселей МЕФО и т.д. были очень велики. Я,конечно, мог добиться этого от Гитлера только сказав ему: "Само собой разумеется,что это производится в интересах вооружения".

ДЖЕКСОН: Да,но...

ШАХТ: Нет,дайте мне высказаться. Если бы я сказал ему,что это делается,допустим, для строительства театров и т.д.,то это не произвело бы на него никакого впечатления. Но если я сказал ему,это должно быть сделано,т.к. иначе мы не можем вооружаться, то я попал бы в точку,так я мог подействовать на него. Поэтому я так и сказал. Я признал и об"яснил это своему адвокату здесь,на допросе.

ДЖЕКСОН: И вы не считали,что этим вы вводили его в заблуждение?

ШАХТ: Я назвал бы это не введением в заблуждение,а руководством.

ДЖЕКСОН: Но,руководя им, вы не ставили его в известность о действительных намерениях,которые вы ставили перед собой.

ШАХТ: Я думаю,что, руководя кем-нибудь,вы сможете добиться больших успехов,если вы не откроете ему истинных причин,чем если вы излотите ему их.

ДЖЕКСОН: Я очень рад,что вы так откровенно изложили здесь ваши взгляды,доктор Шахт. Я очень благодарен вам за это.сообщение

Таким образом,вы разрабатывали различные планы - планы контроля над операциями с иностранной валютой,наложение запрета на вклади иностранных банков и векселя МЕФО являлись одним из ваших основных изобретений,при помощи которых вы обеспечивали финансирование,не так ли?

ШАХТ: Конечно.

ДЖЕКСОН: Меня не интересуют подробности операций с векселями

МЕФО,но я хочу задать вам следующий вопрос.Отвечают ли действительности те показания, которые вы дали во время допроса 16 октября 1945 года. Это документальное доказательство США-636.

ВОПРОС: "Разрешите мне задать вам вопрос,касающийся некоторых фактов.В то время,например, когда вы создали систему векселей-МЕФО,у вас не было под рукой других средств для финансирования системы перевооружения?

ОТВЕТ: Нет не было.

ВОПРОС: Я имею в виду обычные бюджетные финансовые операции.

ОТВЕТ: Их было недостаточно.

ВОПРОС: Вы были также ограничены статутом рейхсбанка,который не давал вам возможности давать в кредит денежные суммы,необходимые для финансирования перевооружения?

ОТВЕТ: Совершенно верно.

ВОПРОС: И вы нашли иной способ?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Этот способ выражался в том, что вы изобрели средство,в результате которого рейхсбанк путем изворотливых операций выплачивал правительству денежные суммы,что при нормальных и законных операциях не могло иметь места.

ОТВЕТ: Совершенно верно."

Скажите,это отвечает действительности?

ШАХТ: Да,я ответил так.

ДЖЕКСОН: Вам тогда были заданы следующие вопросы:

"Насколько я понял,все то,что в то время было создано в Германии,начиная с промышленности вооружения" и прочной экономики внутри страны и кончая Вермахтом,а также те усилия,которые вы приложили к достижению этого,начиная с 1934 года и до весны 1938 года,когда прекратилась система векселей МЕФО,являются в значительной степени причиной успеха всей программы?

ОТВЕТ: Я не знаю,что является причиной этого,но я в значительной степени содействовал достижению этого".

ШАХТ: Да. 10092

H1200 – 0211

H1200 – 0212

ДЖЕКСОН: 17 октября 1945 года вам был задан следующий вопрос: "Говоря другими словами,вы не придерживаетесь той точки зрения,что вы не несли значительной ответственности за перевооружение германской армии?

ОТВЕТ: Нет,нет. Я никогда не говорил ничего подобного.

ВОПРОС:Вы всегда гордились этим фактом,не так ли?

ОТВЕТ: Я не сказал бы, что я горд этим,но я был этим удовлетворен.

Скажите,вы все еще стоите на этой точке зрения?

ШАХТ: Я хочу сказать об этом следующее: векселя "МЕФО" были, конечно,методом финансирования ,который при нормальных условиях никогда бы не имел места. Я уже подробно говорил об этом при допросе меня моим адвокатом.Но,с другой стороны, я должен сказать,что этот вопрос был детально рассмотрен всеми юристами имперского банка и,что благодаря этой "уловке",как вы сказали,был найден путь,не выходящий за рамки закона.

ДЖЕКСОН: Нет,я не говорил так. Это вы сами так говорите.

ШАХТ: Нет,нет, я имею в виду то, что вы только что цитировали в качестве моего ответа. Когда этот вопрос был исследован с юридической стороны, мы сказали себе: "Так пойдет". А вообще я и сегодня доволен тем,что я помог вооружению. Я бы только хотел,чтобы Гитлер по-иному им воспользовался.

ДЖЕКСОН: В день вашего шестидесятилетия военный министр Блом берг заявил: "Без вашей помощи,мой дорогой господин Шахт, у нас не было бы вооружения". Говорил он так?

ШАХТ: Ну,это просто вежливые фразы,какими обмениваются обычно в этих таких случаях.Но в них содержится добрая толика правды.Этого я никогда не оспаривал.

ДЖЕКСОН: Во всяком случае,это похоже на правду.Ну,так и есть Когда вы,наконец,выдвинули некоторые предложения относительно то го, что следует замедлить или приостановить вооружение,вы предлагали это?, не зная,каких размеров достигло это вооружение.

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Таким образом,вы тогда исходили исключительно из создавшегося финансового положения.

ШАХТ: О,нет.

ДЖЕКСОН: Чем же вы, в таком случае, руководствовались?

ШАХТ: Я,конечно,мог видеть общее положение вещей,так как генерал Томас всегда говорил со мной об этих вопросах. Но того,что здесь говорил генерал Бломберг,я не помню.Я не помню,чтобы он представлял мне точные данные. В общем,я конечно, был осведомлен о приблизительных успехах вооружения,и это побудило меня сказать: "медленнее". Меня укрепляло в этом мнении общее положение.

ДЖЕКСОН: Хорошо. Рассмотрим,какие причины вы выдвинули в этой связи в документе ЕП-286. Это - документальные доказательства США-833.

ВОПРОС: Поэтому я придерживаюсь того мнения,что мы должны всеми способами способствовать нашему экспорту путем временного - я подчеркиваю слово "временного" - сокращения вооружения?

Ответ: Сокращения?

ВОПРОС: Да,временного сокращения.

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Я подчеркиваю слово "временного",а вы подчеркиваете слово "сокращения".

ОТВЕТ: О,нет,я согласен с вами.

Далее,что касается четырехлетнего плана,то мы должны решать только те проблемы,которые являются наиболее неотложными. Я включаю сюда программу добычи бензина,программу изготовления каучука и программу использования запасов руды в той мере, в какой это использование не требует большого количества сырьевых материалов, которые подлежат экспорту.

С другой стороны,в настоящее время следует отложить проведение всех прочих мероприятий по четырехлетнему плану.Я убежден, что такая политика приведет к увеличению нашего экспорта в таких значительных размерах,что наши истощенные запасы сырья настолько

H1200 – 0213

H1200 – 0214

пополнятся,что исходя из положения с сырьевыми ресурсами,мы снова получим возможность в недалеком будущем возобновить усиленное вооружение. Я не могу судить,какие преимущества в военном отношении будет иметь временное приостановление проведения в жизнь программы вооружения.Однако,я считаю,что подобный перерыв в проведении программы вооружения не только даст нам благоприятную возможность провести обучение офицеров и военнослужащих,чего еще не было сделано,но этот перерыв также даст нам возможность произвести обзор вооружения прошлых лет с технической точки зрения и улучшить технику нашего вооружения".

Вы излагали Герингу эти мысли,не так ли?

ШАХТ: Вполне возможно. Я не помню этого письма,но это мой стиль.

ДЖЕКСОН: И вы правильно осветили Герингу вашу истинную точку зрения,не так ли?

ШАХТ: Я думаю, что это было просто тактическое письмо,ибо для меня важно было сократить вооружение.Если бы я ему сказал,что пора прекратить вооружение,то Геринг,очевидно,донес бы об этом соответствующим образом фюреру.Поэтому я сказал ему:"Следует временно прекратить".Я подчеркиваю слово "временно". Это было тактическим шагом для того,чтобы убедить Геринга в том,что это временное мероприятие.

ДЖЕКСОН: Таким образом,по отношению тех сотрудников,с которыми вы работали,~~вы работали~~ в правительстве,вы также делали тактические замечания,которые не отражали ваших подлинных мыслей?

ШАХТ: О,да,это было необходимо в высшей степени.

ДЖЕКСОН: Когда это перестало быть необходимостью,доктор Шахт?

ШАХТ: Перестало?

ДЖЕКСОН: Да. Когда это перестало быть необходимостью?

ШАХТ:Я думаю,важнее спросить,когда это стало необходимым.

ДЖЕКСОН: Когда же?

ШАХТ: Конечно,в первые годы я этого не делал,но позднее - в очень широких масштабах.Собственно говоря: ~~постепенно.~~ построено. Это ни-

когда не переставало быть необходимостью.

ДЖЕКСОН: А сейчас,в этом уже нет необходимости?

ШАХТ: У меня сейчас нет больше коллег. Сейчас я должен говорить суду правду и ничего кроме правды.

ДЖЕКСОН: 24 сентября 1935 года - простите,декабря, - вы записали ,употребляя следующие выражения.Это - документ ЕЦ-293,который представляется под номером США-834. "Если сейчас от нас требуется больше вооружения,то я безусловно,не намерен отрицать необходимость для нас иметь самое мощное вооружение,какое можно себе представить,или изменять свою точку зрения по этому поводу, точку зрения,которой я придерживался многие годы, как до,так и после захвата власти.Однако,я считаю своим долгом указать,насколько эта политика ограничена существующим экономическим положением".

ШАХТ: Это очень хорошо.

ДЖЕКСОН: И это правда?

ШАХТ: Конечно.

ДЖЕКСОН: В 1936 году был создан 4-летний план?

ШАХТ: Да.

ДЖЕКСОН: Вы были недовольны тогда назначением Геринга на этот пост?

ШАХТ: Я считал это нецелесообразным.Кроме того, это была политика,направленная против моих принципов. Я знал совершенно определенно,что теперь начнется чрезмерное вооружение,тогда как я был за умеренное.

ДЖЕКСОН: Почему вы считаете,что назначение Геринга означало чрезмерное расширение программы вооружения.Скажите,можете вы указать на какое-либо высказывание Геринга в пользу вооружения,которое в более сильных выражениях освещало бы необходимость этой программы,чем то, что говорили вы сами?

ШАХТ: О,да.

ДЖЕКСОН: Пожалуйста,укажите нам на такое высказывание.

ШАХТ: Да. Я думаю,что если вы прочтете протоколы так назва-

H1200 – 0215

H1200 – 0216

мого"малого совета министров",которые вы сами представили,протоколы 1936 г. и 1938 г.,то вы сразу же увидите,что там подчеркивается необходимость усиленного вооружения. Посмотрите,например,протоколы от ноября или октября 1936 г.

ДЖЕКСОН: Но это ведь подчеркивалось и во всех ваших документах?

ШАХТ: Нет.

ДЖЕКСОН: Вы говорите что ваши заявления подобного рода носили чисто тактический характер.

ШАХТ: Нет,простите, я сказал, вооружение в рамках- экономически разумного и необходимого. А Геринг,если разрешите сказать, хотел выйти за эти рамки.

ДЖЕКСОН: Я как раз это и утверждаю. Ваши разногласия с Герингом в вопросах вооружения упирались лишь в вопрос о том,какое напряжение могла выдержать экономика Германии;не так ли?

ШАХТ: Нет,я сказал, что самое важное заключается в том,чтобы Германия жила и вела внешнюю торговлю,в этих рамках,мы могли вооружаться. Но исключается такое положение,когда Германия должна была вооружаться,приводя свою экономику к краху.

ДЖЕКСОН: Таким образом, разногласия между вами и Герингом базировались на том, какое напряжение могла выдержать экономика, не так ли?

ШАХТ: Нет,на вооружении,на размерах вооружения,ибо ведь дело обстояло так,-вот г-н судья,что все то, что предпринимал Геринг, германская экономика вынесла.

Вопрос состоял лишь только в том, было это разумно или нет. Говоря резко, я считал экономическую политику Геринга не разумной,т.е тягостной для немецкого народа,тогда,как моя политика имела своей предпосылкой поставить вооружению определенные границы и поднять условия жизни немецкого народа до нормального уровня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об"являет перерыв.

(об'является перерыв до 10.00 завтра).

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 3 мая 1946 года

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Трибунал будет заседать завтра,в открытом заседании с 10 часов утра до 12 часов дня,после чего состоится закрытое заседание судей.

Господин судья Джексон и подсудимый Шахт!Переводчики высказали пожелание,чтобы Вы делали паузы после того,как задан вопрос и,если,в зависимости от документов,Вы считаете целесообразным оглашать их на английском языке или говорить на английском языке,Вы должны сделать соответствующую паузу,чтобы те переводчики,которые переводят с английского на другие языки, могли сделать перевод Ваших слов.Ясно ли это?

Г-н ДЖЕКСОН.Ваша честь!Я извиняюсь перед переводчиками. Очень трудно бороться с привычкой,приобретенной в течение всей жизни.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Очень трудно.

Г-н ДЖЕКСОН.Доктор Шахт!Между прочим,на фотографии № 10, которую Вам показали вчера,Вы изображены в одном из тех случаев, когда на Вас был надет партийный значок,на который Вы ссылались, не правда ли?

ШАХТ.Это может быть.

Г-н ДЖЕКСОН.Вы в этом совершенно уверены,не так ли?

ШАХТ.Я не могу точно определить,но это возможно.Если это так,то это доказывает,что данная фотография снята после 1937г.

Г-н ДЖЕКСОН.Именно это я и хотел доказать.И это факт,что эта фотография была снята после 1941года,не правда ли?Это факт, что Борман не получал никакой значительной официальной должности до конца

H1200 – 0217

H1200 – 0218

1941 года.Не так ли?

ШАХТ.Борман?

2-н ДЖЕКСОН. Да.

ШАХТ.Я не знаю.

Г-н ДЖЕКСОН.Теперь вернемся к вопросу о четырехлетнем плане,который был создан в 1936 г.Насколько я понял,Вы возражали против назначения Геринга на пост руководителя по четырехлетнему плану по двум причинам.(Во-первых,) Вы считали,что это управление по четырехлетнему плану помешает Вашим функциям,а,во-вторых, если четырехлетний план и должен был быть создан,то Вы не думали,что Геринг способен его возглавить?

ШАХТ.Я не знаю,что Вы понимаете под словом "возражать". Я был не согласен с этим и считал Геринга не подходящим лицом для руководства какой-бы то ни было экономической политикой .

2-н ДЖЕКСОН.Фактически Вы представляли Геринга как ничего не понимающего в экономических вопросах,не правда ли?

ШАХТ.Да.В оживленной беседе можно сказать что-либо подобное.

Г-н ДЖЕКСОН.Или во время допроса?

ШАХТ.Да,ведь допросы иногда также проходят очень оживленно.

Г-н ДЖЕКСОН.Итак,вскоре Геринг стал в действительности вмешиваться в Ваши функции.Не так ли?

ШАХТ.Мне кажется,что он неоднократно пытался делать это.

Г-н ДЖЕКСОН.И что,ему в этом везло?

ШАХТ.Я не понимаю,что Вы имеете в виду,когда говорите: "ему в этом везло"?

Г-н ДЖЕКСОН.Да,конечно,американский жаргон труден,я с этим согласен.Это означает,что Геринг преуспевал в этом.

ШАХТ.Да.В июле 1937 года Геринг совсем прижал меня к стенке.

Г-н ДЖЕКСОН.Это началось по поводу одного его предложения или мероприятия касательно разработок полезных ископаемых.

ШАХТ.Да.

Г-н ДЖЕКСОН.Он даже произнес речь перед некоторыми промышленниками по этому поводу,не правда ли?

ШАХТ.Я предполагаю,что он произносил не одну речь перед промышленниками.Я не знаю,на какую речь Вы намекаете.Но я полагаю,что Вы имеете в виду его речь,произнесенную в декабре 1936 года или что-то около этого.

Г-н ДЖЕКСОН.Я говорю о речи,для которой,как Вы сказали нам на допросе,Геринг собрал промышленников и в которой он наговорил много глупостей об экономике,которые Вы должны были опровергать.

ШАХТ.Это было на собрании от 17 декабря 1936 года.

Г-н ДЖЕКСОН.Затем Вы написали Герингу письмо,в котором Вы жаловались на мероприятия в области добычи полезных ископаемых.

ШАХТ.Я полагаю,что Вы имеете в виду письмо от 5 августа.

Г-н ДЖЕКСОН.Правильно.Это - документ ЕС-497,документальное доказательство США-775.В этом письме от августа 1937 года Вы написали следующее(если я Вам правильно цитирую) :

10100

H1200 – 0219

H1200 – 0220

"Между тем я неоднократно подчеркивал необходимость увеличения экспорта и активно старался осуществить это.Самая необходимость увеличения нашего вооружения до известного уровня возможно скорее должна выдвинуть на первое место мысль о получении возможно большего количества иностранной валюты и,таким образом, обеспечить снабжение необходимыми сырьевыми материалами". Это правильно?

ШАХТ.Я полагаю,что правильно.

Господин ДЖЕКСОН.Мне кажется,что Вы также сказали следующее:

"Этих взглядов относительно экономической ситуации,о которых я говорил выше,я придерживаюсь с самого первого времени моего сотрудничества".

Это тоже правильно,не правда ли?

ШАХТ.Да,конечно.

Г-н ДЖЕКСОН.Таким образом,обе эти вещи правильны,не правда ли?

ШАХТ.Да, конечно.

Г-н ДЖЕКСОН.И затем Вы в заключение писали Герингу:

"Я прошу Вас поверить мне,мой дорогой премьер-министр,что я совершенно не намереваюсь мешать Вашей политике каким-либо образом.Я также не высказываю своего мнения о том,что мои взгляды,которые расходятся с Вашей экономической политикой, правильны или неправильны.Я Вам вполне сочувствую в Вашей деятельности.Однако я верю,что в тоталитарном государстве совершенно невозможно проводить экономическую политику не в едином направлении.

Это тоже правильно,не правда ли?

ШАХТ.Да.

Г-н ДЖЕКСОН.И это было основным,в чем расходились мнения Геринга и Ваше мнение по вопросу о проводимой линии?

ШАХТ.Если это чего касалось?Политики?Я не понимаю,что Вы имеете в виду,когда говорите"политика".Я здесь имел в виду метод ведения дел.

10101

H1200 – 0221

ДЖЕКСОН.Да,да.

ШАХТ.Уже не говоря о других разногласиях,которые были между нами.

Г-н ДЖЕКСОН.Хорошо.Эти другие разногласия были разногласиями личного характера.Вы и Геринг не ладили?

ШАХТ.Напротив,до того времени у меня с ним были весьма хорошие отношения.

Г-н ДЖЕКСОН.Ах,вот как!

ШАХТ.О,да!

Г-н ДЖЕКСОН.Таким образом,Ваши разногласия с Герингом начались по поводу борьбы за то,кто из Вас возглавит мероприятия по подготовке к войне?

ШАХТ.Нет.

Г-н ДЖЕКСОН.Ну,и что ж...

ШАХТ.Я должен протестовать против такой мотивировки.Разногласия...

Г-н ДЖЕКСОН.Вы хотите по этому поводу еще что-нибудь добавить?

ШАХТ.Разногласия,которые привели к моей отставке,были следующими.Геринг хотел взять на себя руководство экономической политикой,а ответственность за эту экономическую политику должен был взять я.Я же считал,что тот,кто берет на себя ответствен - ность,должен брать также на себя и руководство.Если же кто-то берет на себя это руководство политикой,то он должен взять на себя и ответственность.Это обстоятельство послужило формальной причиной тому,что я подал прошение об отставке.

Г-н ДЖЕКСОН.Хорошо.Я теперь перехожу к Вашему допросу от 16 октября 1945 года, - документальное доказательство США-636- и спрашиваю Вас,не дали ли Вы следующие показания:

"Шахт:

"После того,как Геринг принял на себя руководство четырехлетним планом - и я должен сказать,что он уже с апреля 1936г.

10102

H1200 – 0221

H1200 – 0222

взял на себя руководство контролем над иностранными валютными отношениями и еще больше после того,как он уже возглавил четырехлетний план с сентября 1936 г.,он всегда пытался захватить контроль над всей экономической политикой.Одна из целей заключалась,конечно,в том,чтобы в случае войны стать уполномоченным по вопросам военной экономики и это он стремился отобрать у меня; он очень хотел все забрать в свои руки.Пока я занимал пост министра по вопросам экономики,я,конечно,возражал против этого "...

Скажите,Вы давали эти показания?

ШАХТ.Я думаю,что это так.

Г-н ДЖЕКСОН.Хорошо.Затем Вы описываете Ваше последнее посещение Геринга после того,как в течение двух месяцев Лютер пытался Вас помирить с Герингом.

ШАХТ.Здесь ошибка.Это не Лютер,а Гитлер.

Г-н ДЖЕКСОН.Очень хорошо.

Вы описываете это следующим образом:

"Я имел тогда последнюю беседу с Герингом и в конце этой беседы Геринг сказал: "Но я должен иметь право отдавать Вам приказания".А я ему на это ответил: - "Не мне,а моему преемнику".-Я никогда не принимал приказаний от Геринга и я никогда бы этого не сделал,потому что Геринг ничего не понимал в экономических вопросах,а я,по крайней мере, в отношении этих вопросов кое-что знал.

"Вопрос: Таким образом,насколько я понимаю,между Вами и Герингом из-за этого постоянно росли личные разногласия.По видимому,это очевидно."

"Ответ:Конечно"

Правильно ли это?

ШАХТ.Да,конечно.

Г-н ДЖЕКСОН.Затем следователь,который Вас допрашивал, продолжал:

10103

H1200 – 0223

"Давайте разберемся сейчас,из каких функций состояла эта работа и установим,что он стремился отнять у Вас.Как мне пояснили,имелось только две возможности.Если я ошибаюсь,поправьте меня.Первое.Эти функции заключались в том,чтобы проводить подготовку к мобилизации.Второе - в случае войны фактически это взять на себя.Иначе эта должность не имела никакого значения. Таким образом,насколько я понял,Вы протестовали против того,чтобы он забрал у Вас право подготовки к мобилизации,и,во-вторых,право руководства в случае войны.

"Ответ: Правильно".

Вы дали эти показания ?

ШАХТ.Господин Джексон.Вы сваливаете в одну кучу вещи,которые происходили в разное время.Разногласия с Герингом из-за положения так называемого генерального уполномоченного по вопросам военной экономики имели место зимой 1936-37 годов,последняя же моя беседа с Герингом,о которой Вы только что упомянули,состоялась в ноябре 1937 года.Мне кажется,что в январе 1937 г. я заявил о своей готовности передать свою должность генерального уполномоченного по вопросам военной экономики Герингу.Это также явствует из записи в дневнике Иодля,которая здесь неоднократно упоминалась. В то время военное министерство и в частности Бломберг просили оставить меня на должности генерального уполномоченного по вопросам военной экономики,поскольку я все-таки был министром экономики Причем они просили удержать меня на этой должности до тех пор, пока я буду министром.Существует переписка по этому поводу,которая, как мне кажется,была Вами пред'явлена Трибуналу.

Г-н ДЖЕКСОН.Хорошо.Я полагаю,что даты имеются в протоколе Вашего допроса.Я теперь не интересуюсь последовательностью событий, я интересуюсь функциями,являвшимися об'ектом раздора между Вами, описанными Вами на допросах.А вопросы и ответы,которые я огласил, являются правильными.Вы давали именно эти ответы,не правда ли?

ШАХТ.Да,но здесь я могу сказать только следующее: если Вы

10/04

меня будете спрашивать сейчас по этим отдельным разделам,то создастся совершенно иная картина,чем если бы Вы соблюдали последовательность во времени.Г-н Джексон,нельзя же говорить в одном плане о вещах,которые имели место в январе и ноябре того года.Если Вы меня спросите,правильны ли Ваши утверждения, то я должен сказать,что это неправильно.

Г-н ДЖЕКСОН.Ну,хорошо,давайте посмотрим,что здесь неправильно, - имеется ли здесь что-либо неправильное.

Когда произошла Ваша последняя беседа с Герингом,когда Вы сказали ему,что он будет отдавать приказания Вашему преемнику, а не Вам ?

ШАХТ. В ноябре 1937 года.

Г-н ДЖЕКСОН.Затем, вопрос об обязанностях этой должности не имеет отношения ко времени,не правда ли?Речь идет о должности уполномоченного по вопросам военной экономики и о разногласиях между Вами и Герингом.Для полной ясности я зачитаю Вам этот вопрос и ответ снова,причем я не интересуюсь вопросом времени,а описанием Ваших функций.

"Вопрос: Давайте сейчас остановимся на вопросе об этих функциях и установим,какие функции он хотел у Вас отнять.Как мне пояснили,имелось только две возможности.Если я ошибаюсь,поправьте меня.Первое.Эти функции заключались в том,чтобы проводить подготовку к мобилизации.Второе - в случае войны фактически это взять на себя.Иначе эта должность не имела никакого значения.Итак, насколько я понял,Вы протестовали против того,чтобы он взял у Вас право подготовки к мобилизации и,во-вторых, право руководства в случае войны".

И Вы ответили "правильно",не правда ли?

ШАХТ.Эти разногласия....

Г-н ДЖЕКСОН.Я попрошу Вас сначала ответить мне, дали ли Вы этот ответ на данный вопрос; является ли это правильным?

10105

H1200 – 0224

H1200 – 0225

ШАХТ.Протокол правелен.А теперь я хотел бы сказать...

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо.

ШАХТ.Но теперь позвольте мне высказаться...

Г-н ДЖЕКСОН.Ну,хорошо,продолжайте Ваши об'яснения.

ШАХТ.Я хочу сейчас сказать,что эти разногласия между Герингом и мною не имеют никакого отношения к беседе,состоявшейся в ноябре,и что ~~ши~~ таких разногласий между мной и Герингом в то время не было.Те разногласия,относительно которых Вы только что зачитали протокол,относятся к январю 1937 года.Но это не были разногласия между мной и Герингом.Я ведь сейчас же сказал:"Снимите с меня обязанности генерального уполномоченного по вопросам военной экономики и передайте их Герингу".Военное же министерство и,в частности,г-н Бломберг протестовали,сам я не протестовал.Я бы с величайшим удовольствием отдал эту должность Герингу.

Г-н ДЖЕКСОН.Имеются ли какие-либо письменные документы по этому вопросу,д-р Шахт ?

ШАХТ.Да,те документы,которые Вы сами представляли здесь. Я прошу моего защитника найти эти документы и осветить их при повторном допросе.Они были представлены здесь Обвинением.

Г-н ДЖЕКСОН.Скажите,разве в действительности Ваши противоречия с Герингом не были противоречиями личного характера между Вами по поводу руководства,а не противоречиями,которые возникли по вопросу о вооружении ?Вы оба стремились вооружаться насколько возможно быстрее.

ШАХТ.Я не хотел бы заниматься игрой слов,г-н судья.Я не хотел бы распространяться по тому поводу,были ли эти разногласия личного характера или какого-либо другого порядка.Я имел с Герингом деловые разногласия.Если же Вы начинаете говорить здесь о "вооружении", "темпах этого вооружения и размерах",то я отвечу Вам,что по этим вопросам у меня с Герингом были огромные разногласия во мнениях.Я никогда не оспаривал того,что я был за вооружение,причем для того,чтобы добиться равноправного положения для Германии.Но за эти границы вооружения я никогда не хотел

H1200 – 0226

выходить,Геринг же хотел вооружаться дальше.По этому вопросу, таким образом,у меня с Герингом были разногласия,о которых здесь нельзя забывать.

Г-н ДЖЕКСОН.Хорошо,я не хочу заниматься игрой слов.м, если Вы говорите что-то,что я называю это личными отношениями является игрой слов,Вы заставляете меня рассмотреть то,что Вы сказали нам о Геринге.

Ведь правильно,что Вы сказали майору Тилли следующее:

"Гитлера я назвал аморальным человеком,а Геринга я могу рассматривать лишь как аморальную и преступную личность.Он от природы обладает некоторым добродушием,которое ему удалось использовать для увеличения своей популярности.Он был самым эгоцентричным созданием,какое себе можно только представить. Захват политической власти для него был только средством личного обогащения и личного благосостояния. Успех других вселял в него чувство зависти.Его жадности не было границ.Его страсть к драгоценностям,к золоту и к украшениям была уму непостижима.У него не было товарищей.Лишь пока кто-либо был ему полезен, он оставался его другом,но и то только с виду.

Знания Геринга во всех областях,в которых член правительства должен быть компетентен,равны нулю,в особенности в области экономики.Ни по поводу одного экономического вопроса,которые Гитлер поручил ему осенью 1936 года,он не имел ни малейшего понятия,хотя он создал огромный аппарат сотрудников и до бесстыдства злоупотреблял своими полномочиями в качестве руководителя всей экономики.Его внешний вид был так театрален,что его можно было сравнить только с Нероном.Одна дама,которая была приглашена на чашку чая к его второй жене,заявила,что он появился на этом приеме в чем-то вроде римской тоги и в сандалиях, украшенных драгоценными камнями;его пальцы были покрыты кольцами с драгоценными камнями,а лицо было подкрашено и также покрашены губы."

10107

H1200 – 0226

H1200 – 0227

Скажите, Вы дали эти показания майору Тилли?

ШАХТ. Так точно.

Г-н ДЖЕКСОН.Хорошо.И Вы говорите,что у Вас не было личных разногласий с Герингом?

ШАХТ.Господин Джексон , я прошу Вас и здесь улавливать последовательность во времени. Ведь обо всех этих вещах я узнал позже,но вовсе не в то время,о котором Вы говорите,т.е. не в 1936 году.

Г-н ДЖЕКСОН.Скажите,оспариваете ли Вы показания Гизевиуса о том,что в 1935 году он сказал Вам о соучастии Геринга во всех делах Гестапо?

ШАХТ.Я уже здесь показал,что я знал о тех гестаповских лагерях,которые были учреждены Герингом.Я же сказал,что я выступал против этого.Я совсем не оспариваю этого.

Г-н ДЖЕКСОН.Но,несмотря на это Ваша дружба с Герингом продолжалась ?

ШАХТ.Я никогда не дружил с Герингом.

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо.

ШАХТ. Но я же не мог не соглашаться с ним,не сотрудничать,по крайней мере до тех пор,пока я не знал,что он за человек.

Г-н ДЖЕКСОН.Ну,хорошо.Давайте остановимся на вопросе о внешней политике,на которую Вы здесь так жаловались.Мне кажется, что Вы показали,что в 1937 году,когда Вы проводили все вооружение,Вы не имели в виду никакой войны.Правильно ли это ?

ШАХТ.Нет,г-н Джексон,то,что Вы сейчас говорите,неправильно. Я в 1937 году вовсе делал не все для того,чтобы вооружаться.Я с 1935 года,вернее с конца,т.е. с осени 1935 года, делал все для того, чтобы затормозить вооружение.

Г-н ДЖЕКСОН.Хорошо.Я обращаю Ваше внимание на Ваш допрос от 16 октября 1945 года и спрашиваю,давали ли Вы следующие ответы на заданные Вам вопросы:

10108

"Вопрос: Я хочу спросить Вас сейчас,какого рода войну Вы предвидели в 1937 году?

"Ответ:Я никогда не предвидел никакой войны.На нас мог кто-нибудь напасть,на нашу территорию могли вторгнуться,но даже этого я не ожидал.

"Вопрос:Вы никогда не ожидали этого.Ожидали ли Вы возможности мобилизации и концентрации экономических сил,в случае войны?

"Ответ:В случае нападения на Германию,конечно.

"Вопрос:Теперь вернемся к 1937 году.Можете ли Вы сказать, о какого рода нападении Вы думали ?

"Ответ: Я не знаю,сэр.

"Вопрос:Скажите в это время Вы об этом думали?

"Ответ: Нет,никогда.

"Вопрос: Считали ли Вы тогда,что возможность войны в 1937 году была столь незначительной,что ею можно было пренебрегать ?

"Ответ: Да.

"Вопрос: В действительности это было так ?

"Ответ: Да.Я никогда не думал о конфликте с Россией ."

Скажите,Вы давали эти ответы ?

ШАХТ.То же самое,о чем говорится в этом допросе,я показал здесь в Суде.

Г-н ДЖЕКСОН. Вы дали показания,что Вы стремились отвлечь Гитлера от его планов,заключавшихся в продвижении и экспансии в направлении на Восток.Вместо этого Вы старались привлечь его внимание к колониям ?

ШАХТ. Да.

Г-н ДЖЕКСОН. Скажите,какие же это были колонии ?Вы это так и не уточнили .

ШАХТ.Наши колонии.

Г-н ДЖЕКСОН. А где они находились?

10109

H1200 – 0228

H1200 – 0229

ШАХТ. Я полагаю,что Вы это знаете так же хорошо,как и я.

Г-н ДЖЕКСОН. Вы являетесь свидетелем,д-р Шахт.Я хочу знать то,что Вы сказали Гитлеру,а не то,что я знаю.

ШАХТ. О,что я сказал Гитлеру? Я сказал Гитлеру,что нам следует попытаться заполучить вновь наши старые колонии,управление которыми у нас было отнято,для того,чтобы мы могли в них работать.

Г-н ДЖЕКСОН. Какие колонии ?

ШАХТ.Я думал именно о наших африканских колониях.

Г-н ДЖЕКСОН. Может быть Вы рассматривали эти африканские колонии,как необходимые для развития будущей Германии ?

ШАХТ. Нет,не именно эти колонии,но вообще какие бы то ни было колонии.Но сначала мои пожелания относительно колоний могли распространяться только на нашу собственность.

Г-н ДЖЕКСОН.А Вашей собственностью,как Вы сказали, являлись африканские колонии ?

ШАХТ. Не я называю их таким образом,а Версальский договор называет их нашей "собственностью".

Г-н ДЖЕКСОН. Во всяком случае,Вы хотели иметь колонии, о которых Вы говорите ?

ШАХТ. Да.

Г-н ДЖЕКСОН. Вы считали,что обладание колониями и эксплоатация их были необходимы для той Германии,которую Вы намеревались создать ?

ШАХТ. Если Вы замените слово "эксплоатация" словом "развитие",то мне кажется,что всякие недоразумения будут исключены. В таком варианте я соглашусь с Вами.

Г-н ДЖЕКСОН. Что-ж, под словом"развитие" Вы подразумеваете торговлю,и я полагаю,что Вы намеревались извлечь из торговли выгоду.

ШАХТ.Нет,я имел в виду не только "торговлю",но и развитие национальных ресурсов,а также и развитие экономических возможностей этих колоний.

Г-н ДЖЕКСОН. И Вы предполагали,чтобы Германия расчитывала на эти колонии,а не на распространение в направлении Востока ?

ШАХТ. Я считал безумием всякое увеличение наших территорий в пределах европейского континента.

Г-н ДЖЕКСОН. Но Вы согласились с Гитлером,что экспансия либо в отношении колоний,либо в направлении Востока была необходимым условием для той Германии,которую Вы намеревались создать ?

ШАХТ. Нет,я этого никогда не говорил.Я сказал ему,что безумно предпринимать что-либо на Востоке.Я сказал ему,что единственное о чем может быть речь,это колониальное развитие.

Г-н ДЖЕКСОН. И Вы предложили в качестве линии развития Германии, которой надо было следовать,чтобы последнее,т.е. развитие,осуществлялось за счет колоний,в которые из Германии не существовало дорог по суше и для защиты которых,как Вы знали, потребовался бы мощный флот ?

ШАХТ.Я об этом совершенно не думал.Как Вам приходит в голову эта мысль!

Г-н ДЖЕКСОН. В Африку ведь нельзя попасть по суше; Туда надо добираться по воде,не правда ли ?

Можно лететь на самолете .

Г-н ДЖЕКСОН. Какой торговый путь предполагали? Вы имели в виду только воздушные пути ?

ШАХТ. Нет,я думал также и о судах.

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо,но Германия тогда не являлась мощной морской державой ?

ШАХТ. Мне кажется,что мы обладали весьма значительным торговым флотом.

Г-н ДЖЕКСОН. Включал ли Ваш колониальный план перевоору-

H1200 – 0230

H1200 – 0231

жениё путем превращения Германии в мощную морскую державу для того,чтобы охранять торговые пути в колонии,о которых Вы говорили

ШАХТ. Нет,ни в коей мере.

Г-н ДЖЕКСОН. Тогда Вы не намеревались охранять торговые пути?

ШАХТ. О,нет.Я думал,что международное право обеспечит должную охрану.

Г-н ДЖЕКСОН.Именно по этому поводу у Вас и возникли разногласия с Гитлером ?

ШАХТ.Об этом мы никогда не говорили с Гитлером.

Г-н ДЖЕКСОН. Во всяком случае, он отклонил Ваши планы в отношении колониального развития ?

ШАХТ. О,нет.Я уже здесь говорил,что он летом 1936 года дал мне по моему настоянию поручение рассмотреть эти вопросы.Он,- я имею в виду Гитлера.

Г-н ДЖЕКСОН. Разве Вы не давали следующие ответы во время Вашего допроса, доктор Шахт:

"Вопрос: Говоря иными словами,во время Ваших бесед с Гитлером в 1931 и 1932 г.г. о колониальном вопросе,Вы не вызвали у него,так сказать,особого энтузиазма в этом направлении ? "

"Ответ: Он не проявил ни особого энтузиазма,ни особого интереса ."

"Вопрос: Но он высказал Вам свое мнение относительно других возможностей получения колоний ?

"Ответ:Нет,мы не рассматривали других возможностей ."

Вы дали эти ответы.

ШАХТ. Да,конечно.

Г-н ДЖЕКСОН. Итак,после дела Фрича Вы узнали,по крайней мере,о том,что Гитлер не намеревался охранять мир в Европе всеми возможными способами ?

ШАХТ. Да,я стал сомневаться в этом.

H1200 – 0232

Г-н ДЖЕКСОН. А после аншлюсса Австрии Вы узнали,что вооруженные силы Германии Являлись мощным фактором политики Гитлера на Востоке,не так ли ?

ШАХТ. Да,Вы можете так выразиться,но я не знаю,что Вы хотите этим сказать.

Г-н ДЖЕКСОН.Ну,хорошо,можете ничего не отвечать,если Вы не знаете,что я имею в виду.Мы лучше выясним это в дальнейшем. Кроме предложений о колониях,Вы не выдвинули никаких других возможностей вместо его планов экспании в направлении Востока?

ШАХТ. Нет.

Г-н ДЖЕКСОН. Ни на каких правительственных заседаниях или в другом месте Вы не выдвигали каких-либо других возможностей?

ШАХТ. Нет.

Г-н ДЖЕКСОН. Ну,теперь по поводу вступления в Австрию,мне кажется Вы дали следующие ответы:

"Вопрос: В действительности Гитлер не использовал именно те методы,в пользу которых Вы высказывались?

"Ответ: Совсем нет.

"Вопрос: Одобряли ли Вы те методы,которые он использовал?

"Ответ: Совсем нет,сэр.

"Вопрос: Что в его методах Вам не нравилось ?

"Ответ: Это значило просто раздавить Австрию,просто схватить Австрию за горло, - или как бы это сказать ? x) Это означало применить силу,а я никогда не одобрял применение силы."

Вы дали такие ответы ?

ШАХТ. Да, так точно.

Г-н ДЖЕКСОН. Ну,хорошо.Вы здесь высказывались очень прострaнно о том,что Вы в разное время не получали должной поддержки со стороны иностранных государств,когда Вы стремились обуздать Гитлера .Вы это говорили ?

---

x) Это точные слова Шахта,который во время этого допроса говорил на английском языке.

1613

H1200 – 0232

H1200 – 0233

ШАХТ.Очевидно,я говорил.

Г-н ДЖЕКСОН. Во время австрийского аншлюсса Вам была известна точка зрения США по отношению к нацистскому режиму, высказанная президентом Рузвельтом ?

ШАХТ. Да.

Г-н ДЖЕКСОН. И Вам было известно его выступление,в котором он выдвинул предложение о том,что следует принять меры против распространения нацистской угрозы ?

ШАХТ.Я не помню этого,но я,очевидно, читал,если она была опубликована в Германии.Во всяком случае я так полагаю.

Г-н ДЖЕКСОН. В результате этого, Геббельс начал кампанию нападок на президента,не правда ли ?

ШАХТ.Я полагаю,что я читал об этом.

Г-н ДЖЕКСОН. Это факт,что Вы присоединились к нападкам на иностранцев,критиковавших эти методы,не правда ли ?

ШАХТ. Когда и где ? Какие нападки ?

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо.После аншлюсса Австрии,когда была применена сила,которую Вы не одобряли,Вы немедленно поехали в Австрию и взяли на себя руководство Австрийским Национальным Банком,не правда ли ?

ШАХТ.Да, это был мой долг.

Г-н ДЖЕКСОН. Да,Вы это сделали.

ШАХТ. Само собой разумеется.

Г-н ДЖЕКСОН. И Вы ликвидировали его в пользу империи ?

ШАХТ. Я его не ликвидировал. Я осуществил его слияние.

Г-н ДЖЕКСОН. Простите,я не слышал ?

ШАХТ. Слияние.

Г-н ДЖЕКСОН.Произвели слияние.И Вы приняли его служащих?

ШАХТ. Я все взял.

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо.И декрет об этом был подписан Вами ?

ШАХТ. Конечно.

Г-н ДЖЕКСОН. И Вы 21 марта 1938 г. собрали всех служащих?

ШАХТ. Да.

Г-н ДЖЕКСОН. И ~~Вы~~ произнесли перед ними речь ?

ШАХТ. Так точно. 10114

Г-н ДЖЕКСОН. Говорили ли Вы им,среди прочего,следующее ...

ШАХТ. Конечно.

Г-н ДЖЕКСОН. Но я еще не огласил...

ШАХТ. Но я слышал уже все это во время выступления Обвинения.

Г-н ДЖЕКСОН. Но я все же хочу огласить некоторую часть о напомнить Вам о ней.

"Мне кажется,что будет целесообразно,если мы вспомним эти вещи для того,чтобы разоблачить все ханжеское лицемерие иностранной прессы.Но,слава Богу, все это,в конце концов, никак не может помешать великому германскому народу,потому что Адольф Гитлер создал единство воли и мысли немцев;он скрепил все это новыми укрепленными вооруженными силами,и он,наконец,облек во внешнюю форму внутреннее единство между Германией и Австрией.

"Я известен тем,что иногда высказываю оскорбительные мысли, и здесь я не хотел бы отклоняться от этой привычки".

Указано,что в этой части Вашей речи раздался смех.

"Я знаю ,что даже в этой стране есть некоторые лица, - я думаю,что их очень немного, - которые не одобряют событий последних дней.Однако я не думаю,чтобы кто-либо сомневался в цели,и надо сказать всем ворчунам,что всех сразу удовлетворить нельзя.Некоторые говорят,что они ,быть может,сделали бы это по другому.Однако фактически никто этого не сделал - здесь в скобках снова стоит слово "смех". Теперь продолжаю цитировать Вашу речи:

"...Это сделал лишь наш Адольф Гитлер(продолжительные аплодисменты).А если и следует еще что-либо усовершенствовать, то пусть эти улучшения будут внесены этими ворчунами внутри германской империи и внутри германского общества,но нельзя,чтобы это было сделано извне."

Вы это говорили ?

ШАХТ. Да.

Г-н ДЖЕКСОН. Другими словами,Вы открыто высмеивали тех, кто жаловался на эти методы действия ,не правда ли ?

ШАХТ. Если Вы это так воспринимаете,то пожалуйста.

Г-н ДЖЕКСОН. Затем,выступая перед служащими австрийского национального банка,которых Вы приняли,Вы сказали следующее:

"Я считаю совершенно невозможным,чтобы хотя бы 661 одно единственное лицо,которое не всем сердцем за Адольфа Гитлера,смогло в будущем сотрудничать с нами(продолжительные аплодисменты, восклицания: "Зиг,хайль"). 10115

H1200 – 0234

H1200 – 0235

Продолжаю цитировать речь:

"Кто с этим не согласен,пусть лучше добровольно покинет нас(бурные аплодисменты).

Скажите,это так было?

ШАХТ. Да,и странно,они все были с этим согласны.

Г-н ДЖЕКСОН. Разве рейхсбанк был политическим учреждением до 1933 и 1934 годов?

ШАХТ. Нет.

Г-н ДЖЕКСОН. Разве там разбирались политические вопросы?

ШАХТ. Никогда.

Г-н ДЖЕКСОН. А вот в тот день,выступая перед служащими банка,вы сказали,не правда ли,следующее:

"Рейхсбанк никогда не будет ничем иным как национал-социалистское учреждение,или я перестану быть его руководителем. (Бурные,продолжительные аплодисменты)".

Это так и было ?

ШАХТ. Да,так точно.

Г-н ДЖЕКСОН. Теперь,сэр, Вы сказали,что Вы никогда не присягали Гитлеру ?

ШАХТ. Да.

Г-н ДЖЕКСОН. Я спрашиваю Вас, сказали ли Вы в качестве руководителя рейхсбанка служащим,которых Вы брали с собой в Австрию,следующее. Я цитирую?

"Теперь я попрошу Вас встать (присутствующие встают).Теперь мы присягаем в нашей преданности великой семье рейхсбанка, великому германскому обществу.Мы присягаем в верности нашей воспрянувшей,мощной,великой германской империи.И все эти сердечные чувства мы выражаем в преданности человеку,который осуществил все это преобразование.Я прошу Вас поднять руки и повторить вслед за мной:

"Я клянусь,что я буду преданным и буду повиноваться фюреру германской империи и германского народа,Адольфу Гитлеру и буду выполнять свои обязанности добросовестно и самоотверженно!"

(Присутствующие принимают присягу путем поднятия рук).

"Вы приняли эту присягу.Будь проклят тот,кто нарушит ее. Нашему фюреру трижды "Зиг,хайль ! "

Это правильное описание того,что произошло ?

ШАХТ.Эта присяга является предписанной для чиновников присягой.Все в ней полностью соответствует тому,что я вчера показывал здесь в зале Суда,а именно,что мы присягали главе

государства.Как я уже ранее говорил здесь: "Мы всегда с немецким народом..."Я не знаю,как это сказано по-немецки.Я здесь слышу Вашу английскую речь.Как раз то же самое говорится в этой присяге.

Г-н ДЖЕКСОН. Я ссылался на ЕС-297,США 632,в этой цитате. Это документ,которым я сейчас пользуюсь.

Итак,Вы говорите,что это не относилось к определенному человеку в качестве главы государства,это не относилось к Адольфу Гитлеру ?

ШАХТ.Да, ведь нельзя же ту или иную идею облечь в явно говорящее за себя выражение присяги.Вследствие этого ее можно скроить по тому или иному лицу,но я уже вчера сказал,что я не присягал ни г-ну Эберту,ни г-ну Гинденбургу,ни кайзеру,а главе государства,как представителю народа.

Г-н ДЖЕКСОН.Вы сказали Вашим служащим,что эта присяга выражает преданность одному человеку,не правда ли ?

ШАХТ. Нет.

Г-н ДЖЕКСОН. Разве это не то,что Вы сказали ?

ШАХТ.Нет,это не то.Если Вы еще раз прочтете,то Вы увидите, что там стоит не "этому человеку",а "фюреру",как главе государства.

Г-н ДЖЕКСОН.Ну,не важно,кому бы Вы ни присягали...

ШАХТ(прерывает). Нет,простите.Это очень большая разница.

Г-н ДЖЕКСОН.Хорошо,мы до этого дойдем.Кому бы Вы ни присягали,Вы в то же время нарушали эту присягу,не правда ли?

ШАХТ.Нет,я никогда не нарушал присяги,данной этому человеку как представителю немецкого народа.Я нарушил свою присягу только тогда,когда я понял,что этот человек-преступник.

Г-н ДЖЕКСОН.Тогда Вы приняли участие в заговоре против его жизни ?

ШАХТ.Да.

Г-н ДЖЕКСОН.Об'ясните же Трибуналу,как Вы могли умертвить Адольфа Гитлера,не умертвив также руководителя германского государства ?

ШАХТ.Здесь же никакой разницы нет,так как,к сожалению, этот человек был главой германского государства.

Г-н ДЖЕКСОН.Вы сказали,что Вы никогда не нарушали присягу ?

ШАХТ.Я не знаю,что Вы хотите этим сказать.Я,конечно,не

10114

H1200 – 0236

H1200 – 0237

сдержал своей присяги,которую я давал Гитлеру,так как Гитлер сам был преступником, в частности,клятвопреступником.Главой же государства был только он и никто другой.Я не знаю,что Вы хотите сказать своим выражением "нарушение присяги".Я нарушил присягу,данную ему,и горжусь этим.

Г-н ДЖЕКСОН.Таким образом,Вы привели Ваших служащих к присяге,которую Вы нарушили в то же время и которую Вы намеревались нарушать ?

ШАХТ.Г-н судья,Вы опять путаете время.Это было в марте 1938 года ,т.е. тогда, когда я,как Вы уже от меня слышали,еще был полон сомнений и не совсем ясно представлял себе,что за человек был Гитлер и лишь когда я в течение 1938 года заметил, что Гитлер при случае не остановится перед войной,я нарушил свою присягу.

Г -н ДЖЕКСОН.Когда Вы обнаружили,что он намеревается развязать войну ?

ШАХТ.Когда я в течение 1938 года постепенно понял из хода событий,что Гитлер при случае возьмет курс на войну,причем преднамеренно, - лишь тогда я нарушил свою присягу.

Г-н ДЖЕКСОН.Но вчера Вы показали,что Вы стали саботировать деятельность правительства в 1936-1937 году ?

ШАХТ.Да,так точно,потому что я не хотел чрезмерного вооружения.

Г-н ДЖЕКСОН.И все же Вы приводили к присяге служащих,чтобы они были верными и послушными.

Сейчас я спрашиваю Вас,сделали ли Вы на допросе следующее заявление:

"Вопрос:Но Вы сказали это в конце присяги,после того как все подняли руки и произнесли слова присяги.Сказали ли Вы следующее: - "Вы приняли эту присягу и будь проклят тот,кто нарушит ее ."

"Ответ:Да,я с этим согласен и должен сказать,что я сам нарушил ее.

"Вопрос:Хотите ли Вы сказать,что,когда Вы призывали принять присягу присутствующих,Вы сами тогда уже нарушали присягу?

"Ответ:К сожалению,я должен сказать, что к тому времени в душе моя верность уже потерпела серьезные потрясения,но я надеялся,что в конце концов все образуется."

ШАХТ. Я очень рад ,что Вы процитировали это место,так как оно подтверждает именно то,что я только что сказал,а именно,что я тогда уже сомневался,но я все-таки еще надеялся,что все уладится,что Гитлер пойдет по правильному пути развития.Таким

образом, процитированный Вами отрывок подтверждает то, что я только что сказал.

Г-н ДЖЕКСОН. Но, доктор Шахт, я уверен, что мы оба намереваемся содействовать друг другу.

ШАХТ. Я убежден, господин Джексон, что мы оба желаем установить истину.

Г-н ДЖЕКСОН. Ну, хорошо. Вы, конечно, остались в имперском банке после аншлюсса ?

ШАХТ. Да.

Г-н ДЖЕКСОН. И Вы оставались там и позже, до января 1939 г., если эта дата правильна ?

ШАХТ. Да.

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо, а после аншлюсса в 1938-1939 г.г. наступил срок оплаты векселей "Мефо", которые были выпущены ранее?

ШАХТ. Срок оплаты первых мефо-векселей должен был наступить самое ранее весной 1939 года. Все они были выпущены со сроком оплаты в 5 лет. Я полагаю, что срок оплаты первых мефо-векселей, которые были выпущены весной 1934 года, должен был наступить весной 1939 года.

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо. Здесь у меня имеются ответы на вопросы и Вы поправите меня, если я ошибусь.

"Вопрос: Использовали ли Вы в рейхсбанке имевшиеся тогда денежные фонды? Я задам вопрос таким образом: Когда наступил срок оплаты векселей-мефо, что Вы с ними сделали ?

"Ответ: Я спросил министра финансов, сможет ли он оплатить их, потому что через пять лет он должен был их оплатить. Он должен был это сделать, кажется, в 1938-1939 годах. Первые векселя-мефо подлежали тогда оплате и он, конечно, сказал: "Я не могу".

Скажите, эта беседа между Вами и министром финансов произошла тогда, когда Вы еще были председателем рейхсбанка?

ШАХТ. Г-н судья, я сказал, что мы были несколько обеспокоены состоянием наших финансов, т.е. мы были обеспокоены тем, сможем ли мы оплатить эти векселя или нет. Я уже говорил здесь в Суде, что в первой половине 1938 года министр финансов столкнулся с рядом трудностей. Он пришел ко мне и попросил денег. На это я сказал ему: "Послушайте! В каком Вы положении! Вы же должны будете в ближайшее время оплачивать мефо-векселя. Вы к этому не подготовлены ?" Выяснилось - это было таким образом осенью 1938г., -что министр финансов не предпринял ничего для того, чтобы выполнить свое обещание, а именно - уплатить по мефо-векселям. Конечно, это привело к тому, что отношения между министром финансов и имперским банком сильно затруднились.

10129

H1200 – 0238

H1200 – 0239

Г-н ДЖЕКСОН.Ну,а налоги были недостаточны для того, чтобы оплатить эти векселя,не правда ли ?

ШАХТ.Так точно.Я уже вчера сказал,что тот риск,который заключался в самих векселях мефо и существование которого я с самого начала признавал,был бы устранен,если бы проводилась разумная финансовая политика,т.е. если бы с 1938 года было прекращено дальнейшее вооружение,а вместе с ним и безумные расходы,а полученные с налогов и займов деньги употребляли бы на оплату мефо векселей.

Г-н ДЖЕКСОН.В настоящий момент все,о чем я Вас спрашиваю, д-р Шахт,сводится к следующему: эти векселя не могли быть оплачены из налоговых сумм.

ШАХТ.Само собой разумеется.

Г-н ДЖЕКСОН. Они могли быть оплачены ?

ШАХТ.Само собой разумеется.Но самое удивительное состоит в том,что они не были оплачены.Имевшиеся же деньги были использованы для дальнейшего вооружения.Разрешите мне еще кое-что дополнить к Вашему заявлению,мистер Джексон.

Г-н ДЖЕКСОН.Нет,меня совсем не интересуют финансовые вопросы,меня интересует положение,в которое Вы попали ко времени Вашей отставки.

ШАХТ. Хорошо.

Г-н ДЖЕКСОН. Срок оплаты векселей Мефо наступил,но они не могли быть оплачены ?

ШАХТ.Должен был наступить в скором времени.

Г-н ДЖЕКСОН.Должен был наступить в скором времени ?

ШАХТ. Да,но они могли быть оплачены.Вы заблуждаетесь,если Вы думаете,что их нечем было оплатить.

Г-н ДЖЕКСОН.Да,но их нельзя было оплатить из налоговых сумм за текущий год ?

ШАХТ.Нет,это совершенно не так,как Вы говорите.Вы не заинтересованы слышать от меня такой ответ и Вы не хотите его слышать.Но я готов дать нужные раз'яснения.

Г-н ДЖЕКСОН.Ну,что-ж, Вы нам все довольно хорошо раз'яснили

ШАХТ.Вы сказали только что,что не заинтересованы выслушивать это раз'яснение.

Г-н ДЖЕКСОН.Ваша подписка на 4-й имперский заем 1938 г. дала неудовлетворительные результаты,не правда ли ?

ШАХТ.Результаты были мало радостными.Рынок капиталов не был хорошим.

H1200 – 0240

Г-н ДЖЕКСОН. И Вы докладывали о том,что общественная подписка на заем оказалась количественно недостаточной ? Что результаты оказались неудовлетворительными ?

ШАХТ. Так точно.

Г-н ДЖЕКСОН. Во время Вашего допроса разве Вы не дали на вопросы следователя следующий ответ:

"Вопрос: Но я спрашиваю Вас: на протяжении периода с 1-го апреля 1938 года по январь 1939 года Вы не продолжали финансировать вооружение ?

"Ответ:Сэр,иначе эти векселя мефо должны были быть оплачены государством,что не могло быть сделано,потому что у империи не было для этого денежных средств,и я не мог достать никаких средств,чтобы оплатить эти векселя,потому что эти средства поступили бы от налогов или займов.Поэтому я должен был продолжать принимать эти векселя мефо,что я,конечно,продолжал делать."

Дали ли Вы этот ответ ?

ШАХТ.Да,все было правильным.Но,пожалуйста,дайте мне высказаться.Это совершенно правильно.Министр финансов не предоставил свои средства для оплаты мефо-векселей,а предоставил имеющиеся суммы на вооружение.Если бы он использовал эти суммы для уплаты по векселям-мефо,то все было бы в порядке.

Г-н ДЖЕКСОН.И Вы принимали векселя мефо,что давало ему возможность использовать текущие имеющиеся доходы с целью продолжения осуществления планов перевооружения после 1938 года. Не так ли ?

ШАХТ.Господин Джексон,положение вещей было следующим:большая часть векселей была размещена на денежном рынке и рынке капиталов(мефо). Если же империя слишком много использовала для себя этот денежный рынок и рынок капиталов,то люди приносили эти мефо векселя в имперский банк.Имперский банк обещал принимать их.Это было полным срывом моей политики со стороны министерства финансов,политика,которая заключалась в том,что имперский министр финансов финансировал вооружения,вместо того,чтобы платить по векселям мефо,как он это обещал.

Г-н ДЖЕКСОН.И при сложившихся обстоятельствах Вы заняли такую политику позицию,которая привела бы,в конечном счете, к Вашему уходу из рейхсбанка ?

ШАХТ. Да.

Г-н ДЖЕКСОН.Теперь мы переходим к Чехословакии.Скажите, Вы одобряли политику присоединения Судетской области при помощи угрозы прибегнуть к оружию ?

10121

H1200 – 0240

H1200 – 0241

ШАХТ.Нет,вовсе нет.

Г-н ДЖЕКСОН. Я полагаю,что Вы охарактеризовали метод присоединения Судетской области,как неправильный и достойный порицания.

ШАХТ.Что-то я не знаю,когда я это сделал.Я сказал,что союзники в результате своей политики подарили Гитлеру Судетскую область,в то время ,как я все время ожидал,что судетским немцам будет предоставлена автономия.

Г-н ДЖЕКСОН.Тогда Вы одобряли политику Гитлера в отношении Судетской области ?Вы хотите,чтобы Вас так поняли ?

ШАХТ.Я никогда ничего не знал о том,что Гитлер требовал еще чего-то помимо автономии.

Г-н ДЖЕКСОН.Ваша единственная критика по вопросу Судетской области относилась только к союзникам,насколько я понимаю ?

ШАХТ.Это значит,что она относилась также и к чехам и к самим немцам.Я не хочу играть здесь роль судьи,Боже меня сохрани,но я имею в виду...

Г-н ДЖЕКСОН. Ну,хорошо.Я спрашиваю Вас следующее: 16 октября 1945 года в документе США-636,дали ли Вы следующие ответы на вопросы ?

"Вопрос: Вернемся к выступлению против Чехословакии,за которым последовала умиротворяющая политика Мюнхена и передача Судетской области империи.

"Ответ: Да.

"Вопрос: Скажите,Вы тогда одобряли политику приобретения Судетской области?

"Ответ: Нет.

"Вопрос:Одобряли ли Вы в то время политику угрозы Чехословакии оружием для того,чтобы присоединить Судетскую область?

"Ответ:Нет,конечно,нет.

"Вопрос:Тогда я Вас спрашиваю,скажите,поразило ли Вас в то время или дошло ли до Вашего сознания то,что Гитлер угрожал Чехословакии именно вооруженными силами и военной промышленностью ?

"Ответ:Он не мог этого сделать без вооруженных сил."

Скажите,Вы дали эти ответы?

ШАХТ.Так точно.

Г-н ДЖЕКСОН.Продолжаем дальше:

"Вопрос: Считали ли Вы тот метод,который он применял к судетскому вопросу,неправильным или достойным порицания?

"Ответ: Да.

"Вопрос: Скажите, Вы так действительно считали?

"Ответ: Да, сэр.

"Вопрос: Разве в то время Вы не считали, на основании предшествовавших событий и Вашего участия в них, что эта армия, которую он использовал в качестве угрозы по отношению к Чехословакии, была, по крайней мере, частично Вашим собственным созданием? Поразило ли Вас это когда-нибудь ?

"Ответ: Я не могу этого отрицать, сэр.

ШАХТ. Конечно, нет.

Г-н ДЖЕКСОН. Но, опять-таки, Вы стали помогать Гитлеру, когда действия Гитлера оказались успешными ?

ШАХТ. Как Вы можете говорить такие вещи ! Ведь я же не знал, что г-ну Гитлеру армия будет нужна для того, чтобы угрожать другим нациям !

Г-н ДЖЕКСОН. После того как он это сделал, Вы явились и приняли на себя чешский банк, не правда ли ?

ШАХТ. Конечно.

ДЖЕКСОН: Хорошо Вы производили расчистку в экономическом отношении захваченных Гитлером территорий, не правда ли ?

ШАХТ: Но, простите пожалуйста. Ведь он же не взял эту страну силой. Союзники просто подарили ему эту страну. Все вопросы были раз решены мирным путем.

Г-н ДЖЕКСОН: Ну, в этом отношении у нас имеются Ваши показания о роли , которую в этом сыграли вооруженные силы и о той роли, которую Вы сыграли в создании вооруженных сил.

ШАХТ: Я этого никогда не отрицал.

Г-н ДЖЕКСОН: Ну, хорошо. Я имею в виду следующее в Вашем допросе от 17 октября .

" Вопрос: После захвата Судетской области, согласно Мюнхенскому соглашению, Вы, как председатель имперского банка, предприняли ли что -либо в отношении Судетской области ?

" Ответ: Мне кажется, что мы взяли в свои руки филиалы Чешского эмиссионного банка".

10123

H1200 – 0242

H1200 – 0243

Г-н ДЖЕКСОН: И Вы также приняли меры в отношении денежного обращения ?

ШАХТ: Да, я это сделал.

Г-н ДЖЕКСОН: Так вот, что Вы сделали после этого неправильного и подлежащего порицанию действия Гитлера, не правда ли ?

ШАХТ: Гитлер не совершил несправедливого и подлежащего порицанию действия, а получил путем переговоров область судетских немцев. Само собой разумеется, что валюта и институт руководящий финансированием, должны были быть подвергнуты слиянию с германской валютой. О несправедливости здесь не может быть и речи. Я не могу себе представить, чтобы союзники поставили свою подпись под чем-то несправедливым.

Г-н ДЖЕКСОН: Итак Вы считаете, что все, что было до Мюнхена, было правильным ?

ШАХТ: Нет, я придерживаюсь совершенно другого мнения. Я считаю, что было совершенно много несправедливо.

Г-н ДЖЕКСОН: Присутствовали ли Вы в зале суда, когда Геринг показал о том, что он угрожал бомбить Прагу, " этот прекрасный город Прагу" ?

ШАХТ: Благодаря Вашему приглашению я находился в зале суда.

/ смех в зале /.

Г-н ДЖЕКСОН: Так. Я полагаю, что Вы одобряли использование мощи вооруженных сил, созданию которых Вы помогали ?

ШАХТ: Я всегда, при всех обстоятельствах отрицательно относился к этому.

Г-н ДЖЕКСОН: В таком случае, Вы не считали это правильным ?

ШАХТ: Нет, нет я считал это отвратительным делом.

Г-н ДЖЕКСОН: Ну, хорошо. Мы нашли кое-что в чем Вы с нами согласны, доктор. Вы знали о вторжении в Польшу ?

ШАХТ: Так точно.

Г-н ДЖЕКСОН: Вы рассматривали это как неслыханный акт агрессии со стороны Гитлера ?

ШАХТ: Так точно.

Г-н ДЖЕКСОН: То же самое относилось и к вторжению в Люксембург ?

ШАХТ: Совершенно верно, то же самое.

Г-н ДЖЕКСОН: И на территорию Голландии ?

ШАХТ: Совершенно верно.

Г-н ДЖЕКСОН: И на территорию Дании ?

ШАХТ: Так точно.

ДЖЕКСОН: И Норвегии ?

ШАХТ: Так точно.

ДЖЕКСОН: И Югославии ?

ШАХТ: Так точно.

ДЖЕКСОН: И России ?

ШАХТ: Абсолютно верно. И еще Норвегия и Бельгия, о которых Вы забыли, сэр / смех в зале /.

10125

H1200-0244

H1200 – 0245

Г-н ДЖЕКСОН: Хорошо, я действительно дошел до конца документа. И все это было преследованием агрессивных целей ?

ШАХТ: Которые заслуживают полнейшего осуждения.

Г-н ДЖЕКСОН: И успехи этой аггрессии на каждом шагу об"яснялись мощью вооруженных сил, созданию которых Вы так много помогли ?

ШАХТ: К сожалению , да.

Г-н ДЖЕКСОН (Трибуналу): Теперь я намериваюсь перейти к другой теме, но может быть... сейчас почти время сделать перерыв.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас мы сделаем перерыв.

/ Об"является перерыв на 10 минут /

Комендант суда. Господа судьи, сообщается , что подсудимый фон Нейрат отсутствует на этом заседании.

Г-н ДЖЕКСОН: Доктор Шахт, во время Вашего прямого допроса Вы сослались на фильм, который был заснят и показывался в Германии в целях пропаганды по случаю возвращения Гитлера после падения Франции.

ШАХТ: Разрешите мне уточнить. Я не говорил о фильме, а говорил об этом мой адвокат. Здесь также не говорилось о том, что он был использован в целях пропаганды. Мой защитник говорил, что этот фильм был показан в еженедельной хронике. Таким образом, он демонстрировался, вероятно в течение недели.

Г-н ДЖЕКСОН: (Трибуналу): Я попрошу показать этот фильм Трибуналу, он очень короткий и идет очень быстро. В нем мало текста для перевода, но темп такой быстрый, что я должен был дважды просмотреть его для того, чтобы разобрать, что именно там показано.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите представить его сейчас ?

Г-н ДЖЕКСОН: Я хотел бы показать его сейчас, это займет совсем мало времени. Доктора Шахт следует посадить так, чтобы он имел возможность видеть его, так как я намериваюсь задать ему несколько вопросов , в частности для того, чтобы он опознал ряд знакомых ему лиц. Я попрошу показать фильм дважды, чтобы Вы имели возможность рассмотреть то, что там изображено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Конечно.

/ Начинается демонстрация фильма, о котором говорил судья Джексон /.

10127

H1200 – 0246

H1200-0247

Г-н ДЖЕКСОН: Мне кажется, что, упомянув об этом доказательстве, которое я хочу представить Суду, я сказал, что это "пропагандистский фильм". Д-р Дикс не употребил этого выражения. Д-р Дикс сказал про него, что это еженедельный хроникальный фильм и еженедельный кино-журнал.

/Подсудимому/: Итак, пока еще этот фильм свеж в нашей памяти, я прошу Вас назвать суду всех подсудимых, которых Вы узнали в этом фильме.

ШАХТ: Во время этого быстрого просмотра я не мог заметить всех тех, кто там был. Но я предполагаю, что там присутствовали почти все. Об этом я говорю не на основании фильма, а по памяти. Они находились либо в свите Гитлера, либо среди встречавших его.

Г-н ДЖЕКСОН: В то время как Вы еще были председателем рейхсбанка и после принятия на себя управления Чехословацким банком Вы произнесли речь 29 ноября 1938 года. Это так?

ШАХТ: Да.

Г-н ДЖЕКСОН: Это документ ПС-611, доказательство Соединенных Штатов 622. Мне подсказывают, что фильм является доказательством Соединенных Штатов 835. И прежде чем закончить с ним, я хочу представить заявление в отношении личности Германа Геринга, которое содержится в документе Соединенных Штатов 3935-ПС, доказательство Соединенных Штатов-836.

В этой речи от 29 ноября 1938 года, если меня правильно информировали, д-р Шахт... - между прочим, это была речь для открытой аудитории, не правда ли?

ШАХТ: Да, поскольку она была произнесена в германской академии. Таким образом, это была публичная речь. Если цензура пропустила ее, то о ней наверняка упоминалось и в

H1200 – 0248

печати. Выступление мое было публичным, и любой мог слышать ее.

Г-н ДЖЕКСОН: Вы, не правда ли, в ней сказали следующее:

"Возможно, что в мирное время ни один эмиссионный банк не проводил такой смелой политики кредита, как рейхсбанк, со времени захвата власти национал-социалистами. Однако Германия при помощи такой политики кредита создала первоклассное вооружение, и это вооружение, в свою очередь, сделало возможными наши успехи".

Правильно это?

ШАХТ: Это совершенно правильно и... Позвольте мне, пожалуйста, сказать. Это правильно, и я очень удивлялся, что потребовалось делать такие вещи для того, чтобы создать справедливость в мире.

Г-н ДЖЕКСОН: Захват Чехословакии соответствует Вашему понятию о справедливости?

ШАХТ: Я уже говорил Вам, что Германия не захватила Чехословакии. Чехословакия была преподнесена Германии союзниками.

Г-н ДЖЕКСОН: Говорите ли Вы теперь, что это было справедливым действием или Вы осуждаете его? Я никак не могу понять, какова Ваша точка зрения, доктор. Скажите нам, пожалуйста, Вы были за это? Сейчас Вы высказываетесь за или против?

ШАХТ: Против чего? Скажите мне, пожалуйста, что Вы имеете в виду, когда говорите "против" или "за".

Г-н ДЖЕКСОН: Против захвата Судетской области теми методами, которые были осуществлены?

ШАХТ: Я не могу ответить на Ваш вопрос, так как я уже сказал, что имел место не захват, а подарок. Если мне

делается такой подарок, как этот, то я с благодарностью принимаю его.

Г-н ДЖЕКСОН: Даже если это не принадлежит тому, кто делает этот подарок?

ШАХТ: Да, а судить об этом я предоставляю тем, кто делает такой подарок.

Г-н ДЖЕКСОН: Даже если бы этот подарок был добыт при помощи оружия, Вы тоже приняли бы этот подарок?

ШАХТ: Нет, он не был добыт при помощи оружия.

Г-н ДЖЕКСОН: Хорошо, тогда мы перейдем к Вашей речи. Вы сказали также следующее:

"Вместо слабого и неустойчивого правительства, сегодня правит единая, целеустремленная, энергичная личность. Это великое чудо, которое произошло в Германии и которое повлияло на все области жизни, и в том числе значительно и в области экономики и финансов. Германского финансового чуда нет. Есть только чудо, заключающееся в пробуждении германского национального самосознания и германской дисциплины. И мы обязаны этим чудом нашему фюреру Адольфу Гитлеру".

Вы сказали это?

ШАХТ: Да, конечно. В этом выражалось мое громадное удивление.

Г-н ДЖЕКСОН: Как министр без портфеля, в чем заключались Ваши обязанности?

ШАХТ: Ни в чем.

Г-н ДЖЕКСОН: Кто были Ваши сотрудники?

ШАХТ: Я имел лишь одну секретаршу.

Г-н ДЖЕКСОН: Какими служебными помещениями Вы располагали?

ШАХТ: У меня было две или три комнаты в моей собствен

10130

H1200 – 0249

H1200 – 0250

ной квартире, которые я оборудовал под служебное помещение.

Г-н ДЖЕКСОН: Итак, правительство даже не предоставило Вам конторы?

ШАХТ: Да, но мне платили деньги за наем квартиры.

Г-н ДЖЕКСОН: С кем Вы встречались в качестве министра без портфеля?

ШАХТ: Я не понимаю Вашего вопроса. С кем встречался?

Г-н ДЖЕКСОН: Были ли у Вас какие-либо совещания? Должны ли Вы были присутствовать на каких-либо официальных совещаниях?

ШАХТ: Я неоднократно показывал здесь, что я после ухода из рейхсбанка не участвовал ни в одной конференции и ни в одном совещании служебного или официального характера.

Г-н ДЖЕКСОН: Отчитывался ли кто-либо перед Вами или Вы отчитывались перед кем-либо?

ШАХТ: Нет, ни мне не делали отчета, ни я не делал такового.

Г-н ДЖЕКСОН: В таком случае, насколько я понимаю, у Вас не было никаких обязанностей на этом посту?

ШАХТ: Совершенно правильно.

Г-н ДЖЕКСОН: И Вы были министром без портфеля в то время, когда Гитлер вернулся из Франции и Вы присутствовали при его встрече на вокзале? И Вы направились в рейхстаг и слышали его речь?

ШАХТ: Да.

Г-н ДЖЕКСОН: Итак, несмотря на Ваш уход с поста председателя рейхсбанка, правительство продолжало платить Вам полностью ваше жалованье до конца 1942 года, не так ли? 11131

H1200 - 0251

ШАХТ: Я уже вчера показал, что это неправильно. Я получал свое жалование в имперском банке, которе, согласно договору, я должен был получать.

Я не получал жалования, которое обычно получает министр. Мне кажется, что, будучи министром, я получал некоторое количество денег на расходы. Но жалования, которое положено министру, я не получал.

Г-н ДЖЕКСОН: Я возвращаюсь к Вашему допросу от 9 октября 1945 года и спрашиваю Вас, давали ли Вы следующие ответы на следующие вопросы во время упомянутого допроса:

"Вопрос: Какое жалование Вы получали, будучи министром без портфеля?

"Ответ: Я не могу сказать этого точно. Я думаю, что это было примерно 24 тысячи марок - или 20 тысяч марок. Я не могу сказать точно, но это было в счет моего жалования, и позже-моей пенсии, которые я получал от рейхсбанка. Таким образом, мне не платили параллельно.

"Вопрос: Другими словами, содержание, которое Вы получали, как министр без портфеля, в течение периода, когда Вы были также председателем рейхсбанка, вычиталось из Вашего жалования, получаемого от рейхсбанка?

"Ответ: Да.

"Вопрос: Однако, после того, как Вы прекратили отношения с рейхсбанком в январе 1939 г., получали ли Вы полное содержание?

"Ответ: Я получал полное содержание, потому что мой договор был действителен до конца 1942 года.

"Вопрос: Итак, Вы получали полное содержание до конца 1942 года?

"Ответ: Полное содержание, но ничего сверх этого содержания. Но с I января 1942 г. я стал получать пенсию

от рейхсбанка и опять-таки жалование, которое я получал от министерства, из нее вычиталось или наоборот. Какая сумма была больше - я не знаю. От рейхсбанка я получал пенсию в 30 тысяч марок".

Г-н ДЖЕКСОН. А 11 июля 1945 г. в Рускине, Вы дали следующие ответы при допросе:

"Вопрос: Когда был заключен Ваш договор?

"Ответ: В 1937 году. С 3 марта 1939 года, затем 1940 г., 1941-й и 1942 год. Четыре года. Договор на четыре года.

Вопрос: Таким образом, Вы получили жалование за четыре года?

"Ответ: Я вам так и сказал. После 1942 г. я получал пенсию от Рейхсбанка.

"Вопрос: Каков был размер Вашего жалования и всех других доходов от Рейхсбанка?

"Ответ: Весь доход от рейхсбанка, включая мой гонорар по представительству, достигал 60 тысяч марок в год, а пенсия равнялась 24 тысячам марок. Видите ли, договор мой был на короткий срок, но пенсия была большая. В качестве имперского министра без портфеля, я получал еще, кажется, 20 или 24 тысячи марок".

Г-н ДЖЕКСОН. Ну, как, это - правильно?

ШАХТ. Эти жалования числились на бумаге. Сейчас они все были правильно перечислены. Я уже сказал, что я получал жалование только из одного источника. Меня спросили, какое жалование я получал будучи имперским министром. Я сказал какое. Однако, мне этого жалования не выплачивали. Оно вычитывалось из того жалования, которое я получал как президент имперского банка. Что касается пенсии, то я как вижу, она в одном случае названа неправильно. Мне кажется, что я получал только 24 тысячи марок, а здесь же указывалось 30 тысяч марок. Что касается моих личных денежных дел, то я в них менее точно осведомлен, чем в денежных делах того ведомства, где я работал Во всяком случае, мне платили только в одном месте, а именно - в основном в рейхсбанке. Об этом здесь также говорится не совсем точно. Контакт же мой кончился не в конце 1942 г., а в конце июня 1942 г. С этого времени мне выплачивали пенсию. Пенсия опять-таки выплачивалась мне только в одном месте.Как все это рассчитывали между собой рейхсбанк и министерство - я не знаю.

Г-н ДЖЕКСОН. Хорошо. Вы имели право как на содержание, так и на пенсию, и одно шло в счет другого; Вы это подразумеваете? И это продолжалось до тех пор, [illegible]

10133

H1200 – 0252

H1200 – 0253

Вы входили в состав руководства режима?

ШАХТ: Такой порядок существует и по сегодня, он не имеет ничего общего с режимом. Я надеюсь, что я еще получу свою пенсию, в противном случае на что же я буду жить?

Г-н ДЖЕКСОН: Я думаю, что Ваши расходы на содержание будут невелики, доктор.

/В зале смех/.

Когда генерал Бек ушел в отставку, он попросил Вас также уйти в отставку?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту. Нет никакой необходимости ни для кого из присутствующих в суде выражать свое веселье смехом.

Г-н ДЖЕКСОН/продолжает/: Попросили ли Вас уйти в отставку тогда, когда ушел в отставку генерал Бек?

ШАХТ: Нет, он мне этого не говорил.

Г-н ДЖЕКСОН: Помните ли Вы показания, данные здесь Гизевиусом?

ШАХТ: Да, однако в этом пункте Гизевиус заблуждался.

Г-н ДЖЕКСОН: Во всяком случае, когда генерал Бек ушел в отставку, Ваше внимание было резко обращено на это?

ШАХТ: Он посетил меня и сообщил мне об этом за несколько дней до своей отставки. Я полагаю, что это было в конце августа или начале сентября 1938 года.

Г-н ДЖЕКСОН: И Вы говорите, что Вам в то время не было сделано никаких предложений, чтобы Вы ушли в отставку вместе с Беком?

ШАХТ: Нет, об этом тогда ничего не говорилось. Бек был в моей комнате и чего-либо подобного он не говорил. Между мной и им эти вопросы не обсуждались.

Г-н ДЖЕКСОН: Приходило ли Вам когда-нибудь в голову, что уход в отставку явился бы выражением Вашего протеста

против мероприятий, о которых Вы сейчас говорите, что Вы их не одобряли?

ШАХТ: Нет. Мне кажется, что отставка не была таким средством, с помощью которого можно было бы добиться того что должно было произойти. Я весьма сожалел, что Бек ушел в отставку. То, что произошло, г-н Джексон, было следствием совершенно неверной политики, которая частично была навязана нам, а частично, к сожалению, проводилась неправильно нами самими. В феврале Нейрат был уволен в отставку. Осенью имела место отставка Бека. В январе 1939 года я был уволен в отставку. Таким образом, постепенно снимали одного за другим. Если бы было возможно осуществить то, на что наша группа/если можно сейчас говорить о группе/ надеялась и чего она ожидала, то-есть если бы мы смогли осуществить какие-либо совместные действия, то это было бы отлично. Но эти отдельные отставки не имели никакой цели, и уж во всяком случае не привели ни к каким успехам.

Г-н ДЖЕКСОН: Вы считали, что Бек должен был оставаться на своем посту и, таким образом, быть нелойяльным по отношению к главе государства?

ШАХТ: Совершенно правильно.

Г-н ДЖЕКСОН: И, во всяком случае, Вы продолжали во всех Ваших ~~публикуемых~~ публичных высказываниях в течение периода до падения Франции занимать такую позицию, которой Вы показывали свое участие в правительстве и в режиме?

ШАХТ: Нет, я никогда не рассматривал себя частью режима в таком смысле, так как я был против него. Но я, само собой разумеется, стремился добиться отставки с осени 1938 года, так как я увидел, что Гитлер не только не прекращает вооружения, а наоборот, вооружается даль-

10125

H1200 – 0254

H1200 – 0255

ше. Я также увидел, что я совершенно бессилен противодействовать этому.

Г-н ДЖЕКСОН: Хорошо. Когда Вы начали действовать, чтобы добиться Вашей отставки?

ШАХТ: Простите, я не расслышал. Добиться чего?

Г-н ДЖЕКСОН: Когда Вы начали действовать, чтобы добиться Вашей отставки с занимаемых Вами должностей?

ШАХТ: После Мюнхенского соглашения и после того, как мы увидели, что нам не добиться от Гитлера разоружения или прекращения вооружения и что мы не можем противодействовать дальнейшему вооружению. После этого мы начали обсуждать данный вопрос в кругу директората имперского банка. Нам стало ясно, что мы не можем продолжать курс дальнейшего вооружения в будущем. Таким образом, это был последний квартал 1938 года.

Г-н ДЖЕКСОН: И Вы никогда не считали все эти события, которые Вы не одобряли, совершенно достаточными для того, чтобы послужить основанием для Вашей отставки и помешать дальнейшему использованию Вашего имени в связи с этим режимом?

ШАХТ: Я до тех пор все еще надеялся, что я смогу добиться поворота событий в лучшую сторону. В силу этого я согласился выносить все те неудобства, которые были связаны с моим дальнейшим пребыванием на своем посту, поскольку я хотел избежать опасности быть подвергнутым в будущем такой оценке, какой меня подвергают сегодня.

Г-н ДЖЕКСОН: Вы продолжали разрешать использовать Ваше имя как в стране, так и для заграницы, несмотря на то, что Вы не одобряли, как Вы говорите, вторжения в Польшу?

ШАХТ: Моего разрешения на это никогда не спрашивали, 10136
и я никогда не давал его.

H1200 – 0256

Г-н ДЖЕКСОН: Вы знали очень хорошо, не так ли, что Ваше имя имело очень большое значение для этой группы в любое время и что Вы были одним из очень немногих людей в этой группе, которые имели некоторый вес заграницей?

ШАХТ: Что касается первого утверждения, то я уже вчера принял его в качестве комплимента с Вашей стороны. Что касается второго утверждения, то оно неправильно. Я думаю, что и некоторые другие деятели режима также имели вес заграницей, среди них также некоторые из тех, которые сегодня сидят вместе со мной на скамье подсудимых.

Г-н ДЖЕКСОН: У любого иностранного обозревателя, который следил за происходящим в Германии, создалось бы впечатление о том, что Вы постоянно поддерживали режим до тех пор, пока Вас не лишили поста министра без портфеля, не правда ли?

ШАХТ: Это совершенно неправильно. Как я уже неоднократно говорил вчера и сегодня в ходе допроса, иностранное радио постоянно упоминало меня, как противника системы. Все мои друзья и знакомые заграницей/ а их было очень много/ знали, что я был противником этой системы и действовал против нее. И если мне сегодня назовут корреспондента, который этого не знал, то он, значит, не понимал толка в своем деле.

Г-н ДЖЕКСОН: Вы ссылаетесь на письмо, которое Вы написали нью-йоркскому банкиру Леону...

ШАХТ: Леону Фрэзир.

Г-н ДЖЕКСОН: В то время, когда Вы послали это письмо в Швейцарию, в Берлине был дипломатический представитель США, не так ли?

ШАХТ: Да.

Г-н ДЖЕКСОН: И Вы знали, что он отправлял в Вашингтон дипломатическую почту, по крайней мере, каждую неделю

и даже обычно каждый день?

ШАХТ: Этого я не знал, но предполагал.

Г-н ДЖИКСОН: И если бы Вы захотели связаться с правительством США или с каким-либо официальным лицом в США, Вы могли бы связаться с ними обычными путями?

ШАХТ: Я вовсе не желал вступать в связи с американским правительством или с каким-либо американским чиновником. Я желал лишь вновь установить связь с одним из моих друзей, который пригласил меня в январе приехать в Америку. Как раз я и хотел в январе возобновить переписку между ним и мною.

Г-н ДЖИКСОН: Мы на этом закончим с делом Фрэзира.

Далее, доктор Шахт, когда Вы были министром без портфеля, согласно Вашим показаниям, были начаты агрессивные войны - против Польши, Дании и Норвегии в апреле 1940 г., против Голландии и Бельгии - в мае 1940 г.; в июне было перемирие с Францией и ее капитуляция; в сентябре 1940 г. имел место тройственный пакт между Германией, Италией и Японией; в апреле 1941 г. произошло нападение на Югославию и Грецию, которые, как Вы говорите, было агрессивным; в июне 1941 г. произошло вторжение в Советскую Россию, которое, как Вы сказали, было агрессивным; 7 декабря 1941 г. японцы напали на Пирл-Харбор и после нападения об"явили войну США, 8 декабря 1941 г. США об"явили войну Японии, но не Германии; 11 декабря 1941 г. Германия и Италия об"явили войну США. И все это произошло в области внешней политики, а Вы продолжали оставаться на посту министра без портфеля гитлеровского правительства, не так ли?

ШАХТ: Г-н судья...

Г-н ДЖИКСОН: Является это фактом или нет?

ШАХТ: Да, и я хочу кое-что добавить сейчас. Десятки

10198

H1200 - 0257

H1200 – 0258

свидетелей, которые здесь выступали, говорили/ я и сам всегда это говорил!/, что невозможно было самому уйти со своего поста. Если глава правительства назначил меня министром, то его подпись также необходима и в том случае, когда я ухожу в отставку. Далее Вам здесь говорили, что я в самые различные периоды пытался отделаться от этого поста министра. Я, кроме показаний этих свидетелей, могу привести также огромное количество показаний американцев о том, что Гитлер никогда никому не позволял уйти в отставку без его санкции. А теперь Вы меня обвиняете в том, что я оставался на своем посту. Я остался не для своего удовольствия, а из-за того, что у меня не было никакой другой возможности, как со скандалом оставить свой пост. Я почти все время пытался вызвать этот скандал. Наконец, в январе 1943 г. мне удалось вызвать этот скандал, и затем с некоторой опасностью для жизни уйти со своего поста.

Г-н ДЖЕКСОН: Хорошо. Позднее я вернусь к Вашему об"яснению. Сейчас я подбираю факты.

Вы открыто не порвали с Гитлером, таким образом, Вы полностью не ушли с Вашей должности после того, как началось германское наступление на Россию и до тех пор, пока германская армия не стала отступать и пока не высадились войска союзников в Африке, не правда ли?

ШАХТ: Письмо, благодаря которому мне удалось успешно добиться разрыва, датировано 30 ноября 1942 года. Разрыв и осуществление моих желаний относится к 21 января 1943 года, так как Гитлеру и Герингу и всем прочим, кто принял участие в обсуждении этого вопроса, понадобилось семь недель для того, чтобы уяснить себе выводы, которые следовали из моего письма.

Г-н ДЖЕКСОН: Таким образом, из Вашего письма явствует

что Вы считали, что корабль тонет, не правда ли? То-есть, что война проиграна?

ШАХТ: Об этом свидетельствуют мои устные и письменные заявления, относящиеся к значительно более раннему периоду. Здесь, на Суде, я уже также говорил об этом. Я говорил здесь о письмах к Риббентропу и Функу, я говорил об этом в целом ряде других заявлений, которые показывают, что я никогда не верил в возможность победы Германии. Тот факт, что я ушел со своего поста, не имеет ничего общего с этим.

Г-н ДЖИКСОН: Итак, пока Вы оставались министром без портфеля, поскольку Вы считали, что было опасно уйти в отставку, Вы подстрекали генералов армии к действиям измены против главы государства, не так ли?

ШАХТ: Да и сейчас я хотел бы сделать еще одно замечание. Я не смог уйти раньше со своего поста не потому, что жизнь моя была бы в опасности. Я не боялся того, что жизнь моя будет в опасности, так как начиная с 1937 г. я жил под постоянной угрозой для жизни и был предоставлен произволу партии и ее верховного руководителя. На Ваш вопрос о том, пытался ли я побудить большое количество генералов осуществить государственную измену - я отвечаю положительно.

Г-н ДЖИКСОН: И Вы также пытались обеспечить убийц для того, чтобы убить Гитлера?

ШАХТ: В 1938 г., когда мною была предпринята первая попытка———, я еще не думал об убийстве Гитлера. Однако, я должен признать, что позже я сказал: если ничего другого сделать нельзя, то мы должны убить этого человека, как только представится возможность.

Г-н ДЖИКСОН: Сказали ли Вы, д-р Шахт: "Мы должны

H1200 - 0259

H1200 – 0260

убить его" или же Вы сказали: "Кто-либо другой должен убить его"?

ШАХТ: Если бы была возможность, я сам бы убил его, я сам. Однако, я прошу не предавать меня за эту попытку к убийству немецкому суду, так как, само собой разумеется, что в этом смысле я виноват.

Г-н ДЖЕКСОН: Итак, какова бы ни была Ваша деятельность, она никогда не была достаточно открытой для того, чтобы в иностранных архивах во Франции, которые, как Вы сказали, гестапо обследовало, она была каким бы то ни было образом отображена.

ШАХТ: Я не мог, безусловно, заранее сообщать об этих фактах в газетах.

Г-н ДЖЕКСОН: А гестапо, несмотря на все поиски улик против Вас, так и не получило возможности арестовать Вас до 20 июля, когда было произведено покушение на жизнь Гитлера?

ШАХТ: Оно могло бы давно арестовать меня, если бы было несколько умнее. Однако, мне кажется, что это специальная особенность всякой полиции.

Г-н ДЖЕКСОН: И только в 1943 году гитлеровский режим удалил Вас в отставку? Очевидно, до тех пор руководители режима считали, что Вы приносите больше пользы, чем вреда.

ШАХТ: Какие мысли у них были при этом, я не знаю. Я прошу меня об этом не спрашивать. Об этом Вы должны спросить какого-нибудь руководителя режима, тем более что у Вас под руками имеются таковые.

Г-н ДЖЕКСОН: Вы утверждаете сейчас, что Вы знали о предполагаемом покушении на жизнь Гитлера 20 июля?

ШАХТ: Да, я знал о нем.

Г-н ДЖЕКСОН: Вам известно, что Гизевиус говорит, что Вы не знали об этом?

10/11

ШАХТ: Я уже вчера сказал, что я не только знал об усилиях, которые предпринимались со стороны Герделера, но что я был совершенно точно информирован обо всем через генерала Линдемана. Кроме того, здесь ведь по этому вопросу оглашали показания полковника Гронау. Я говорил здесь также, что я не сообщал об этом моим друзьям потому что мы совместно договорились ничего никому не сообщать о том, о чем он мог бы проговориться во время пыток его со стороны гестапо.

Г-н ДЖИКСОН: Припоминаете ли Вы, что Гизевиус сказал, что только три гражданских лица знали об этом заговоре, тайна которого тщательно сохранялась военными кругами?

ШАХТ: Вы видите, что и Гизевиус не знает всех деталей. Он, конечно, не мог показать больше того, чем он знал.

Г-н ДЖИКСОН: Итак, доктор Шахт, мы оценим Ваши показания в свете тех фактов, что Вы лично в течение долгого периода времени следовали по пути саботажа политики Вашего правительства и измены против главы государства, вместо того, чтобы открыто полностью отказаться от своей должности в его правительстве.

ШАХТ: Вы все время говорите о моей отставке. Я Вам сказал и доказал, что отставка была невозможна. Вследствие этого Ваш вывод неправилен.

Г-н ДЖИКСОН: Хорошо. Сейчас мы посмотрим. Во время Вашего допроса 16 октября 1945 г./доказательство США-636/ Вам были заданы некоторые вопросы о генералах армии. Я спрашиваю Вас, ставились ли Вам следующие вопросы и давали ли Вы на них следующие ответы:

"Вопрос: Предположим, что Вы являлись бы начальником

10142

H1200 – 0261

H1200-0262

генштаба, а Гитлер решил бы напасть на Австрию, Вы сказали бы, что имеете право уйти из генерального штаба?

"Ответ: Я бы сказал: "Удалите меня в отставку, сэр.

"Вопрос: Вы бы это сказали?

"Ответ: Да.

"Вопрос: Итак, Вы считаете, что любой офицер мог в любое время уйти, если бы он считал, что моральное положение таково, что он больше не может продолжать оставаться на своем посту?

"Ответ: Совершенно правильно.

"Вопрос: Другими словами, Вы считаете, что члены генерального штаба вооруженных сил, которым было поручено проведение в жизнь гитлеровских планов, действительно также виновны, как и он?

"Ответ: Вы задаете мне очень трудный вопрос, сэр, но я отвечаю на него: да".

Дали ли Вы эти ответы, не правда ли? Дали ли Вы эти ответы?

ШАХТ: Да, но я хотел бы сейчас сделать одно замечание по этому поводу, если суд разрешит мне это. Если бы когда-нибудь Гитлер дал мне аморальное задание, я отказался бы от его выполнения. Это - то, что я сказал о генералах. Я и сейчас подтверждаю те показания, которые Вы только что огласили.

Г-н ДЖЕКСОН/Трибуналу/: Ваша честь, я закончил его допрос. Но я хотел бы указать номера доказательств. - Петиция к Гинденбургу, на которую была сделана ссылка вчера, является номером 3901-ПС и становится доказательством Соединенных Штатов № 837 и затем допрос фон Бломберга от октября 1945 г. является документальным доказательством США № 838.

Д-р ЛАТЕРНЗЕР: Адвокат Латернзер, защитник

генерального штаба и ОКВ.

Господин председатель, я ходатайствую о том, чтобы показания подсудимого доктора Шахта, которые были ему сейчас пред"явлены и которые вошли тем самым в протокол, были вычеркнуты. Этот вопрос, насколько я его понял, гласил следующим образом: считает ли он генеральный штаб в такой же степени виновным, как и Гитлера? На этот вопрос доктор Шахт ответил во время допроса утвердительно. Вопрос, так же как и ответ, являются недопустимыми, так как свидетель не может дать такой оценки. В этом случае это является обязанностью суда. Исходя из этого, я ходатайствую о том, чтобы эти показания были вычеркнуты из протокола.

Г-н ДЖЕКСОН: Господа судьи, я, конечно, не предлагаю здесь высказываний Шахта в качестве доказательства против генерального штаба или какого-либо военного лица, дело которого разбирается в суде. Я полагаю, что эти показания служат, очевидно, для определения степени, в которой Шахту можно доверять. Я не думаю, что его мнение по вопросу о виновности кого-либо другого могло бы быть свидетельским показанием против этого другого лица; я думаю, что его мнение по этому вопросу является свидетельским показанием в отношении степени доверия к нему самому.

/К микрофону подходит защитник Дикс/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, пожалуйста, доктор Дикс.

ДИКС: Вопрос судьи Джексона не гласил: считает ли Шахт генералов виновными? Вопрос заключается в том, правильно ли, что Шахт во время допроса на предварительном следствии на тот или иной вопрос ответил тем или иным образом? Таким образом, это был вопрос относительно

1014

H1200 – 0263

H1200 – 0264

действительно имевших место событий в прошлом, а не вопрос относительно мнения или оценки, которые доктор Шахт должен дать здесь.

Я, как защитник Шахта, заинтересован в данном случае в том, чтобы следующие его слова не были вычеркнуты: "Я, Шахт, никогда бы не выполнил аморального приказа или аморального поручения Гитлера..."

Что касается остальной части показаний Шахта, то я, как защитник д-ра Шахта, заявляю о своей незаинтересованности в них.

ЛАТЕРНЗЕР: Господин председатель, после заявления г-на судьи Джексона я снимаю свои возражения.

/К микрофону подходит представитель Советского Обвинения генерал Александров/.

АЛЕКСАНДРОВ: Разрешите приступить к перекрестному допросу, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, пожалуйста.

АЛЕКСАНДРОВ: Подсудимый Шахт, отвечая на вопросы Вашего защитника, Вы сообщили, при каких обстоятельствах произошло Ваше первое знакомство с Гитлером и Герингом. Вы вспомнили даже при этом такую деталь, как гороховый суп с салом на ужине у Геринга.

Меня интересуют сейчас некоторые другие, но более существенные для дела подробности Ваших отношений с Гитлером и Герингом. Скажите, по чьей инициативе произошла Ваша первая встреча с Гитлером и Герингом?

ШАХТ: Я здесь уже рассказывал, что знакомый мне директор банка фон Штраус пригласил меня к себе на ужин для того, чтобы я встретился у него с Герингом. Встреча с Гитлером произошла по просьбе Геринга, который попросил меня посетить его дом, чтобы встретиться там с Гитлером.

10145

АЛЕКСАНДРОВ: По каким соображениям Вы приняли тогда приглашение встретиться с Гитлером и Герингом?

ШАХТ: Национал-социалистская партия тогда уже была одной из самых сильных партий в рейхстаге и имела 108 мандатов. Национал-социалистское движение в стране было исключительно сильным. По этой причине мне было вообще интересно познакомиться с руководящими деятелями этого движения, которых я до того момента вообще не знал.

АЛЕКСАНДРОВ: Но Вы заявили, что были приглашены Герингом сами? Почему именно Вас пригласил Геринг для этой встречи?

ШАХТ: Я прошу Вас спросить об этом господина Геринга.

АЛЕКСАНДРОВ: А Вы сами его не спрашивали?

ШАХТ: Господин Геринг имел желание, чтобы я познакомился с Гитлером или чтобы Гитлер познакомился со мной.

АЛЕКСАНДРОВ: Для чего, с какой целью?

ШАХТ: Об этом Вы должны спросить господина Геринга.

АЛЕКСАНДРОВ: Не считаете ли Вы, что Гитлер и Геринг намеревались, причем не безуспешно, привлечь Вас к участию в фашистском движении, зная Вас как видного в Германии деятеля в области экономики и финансов и как человека, разделяющего их взгляды?

ШАХТ: Я тогда не был информирован о намерениях этих обоих господ, однако, я могу себе представить, что им также было интересно познакомиться с господином Шахтом как и мне было интересно познакомиться с господами Гитлером и Герингом.

АЛЕКСАНДРОВ: Это ограничивалось простым интересом или это были другие соображения, имевшие политический характер? Вы понимали, что само по себе Ваше участие в фашистском движении было выгодно Гитлеру, поскольку Вы были известным в стране человеком?

10146

H1200 – 0265

H1200-0266

ШАХТ: Что касается меня, то мне было лишь интересно посмотреть, что это за люди. Что касается обоих господ, то я уже сказал, что я не знаю, в чем они были заинтересованы. Относительно участия в фашистском движении вообще не могло быть и речи. Я никогда в нем и не участвовал.

АЛЕКСАНДРОВ: Скажите...

ШАХТ: Я прошу разрешить мне закончить это. Сотрудничества с фашистским движением не было до июльских выборов в 1932 году. Я уже сказал, что мое знакомство с ними произошло в 1931 году, т.е. за полтора года до выборов. В эти полтора года сотрудничество не имело места.

АЛЕКСАНДРОВ: Только вот этими встречами ограничивалось Ваше знакомство с Гитлером и Герингом или Вы еще встречались с ними до прихода Гитлера к власти?

ШАХТ: До июля 1932 года я, может быть, видел один, два или три раза Гитлера и Геринга в отдельности. Точно я не могу сказать. Во всяком случае, о частых встречах не может быть и речи.

АЛЕКСАНДРОВ: Как Вы об"ясняете появление Вашего письма Гитлеру от 29 августа 1932 года, которым Вы предлагали ему свои услуги. Вы помните это письмо?

ШАХТ: Да.

АЛЕКСАНДРОВ: Как Вы об"ясняете его появление?

ШАХТ: Я об этом неоднократно говорил здесь. Покорнейше прошу Вас ознакомиться с этими показаниями.

АЛЕКСАНДРОВ: Повторите кратко еще раз.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если он уже сказал об этом однажды, этого достаточно.

АЛЕКСАНДРОВ: Когда и кем Вам впервые было сделано предложение принять участие в будущем гитлеровском

10147

H1200-0267

правительства и обещан пост президента имперского банка.

ШАХТ: Президент имперского банка никогда не занимал места в правительстве. Это был высший чиновник, находившийся вне состава правительства. Впервые речь зашла об этом 30 января 1933 года, когда я случайно встретился с Герингом в вестибюле отеля "Кайзергоф", который сказал мне: "А вот идет наш будущий президент имперского банка".

АЛЕКСАНДРОВ: Отвечая своему защитнику, Вы заявили, что фашистская теория превосходства расы является ничем иным, как болтовней, что фашистское мировоззрение не является вообще мировоззрением; что Вы были против разрешения проблемы жизненного пространства путем захвата новых земель; что Вы были против фюрерства в фашистской партии и по этому поводу выступали в академии права; что Вы были против фашистского метода уничтожения евреев.

Правильно это, Вы говорили это, отвечая на вопросы своего защитника?

ШАХТ: Да. Это мы здесь слышали оба.

АЛЕКСАНДРОВ: Скажите, что же тогда привело Вас к фашизму и сотрудничеству с Гитлером?

ШАХТ: Меня ничто не привело к фашизму, я никогда не был фашистом.

АЛЕКСАНДРОВ. А что Вас привело к сотрудничеству с Гитлером, когда Вы отрицательно относились ко всем положениям немецкого фашизма?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Генерал Александров, он рассказал нам, что именно, как он говорит, привело его к сотрудничеству с Гитлером. Мне кажется, что Вы должны были слышать это.

АЛЕКСАНДРОВ: Но фактически это имело место?

На вопрос защитника, почему Вы не эмигрировали, Вы заявили, что не хотели быть простым мучеником. Скажите,

10148

H1200 – 0268

Вам неизвестна судьба передовых людей Германии, демократически и прогрессивно настроенных, которая постигла их с приходом Гитлера к власти?

ШАХТ: Вы, очевидно, здесь ошибаетесь. На вопрос защитника, хотел ли я эмигрировать или нет, я не ответил, что я не хотел стать мучеником; на этот вопрос я ответил: "Эмигранты, которые добровольно эмигрировали, никогда не служили своей родине". Я не хотел обезопасить свою судьбу. Я хотел действовать и в будущем на пользу своей страны. История с "мучеником" - это имело место позже, во время ответа на другой вопрос. Меня спросили: мог ли я что-либо сделать для своей страны, если бы я умер мучеником. Я ответил на это: "Мученики только тогда приносят пользу своей родине, если о них становится известно".

АЛЕКСАНДРОВ: Вы сказали несколько иначе. Я все же повторю вопрос...

ШАХТ: Я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы повторили свой вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я был бы вам очень благодарен, если бы вы повторили свой вопрос.

АЛЕКСАНДРОВ: Вам известна судьба лучших людей в Германии, демократически и прогрессивно настроенных, которая постигла их с приходом Гитлера к власти? Вам известно, что все эти люди были изгнаны или заключены в концлагери?

ШАХТ: Я здесь категорически заявляю, что, говоря об эмигрантах, т.е. о людях, которые находятся в изгнании, я имел в виду тех, кто эмигрировал добровольно, а не принудительным порядком. Судьба каждого из них в отдельности мне неизвестна. Если Вы спросите меня о каждом отдельном лице я Вам в каждом отдельном случае

10149

H1200-0269

отвечу: известна мне его судьба или нет.

АЛЕКСАНДРОВ: Судьба этих лиц общеизвестна. Вы - один из немногих видных деятелей демократической Германии, который оказался в сотрудничестве с Гитлером. Вы это признаете?

ШАХТ: Нет.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы заявили, я вынужден снова вернуться к этому вопросу, что запись в дневнике Геббельса, сделанная им 21 ноября 1932 года, является ложной. Я еще раз напомню Вам эту запись. Геббельс писал. Я цитирую:

"В беседе с доктором Шахтом я убедился, что он полностью отражает нашу точку зрения. Он один из немногих, кто полностью согласен с позицией фюрера"./Конец цитаты/.

Вы продолжаете утверждать, что эта запись не соответствует действительности? Сейчас я Вам уже задаю этот вопрос.

ШАХТ: Я никогда не утверждал, что эта запись является неправильной. Я сказал, что у Геббельса было такое впечатление и он при этом ошибался.

АЛЕКСАНДРОВ: Но с Вашего утверждения эта запись не соответствует действительности, Вашему отношению к гитлеровскому режиму. Так это или нет?

ШАХТ: В том общем виде, в каком там пишет Геббельс, это неправильно.

АЛЕКСАНДРОВ: Почему же Вы не заявили протест? Ведь дневник Геббельса с этой записью был опубликован.

ШАХТ: Если бы я протестовал против всех неправильных сообщений, которые помещались в прессе и литературе, относительно меня, то я вообще бы лишился разума.

АЛЕКСАНДРОВ: Но, видите ли, это не совсем обычное сообщение, этот дневник Геббельса - достаточно видного

H1200-0270

деятеля фашистской Германии, в котором он сообщает о Ваших политических взглядах, и если бы Вы не были с ним согласны, Вам целесообразно было бы как-то на это реагировать.

ШАХТ: Разрешите мне сделать замечание. Или задавайте мне вопросы... Во всяком случае, я не желаю слышать здесь аргументацию двух сторон, которая является такой односторонней.

Я заявляю Вам, что дневник Геббельса является необычайно обычной вещью.

АЛЕКСАНДРОВ: Свидетель Франц Ройтер - Ваш биограф и близкий знакомый в своих письменных показаниях от 6 февраля 1946 года, представленных Трибуналу Вашим защитником под № 35, сообщил следующее: /Цитирую/.

"Шахт в начале 30-х годов присоединился к Гитлеру и помогал ему в деле захвата власти"/Конец цитаты/.

Вы считаете эти показания свидетеля Франца Ройтера неправильным или Вы их подтверждаете?

ШАХТ: Я считаю их неправильными.

АЛЕКСАНДРОВ: Какое участие Вы лично принимали в смысле прихода Гитлера к власти? Я продолжу этот вопрос. При каких обстоятельствах и для какой цели в феврале месяце 1933 года Вами была организована встреча Гитлера с промышленниками? О ней здесь уже упоминалось.

ШАХТ: Я вообще не помогал Гитлеру притти к власти, о чем здесь довольно подробно говорилось. В феврале 1933 года Гитлер уже давно находился у власти. Относительно сбора денег и собрания промышленников здесь также довольно подробно говорилось.

АЛЕКСАНДРОВ: Какую особую роль Вы играли на конференции промышленников?

10151

H1200 – 0270

H1200 – 0271

ШАХТ: Об этом здесь весьма подробно говорилось. Вы можете прочитать об этом в протоколе.

АЛЕКСАНДРОВ: Я ознакомился, но Вы недостаточно точно освещаете события. Я сошлюсь на показания подсудимого Функа от 4 июня 1945 года, чтобы внести ясность в этот вопрос. Это документ за № 2828-ПС. Цитирую показания подсудимого Функа:

"Я присутствовал на этом совещании. Денег требовал не Геринг, а Шахт. Гитлер вышел из комнаты, и Шахт произнес речь, прося денег для перевыборной кампании. Я присутствовал там как беспристрастный свидетель, поскольку я был в дружественных отношениях с промышленниками."

"Эти показания подсудимого Функа соответствуют действительности?

ШАХТ: Господин Функ заблуждается. Это документ № Д-203. Он был уже здесь пред"явлен суду обвинением...

АЛЕКСАНДРОВ: Но...

ШАХТ: Извольте не прерывать меня. Обвинение пред"явило здесь этот документ. Из этого документа явствует, что с просьбой о финансовой помощи выступил Геринг, а не я.

АЛЕКСАНДРОВ: Подсудимый Функ заблаговременно по этому поводу утверждает, что эта речь была произнесена не Герингом, а Вами. Я Вас спрашиваю, что соответствует действительности?

ШАХТ: Я только что Вам сказал, что господин Функ ошибается и что документальное доказательство Обвинения правильно.

АЛЕКСАНДРОВ: Какую же Вы тогда роль играли, в случае с тим совещанием?

ШАХТ: Я также и об этом уже достаточно подробно говорил здесь.

10152

АЛЕКСАНДРОВ: Достаточно подробно...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал уже заслушал длинный перекрестный допрос, и он не желает слушать о тех же самых фактах и вопросах, которые уже здесь рассматривались. Скажите, пожалуйста, Трибуналу, имеются ли у Вас еще пункты, которыми Советский Союз интересуется особо и которые еще не разбирались в течение перекрестного допроса.

АЛЕКСАНДРОВ: Господин председатель! В своих показаниях подсудимый Шахт недостаточно подробно давал ответы и они были недостаточно четкими. Поэтому я вынужден в отдельных кратких случаях возвращаться к таким вопросам. В частности, осталось неясным, какова же была роль подсудимого Шахта на заседании промышленников. На этот вопрос, как мне представляется, подсудимый Шахт не дал достаточно четкого и ясного ответа. Что касается других вопросов, то их небольшое количество, и я полагаю, что после перерыва в течение 30-40 минут я попытаюсь закончить допрос. Все эти вопросы представляют интерес для нас с точки зрения выяснения виновности подсудимого Шахта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Трибунал не хочет заслушивать те вопросы, которые уже задавались.

АЛЕКСАНДРОВ: Сейчас, может быть, Вы найдете целесообразным об"явить перерыв с тем, чтобы продолжать после перерыва перекрестный допрос?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, генерал Александров, перекрестный допрос будет продолжаться до перерыва.

АЛЕКСАНДРОВ: Признаете ли, что, являясь председателем имперского банка и министром экономики и военным уполномоченным по вопросам экономики, Вы играли решающую роль в деле подготовки вооружения Германии и, таким образом, в деле подготовки к захватническим войнам?

10153

H1200 – 0272

H1200 – 0273

ШАХТ: Нет, я отрицаю это самым решительным образом.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы являлись генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики?

ШАХТ: Здесь об этом говорилось по крайней мере раз десять.

АЛЕКСАНДРОВ: Я не слышал из Ваших уст ни одного раза.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он уже полностью признал – и это явно – то, что он был уполномоченным по вопросам военной экономики. Но то, что Вы его спрашиваете, это – принимал ли он участие, в качестве уполномоченного по вопросам военной экономики, в вооружении с целью ведения агрессивной войны, а он повторял неоднократно, что это не являлось его целью, что он хотел добиться равноправия для Германии. Он это сказал, а мы должны решить, правильно ли это. Но то, что он это сказал, совершенно ясно.

АЛЕКСАНДРОВ: Из моих дальнейших вопросов будет ясно, почему я касаюсь именно этого вопроса. В течение какого времени Вы занимали пост уполномоченного по вопросам военно экономики?

ШАХТ: Я только что сказал, что Я не понимаю вопроса. В течение какого времени Об этом обо всем здесь уже говорилось.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нам известно число, когда он стал генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики, и число, когда он перестал им быть.

АЛЕКСАНДРОВ: Я хочу напомнить Вам, какие задачи возлагались на Вас, как на генерального уполномоченного законом об обороне империи от 21 мая 1935 года. Я приведу короткую выдержку из раздела 2-го этого закона под названием "Мобилизация": "Пункт I – Для руководства всей военной экономикой фюрер и рейхсканцлер назначают генерального уполномоченного

H1200 – 0274

по военной экономике. 2. Задачи генерального уполномоченного по военной экономике заключаются в том, чтобы поставить все экономические силы на службу войне и обеспечить экономическую жизнь немецкого народа. 3. Ему подчиняются имперский министр хозяйства, имперский министр продовольствия и сельского хозяйства, имперский министр труда, имперский лесничий и все подчиненные непосредственно фюреру и рейхсканцлеру имперские ведомства. Далее, он ответственно возглавляет финансирование войны по линии имперского министерства и рейхсбанка. Генеральному уполномоченному по военной экономике предоставляется право издавать в пределах его компетенции правовые распоряжения, которые могут отступать от действующих законов".

Вы признаете, что этим законом Вам были предоставлены чрезвычайные полномочия в области военной экономики?

ШАХТ: Этот документ пред"явлен суду и я предполагаю, что Вы правильно его огласили.

АЛЕКСАНДРОВ: Я в связи с этим документом спрашиваю, я не спрашиваю, правильно ли я огласил этот документ, а я спрашиваю, признаете ли Вы, что этим законом Вам были предоставлены чрезвычайные полномочия в области военной экономики?

ШАХТ: Мне были предоставлены точно те полномочия, которые описаны в законе.

АЛЕКСАНДРОВ: Вы признаете, что это были не обычные полномочия, а чрезвычайные, особые полномочия?

ШАХТ: Нет, я этого совершенно не признаю.

АЛЕКСАНДРОВ: Значит, закон об обороне империи от 21 мая 1935 года Вы считаете обычным законом и функциями которого...

ШАХТ: Да, я считаю его совершенно обычным законом.

АЛЕКСАНДРОВ: И функции, которые были возложены на Вас, как уполномоченного по военной экономике, Вы считаете также обычными?

ШАХТ: Да, совершенно обычные функции, которые свойственны каждому генеральному штабу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас мы об"явим перерыв.

/Об"является перерыв до 14.00/.

10156

H1200 – 0275

H1200 – 0276

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 3 мая 1946 г.

/ Вечернее заседание/

Встать ! Суд идет !

/ Подсудимый Шахт занимает место за свидетельским пультом. Перекрестный допрос - продолжение/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста, генерал Александров !

АЛЕКСАНДРОВ: Г-н председатель, учитывая пожелания Трибунала, а также обстоятельный допрос подсудимого Шахта, произведенный г-ном Джексоном, я в перерыве познакомился со стенограммой утреннего заседания и имел возможность значительно сократить те вопросы, которые первоначально намерен был задать подсудимому Шахту. Сейчас у меня имеется к подсудимому Шахту всего два вопроса.

Подсудимый Шахт, 21 мая 1935 года имперским правительством было принято решение относительно совета имперской обороны. Этим решением устанавливалось следующее: цитирую пункт первый решения. "Назначенный фюрером и рейхсканцлером на случай мобилизации генеральный уполномоченный по военной экономике начнет свою работу еще в мирное время. По указаниям председателя совета имперской обороны он возглавляет экономические приготовления к войне, поскольку они не относятся к компетенции имперского военного министра". Вы признаете, что во исполнение этого решения имперского правительства вы активно участвовали в экономических приготовлениях Германии к агрессивным войнам?

ШАХТ: Нет, с этим я совершенно не согласен, г-н представитель обвинения.

АЛЕКСАНДРОВ: 4 марта 1935 г. в своем выступлении на весенней ярмарке в Лейпциге вы сказали следующее : я цитирую документ СССР-627: " Мои заграничные друзья не оказывают помощи ни мне, ни делу, а также себе, когда они пытаются доказать свои разно-

10157

H1200 – 0277

гласия с, ясно, невозможными национал-социалистскими и экономическими теориями, и изображают меня до некоторой степени как хранителя экономического разума. Я могу их уверить, что все, что я говорю и делаю, имеет полное согласие фюрера и что я никого не буду делать и говорить, что не получит одобрения фюрера. Таким образом, хранителем экономического разума являюсь не я, а фюрер". Вы подтверждаете это свое выступление на весенней ярмарке в Лейпциге ?

ШАХТ: Я согласен с этим и хотел бы сделать небольшое замечание. Неоднократно я говорил, во-первых, о том, что мои иностранные друзья, если они у меня были, не сделали бы мне одолжения, если бы они говорили о том, что я являюсь открытым врагом Гитлера, так как это угрожало бы моему служебному положению. Во-вторых, в этом выступлении я сказал, что я бы никогда не сделал того, что не соответствовало бы моим убеждениям и что Гитлер делал все, что я предлагал, т.е. это совпадало с его мнением.

Если бы я сказал что-либо обратное, то это стало бы известно. Я был полностью с ним согласен до тех пор, пока он следовал моей политике. После этого - нет. И тогда я ушел.

АЛЕКСАНДРОВ: У меня вопросов больше нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хотите ли вы подвергнуть свидетеля повторному допросу, д-р Дикс ?

ДИКС: Я задам лишь несколько вопросов, которые были затронуты во время перекрестного допроса. Во время перекрестного допроса конкретно обсуждался вопрос о новом плане, но Шахт не имел возможности изложить свою точку зрения по этому поводу и сказать, какую роль играл этот план в военной экономике и кто является создателем, ответственным за создание этого плана. Поэтому я хочу теперь задать этот вопрос д-ру Шахту.

10158

H1200 – 0277

H1200 – 0278

ШАХТ: Новый план - это вполне логическое последствие экономического развития, которое имело место после Версальского договора. Я коротко упомяну еще раз о том, что из-за ликвидации немецкой частной собственности заграницей, были устранены целый ряд организаций германской внешней торговли за границей и вследствие этого возникли большие трудности для немецкого экспорта. Однако, без этого экспорта нельзя было и думать об уплате репараций или чего-нибудь подобного. Несмотря на все это, великие державы, в особенности такие, которые вообще конкурировали в остальном мире с Германией, повысили пошлины для того, чтобы вытеснить германские товары со своих рынков, или еще больше затруднить их сбыт, так что возможность расширить немецкий экспорт сильно затруднилась. Когда, несмотря на это, Германия попыталась с помощью установления низких цен, связанных со снижением зарплаты, поддержать экспорт своих товаров и по возможности увеличить его, остальные державы применили другие средства, чтобы парализовать конкуренцию Германии. Я напомню, что имели место различные девальвации иностранной валюты, которые также снизили конкурентную способность немецких продуктов. Но когда и эти средства оказались недостаточными, то выдумали систему контингентирования, т.е. немецкие товары, которые ввозились в какую-либо страну, не могли быть ввезены сверх определенного количества; это было запрещено. Это контингентирование в отношении немецких товаров предприняли Голландия, Франция и некоторые другие страны. Также и здесь мы видим дальнейшие затруднения для немецкого экспорта.

Все эти затруднения для германского экспорта привели в конце концов к тому, что Германия не могла погасить и своих личных долгов за границей. Я, как вы уже слышали здесь, в течение многих лет предостерегал от этих долгов, но меня не слушали.

10159

Может быть небезынтересно совсем коротко упомянуть здесь о том, что Германия, вопреки моему совету, в течение 5 лет контрагировала столько же долгов заграницей, сколько Соединенные Штаты Америки в течение 40 лет перед первой мировой войной. При этом Германия была высоко-развитой промышленной страной и не нуждалась тогда в заграничных капиталах, а Америка была тогда страной, связанной с колониальным развитием и могла с большой для нее пользой использовать иностранные капиталы.

Наступил час расплаты. Когда мы больше не были в состоянии выплачивать наши долги заграницей, некоторые страны пошли на то, что они не стали выплачивать немецким экспортерам прибыли, которые получала Германия за вывезенные товары, а они конфисковали эту прибыль и этими деньгами, т.е. с помощью их совершали оборот. Это была, так называемая система клиринга. Частные вклады были конфискованы для того, чтобы удовлетворить ходатайства иностранных кредиторов.

Из всего этого положения я искал выход, который дал бы возможность в дальнейшем осуществлять экспорт немецких товаров. Я выдвинул совершенно простой принцип, который гласит приблизительно так: "Я покупаю у того продавца, который покупает у меня". Вследствие этого я обратился к странам, которые были готовы удовлетворять свои потребности в Германии. В ответ на это я был готов закупать там необходимые товары. Это и есть новый план.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не вижу, почему мы должны заниматься рассмотрением этого вопроса, д-р Дикс.

ДИКС: Короткий смысл его по необходимости длинной речи заключается в том, что с вооружением или с намерением проводить вооружение весь этот новый план не имел абсолютно ничего общего, не говоря уже о таких-либо агрессивных намерениях?

10160

H1200 – 0279

H1200 – 0280

ШАХТ: Абсолютно ничего общего.

ДИКС: В этой связи следующий вопрос. Могете ли вы сказать, какой процент германской продукции составляла продукция вооружения ?

ШАХТ: Этот вопрос был мне задан на предварительном допросе и я не мог тогда ответить на него, так как у меня не было соответствующих материалов и я не помнил, какие суммы Германии истратила на свое вооружение. Теперь здесь, благодаря свидетельским показаниям фельдмаршала Кейтеля, мы узнали, что расходы на вооружение в 1934-1935, 1935-1936, 1937-1938 годах, т.е. до тех пор, пока сотрудничал рейхсбанк, составляли последовательно 5 миллиардов марок, 7 миллиардов марок и в следующем году - 9 миллиардов марок. Теперь могу и это оценка, которая была дана научными работниками, сказать, что продукция всей германской экономики в эти годы составляла от 50 до 60 миллиардов марок. Если это сравнить с расходами на вооружение, о которых говорилось здесь при допросе свидетелей, то следует, что расходы на вооружение составляли от 10 до 15 процентов всей германской продукции в те годы, когда я участвовал в этом.

ДИКС: Затем в перекрестном допросе был поставлен вопрос о вашей готовности или о вашем несогласии оставить пост генерального уполномоченного по военной экономике и вы, в подтверждение ваших показаний заявили о том, что генерал фон Бломберг не желал, чтобы вы ушли с этого поста, и вы сослались на один документ, который был представлен Обвинением. Речь идет о документе Обвинения Б №-244. Это письмо военного министра фон Бломберга Гитлеру от 22 февраля 1937 г. Этот документ уже представлен. Мне нет необходимости снова представлять его. Я хочу лишь указать на то, что в последнем абзаце этого письма Бломберг выражает желание, чтобы фюрер

1044

издал соответствующее распоряжение или побудил предоставить отставку остаться на этом посту. Это соответствует показаниям Шахта.

Далее, судья Джексон при перекрестном допросе обсуждал вопрос о возможности верить вам в отношении ваших колониальных стремлений с точки зрения колониальной политики без господства на море. Господства на море Германия не имела. Можно ли вообще при отсутствии господства на море серьезно обсуждать колониальную проблему ? Это была темой вопроса и ответа. В этой связи я хотел бы вас спросить, были ли у Германии колонии до 1914 года ?

ШАХТ: Да.

ДИКС: Имела ли Германия до 1914, или лучше сказать с 1884 до 1914 г. т.е. в то время, когда она владела колониями, превосходство на море, особенно по отношению к Великобритании ?

ШАХТ: Ни при каких обстоятельствах.

ДИКС: Тем самым этот вопрос разрешен. Затем обсуждалась другая проблема с точки зрения возможности доверять вам в отношении этического вопроса о конфликте между вашей присягой Гитлеру, как главе государства, и об упомянутых вами намерениях, свергнуть или даже убить Гитлера. Не известны ли вам из истории некоторые случаи, когда сановники какого-либо государства пытались свергнуть главу государства, которому они присягали на верность ?

ШАХТ: Я думаю, что в истории любой страны имеются такие примеры.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Дикс, мы не интересуемся примерами из истории. Вы, ведь, не считаете, что вопрос о том, имеются ли такие исторические примеры, является уместным вопросом этому свидетелю ?

ДИКС: Тогда я отказываюсь от дальнейшего разбора этого

10162

H1200 – 0281

H1200 – 0282

вопрос. Аргументацию я смогу использовать в своей заключительной речи.

Теперь вернемся еще раз к колониальному вопросу. Не верно ли, что, вне зависимости от моих личных колониальных устремлений, Германия / германское имперское правительство/ официально подготавливала приобретение колоний и их будущее управление ? Существовало ли приблизительно до 1942/43 г.г. колониально-политическое управление ?

ШАХТ: Да, об этом ясно говорится в партийной программе. Требования о колониях являлись частью партийной программы. Конечно, над этим вопросом шла работа также в министерстве иностранных дел, но мне кажется, что и в партийном аппарате существовало колониально-политическое управление.

ДЖС: Начальником которого был Риттер фон Эпп ?

ШАХТ: Да, Риттер фон Эпп.

ДЖС: Теперь переходим к вопросу о мефо-векселях. В общих чертах: хотели ли вы сказать, что мефо-векселя должны были служить тормозом для вооружения, так как подпись империи под этими векселями, т.е. подпись имперского правительства, обязывала оплачивать их ?

ШАХТ: Простите, но я уже совершенно ясно сказал, что ограничение мефо-векселей на пять лет и их оплата по истечении пяти лет автоматически должны были тормозить вооружение.

ДЖС: Затем судья Джексон говорил о том, что имя Шахта, когда он остался министром без портфеля, служило пропагандистским целям нацистской Германии за границей и тем самым способствовало агрессивным намерениям и их осуществлению. В этой связи / в целях сокращения представления своих доказательств, я хочу зачитать из моей книги документов документ Б 37-а. Это в английском тексте на странице 175, в немецком тексте - на странице 149, а именно на пятой странице своего об"емистого

H1200 – 0283

письменного показания Гюльзе заявляет: "Иностранная пресса сделала из отставки председателя рейхсбанка в 1939 правильное заключение и восприняла это, как "сигнал предупреждения". В этом смысле я неоднократно различными путями и еще в конце 1938 года с согласия доктора Шахта осведомил представителей иностранных эмиссионных банков, с которыми встречался в Базеле на заседаниях редакции базельской газеты о том, что отставка Шахта и отдельных членов имперского правления банка означает, что события в Германии пошли по опасному пути"./конец цитаты/.

Далее, затем г-н представитель Обвинения Союза Советских Социалистических Республик ставит в вину доктору Шахту то, что в биографии Рейтера ясно сказано, что Шахт оказал большую услугу режиму во время его борьбы за власть. Было сказано примерно что-то в этом духе. Это верно, об этом говорится в биографии Рейтера. Но там есть и кое-что совершенно иное. Мне кажется, что нужно представить документ № 35, стр. 125 немецкого текста, и стр. 133 английского текста. На второй странице этого пространного показания под присягой имеется фраза, которая ограничивает ценность этой биографии как документального доказательства, так как она тенденциозна. Там написано ...

" Дважды, в конце 1933 года в издательстве Киттлера в Берлине, и в конце 1936 года в германском издательстве в Штутгарте я опубликовывал биографию доктора Шахта. Кроме фактического изложения его жизни и деятельности, она служит также той цели, чтобы защитить его от/врагов. Поэтому с самого начала нельзя измерять ее масштабом чисто об"ективной точки зрения, а следует учитывать условия защиты на основании существовавшего в то время положения.

Это место нужно прочитать и знать, если хотят установить доказательную ценность этой биографии.

Настоящим я хочу закончить постановку своих дополнительных

вопросов Шахту.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае подсудимый может вернуться на свое место.

ДИКС: Теперь я с разрешения г-на председателя, вызываю свидетеля Фокке.

/ Входит свидетель/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите ваше имя и фамилию.

СВИДЕТЕЛЬ: Вильгельм Фокке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь богом, всемогущим и всеведующим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю "/ Свидетель повторяет слова присяги/.

Вы можете сесть.

ДИКС / обращаясь к свидетелю/: Господин свидетель, вы были членом директората имперского банка. Когда вы вступили в директорат и когда вы вышли из него ?

ФОККЕ: Я в 1919 году был назначен имперским президентом Эбертом членом директората имперского банка и уволен Гитлером 1 декабря 1939 года. Таким образом, я 20 лет был членом директората имперского банка. Из них - 10 лет - при Шахте.

ДИКС: Простите, что я перебью вас, Я должен вас спросить, вы были членом партии ?

ФОККЕ: Нет.

ДИКС: Были ли вы членом СА ?

ФОККЕ: Нет.

ДИКС: Были ли вы членом СС ?

ФОККЕ: Нет.

ДИКС: Были ли вы "сочувствующим" СА или СС ?

ФОККЕ: Нет.

ДИКС: Имели ли вы какие-либо партийные связи ?

ФОККЕ: Нет.

10165

H1200 – 0284

H1200 – 0285

ДИКС: Когда вы познакомились с Шахтом ?

ФОККЕ: В 1915 году. Тогда я случайно познакомился с ним. Лишь позже, когда он стал комиссаром и президентом имперского банка, я познакомился с ним ближе.

ДИКС: Теперь мы перейдем к периоду первого пребывания Шахта на этом посту, а именно к 1923 году. Какую позицию занимал в 1923 году директорат рейхсбанка по отношению к кандидатуре Шахта на пост председателя рейхсбанка ?

ФОККЕ: Отрицательную позицию.

ДИКС: И по каким причинам ?

ФОККЕ: Причины были ...

ДИКС: Делайте, пожалуйста, паузу после моих вопросов.

ФОККЕ: Мы желали иметь в качестве кандидата на пост президента Гельферихa, так как Гельферих при тесном сотрудничестве с рейхсбанком создал рентную марку и стабилизацию. Для обоснования нашего отрицательного отношения к Шахту мы привели случай из личного дела Шахта, относящийся к деятельности Шахта в 1915 году под руководством Юнга.

Речь шла тогда о том, что Шахт, который пришел к нам из Дрезденского банка, оказал Дрезденскому банку помощь, что г-н Юнг считал не вполне корректным, и Шахт был тогда уволен. Имперское правительство, однако, не испугалось нашей критики по отношению к Шахту и министр Зеверинг, как он сказал мне недавно, придерживался поговорки: " Не те фрукты самые плохие, которые грызут осы", и Шахт был назначен президентом.

ДИКС: Таким образом, Шахт попал к вам в качестве президента и он, наверное, знал, что директорат сам по себе не желал его или, во всяком случае, хотел другого. Таким образом встает вопрос: какие отношения установились между директоратом рейхсбанка и его новым президентом Шахтом ?

10166

H1200 – 0285

ФОЛКЕ: Шахт вступил на свою должность в январе 1924 г.и собрал нас на совещание, на котором он совершенно открыто говорил о создавшемся положении приблизительно в таком смысле: " Ну, вы не хотели меня в качестве президента, так как я украл серебряную ложку, но теперь я являюсь вашим президентом и надеюсь, что мы сумеем хорошо сотрудничать друг с другом и пойдем по прямому курсу". Так выражался Шахт. "Если кто-нибудь не сможет работать вместе со мной, то пусть он заявит об этом, я охотно помогу ему найти другое место".

Наше отношение к Шахту и наше сотрудничество с Шахтом очень быстро оказалось весьма благоприятным. Было очень хорошо работать с Шахтом. Мы скоро поняли, что он является недосягаемым мастером своего и нашего дела и вообще все руководство Шахта было безупречным. Он был чист во всех отношениях и не имел никаких любимчиков, которых бы он выдвигал. Это был такой человек, который разрешал нам в любой момент высказывать свои возражения и даже требовал этого. Он не любил тех сотрудников, которые повторяли его слова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В этом отношении не было выдвинуто никакого обвинения, а также этот вопрос вообще не возникал.

ДИКС: Да, это правильно, ваша честь, но я думаю, что было бы полезным немного поговорить о том времени. Но мы кончаем этот вопрос и переходим к пребыванию Шахта на посту президента банка, начиная с 1933 г. В 1933 г., после его известной кратковременной отставки, Шахт снова стал президентом имперского банка. Говорили ли вы с ним тогда о его отношении к Гитлеру и к партии ?

ФОЛКЕ: Да.

ДИКС: Расскажите, пожалуйста, нам и Трибуналу, в каком смысле тогда Шахт высказывался об этом.

ФОЛКЕ: Прежде всего, я хотел бы упомянуть здесь два раз-

H1200 – 0286

H1200 – 0287

говора, которые я еще помню почти дословно. Когда Шахт не был на своем посту, приблизительно в эти три года, я его почти не видел; я видел его может быть три-четыре раза. Он меня никогда не посещал и я тоже никогда не посещал его. Лишь один раз Шахт приехал в банк, - у него были там, наверное, дела, - и посетил меня в моем рабочем кабинете. Мы тотчас же ...

ДИКС: Когда это было, приблизительно ?

ФОКЕ: Это было в 1932 г., сравнительно незадолго до захвата власти. Вскоре мы стали говорить на политические темы, о Гитлере и об отношении Шахта к Гитлеру, и я воспользовался случаем, чтобы серьезно предостеречь Шахта в отношении Гитлера и нацистов. Шахт сказал мне: " Господин Фоске, нужно человеку или людям дать шанс. Если они будут неправильно действовать, то они исчезнут или будут сметены, как и все их предшественники". Я сказал Шахту: " Да, но может получиться так, что тот вред, который будет нанесен в это время германскому народу, будет настолько велик, что его нельзя будет устранить". Шахт принял это очень серьезно и покончил с этим вопросом легким замечанием: "Вы - старый пессимист" или сказал еще что-то в этом духе. Затем он ушел.

Второй разговор, о котором я хочу сообщить, состоялся вскоре после возвращения Шахта в рейхсбанк, т.е. это было очевидно в марте или начале апреля 1933 г. У Шахта было тогда заметно, я бы сказал, подчеркнутое воодушевление смотрами, и я говорил с ним о его отношении к партии. При этом я исходил из того, что Шахт был членом партии. Я сказал ему, что я вовсе не намерен стать членом партии. На это Шахт ответил: " Да, этого вовсе и не нужно. Что вы думаете, мне и во сне не придет в голову мысль вступить в партию, вы думаете, что я надену на себя это ярмо партии, стану подчиняться партийной дисциплине и приму партийную программу. И потом, подумайте

только, при разговоре с Гитлером я должен буду щелкать каблуками и говорить: "Мой фюрер!" или писать ему: "Мой фюрер". Нет, об этом не может быть и речи. Я был и желаю остаться свободным человеком".

Этот разговор и это признание Шахта имело место в то время, когда он достиг кульминационного пункта на пути своего сближения с Гитлером и я неоднократно обдумывал, верно ли, что Шахт остался и останется свободным человеком.

Получилось так, что через несколько лет Шахт должен был приобрести горький опыт и убедиться в том, что он все-таки потерял добрую часть своей свободы, что начатое им финансирование вооружения он не мог изменить в тот момент, когда ему это захотелось. Наоборот, оно стало цепью в руках Гитлера и он должен был долго подпиливать эту цепь, пока она не лопнула. Однако, несмотря на это, эти слова оставались верными в той степени, в какой они касались внутреннего отношения Шахта к Гитлеру. Шахт никогда не был слепым последователем Гитлера. Это было несовместимо с его натурой, продаваться кому-нибудь и быть ему преданным в слепой вере.

Если характеризовать позицию Шахта следующими словами: "У меня есть фюрер, фюрер приказывает и я следую приказам фюрера". Фюрер приказывает производить вооружение и он говорит: "Я финансирую вооружение! Фюрер должен сам решить, для чего оно будет использовано, для войны или для мира". Это было несовместимо с характером и поведением Шахта. Он не был человеком, который подчинял свои мысли другим или выпускал из своих рук свою свободу, и этим Шахт в корне отличался от очень многих, занимавших важные политические и военные посты в Германии. Отношение Шахта к Гитлеру, как я мог установить на основании его характера и его высказываний, я бы обрисовал так: Шахт восхищался невероятной динамикой этого человека, которая использовалась в национальном

10169

H1200 – 0288

H1200 – 0289

направлении и он учитывал этого человека и надеялся сделать из него инструмент для осуществления своих планов, планов Шахта в отношении мирного политического и экономического расцвета и восстановления сил Германии. Так думал Шахт и в это он верил, я заключаю это из большого количества его высказываний.

ДИКС: Мне кажется, что этот вопрос исчерпан. Затем, Обвинение инкриминирует Шахту то, что Гитлер именно его выбрал для того, чтобы финансировать вооружение для агрессивной войны. Вы, г-н Фокке, были членом директората рейхсбанка и работали с Шахтом в течение многих лет. Поэтому я прошу вас сказать Трибуналу: могли ли вы, на основании бесед и наблюдений за деятельностью и работой Шахта, установить что-либо такое, что оправдывало бы подобное утверждение ?

ФОККЕ: Нет, Шахт часто подчеркивал, что только мирное развитие Германии может привести ее к расцвету. Я никогда не слышал от него никакого намека на то, что он что-либо знает о военных планах Гитлера. Я напряг всю свою память и вспомнил три или четыре случая, которые недвусмысленно отвечают мне на этот вопрос. Я хотел бы их привести в общей связи.

Первый - это 420 миллионов золотых марок кредита, которые были выплачены в 1933 году. Когда оказалась невозможной оплата, Лютер ...

ДИКС: Простите, что я прерываю вас. Я хочу об"яснить суду, что Лютер был предшественником Шахта на этом посту.

ФОККЕ: ...в 1931 году, когда нужно было оплачивать долги, Лютер послал меня в Англию, чтобы получить от Англии большой золотой кредит, который сразу же должен был восстановить доверие к рейхсбанку. Президент Норман готов был помочь мне, но он сказал, что для этого необходимо привлечь к этому французский и американский банки и интернациональный банк в Базене. Это было сделано. Был предоставлен кредит в 420 миллионов

золотых марок. Но политические затруднения с Францией, возникшие вследствие привлечения французского банка, затянули выдачу этого кредита на 10-12 дней. Когда я вернулся в Берлин, я с ужасом услышал, что кредит в большей своей части уже растрачен. Золото было вырвано у нас из рук и я сказал тогда Лютеру: "Мы должны немедленно выплатить обратно этот кредит, действие которого не оправдалось. Наша честность - это наш последний актив и банки, которые нам помогли, не должны потерять ни пфеннига".

Лютер не понимал этого и сказал приблизительно следующее: "Что есть, то есть. Мы не знаем, для чего нам может срочно понадобиться золото". И, таким образом, этот кредит был продлен и продолжался в течение многих лет. Когда Шахт в марте 1933 года вернулся в банк, я сказал себе, что Шахт поймет меня ; и Шахт действительно признал мою правоту и немедленно выплатил весь кредит обратно. У него не было никаких задних мыслей на тот счет, для чего может понадобиться эта огромная сумма, и я заявляю здесь, что если бы Шахт знал что-либо о войне или планировал ее, то он был бы глупцом, выплачивая обратно 420 миллионов золотых марок.

Второй случай. Здесь я не помню точно дату, мне кажется, что это произошло в 1936 году. Тогда руководство рейхсбанка получило сов.секретное письмо от главного управления сухопутных сил или от генерального штаба, с просьбой перевезти золотые запасы рейхсбанка и резерв банкнотов из пограничных областей Германии в среднюю зону Германии. Эта просьба была обоснована следующим: в случае двух-фронтового нападения на Германию, главное управление сухопутных сил решило очистить пограничные зоны и оставить за собой центральную зону, которую можно будет защищать при любых условиях. На приложенной карте было указано, что восточная оборонительная граница ...

10171

H1200 – 0290

H1200 – 0291

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал полагает, что этот вопрос весьма далек от всех тех вопросов, которые мы должны разрешить.

ДИКС: Ваша честь, эта карта, о которой сейчас хочет сказать свидетель, совершенно аналогично свидетельствует об оборонительных намерениях, учитывая стратегические недостатки германского верховного командования в 1936 году, об этом сообщается рейхсбанку под руководством Шахта. То-есть, из этого сообщения вытекает, что ни один человек не думал тогда о каких-либо агрессивных намерениях главного управления сухопутных сил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В какое время ?

ДИКС: В 1936 году. Я так понял свидетеля. Может быть свидетель сам скажет относительно времени ?

ФОКЕ: Я не мог точно установить по памяти время, но , по-моему, это произошло приблизительно в 1936 году.

ДИКС: Мне кажется, что это очень важно. Может ли свидетель продолжать ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

ДИКС: Ну, хорошо. Продолжайте.

ФОКЕ: Оборонительная линия на Востоке проходила от Гора к Штеттину, западную линию я точно не помню, но во всяком случае, Баден и Рейнская область должны были быть очищены. Рейхсбанк с ужасом узнал об этом, об угрозе нападения с двух сторон на Германию, при вероятной сдаче германских областей и о чудовищной идее, что рейхсбанк, в случае вражеской оккупации, должен оставить население этих областей без денежного обеспечения. Мы отклонили эту последнюю просьбу, но золото было перевезено в Берлин, Нюрнберг, Мюнхен и т.д. На основании этого строго секретного документа, нельзя было сомневаться в одном: в чисто оборонительном характере нашего вооружения.

Теперь перейдем к третьему случаю. Это 1937 год. Шахт, когда развитие хозяйства шло полным ходом, и в него постоянно вкладывались новые деньги, просил помощи немецких профессоров национальной экономики, и возвал их на конференцию, чтобы побудить их действовать в смысле его направления, т.е. оказывать ~~подходящее~~ тормозящее действие. При этом один из участников поставил Шахту совершенно неожиданный вопрос: "Ну, а если начнется война?". Шахт поднялся и ответил: "Господа, тогда нам конец, тогда - все кончено. Я прошу оставить эту тему здесь, чтобы не ломать себе зря голову".

Теперь я перехожу к четвертому случаю, который также недвусмысленно говорит о незнании Шахта, а именно - разговор непосредственно после начала войны. В первые дни Шахт, Гюльзе, Дрейзе, я и Шинвиндт собрались для обсуждения конфиденциальных вопросов. Первое, что сказал Шахт, было следующее: "Господа, это обман, которого еще не видел мир. Поляки никогда не получали германского предложения. Газеты лгут для того, чтобы усыпить немецкий народ. На поляков напали. Даже Гендерсон не получал никакого предложения. Он узнал лишь короткую выдержку из ноты и то - устно. Если когда-либо при начале войны был ясен вопрос о виновниках войны, то именно в этом случае. Это - преступление, которое даже нельзя себе представить". И дальше Шахт продолжал: "Что за безумие! Мы начинаем войну против такой военной державы, как Польша, армией которой руководят лучшие французские офицеры генерального штаба. Наше вооружение ни на что не годно, оно производилось шарлатанами, деньги расходовались бессмысленно". Шахту возразили: "Однако, мы создали военно-воздушные силы". Шахт ответил: "Военно-воздушные силы не решают войны, исход войны решает лишь сухопутная армия. У нас нет тяжелых пушек, у нас нет танков. Через три недели германская армия потерпит

1173

H1200 – 0292

H1200 – 0293

полное поражение в Польше. И притом, подумайте еще о коалиции, которая выступит против нас".

Это были слова Шахта, которые произвели на меня глубокое впечатление и которые являлись для меня ясным и недвусмысленным ответом на вопрос, который задал мне доктор Дикс.

ДИКС: Говорил ли с вами Шахт в эти годы, т.е. с 1933 г. по 1939 г. о возможных или предполагаемых планах войны Гитлера ?

ФОКЕ: Нет, никогда.

ДИКС: Как вообще, в принципе, Шахт относился к мысли о войне ? Может быть, он говорил с вами по этому поводу ?

ФОКЕ: Конечно, и довольно часто. Шахт всегда указывал на то, что война разоряет как победителей, так и побежденных. И он в своей области указывал, в качестве примера, на держав-победителей в прошлую войну, когда их экономика и валюта были подвергнуты страшному потрясению. Англия должна была провести девальвацию, у Франции финансы были полностью разорены, не говоря уже об остальных державах, как Бельгия, Польша, Румыния и Чехословакия.

ДИКС: Это были высказывания Шахта ?

ФОКЕ: Да, Шахта, которые он делал довольно часто. Шахт подробно и правильно говорил об этом, также указывая на нейтральные страны. Шахт всегда подчеркивал, что снова возникнут конфликты и войны, но для Германии существует лишь одна политика - абсолютный нейтралитет. И он указывал на примеры Швейцарии, Швеции и др., которые, благодаря своему нейтралитету, стали богатыми и более мощными, и стали странами-кредиторами. Шахт всегда подчеркивал это.

ДИКС: В этой связи вы поймете мой вопрос: как об"ясняете вы или об"яснял вам Шахт то, что он вообще финансировал вооружение ?

10174

ФОЛКЕ: Шахт был убежден, что известное вооружение, какое имеется в каждой стране мира, необходимо также и Германии, будь это из политических ...

ДИКС: Простите, я прерву вас. Я прошу говорить только о том, что говорил вам Шахт.

ФОЛКЕ: Хорошо.

ДИКС: Т.е. не собственное мнение о том, что мог сказать Шахт, а лишь то, что Шахт вам сказал.

ФОЛКЕ: Шахт говорил: внешняя политика без вооружений невозможна на длительный промежуток времени. Шахт сказал также, что нейтралитет, которого он требует для Германии, должен, если речь идет о конфликте между крупными державами, быть вооруженным нейтралитетом. Шахт считал необходимым вооружение для того, чтобы Германия длительное время не была безоружной среди вооруженных держав. Он не предполагал нападения с определенной стороны, но он говорил: " В каждой стране имеется военная партия, и сегодня или завтра она может прийти к власти, и невозможно существование безоружной Германии среди вооруженных соседей; более того, это представляет собой опасность для мира и является побуждением для ведения войны". В конце концов и прежде всего Шахт видел в вооружении единственное средство для того, чтобы оживить всю экономику Германии. Нужно было начать строительство казарм; должно быть развернуто строительство, которое является ключем ко всей экономике, и лишь таким образом он надеялся покончить с безработицей.

ДИКС: В ходе развития событий дело дошло до милитаризации Рейнской области и введения всеобщей воинской повинности. Имели ли тогда место беседы между вами и Шахтом о том, что подобные методы политики Гитлера могут повести к войне или, по крайней мере, к военному вмешательству других держав, которые могут быть не согласны с подобной политикой ?

10175

H1200 – 0294

H1200 – 0295

ФОККЕ: Не в таком смысле, в каком вы задали ваш вопрос. Шахт во всяком случае говорил со мной о событиях при оккупации Рейнской области, при этом он говорил, что тогда, когда Франция заняла несколько угрожающую позицию, Гитлер был полон решимости немедленно отказаться от оккупации Рейнской области, т.е. Гитлер хотел отступить, и что только господин фон Нейрат помешал ему сделать это. Он сказал: "Я был против этого шага, но если ты сделал этот шаг, то пусть будет так". Что Шахт говорил мне тогда о позиции Гитлера, было сказано до того, как Гитлер появился в военном освещении. И Шахт, как он мне говорил, считал, что дружба с Польшей, отказ от Эльзас-Лотарингии и вообще гитлеровская политика в первые годы была мирной политикой. Лишь позднее возникли серьезные опасения внешнеполитического характера.

ДИКС: Каковы вообще были внешнеполитические принципы Шахта в связи с его отношением к военной внешней политике ?

ФОККЕ: Совершенно отрицательное. Прежде всего, с тех пор, как Риббентроп стал оказывать влияние на внешнюю политику, а в Риббентропе Шахт видел самого безответственного и самого неспособного из советников Гитлера. Но и до того имели место глубокие разногласия по внешнеполитическим вопросам между Шахтом и Гитлером, например, по отношению к России Шахт уже в 1928-29 г.г. строил русское хозяйство, давал долгосрочные кредиты, что благоприятствовало развитию экономики обеих стран. Вследствие этого на него часто нападали, но он говорил: "Я знаю, что я делаю. Я знаю, что русские будут платить пунктуально и корректно". Они всегда так делали и Шахт был очень недоволен тем, что вследствие ужасной ругательной канонады Гитлера по адресу России, отношения с Россией стали ухудшаться и развитие хозяйства было приостановлено. То же самое можно сказать и по отношению к Китаю. Шахт был убежден в вож-

ности связей с Китаем и он намеревался укреплять их возможно сильнее, а Гитлер, из-за своих симпатий к Японии потребовал отзыва немецких советников от Чан Кай-ши и тем самым разрушил этот план. Шахт видел в этом роковую ошибку и сказал, что Япония никогда не будет в состоянии и не захочет заменить нам Китай. Шахт хотел сотрудничать с Соединенными Штатами, Англией и Францией. Шахт восхищался Рузвельтом и был горд тем, что Рузвельт через дипломата Кокерелля поддерживал с ним постоянную связь. Шахт был убежден в необходимости хороших отношений с Англией и Францией и именно поэтому он не одобрял поездку Риббентропа в Лондон и старался воспрепятствовать ей. Шахт был против политики Гитлера по отношению к Италии. Шахт знал, что Муссолини ничего не желает знать о нас и он считал его самым ненадежным и самым слабым партнером. Что касается Австрии, то я знаю лишь, что Шахт ценил Дольфуса и с ужасом и отвращением узнал о его убийстве, и что после оккупации Австрии он не одобрял многого, что там происходило. Может быть, в этой связи, суд разрешит мне коротко сказать о колониальной политике Шахта, которая была коньком Шахта, о которой он однажды делал нам доклад. Я могу иллюстрировать намерения Шахта в этом отношении теми поручениями, которые он давал мне. Идеи Шахта сводились к следующему: заключить соглашение с Англией, Францией и т.д. для того, чтобы эти державы купили часть португальской колонии Анголы и передали ее Германии не для суверенного управления, а для экономического использования, и он...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Дикс, Трибунал считает, что вы слишком долго и подробно останавливались на этом вопросе.

ДИКС: Мы можем отказаться от отдельных примеров.

Покойный генерал-фельдмаршал Бломберг сделал заявление о том, что рейхсбанк ежегодно получал от министерства обороны письменные сообщения о состоянии вооружения. Известно ли вам,

10971

H1200 – 0296

H1200 – 0297

так как вы были членом директората, что-либо о подобных сообщениях ?

ФОЛКЕ: Нет, я никогда ничего об этом не знал.

ДИКС: Судя по всему вашему опыту в делах рейхсбанка и по отношению Шахта к своим сотрудникам, считаете ли вы возможным, что Шахт лично получал такие сообщения, но не сообщал о них своим сотрудникам в директорате рейхсбанка ?

ФОЛКЕ: Возможно, но очень мало вероятно.

ДИКС: Когда Шахт начал пытаться прекратить финансирование вооружения и тем самым затруднить вооружение ? И какие были его причины для этого, если вы ответите утвердительно на первый вопрос ?

ФОЛКЕ: Шахт предпринял первые попытки ограничения вооружения, мне кажется , в 1936 году, когда экономика была в полном расцвете и когда дальнейшее вооружение выглядело, как винт без конца. Рейхсбанк был блокирован и, мне кажется, в 1936 году Шахт начал прилагать свои усилия, чтобы положить по своей инициативе конец вооружению.

ДИКС: И знаете ли вы по собственному опыту, в чем состояли в основном эти усилия ?

ФОЛКЕ: Эти усилия продолжались все последующие годы. Сначала Шахт пытался воздействовать на Гитлера. Но это было безрезультатно. Его влияние уменьшалось, как только он начинал делать эти попытки. Он пытался найти единомышленников в буржуазных министерствах и среди генералов. Он также пытался привлечь на свою сторону Геринга, и он думал, что ему это удалось; но от этого не было никакого толку. Шахт затем боролся за то, и в конце концов с успехом, чтобы сперва были прекращены кредиты рейхсбанка для вооружения. Этот успех был достигнут в марте 1938 года. Но (он) не положил конец своим стараниям приостановить вооружение и всеми средствами

работал в этом направлении, также с помощью саботажа.

В 1938 году он выпустил заем в тот момент, когда он знал, что предыдущий заем еще не был раскуплен, что он залежался в банках и сумма нового займа была настолько велика, что провал его был неизбежен. Мы с напряжением ожидали, верен ли наш расчет и мы были счастливы, когда Шахт сообщил Гитлеру о провале нового займа. Саботаж осуществлялся также тем, что Шахт запретил давать займы предпринимателям, которые хотели расширить свои предприятия для увеличения производства вооружения и тем самым помешал им увеличивать свои предприятия. Но и прекращение кредитования со стороны рейхсбанка означало не только выключение банка, но и удар, который затронул и само вооружение, как это выяснилось в 1938 г., когда повсюду возникли затруднения с финансированием и когда после ухода Шахта пришлось сразу вернуться к прямым кредитам валютного банка, которые были единственным средством для того, чтобы предоставить эластичный, так сказать бесконечный кредит, который был необходим Гитлеру и которого он никогда не получил бы от Шахта. Я знаю все это по собственным воспоминаниям, ибо я протестовал против закона, изданного Гитлером после ухода Шахта, который был мне представлен, и я сказал вице-президенту, что я не буду сотрудничать, вследствие чего через 10 дней после увольнения Шахта немедленно последовало мое увольнение.

ДИКС: Г-н Фокке, для постороннего наблюдателя может показаться, что причины прекращения финансирования вооружения носили чисто экономический характер. Не знаете-ли вы каких-либо фактов, которые свидетельствовали бы о том, что Шахт

10179

H1200 – 0298

H1200 – 0299

опасался войны и пытался с помощью прекращения вооружения предотвратить войну ? .

ФОКЕ: Во всяком случае, в 1938 году все больше усиливалось опасение, что это бесконечное вооружение может привести к войне, даже должно привести к войне и, прежде всего, после конференции в Мюнхене. Я думаю, что уже после кризиса Фрича Шахт осознал, что Гитлер является его смертельным врагом, и он знал теперь лишь одно: всеми средствами бороться против Гитлера, против гитлеровского вооружения и его стремления к войне. Средства, конечно, были лишь финансовые, как саботаж и т.д., о которых я уже говорил. В конце концов, в качестве последнего средства остался меморандум, которым Шахт добился своей отставки.

ДИКС: Об этом мы поговорим позже. Я хочу вас сначала спросить, Трибуналу известен метод финансирования с помощью мефо-векселя. Вам не нужно говорить об этом. Но, я хотел бы вас спросить, что по вашему мнению с юридической точки зрения, это финансирование вооружения с помощью так называемых мефо-векселей, согласовывалось ли оно с банковскими законами ?

ФОКЕ: Мефо-векселя и конструкция этого дела и общества были с самого начала проверены с юридической точки зрения и этот вопрос был представлен нам с правовой точки зрения. И на вопрос, соответствуют ли эти векселя с юридической точки зрения закону о банках, был дан положительный ответ. Но основным вопросом был вопрос о том, соответствуют ли эти векселя нормальным требованиям, которые эмиссионный банк обычно пред"являет своему портфелю. На этот вопрос

надо ответить отрицательно. Если спросить, почему мы воспользовались именно такого рода векселями, то следует ответить, что тогда не было уже нормальных торговых векселей, после краха, вследствие экономического кризиса, в период упадка экономики, уже при Брюнинге была создана вспомогательная организация для оживления экономики и валюты, которые руководствовались аналогичными принципами, т.е. по своей сущности они были санкционированы, ибо банк стоял тогда перед альтернативой - или сложа руки, спокойно смотреть со стороны, что делается с экономикой, или по мере возможности помогать правительству при оживлении и поддержании хозяйства. Все валютные банки мира стояли перед такой же альтернативой и все решились на то же самое. Таким образом, эти векселя на вооружение, которые с хозяйственной точки зрения являлись мероприятием, совершенно аналогичным векселям, относительно безработицы, служили той же цели. Тем самым, с точки зрения валютной политики старый запас векселей рейхсбанка, который был законсервирован вследствие кризиса, снова был пущен в оборот. Все постановления, юридические и традиционные имели единственную цель - избежать потерь.

ДИКС: Я думаю, что Трибуналу будет достаточно, если вы сможете подтвердить, что юристы рейхсбанка ответили положительно на вопрос о допустимости этих мефо-векселей. Подробности обоснования, если ваша честь с этим согласна, мы можем выпустить.

Теперь мы перейдем к уже упомянутому вами меморандуму. Расскажите Трибуналу подробно о том, какие соображения по-

H1200 – 0300

H1200 – 0301

будили Шахта и весь директорат рейхсбанка подать этот меморандум Гитлеру и какие тактические цели преследовали Шахт и директорат этим меморандумом ?

ФОКЕ: Если бы мы имели возможность свободно говорить, то мы, конечно, сказали бы: "Вы должны приостановить вооружение". Но рейхсбанк, как таковой, не мог этого сделать. Мы должны были ограничиться ответственностью за валюту. Вследствие этого меморандум рейхсбанка обосновывается аргументами валюты и там говорится: " Продолжение вооружения вызовет инфляцию в Германии". Меморандум говорит о бесконечном кредитовании, о беспрепятственном увеличении кредитов, о бесконечных расходах. Под расходами, о которых там говорится, подразумеваются расходы на вооружение. Это ясно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы все уже видели этот меморандум, не так ли ?

ДИКС: Да, он должен говорить не о содержании меморандума, а лишь о причинах его возникновения и тактических целях, которые преследовались этим меморандумом.

/ Обращаясь к свидетелю/: Вы поняли, господин свидетель? Трибунал знает текст меморандума. Я прошу вас отвечать только на мои вопросы.

ФОКЕ: В меморандуме нужно было говорить об аргументах валюты, но, несмотря на это, в нем ясно сказано, чего мы требовали."Ограничение внешней политики". Эта фраза ясно показывает, чего мы хотели. Ограничение расходов, ограничение внешней политики, внешнеполитических целей. Мы указывали на то, что расходы достигли таких размеров,

которые в дальнейшем не могут быть терпимы и что этому должен быть положен конец, или, как говорится, должна быть ограничена внешняя политика, т.е. имперская политика вооружения.

ДИКС: Вы предвидели действие этого меморандума, или вернее, какое воздействие, по-вашему, должен был оказать этот меморандум на Гитлера ?

ФОКЕ: Мы думали, что меморандум приведет или к тому, что будет положен конец этим бесконечным расходам, которые привели нас к разорению, так как в конце 1938 г. не имелось больше денег, в кассе был дефицит приблизительно в миллиард... Это нужно было учитывать, и министр финансов был на нашей стороне. И если бы это не было признано, то должен был бы произойти разрыв и мы должны были бы быть уволены. Другой альтернативы не было и мы пошли на этот чрезвычайный шаг. Этот меморандум подписал весь директорат.

ДИКС: По-моему, это было чем-то совершенно необычным, так как обычно официальное письмо рейхсбанка подписывалось президентом или его заместителем ?

ФОКЕ: Совершенно верно, мы хотели показать этим важным документом сплоченность директората. Этот документ должен был показать, что нужно прекратить вооружение.

ДИКС: Это ясно, господин свидетель. Имеете ли вы основание сказать, что Гитлер признал это ?

ФОКЕ: Да, Гитлер сказал, что это что-то вроде "бунта". Мне кажется, что в военной жизни имеется такое понятие. Я никогда не служил, но мне кажется, если какая-либо жалоба подписывается многими солдатами, то это рассматривается, как "бунт". Гитлер исходил из таких соображений.

10183

H1200 – 0302

H1200 – 0303

ДИКС: Да, такое понятие существует. Вы ведь не были при этом, кто вам рассказывал об этом выражении "бунт" ?

ФОКЕ: Я уже не помню. Это, кажется, сказал Бергер из министерства финансов. Я не могу сказать этого определенно.

ДИКС: Таким образом, вам об этом рассказывали в кругах министерства ?

ФОКЕ: да.

ДИКС: Этот меморандум содержал также комплимент Гитлеру в отношении его внешнеполитических успехов ?

ФОКЕ: да, Шахт привык постоянно льстить Гитлеру и тогда, когда Шахт стал решительным противником режима Гитлера, он тем более пользовался лестью и поэтому в этом меморандуме, по крайней мере в начале его, где он говорит об успехах Гитлера, он использовал эту лесть, как тактический прием.

ДИКС: Скажите коротко, каковы были последствия этого меморандума ?

ФОКЕ: Последствия были таковы, что сперва был уволен Шахт, Крейде и Гюльзе, а затем я, Эрхардт и Лессинг. Следствием было также и то, что за границей знали, что произошло в Германии, а именно мой коллега Гюльзе сделал в Базеле недвусмысленное заявление, что если мы будем уволены, то наши друзья будут знать, каково положение.

ДИКС: Это вам рассказал г-н Гюльзе ?

ФОКЕ: да, это мне рассказал Гюльзе.

ДИКС /обращаясь к председателю/: Ваша честь, не следует ли сделать сейчас короткий перерыв ? У меня осталось немного вопросов, но я хочу представить еще документы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сколько еще времени, как вы полагаете, вам потребуется для того, чтобы закончить допрос ?

ДИКС: У меня совсем немного, а затем я представлю документы тоже очень коротко.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об"является перерыв.

/ Перерыв на 10 минут /. 10184

ДИКС: Итак, господин Фокке, Вы только что заявили Трибуналу, при каких обстоятельствах произошла отставка Шахта и Ваша отставка. Почему Шахт не сделал этого еще раньше? Он беседовал с Вами на эту тему когда-нибудь?

ФОККЕ: Нет. Все эти годы, я имею в виду 1936-37 гг., мы колебались. Вначале еще преобладала надежда, что Гитлер, как государственный деятель, пойдет по разумному пути. В 1938 г. наступил тяжелый момент сомнений, в особенности же в связи с Мюнхенской конференцией и после этой конференции. В то время существовала опасность, что дело может кончиться войной. И мы увидели, что мы должны добиться решения. Но следует еще учесть то, что мы, представители банка, не могли выступать с политическими и военными соображениями или требованиями, т.к. эти вопросы не входили в круг нашей компетенции. Признаки инфляции, о которых мы в самых серьезных тонах сообщили в меморандуме, появились лишь в 1938 г., когда за последние месяцы количество денежных знаков, находившихся в обращении, достигло того количества, которое было пять лет тому назад.

ДИКС: Значит у Вас уже в то время была причина решиться на определенные смелые действия?

ФОККЕ: Да.

ДИКС: В заключение я хочу задать Вам еще один вопрос общего порядка. Большой ум и широкое образование Шахта никем не оспаривается. Сам Шахт говорил о том, что, несмотря на весь его большой опыт и познания, он все-таки обманулся в Гитлере, вернее Гитлер обманул его. Вы как человек, хорошо знающий Шахта, наверно также задавали себе этот вопрос: чем можно об'яснить эту ошибку, этот обман Шахта? Если Суд разрешит, я буду Вам очень бла

10185

H1200 – 0304

H1200 – 0305

годарен, если Вы выскажете свое личное мнение по этому вопросу, но...

(К микрофону подходит судья Джексон)

Г-н ДЖЕКСОН: Ваша честь, разрешите мне выступить с возражением. Я не понимаю, как ход мыслей доктора Шахта может быть об'яснен кем-либо другим. Я не возражал против изложения любых фактов которые известны этому свидетелю. Мы даже разрешили ему детально останавливаться на весьма пространных частных разговорах. Однако умозрительные предположения по поводу хода мыслей Шахта выходят за рамки доказательной силы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Дикс, я полагаю, что я уже раньше сказал, что Вы не можете при помощи одного свидетеля передать мысли другого человека; Вы можете излагать только его действия и заявления.

ДИКС: Ваша честь, прежде чем задать этот вопрос, я сказал, что я прошу разрешения суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас Вы получили ответ. Трибунал не дал своего разрешения.

ДИКС: Хорошо, оставим этот вопрос. Разрешите, Ваша честь, поставить еще один вопрос. Я могу задать еще ряд вопросов, относительно обращения Шахта с евреями. Мне лично, кажется, что на этот вопрос здесь давались самые исчерпывающие ответы, поэтому нет необходимости в том, чтобы этот свидетель приводил еще примеры относительно позиции Шахта в отношении этого вопроса. Я прошу разрешения поставить тот же самый вопрос относительно масонов, т.к. об этом здесь еще ничего не говорилось.

Господин свидетель, что Вам известно об отношении к масонам... об отношении д-ра Шахта к масонам ?

ФОККЕ: Да, партия потребовала, чтобы масоны были удалены из среды чиновников. Шахт сказал тогда: "Я не позволю говорить мне таких вещей: всякий знает, что я сам масон. Как же я могу предпринять что-нибудь против отдельных чиновников только потому, что они принадлежат к ордену масонов?" Шахт, пока он оставался на своем посту, не предпринимал ничего против масонов и спокойно давал им очередные повышения.

ДИКС: И теперь последний вопрос. Скажите, известно ли Вам что-либо относительно того, что Шахт получал какие-либо дотации во время войны или при Гитлере пользовался как чиновник какими-нибудь экономическими преимуществами?

ФОККЕ: Нет, о таких вещах в отношении Шахта не может быть и речи. Кроме того, ему никогда не предлагались никакие дотации. Что касается денег, то Шахт вел себя как один из самых чистоплотных и стойких людей. Я могу привести один пример, когда он, например, во время своего ухода в 1930 г. уменьшил свою пенсию больше, чем наполовину по сравнению с пенсией вице-президента или даже простого члена директората, сказав при этом: "Эти господа посвятили всю свою жизнь банку. Я же отдал банку лишь несколько лет своей жизни". Я могу привести здесь целый ряд примеров, свидетельствующих о необыкновенной корректности господина Шахта в этом отношении.

ДИКС: Мне кажется, что Трибунал этого не желает, и нет необходимости приводить другие примеры.

Я окончил допрос этого свидетеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желают ли другие члены защиты задать какие-либо вопросы свидетелю?

ШТЕЙНБАУЭР (защитник подсудимого Зейсс-Инкварта).

Господин свидетель, помните ли Вы о мероприятиях финансо-

H1200 – 0306

H1200 – 0307

во-политического порядка во время присоединения Австрии в марте 1938 года? Помните ли Вы о них, хотя бы в общих чертах?

ФОККЕ: Да, я помню о некоторых из них.

ШТЕЙНБАУЭР: Тогда было издано два закона: один от 17 марта 1938 года относительно перевода шиллинга в марки и второй закон о том, что имперский банк берет на себя дела национального австрийского банка. Господин доктор Шахт, вступая вчера в качестве свидетеля, показал, что 11 марта его спросили о том, какой курс валюты он считает правильным для введения в Австрии, на случай, если в последнюю вступят германские войска. Он на этот запрос ответил следующим образом: по последнему биржевому курсу - два шиллинга соответствуют одной марке. После присоединения Австрии мой подзащитный доктор Зейсс-Инкварт заявил Гитлеру протест против такого заниженного курса шиллинга и добился того, что было установлено следуюлее соотношение: 1 шиллинг = 1,5 марки. Правильно ли это?

ФОККЕ: До вступления германских войск в Австрию я ничего не слышал о том, чтобы директор имперского банка делал какие-то предложения о соотношении шиллинга и марки. Он был посвящен во все эти вопросы после вступления войск в Австрию. Его предложения о соотношении исходили из чисто деловых соображений банковского порядка, которые соответствовали существовавшим тогда условиям. По тогдашним условиям имело место лишь минимальное округление курса. Это было делом правительства, если оно для того, чтобы приобрести расположение австрийского населения или подкупить его, хотело предоставить этому населению что-то особенное.

ШТЕЙНБАУЭР: Второй закон разбирает вопрос об австрийском национальном банке. Сегодня во время своего допроса

Шахт показал, что национальный австрийский банк не был ликвидирован, он, по его словам, растворился, присоединился к имперскому банку. Я нашел этот закон, во втором параграфе которого говорится, что австрийский национальный банк ликвидируется. Это документ № 2313-ПС. Я Вас спрашиваю, господин свидетель, что Вам известно о том, был ли национальный австрийский банк ликвидирован или он остался как эмиссионный банк?

ФОКНЕ: Эмиссионное право австрийского банка, само собой разумеется, перешло в руки имперского банка, который насколько мне известно, взял на себя дела национального австрийского банка в Вене. Отдельных деталей этого вопроса я не помню, ими занимался мой коллега Кесник.

ШТЕЙНБАУЭР: Может быть Вы вспомните, если я прочту Вам отрывки из официальных сообщений национального австрийского банка: в марте 1938 года золотой запас австрийского национального банка равнялся 243 миллионам шиллингов, а запас девизов - 147 миллионам шиллингов, т.е. всего было 400 миллионов шиллингов золотом. Все эти запасы перешли в распоряжение имперского банка?

ФОКНЕ: Я не знаю всех этих дел. Но если это было сделано то только правительством, путем издания соответствующего закона.

ШТЕЙНБАУЭР: Да, у меня есть этот закон от 17 марта. Я хотел лишь выяснить, что сегодня господин Шахт без всякого намерения допустил ошибку. В законе, который он сам подписал, говорится: "Должен быть ликвидирован". У меня нет больше вопросов.

ЛАТЕРНЗЕР: (защитник генштаба и ОКВ).

Господин свидетель, Вы уже показали, что доктор Шахт отличался в корне от военных начальников, так как он по отноше-

10189

H1200 - 0308

H1200 - 0309

нию к режиму остался свободным человеком. Я хочу спросить Вас, поскольку Ваше высказывание является до некоторой степени оценкой этих высших военных начальников: с кем из военных начальников Вы знакомы лично?

ФОККЕ: Ни с кем.

ЛАТЕРНЗЕР: Вы и сейчас придерживаетесь этой оценки?

ФОККЕ: У нас, в имперском банке, считали, что Кейтель и другие господа были слишком уступчивыми по отношению к Гитлеру.

ЛАТЕРНЗЕР: Если Вы лично не знаете этих людей, то не кажется ли Вам, что Вы не можете дать такой категорической оценки, как Вы это сделали?

ФОККЕ: Мне кажется, что я могу это сделать.

ЛАТЕРНЗЕР: У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желает ли Обвинение подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

ПЕРЕКРЕСТНЫЙ ДОПРОС

Г-н ДЖЕКСОН: Свидетель, насколько я понял, Вы в первый раз встретили Шахта во время официального визита, который Вы нанесли г-ну и г-же фон Ламм в Брюсселе?

ФОККЕ: Да.

Г-н ДЖЕКСОН: В первые годы первой мировой войны?

ФОККЕ: Да.

Г-н ДЖЕКСОН: Тогда Шахт занимал какую-то должность в штате фон Ламма?

ФОККЕ: Да.

Г-н ДЖЕКСОН: Какую должность занимал Шахт ?

ФОККЕ: Я сейчас не могу точно сказать. Он был одним из референтов. Я не имел с ним ничего общего, кроме того, что господин Ламм, когда я однажды был послен в Брюссель для переговоров с ним, использовал эту возможность, чтобы представить мне своих сотрудников. Серди них был и Шахт. Мое зна-

комство с ним ограничилось этим представлением.

Г-н ДЖЕКСОН: А какую должность занимал фон Ламм ? Что он делал в Брюсселе?

ФОККЕ: Он был уполномоченным банка при штабе армии.

Г-н ДЖЕКСОН: При главном командовании германской армии?

ФОККЕ: Уполномоченным банка при штабе оккупационной армии.

Г-н ДЖЕКСОН: Он был назначен Германией?

ФОККЕ: Несомненно.

Г-н ДЖЕКСОН: Хорошо, он был немцем, а не бельгийцем.

ФОККЕ: Да, он был немец.

Г-н ДЖЕКСОН: Через некоторое время после этого Шахт был уволен фон Ламмом, - не так ли ?

ФОККЕ: Да.

Г-н ДЖЕКСОН: И Вы беседовали по этому поводу с фон Ламмом, а также с Шахтом, не так ли? Скажите мне, посетили ли Вы ...

ФОККЕ: Официальный отчет об освобождении Шахта от должности я читал в Берлине. Я был в то время одним из сотрудников в министерстве внутренних дел. С Шахтом я говорил впервые об этих вещах, когда он стал президентом имперского банка и несколько дней спустя беседовал со мной.

Г-н ДЖЕКСОН: Скажите, до того, как Шахт стал сотрудником в штате фон Ламма, он был директором Дрезденского банка.

ФОККЕ: Да.

Г-н ДЖЕКСОН: И причиной его увольнения явилось то, что Шахт передал этому банку большую сумму в бельгийских франках.

ФОККЕ: Да. Я не знаю, как велика была эта сумма.

Г-н ДЖЕКСОН: Но это была большая сумма?

10121

H1200 - 0310

H1200 – 0311

ФОККЕ: Возможно.

Г-н ДЖЕКСОН: И это, с точки зрения фон Ламма дало Дрезденскому банку преимущества, что было несовместимо с положением Шахта, как государственного чиновника.

ФОККЕ: Во всяком случае, господин фон Ламм рассматривал этот вопрос со строгой точки зрения. Он не знал еще тогда как следует Шахта, который не был чиновником.

Г-н ДЖЕКСОН: И фон Ламм созвал совещание, на котором сделал выговор Шахту ?

ФОККЕ: Да.

Г-н ДЖЕКСОН: И Шахт дал об"яснения фон Ламму, который счел, что они не были искренними, а являлись только ложью ?

ФОККЕ: Да. Такова была точка зрения Ламма.

ДЖЕКСОН: Итак фон Ламм сказал Вам об этом ?

ФОККЕ: Об этом было написано в отчетах, которые я читал.

Г-н ДЖЕКСОН: Когда Вы пришли поговорить с Шахтом об этом и о его ответе фон Ламму, Шахт сказал Вам, что возможно, этот ответ не был совершенно откровенным, но он не был ложью ?

ФОККЕ: Да.

Г-н ДЖЕКСОН: Однако, как Вы показали, выслушав обе стороны, Вы вместе со всеми другими директорами имперского банка возражали против назначения Шахта на пост президента имперского банка ?

ФОККЕ: Да.

Г-н ДЖЕКСОН: Вы, вместе со всеми другими директорами банка придерживались той точки зрения, что поведение Шахта в деле с Бельгийским банком было не совсем честным и не совсем правильным.

10192

H1200 – 0312

ФОККЕ: Да.

Г-н ДЖЕКСОН: Когда доктор Шахт вновь вернулся в имперский банк уже при нацистском режиме то, насколько я понимаю, имперский банко-директорат встретил его с большим предубеждением и сдержанностью, потому-что он " тогда в наших глазах был нацистом. Он был в близкой связи с Гитлером и держал многие вещи в секрете от нас, своих коллег".

Это правильно не так ли ?

ФОККЕ: Этого я не могу сказать. Во всяком случае к Шахту относились неблагожелательно, о чем я уже говорил раньше. Мы все, и я лично предполагали, хотя и несправедливо, что он был нацистом. То, что Шахт утаил от нас и утаил- ли он от нас что-либо, это возможно, но я этого не знаю.

Г-н ДЖЕКСОН: Разве Вы не заявили в своих показаниях, что Шахт был в близкой связи с Гитлером и держал некоторые вещи в секрете от нас, своих коллег " ?

ФОККЕ: Я не знаю, скрывал ли он от нас что либо. Это вполне возможно, но доказать я этого не могу.

Г-н ДЖЕКСОН: Разве не правда, что несколькими годами позже, когда уже наступили критические моменты в нашей денежной системе, денежном обращении, ценах и системе заработной платы до нас дошли из полуофициальных источников слухи о том, что Шахт обещал Гитлеру финансировать вооружение" Разве Вы не сказали это ?

ФОККЕ: Что Шахт дал Гитлеру такое обещание ?-Да. имелись подобного рода слухи в определенных кругах , но, насколько это соответствует действительности- я не знаю.

Г-н ДЖЕКСОН: После Мюнхенского соглашения и после речи Гитлера в Заурербрюкене, Вы почувствовали, что тем самым были

10193

H1200 – 0312

H1200 – 0313

разбиты все надежды на мир,- не так ли ?

ФОККЕ: Да.

Г-н ДЖЕКСОН: И после этого Вы вместе с Пилзек делали все, что в Ваших силах для того, чтобы убедить Шахта в том, что надо ускорить решение ?

ФОККЕ: Да.

Г-н ДЖЕКСОН: Доктор Шахт согласился с Вами, но медлил предпринять решительный шаг ?

ФОККЕ: Да. Шахт не противоречил и не выступал против всего дела, он лишь удержал за собой право определить время для вручения меморандума. Это так и было, так как этот меморандум должен был быть подписан всеми , и каждый должен был вносить свои пожелания, что затянуло передачу меморандума с октября до 7-го января.

Г-н ДЖЕКСОН: Соглашение было подготовлено Вами и Пилзек ?

ФОККЕ: Да.

Г-н ДЖЕКСОН: И Вы снова и снова поднимали этот вопрос перед Шахтом ?

ФОККЕ: Да.

Г-н ДЖЕКСОН: И он держал все время у себя черновик Вашего соглашения и он сказал Вам, что он сомневался лишь в том, какой момент будет наиболее подходящим, для того, чтобы представить его Гитлеру ?

ФОККЕ: Да.

Г-н ДЖЕКСОН: И только после того, как Гитлер отказался принять его в Берхтесгадене он, наконец, послал ему этот меморандум.

ФОККЕ: Этого я не знал. Я слышу в первый раз, что Гитлер не принял Шахта в Берхтесгадене. Может быть, это так. Я только слышал, что Шахт был в Берхтесгадене. Насколько я помню, он после своего возвращения говорил о своей встрече с Гитлером и сказал, что теперь настал момент для передачи меморандума.

Г-н ДЖЕКСОН: Хорошо. Ваш меморандум является единственным источником моей информации и согласно моему переводу так сказано:

" Наконец в декабре 1938 года он решился подписать его после последней попытки добиться беседы с Гитлером в Берхтесгадене.

ФОККЕ: Да.

Г-н ДЖЕКСОН: В то время уже имелись предпосылки финансового кризиса ?

ФОККЕ: О, да.

Г-н ДЖЕКСОН: Серьезные затруднения ; инфляция уже стучалась в дверь, как Вы могли бы сказать ?

ФОККЕ: Правительство должно было оплатить мефо-векселя суммой на 3 миллиарда. По соглашению эти векселя должны были быть оплачены в следующем году. В кассе нехватало миллиарда. Министр финансов пришел к нам и просил нас как-нибудь выправить это затруднительное положение, т.к. он 1-го января не будет в состоянии выплатить зарплату. Мы отказались помочь ему и не дали ему ни одного пфеннига. Мы сказали: самое лучшее, если наступит банкротство, которое докажет невозможность существования этой системы. Но он получил деньги от частных банков.

70125

H1200 – 0314

H1200 – 0315

Г-н ДЖЕКСОН: И Вы и Хюльзе, в особенности Хюльзе, задолго до этого высказывали предостережения против ~~принорея~~ принятия имперским банком подобного курса,- это правильно ?

ФОККЕ: Нет,это неправда .

Г-н ДЖЕКСОН: Разве Вы и Хюльзе задолго до этого не предостерегали, что это дело с мефо приведет к затруднениям ?

ФОККЕ: Само собой разумеется, что банк в течение продолжительного времени боролся против мефо-векселей , которые должны были оплачиваться в марте 1938 г. С того времени имперский банк не предоставлял кредитов на вооружение.

Г-н ДЖЕКСОН: Далее, после его увольнения из имперского банка, Вы часто вели беседы с Шахтом и Вы заметили, что он занял очень резкую позицию по отношению к правительству ? Это правильно ?

ФОККЕ: Я не могу сказать, что я очень часто встречался тогда с Шахтом. Сначала мы встречались с ним время от времени, один раз в несколько месяцев. Затем наши встречи прекратились совсем, когда Шахт уехал в Париж, где я видел его всего один или два раза. Но уже в 1938 г. Шахт превратился в одного из самых ожесточенных врагов Гитлера, не после отставки, он стал им уже в 1938 г. " Ххдумаю

ДЖЕКСОН: И Вы сказали, " я думаю, что в глубине души он надеялся, что его вновь призовут после поражения Гитлера для того, чтобы он помог в создании нового и лучшего порядка в Германии ?

ФОККЕ: Конечно. Шахт говорил со мной в Гитеме именно относительно тех людей, которые придут к власти после свержения правительства Гитлера. Мы говорили с ним

о будущих министрах, которые вывели бы Германию из этого состояния отчаяния, Шахт придерживался мнения, что и он призван к тому, чтобы снова оказать помощь.

Г-н ДЖЕКСОН: У меня больше нет вопросов, Ваша честь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желают-ли другие обвинители подвергнуть свидетеля перекрестному допросу ?

/ Возобновляется прямой допрос /

ДИКС: Господин Фокке, на вопросы судьи Джексона, Вы рассказали о позиции и высказываниях господина фон Ламма по поводу событий в Брюсселе. Вы также сообщили Суду высказывание министра Зеверинга, которое он совсем недавно сделал Вам относительно этих событий. Скажите, не говорили ли Вы об этом событии также с председателем имперского суда Симонсом, который в то время был референтом в министерстве иностранных дел и который очень хорошо знал эти события. Вы не говорили с ним об этом ?

ФОККЕ: Да, я говорил с ним и министериаль-директором Левельтом, его превосходительством Левельтом. Я был в то время молодым ассесором.

ДИКС: Вы должны сказать суду, кто был Левельт ?

ФОККЕ: Да, это верно, я говорил тогда по этому вопросу с будущим президентом имперского суда Симонсом и с Левельтом, который стал в последствии младшим статс-секретарем в министерстве внутренних дел. Сведения по этому вопросу дошли до меня служебным порядком, как официального референта в министерстве внутренних дел. Оба эти господина Лумма, которые подсмеивались над важничанием господина Лумма, который имел обыкновение " делать из мухи слона" и по дружески

10194

H1200 – 0316

H1200-0317

подтрунивали и над неудачей господина Шахта. Они оба считали, что все дело было страшно преувеличено.

ДИКС: Мне кажется, что этого вполне достаточно. У меня нет больше вопросов.

С разрешения суда я хотел бы сейчас заметить, что в своих показаниях Шахт заявил, что он посетил Гитлера в Берхтесгадене 2-го января 1939 года и очень долго беседовал с ним. Я сейчас не могу установить: путаю ли я это с показаниями другого свидетеля или Шахт говорил об этом раньше в своих показаниях. Я хотел-бы лишь указать на то, что если-бы Шахт находился сейчас за свидетельским пультом, он мог бы дать нам нужный ответ. Ваша честь , я говорю это потому, что судья Джексон в своих вопросах исходил из того, что Гитлер не принял Шахта в Берхтесгадене и что лишь после этого Шахт решился вручить меморандум. Я напоминаю, что этот свидетель может и не знать, говорил ли Шахт с Гитлером или нет. Если Шахт этого не сказал, ни вчера , ни сегодня, то он может сделать это в любой момент. Я не мог выдумать это. Иной раз смешивают сообщения частных лиц с теми, что слышишь в суде.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Поставьте микрофон перед подсудимым Шахтом так, чтобы он мог говорить, и задайте ему вопрос.

ДИКС: Доктор Шахт, Вы были свидетелем в перекрестном допросе. Не скажите ли Вы Суду, как обстоит дело в этом вопросе.

ШАХТ: В своих показаниях я уже сказал, что 2-го января 1939 года я имел продолжительную беседу с Гитлером в Берхтесгадене в Оберзальцберге и что после этой беседы он предложил, что следует ожидать инфляции, после чего я пришел к убеждению, что настал момент для совершения того шага, который затем был и сделан имперским банком-окончательно отказаться от Гитлера и его методов.

10198

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я хочу задать Вам один вопрос, свидетель, говорил ли Вам когда нибудь подсудимый Шахт, что он был назначен генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики .?

ФОККЕ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда ?

ФОККЕ: Мне кажется, что он был назначен на эту должность в 1935 году, но точно я не могу сказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я Вас не спрашивал о том, когда он был назначен. Я спросил Вас, когда он сказал Вам об этом ?

ФОККЕ: Я этого не знаю, так как мы не имели никакого отношения к этим вопросам. Я знаю только, что он был назначен примерно в 1935 или в 1936 г., скорее всего это было в 1935 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да вопрос, который я Вам задал заключается в следующем: Говорил-ли Вам когда нибудь подсудимый Шахт о том, что он был назначен ?

ФОККЕ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда он сказал Вам об этом ?

ФОККЕ: Мне кажется, в 1935 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель может удалиться.

ДИКС: Могу ли я поставить еще один вопрос свидетелю ? Господин свидетель, имели ли Вы представление о значении этой должности ?

ФОККЕ: Нет, я никогда не слыхал, чтобы подсудимый Шахт, занимая эту должность, что нибудь делал. Он продолжал, как и раньше, свою работу на посту президента имперского банка, и насколько мне известно, он не создал никакого штаба

H1200 – 0318

H1200 – 0319

для этого и он не использовал служащих имперского банка для работы на этой должности.

ДИКС: Известно-ли Вам, что он на этой должности содержал собственное бюро или собственный штаб ?

ФОККЕ: Вы имеете ввиду его деятельность в качестве генерального уполномоченного по вооружению ?

ДИКС: В качестве генерального уполномоченного по военной экономике.

ФОККЕ: Нет. У него не было собственного бюро, и , - насколько я знаю, у него никогда не было особого штаба.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель может удалиться.

ДИКС: Могу ли я перейти к представлению документов ? Представление документов займет не-много времени, я закончу его сегодня еще до конца заседания, так как я имел возможность представить значительную часть этих документов во время допроса свидетелей.

У меня есть просьба общего порядка: я прошу принять без доказательства все то, что мной не зачитывалось или не будет зачитано. В этой связи я указываю на то, что вся моя книга документов, за исключением одного документа или уже передана суду или будет передана сейчас. Единственное исключение представляет собой документ № 32, а именно статья из газеты " Базельские новости" от 14 января 1946 г., о которой уже много раз говорилось. Я не пред"явил этого документа суду по изложенным вчера причинам и не намериваюсь представлять этого документа вообще.

Я сейчас перехожу к первому тому моей книги документов, к тем номерам документов, которые еще не пред"явлены. Это во- первых документ за № 5 Это речь Гитлера в рейхстаге от

I 0200

23 мая 1933 г. Этот документ оглашался Шахтом во время дачи показаний и сейчас я пред"являю его.

Я пред"являю дальше документ за № 27. Это письмо Шахта Герману Герингу от 3 ноября 1942 г. Правда, это письмо уже было пред"явлено суду Обвинением, но я пред"являю этот документ еще раз по следующей причине: в пред"явленном Обвинением документе отсутствует дата написания письма . Эта дата отсутствует также и в нашем экземпляре в силу того, что содержание этого письма передано по памяти. Однако на основании показаний Шахта и подтверждения профессора Крауса, мы отмечаем, что это письмо было написано 3 ноября 1942 г., так как это тоже самое письмо , которое затем вызвало отставку Шахта, 6 январе 1943 года. Этот документ, таким образом, пред"является еще раз для того, чтобы Суд имел возможность точно установить дату. Это был документ № 23.

Я пред"являю теперь документ № 27, оглашать его я сейчас не собираюсь, а прошу принять этот документ без доказательства. Это речь Шахта от января 1937 года по случаю празднества в имперской экономической палате, в январе 1937 г. Затем я пред"являю документ за № 29. Это выдержки из упомянутой книги Гизевиуса. Эти выдержки пред"являются мне в качестве доказательственных документов. Я прошу принять этот документ без доказательства. Я не буду ничего оглашать из этих выдержек.

Следующий документ- это документ № 33 моей книги документов. Документ № 33 представляет собой письмо некого Мертона, жившего ранее во Франкфурте на Майне и эмигрировавшего затем в Англию. Этот Мертон был очень видным лицом во Франкфурте на Майне. Письмо его было направлено юристу в казначейство Англии. Это письмо было представлено мне Обвинением.

10201

H1200 – 0320

H1200 – 0321

Я прошу суд принять без доказательства содержание этого письма и прошу разрешить мне огласить лишь одну фразу на последней странице: " Под конец я услышал о Шахте окольными путями. Лорд Норман, тогда мистер Монтегью Норман, президент английского банка, сказал мне в 1939 г. , незадолго до начала войны, что он только что вернулся из Базеля, где он встретился с Шахтом, который передает мне привет. Лорд Норман также сообщил мне, что Шахт, который вернулся из Базеля в Германию, подвергается большой личной опасности, потому что он попал в большую немилость у нацистов". На этом я покончил с первым томом моей книги документов и перехожу к тому 2-му, который начинается аффидевитами. Я упомяну об отдельных аффидевитах, но оглашать их не буду. Первый документ в этой книге- № 34, представляет собой аффидевит шведского генерального консула банкира д-ра Отто Шнивинда, который уже неоднократно цитировался. Это очень подробный аффидевит инструктивного порядка. Он занимает 18 полных страниц и в целях экономии времени, я ограничусь только тем, что я зачитаю и прошу Суд принять остальную часть этого документа без доказательства. Он уже пред"явлен Суду. Следующий документ, который я собираюсь пред"являть, это документ № 35, который еще не пред"являлся. Прошу прощения, он еще не передан. Этот документ представляет собой аффидевит д-ра Франца Ройтера, которым я уже представлял, когда я говорил о тенденциозности этой биографии. Я прошу Суд принять остальную часть документа без доказательства. Следующий документ № 36, представляет собой письменное показание зятя Шахта-оберрегирунгсрата доктора фон Шерпенберга, бывшего советником при посольстве в Лондоне, затем работавшего референтом в министерстве иностранных дел и работающего теперь в министерстве юстиции в Мюнхене. Я уже зачитывал отдельные выдержки

из этого документа. Прошу суд принять без доказательства всю остальную, не оглашенную мною часть. Следующий документ 37-а уже передан. Отдельные выдержки из этого документа были уже зачитаны / стр. 154 /. Было зачитано то место, где говорится, что уход Шахта с поста президента имперского банка явился предупредительным сигналом для заграницы.
Я также прошу Суд принять остальную часть этого документа без доказательства. Следующий документ- письменное показание сотрудника доктора Шахта по директорату имперского банка, который работал в директорате в то же время, как и только что допрошенный свидетель Фокке. Я пред"являю сейчас этот документ. Я ничего не буду зачитывать и прошу суд принять его содержание без доказательства. Следующий документ, документ № 37-С, представляет собой аффидевит того-же сотрудника. Этот документ уже пред"явлен. Прошу принять его содержание без доказательства. Следующий документ № 38 представляет собой аффидевит генерала от инфантерии Георга Томаса. Этот документ еще не пред"явлен. Я намериваюсь это сделать сейчас и прошу разрешить мне зачитать лишь небольшой отрывок, начинающийся на первой странице этого документа. Это 172 стр. английского текста и 164-я страница немецкого текста. Вопрос: " Шахт хотел воздействовать на Бломберга в смысле уменьшения вооружения . Можете ли Вы дать сведения по этому вопросу ? Когда это было ?

Ответ: с 1934 г. до моей отставки в январе 1943 г. я был начальником военно-экономического штаба или отдела военной экономики и вооружения ОКВ. Как таковой, я имел связь с имперским министром хозяйства и президентом имперского банка Ялмаром Шахтом.
До 1936 г. Шахт несомненно, способствовал вооружению путем предоставления необходимых средств. С 1936 г. он использовал всякую возможность для того,чтобы добиться

10203

H1200 – 0322

H1200 – 0323

от Бломберга ограничения темпов и об"ема вооружения. Его основания для этого заключались в следующем: 1/ угроза валюте, 2/ недостаточное производство продуктов потребления, 3/ внешне-политическая опасность, которую Шахт видел для Германии в слишком больших масштабах вооружения. Последний пункт побуждал его неоднократно указывать Бломбергу и мне на то, что вооружение ни в коем случае не должно привести к новой войне. Это были те же причины, которые побудили его в 1936 г. и снова в 1937 г. угрожать Бломбергу своей отставкой. Оба раза я получил от Бломберга поручение побудить Шахта не осуществлять своей угрозы ухода в отставку. В 1937 г. я присутствовал при беседе Бломберга с Шахтом". Остальную часть этого письменного показания генерала Томаса я оглашать не собираюсь и прошу принять его без доказательства. Следующий документ 39-й частично уже оглашен мною, когда говорилось о роли Шахта в событиях 20 июля и о его связях с генералом Линдеманном. Это аффидевит полковника Ганса Гронау. Я прошу Суд принять без доказательства содержание остальной части документа. То же самое относится к следующему документу / № 40 /, который представляет собой письменные показания сотрудника Шахта по министерству хозяйства, камер-директора в отставке Асмиса. Все моменты, относящиеся к отставке Шахта, я уже зачитывал. Прошу принять без доказательства оставшуюся часть документа. Следующий документ № 41 представляет собой аффидевит статс-секретаря в отставке Карла Христиана Шмидта. Из этого документа я еще ничего не оглашал и прошу у Суда разрешение огласить два места из этого документа. Первое место находится на странице 182 немецкого текста и на странице 190 английского текста. " Когда созданный генералом фон Шлейхером кабинет Брюнинга был распущен самим Шлейхером, Шахт стал считать приход Гитлера к руководству правительством неизбежным.

Он указал на то, что масса немецкого народа относится положительно к национал-социализму и что левые, как и центр, пришли в совершенное бездействие. Недолговременное существование кабинета Папена и Шлейхера было для него очевидным с самого начала. Шахт выступал решительно за сотрудничество опытных специалистов с национал-социалистами, не принимая целиком их программы, которую он иронизировал и которую он называл " действительно зверским мировозрением. Но он считал обязательным патриотическим долгом воздействие на развитие важных внутренних позиций власти и резко осуждал эмиграцию и бегство в укромные места".

Следующий отрывок находится на ст р. 184 немецкого текста и 192 - английского текста. Это два ~~совершенно~~ совсем небольших отрывка. " Я припоминаю мои многочисленные разговоры с Шахтом, когда он говорил о войне, как о невозможной и в экономическом отношении просто безумной затее. Например, мы разговаривали с ним как-то в доме Фрица Тиссена в Мюльгейме, который в 1933 году был тесно связан с Гитлером и Герингом, а с 1934 г. находился в самой резкой оппозиции к ним, и боролся против военных планов, которые считал безумием".

И затем еще одно предложение на той же странице . " Планы Гиммлера и Розенберга о жизненном пространстве в России Шахт обычно называл в разговоре со мной примером безумия среди радикальных партийных кругов". И далее: "Коньком Шахта было взаимопонимание с Англией ".и т.д. Прошу суд принять эту часть документа без доказательства. Это же самое относится и к документу № 42, аффидевиту генералдиректора верхнеселезских коксовых заводов Беркемейра. Я прошу принять этот документ без доказательства.

Теперь я перехожу к документу № 43, который был уже пред"явлен и частью оглашен. Это- переписка между издателем

10205

H1200 - 0324

H1200 - 0325

дневника Дода за 1938 год и сэром Невилем Гендерсоном. Я прошу принять без доказательства незачитанную часть этого документа.

Все , что следует начиная с документа № 44, было уже пред"явлено и я прошу принять содержание этих документов без доказательства. Я отказываюсь от оглашения этих документов.

На этом я закончил представление доказательств по делу подсудимого Шахта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас Трибунал будет продолжать слушание дела против подсудимого Функа.

ЗАУТЕР: (защитник подсудимого Функа)
Господин председатель, с Вашего разрешения я вызываю подсудимого Функа в качестве свидетеля.

/ Функ подходит к свидетельскому пульту/

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите пожалуйста Ваше имя и фамилию.

Функ: Вальтер Эмануэль Функ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги:
" Клянусь Богом...

ФУНК: Клянусь Богом....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Всемогущим и всеведущим

ФУНК: Всемогущим и всеведущим...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что я буду говорить чистую правду...

ФУНК: Что я буду говорить чистую правду...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ничего не утаю и ничего не прибавлю...

ФУНК: Ничего не утаю и ничего не прибавлю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете сесть.

ЗАУТЕР: Господин председатель, разрешите мне предварительно сделать одно замечание. Подсудимый Функ уже в

течение долгих лет болен. До того, как он попал в тюрьму, он находился долгое время в больнице, где ему должна была быть сделана операция. Эта операция не была сделана в связи с создавшейся обстановкой. И сейчас он находится на стационарном лечении.

Учитывая эти обстоятельства и то, что подсудимый хочет как можно скорее окончить свой допрос, я намериваюсь задавать этому свидетелю лишь те вопросы, которые являются крайне необходимыми, вопросы, с помощью которых Вы получите полную картину его жиз-ни и деятельности.

Господин свидетель, когда Вы родились ?

ФУНК: 18 августа 1890 года.

ЗАУТЕР: Таким образом, Вам сейчас 56 лет ?

ФУНК: Да.

ЗАУТЕР: Я сейчас хочу перечислить Вам важнейшие даты Вашей жизни. Вы можете отвечать на них просто " да" или " нет". Таким образом, Вам 56 лет. Вы родились в Восточной Пруссии ?

ФУНК: Да.

ЗАУТЕР: Вы происходите из купеческой семьи, которая жила в Кенигсберге.

ФУНК: Да.

ЗАУТЕР: Затем Вы учились в Берлинском университете ?

ФУНК: Да.

ЗАУТЕР: Вы изучали в Берлинском университете право и государство, литературу, музыку ?

ФУНК: Да.

ЗАУТЕР: Вы происходите из семьи, которая дала целый ряд художников ?

10204

H1200 – 0326

H1200 – 0327

ФУНК: Да.

ЗАУТЕР: В мировую войну Вы сначала служили в пехоте, и в 1916 году вышли в отставку по состоянию здоровья , по болезни мочевого пузыря ?

ФУНК: Да, это так.

ЗАУТЕР: Затем Вы стали редактором некоторых крупных газет. Длительное время Вы колебались, как Вы мне говорили, кем стать- музыкантом или журналистом. Это так ?

ФУНК: Да.

ЗАУТЕР: Но затем Вы решили стать журналистом и в 1922 году по моему, стали главным редактором берлинской биржевой газеты. Это все правильно ?

Ф УНК: Да, это так.

ЗАУТЕР: Может быть, теперь Вы сообщите, какое политическое направление было у этой газеты, где Вы работали приблизительно десять лет в качестве главного редактора ?

ФУНК: Направление этой газеты было буржуазно- национальным. Эта газета не была связана ни с какой партией. Владельцем ее была одна видная берлинская семья издателей.

ЗАУТЕР: Скажите, как относилась эта газета до начала Вашей деятельности в качестве главного редактора и потом, во время Вашей деятельности, к еврейскому вопросу ?

ФУНК: Совершенно нейтрально. Мы вообще не занимались еврейским вопросом.

ЗАУТЕР: Из письменного показания господина доктора Шахта я узнал, что Вы тогда, т.е. в 20-х годах вращались в кругу людей, в которым входили и лица еврейской национальности. В этом кругу часто обсуждались экономические и политические вопросы, например, вопрос золотой валюты

10208

и т.д. Это правильно ?

ФУНК: Я ничего не знаю об этих вопросах.

ЗАУТЕР: Но, так утверждал господин доктор Шахт. Это сообщено им в письменном показании от 7 июля 1945 г. Это документ ПС- 3936.

ФУНК: Я часто находился вместе с лицами еврейской национальности, этого требовала моя профессия. Я был ежедневно на бирже вместе с 4000 евреев.

ЗАУТЕР: Затем, в 1931 г. Вы оставили должность главного редактора ?

ФУНК: Да, это так.

ЗАУТЕР: Что было причиной ?

ФУНК: Я был убежден, что национал-социалистская партия придет к власти и я чувствовал себя призванным добиться признания в партии своих взглядов в политико-экономических вопросах.

ЗАУТЕР: Может быть, Вы скажите более подробно об этих взглядах, в особенности по вопросу о тогдашней партийной борьбе о классовой борьбе и т.д. ?

ФУНК: Германский народ был тогда в очень тяжелом материальном положении и духовным состоянии. Германский народ был разобщен беспрерывной партийной и классовой борьбой. Правительство или правительства не пользовались авторитетом. Парламентская система доказала свою несостоятельность, и я сам в течение 10- 12 лет до этого боролся против оков Версальского договора в своих публичных выступлениях, поэтому я был убежден, что положения Версальского договора виновны в экономическом распаде Германии. Я сам всю свою жизнь боролся за частное хозяйство, так как я был убежден в том, что идея частного

10209

H1200 - 0328

H1200 – 0329

хозяйства неразрывно связана с идеей применения различных способностей каждого человека. Я боролся за частную инициативу предпринимателя , за свободную конкуренцию в достижениях, и в особенности за устранение дикой классовой борьбы того времени и за установление социальной общности народа на основе общности предприятий. Все это были идеи, которые находили отклики в сердцах людей, с которыми я тогда беседовал. Особенно часто я беседовал с Грегором Штрассер.

ЗАУТЕР: / перебивает/ Кто был Грегор Штрассер ? Скажите об этом Суду .

ФУНК: Грегор Штрассер был руководителем организационного отдела национал-социалистской партии и считался вторым лицом после Адольфа Гитлера. И я тогда ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас время об"явить перерыв.

Перерыв до 10 ч. утра 4 мая .

10210

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 4 мая 1946 г.

/Утреннее заседание/

ЗАУТЕР /защитник подсудимого Функа/. Господин председатель, разрешите мне продолжать допрос подсудимого Функа.

Господин доктор Функ, вчера Вы нам кратко рассказали о своей жизни, о том, что Вам 56 лет, что Вы 25 лет женаты, что в течение 10 лет Вы были главным редактором "Берлинер берзенцейтунг", и в заключение Вы изложили свои убеждения относительно развития Германии в будущем.

Может быть, Вы еще раз изложите Вашу точку зрения, так как вчера Вас перебили, и, т.к., кроме того, состояние Вашего здоровья вчера вечером было настолько плохо, что Вы едва ли помните, что Вы рассказали вчера Суду.

Какие убеждения у Вас были относительно хозяйственно-политических перспектив Германии на будущее в то время, когда Вы вступили в партию. Может быть Вы повторите кратко Ваше показание.

ФУНК. В то время Германия находилась в тяжелом экономическом кризисе, который, главным образом, возник вследствие репараций, формы их выплаты и вследствие неспособности тогдашнего правительства решить экономические проблемы. Самым плохим в политике репараций было то, что немецкую марку, валюту, в больших суммах перевозили за границу, не получая взамен каких-либо ценностей. Вследствие этого за границей возник огромный излишек рейхсмарки. В Германии наступила инфляция, и страны со здоровой валютой скупали все в Германии. Создалась большая

H1200 – 0330

H1200 – 0331

задолженность германской промышленности это со своей стороны привело к увеличению иностранного влияния в германской промышленности и к задолженности германского сельского хозяйства. Дело дошло до полного обнищания буржуазии, являющейся основным носителем германской культуры. На каждые две работающие германские семьи приходилась одна безработная семья, и само правительство не имело ни сил, ни мужества решить экономические проблемы. Да, эти проблемы и не могли быть решены лишь экономическими мерами. Сначала было необходимо создать правительство с полным авторитетом и ответственностью и добиться, чтобы народ стал выражать единую политическую волю.

Национал-социалисты завоевали тогда 40 процентов мандатов рейхстага. Народ устремился в партию миллионами, особенно молодежь, полная идеализма, а необычайная личность фюрера действовала как огромный магнит. Экономическая программа партии сама по себе была неясна и, по-моему мнению, в значительной степени была рассчитана на пропаганду, и в партийных кругах, с которыми я столкнулся в 1931 г., эта программа оживленно дискутировалась. Я тогда решил уйти с поста главного редактора большой буржуазной ежедневной газеты и стать самостоятельным, издавая журнал экономической политики, который распространялся в различных экономических кругах, в руководящих кругах партии но также и в экономических кругах германской национальной партии, народной партии и даже среди демократов.

ЗАУТЕР: Г-н д-р Функ, Вы сказали ранее приблизительно так: Ваше тогдашнее убеждение, которое у Вас было с 1931 г. заключалось в том, что только правительство с полным авторитетом и полной ответственностью, то-есть только сильное государство и единая политическая воля Германии могли вывести ее из

тогдашнего кризиса, который был лишь частью мирового кризиса. Может быть тогда Вам приходила мысль о том, мог ли принцип фюрерства, который позже выкристаллизовывался все ясней и ясней, мог ли этот принцип фюрерства быть приведен в соответствие с вашими экономическими взглядами, или, иначе говоря, считали ли Вы в то время, что принцип фюрерства может принести Вам большой урон; что Вы можете сказать по этому поводу?

ФУНК: О принципе правления...

ЗАУТЕР. Принципе фюрерства.

ФУНК: О принципе правления, а это и есть принцип фюрерства, нельзя априори сказать, хорош он или плох. Все дело в конкретных условиях, и, прежде всего, в условиях , которые являются господствующими.

Демократический принцип, принцип парламентаризма не имел в Германии никакого успеха. У Германии и не было таких парламентарно-демократических традиций, как у других стран. В конце концов положение было таково, что при принятии правительством каких-либо решений основную роль играли малочисленные голоса хозяйственной партии, которые в своем большинстве были подкупленными голосами. Следовательно, надо было добиться господства иного принципа, и если в авторитарном правительстве те лица, которые пользуются властью и несут ответственность, хорошие люди, то тогда и правительство хорошо. По-моему, принцип фюрерства - это правление лучших и лучшего, осуществление авторитета сверху вниз, и несение ответственности низших перед высшими. И на основании бесед, которые я вел в 1931 г. с Адольфом Гитлером и другими руководящими лицами партии, и того воодушевления и доверия, с которыми немецкий народ встретил это движение

10213

H1200 – 0332

H1200 – 0333

я заключил, что эта партия должна притти к власти и что лишь она может спасти страну. Я сам хотел в этой партии осуществить свои хозяйственно-политические идеи.

ЗАУТЕР: Господин доктор Функ! Вы только что говорили о личности фюрера. Через кого Вы познакомились с Гитлером или кто были первыми лицами из кругов партии, которые затем привлекли Вас на сторону партии?

ФУНК: Это был главным образом Грегор Штрассер, который, как я уже сказал вчера, устроил мою первую беседу с Адольфом Гитлером, и лишь значительно позже в Берлине я познакомился с Германом Герингом. В остальном в то время у меня было в партии очень мало знакомых, и сам я в партии не играл никакой роли.

ЗАУТЕР: Когда Вы познакомились с Гитлером, какое впечатление он произвел на Вас? Может быть следует еще упомянуть, что в то время в 1931 г., Вы были уже зрелым человеком, 39 - 40 лет. Какое впечатление создалось у Вас тогда о личности, целях и т.д. Гитлера?

ФУНК: Первый разговор с Адольфом Гитлером проходил очень сдержанно. Это и неудивительно, т.к. я пришел к нему из совершенно чуждого для него мира. Он тогда же произвел на меня впечатление незаурядной личности. Он молниеносно воспринимал все проблемы и умел с большим красноречием и выразительными жестами раз"яснять их. У него была привычка затем самому вникать в проблемы, так сказать, разговаривая с самим собой, и при этом он рассматривал эти проблемы с принципиальной точки зрения. Я изложил ему тогда свои хозяйственно-политические воззрения, в частности, рассказал ему, что я основываюсь на

H1200 – 0334

идее частной собственности, которая являлась для меня фундаментом экономической политики и которая неразрывно связана с мыслью об индивидуальных способностях, о различной производительности человека. Он сам охотно признал, что и в его идее экономической политики господствуют принципы отбора, т.е. принцип производительности созидающей личности, и что он приветствует то, что я хочу работать в партии в этом направлении, а также хочу предоставить ему связи и поддержку в экономических кругах, что я и сделал.

Затем, однако, взаимоотношения между фюрером и мной не сблизились, т.к. он сам мне сказал: "Я в этот момент не могу еще установить своих хозяйственно-политических принципов, а с тем, что разрабатывают мои экономические теоретики, как, например, г-н Готфрид Федер, я не всегда согласен". Экономический отдел, который я существовал тогда, руководился д-ром Вагенер.

ЗАУТЕР: Экономический отдел Кем Имперским руководством партии?

ШУНК: Экономический отдел руководился неким доктором Вагенером. К политическим беседам меня не привлекали. Тесные или более тесные взаимоотношения с фюрером у меня были лишь в 1933 и первом полугодии 1934 года, когда я, как начальник прессы имперского правительства, регулярно делал ему доклады. Тогда иногда случалось, что он внезапно прерывал доклад и шел вместе со мной к роялю и просил меня сыграть что-нибудь. Затем отношения вновь стали сдержанными, и когда я стал министром хозяйства, фюрер держался все дальше от меня. Имел ли он для этого особые причины, как показал Ламмерс, я не знаю. Во время всей своей деятельности в качестве министра, я самое большое пять раз привлекался к совещаниям с фюрером. Да, я и не был

H1200 – 0334

H1200 - 0335

нужен ему, так как свои хозяйственно-политические распоряжения он отдавал рейхсмаршалу, как ответственному руководителю экономической политики, а позже, с 1942 года, он отдавал такие распоряжения Шпееру, т.к. вооружение господство вало во всем хозяйстве; а я, как уже сказано, имел с ним более тесные отношения лишь в 1933 году и в первой половине 1934 года, до смерти имперского президента фон Гинденбурга.

ЗАУТЕР: Вы, доктор Функ, очень забежали вперед. Следует вернуться сейчас опять к 1931 и 1932 году, т.е. к тому времени, когда Вы вступили в партию. Когда это было?

ФУНК: Летом 1931 года.

ЗАУТЕР: Летом 1931 года. Вы уже показали Суду, что Вас не останавливал принцип фюрерства по тем причинам, которые Вы изложили.

ФУНК: Наоборот, принцип фюрерства был необходим.

ЗАУТЕР: Вы считали, что принцип фюрерства был в то трудное время совершенно необходим. Однако, меня интересует еще и другое: в партийной программе содержатся еще другие пункты, оказавшие впоследствии неблагоприятное действие и в ходе процесса неоднократно инкриминировавшиеся подсудимым. Я приведу пример - это слово "жизненное пространство". Во время процесса Вы его снова услышали. Подсудимый доктор Шахт также занимался этой проблемой. Может быть Вы коротко сможете сказать о своей собственной позиции в этом вопросе?

ФУНК: Проблема жизни не является каким-то метким словом, а жизненная проблема действительно явилась тогда "проблемой жизни" немецкого народа.

ЗАУТЕР: Жизненное пространство?

ФУНК: Или жизненное пространство. Я тогда понимал под

жизненным пространством вовсе не завоевание чужих стран. Я вообще тогда,как, повидимому, и все немцы, и не думал о войне. Под жизненным пространством я понимал открытие мира для немецких жизненных интересов, т.е. участие немецкого народа в использовании обширных запасов земли. Должно ли это было происходить при помощи обладания колониями или концессиями, или при помощи торговых соглашений, о подробностях этого я тогда не ломал себе голову. Место Германии в мировой экономике до первой мировой войны было для меня решающим, поэтому то я вообще и стал журналистом по экономическим вопросам. Участие Германии в румынской нефтяной промышленности, концессия багдадской железной дороги, растущее влияние Германии в Южной Америке, Китае и вообще в Восточной Азии - все это очень меня воодушевляло. Я тогда уже познакомился с такими людьми, как Франц Гюнтер из дисконтного общества, как Артур фон Гвиннер из германского банка, Карлом Хелфферих, с крупным германским заокеанским торговцем из Гамбурга, Витхефтеном и многими другими немецкими пионерами экономики и я с воодушевлением молодого журналиста принялся за свою профессию.

"Жизненное пространство" было тогда для меня выполнением этих экономических требований и экономического участия Германии в использовании богатств мира, в устранении препятствий, которые ставились нам со всех сторон. И это было совершенно неразумно, что Германия, с одной стороны, должна была платить репарации и выплачивать долги, а с

10217

H1200 – 0336

H1200 – 0337

другой стороны остальные страны отказывались принимать эти долги в единственно возможной форме, а именно - товарами. Тогда во всем мире нарастала большая протекционистская волна. Я напоминаю о тогдашней американской экономической политике, напоминаю об Оттавских договорах. И эта неправильная экономическая политика привела затем, в 1929 - 1930 году к мировому кризису, который тяжело задел также и Германию.

ЗАУТЕР: Вы закончили? Доктор Функ, представитель обвинения в свое время утверждал, что Вы принимали участие в формулировании нацистской программы. Что вы можете сказать по этому поводу?

ФУНК: Я не знаю, что понимал представитель обвинения под нацистской программой.

ЗАУТЕР: Я думаю, партийную программу.

ФУНК: Это совершенно невозможно. Партийная программа насколько я знаю, возникла в 1921 году, тогда я вообще ничего не знал о национал-социализме и Адольфе Гитлере.

10218

Д-р ЗАУТЕР: Господин свидетель, Обвинение далее ставит вам в вину, что в 1932 году вы составили, так называемую национал-социалистскую экономическую программу восстановления, т.е. программу оздоровления немецкой экономической жизни. Верно ли, что вы составили эту экономическую программу восстановления?

ФУНК: В 1932 году для одной из речей Грегора Штрассера я составил экономическую программу, о которой Штрассер затем сказал, что она исходит от меня и передал ее отдельным партийным инстанциям в качестве инструкции и материала для речей.

Эта экономическая программа восстановления, которая по мнению Обвинения должна была стать экономической библией для партийных организаторов, мне кажется ни в какой мере не является революционизирующей программой и вообще не заслуживает внимания. Я думаю, что каждое демократическое правительство приняло и одобрило бы ее. Мне кажется, она напечатана в книге, из которой господин представитель Обвинения брал различные сведения.

ЗАУТЕР: Возможно, г-н свидетель, она отпечатана в книге д-ра Пауля Острайха, которая неоднократно здесь цитировалась. Эта книга посвящена вашей биографии и называется "Вальтер Функ, Жизнь за экономику". Она была представлена Обвинением под № 3505-ПС, США-653. Господин д-р Функ, у меня имеется текст этой программы.

ФУНК: Пожалуйста, прочтите ее.

ЗАУТЕР: Вся программа партии умещается на половине страницы и вообще не содержит ничего, что было бы характерно для национал-социализма.

ФУНК: Да, я и не был тогда еще национал-социалистом, или во всяком случае был совсем молодым членом партии.

ЗАУТЕР: Эту экономическую программу восстановления нужно действительно прочесть, чтобы убедиться в том, как ма-

H1200 – 0338

H1200 – 0339

ло в ней имеется характерного для национал-социалистских требований. Это - такая программа, о которой Функ говорит, что ее могла бы защищать любая другая либеральная,или демократическая, или какая-нибудь другая буржуазная партия. Программа гласит: "Прямое предоставление работы".Это первое требование. Затем: "Производственная кредитоспособность через имперский банк,но без инфляции, восстановление здоровой валюты и здорового кредитного и денежного хозяйства. Общее понижение процентов с учетом индивидуального положения в хозяйстве. Создание отдела внешней торговли и центрального валютного управления. Новое урегулирование экономических отношений с иностранными государствами с учетом потребностей внутреннего рынка и с учетом необходимого для Германии экспорта. Оздоровление общественных финансов, включая общественное страхование. Устранение невыносимых методов балансирования бюджета. Государственные меры по защите сельского хозяйства, Восстановление домо- и землевладения на основе принципа продуктивности и народного здоровья.Расширение германской сырьевой базы, создание новых национальных отраслей промышленности и ремесла, техническая перестройка. Это все, что имеется в этой, так называемой программе экономического восстановления.

ФУНК: Эта программа,как сказал представитель Обвинения, должна была стать официальной декларацией партии по экономическия вопросам. Я бы хотел,чтобы партия признала эти принципы. Позднее у меня были большие затруднения с различными партийными инстанциями относительно моего принципиального отношения к экономической политике. Я всегда был известен в партии,как либерал.

ЗАУТЕР: Как либерал?

ФУНК: Да, как либерал. Я боролся со всеми коллективистскими тенденциями и вследствие этого постоянно имел конфлик

ты с германским трудовым фронтом. В моей позиции относительно политики частного хозяйства меня поддерживал рейхсмаршал Геринг. Он даже по моей инициативе еще во время войны вновь превратил часть заводов "Герман Геринг" в частные владения. Я был противником государственного хозяйства, так как государственное хозяйство всегда дает лишь среднюю производительность. Государственное хозяйство - это стерильное хозяйство. Хозяйство, которое не вызывает ожесточенного соревнования и борьбы индивидуумов и которое останется стерильным и будет давать лишь среднюю производительность. Фюрер ранее постоянно был согласен с этими моими принципами, и для меня было большим разочарованием, когда, в конце концов, в последние годы фюрер так резко выступил против буржуазного мира. Это, собственно говоря, фиаско труда всей моей жизни.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, Трибунал считает, что он может перейти к более важным вопросам, чем говорить о том, каковы были его взгляды в области государственной экономики и частных предприятий.

ЗАУТЕР: Доктор Функ, вы знаете, что именно большая проблема безработицы в свое время дала возможность Гитлеру притти к власти. Как вы представляли себе устранение безработицы после того, как вы узнали, что именно обещание...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, мы слушали показания почти всех подсудимых относительно условий, существовавших в Германии в то время. Этим подсудимым не пред'являлось обвинения в том, что в период между 1933 и 1939 гг. они пытались восстановить германскую экономику.

ЗАУТЕР: Господин председатель, я хотел задать вопрос подсудимому доктору Функу, как он представлял себе устранение безработицы, так как из допроса других подсудимых я заключил, что они видели другие пути для устранения безрабо

H1200 – 0340

H1200 - 0341

тицы,например,с помощью вооружений и т.п. мер. К Функу это,однако,не относится. И я думаю,что для характеристики подсудимого Функа имеет значение вопрос, как он себе представлял устранение безработицы с помощью вооружения или с помощью каких-либо других средств? Я думаю,что на это не уйдет много времени, г-н Председатель, подсудимый Функ по этому поводу выскажется,конечно, очень коротко. Может быть...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я полагаю, он может ответить на этот вопрос одной фразой.

ЗАУТЕР: Г-н Функ, скажите об этом так кратко,как только возможно.

ФУНК: Если я должен ответить одним предложением, то я могу сказать,что тогда я представлял себе устранение безработицы на основании твердого плана, во всяком случае без вооружения...

ЗАУТЕР: А с помощью чего?

ФУНК: С помощью мер, которые я должен бы раз'яснить. Во всяком случае,вооружение стояло вне дискуссии.

ЗАУТЕР: А как же? Скажите коротко.

ФУНК: В Германии было необходимо организовать большое строительство дорог, особенно следовало оживить мотостроение, в частности, автомобильную промышленность, которая должна быть,конечно, защищена соответствующим образом: необходима была большая программа жилищного строительства, так как нехватало сотен тысяч жилых помещений; затем моторизация сельского хозяйства.

Я хотел бы здесь назвать две цифры,которые освещают всю ситуацию. До самой войны из всей германской продукции две трети шло на покрытие личных расходов и лишь одна треть - на покрытие общественных расходов, то-есть вооружение до тех пор не играло решающей роли.

10222

H1200 - 0342

ЗАУТЕР: Господин Функ, теперь мы перейдем к другой главе. Вы помните, что Обвинение представило против вас доказательства, в большинстве случаев косвенные. Я полагаю, таким образом, что эти доказательства меньше относятся к вашим делам, чем к вашим постам. Поэтому я хотел бы спросить вас, какие партийные должности вы занимали?

ФУНК: Лишь один раз в I932 году...

ЗАУТЕР: Только о партийных должностях, не о государственных.

ФУНК: Понимаю. Лишь в I932 г. и лишь в течение нескольких месяцев я выполнял партийные поручения. Тогда Грегор Штрассер хотел создать для меня отдел личного хозяйства, но через несколько месяцев этот отдел был распущен, когда он сам ушел из партии и со своих постов. Затем в декабре I932 г. я получил задание руководить комиссией по экономике, а в феврале I933 г., т.е. через два месяца, я ушел и с этого поста. Оба поручения не имели никакого значения, однако, я ничего не довел до конца за это короткое время, и все господа, сидящие на скамье подсудимых, которые занимали тогда руководящие партийные посты, могут это подтвердить. Больше я не занимал никаких должностей в партии. С I933 г. у меня не было никаких партийных поручений или партийных должностей.

ЗАУТЕР: Этот, так называемый, отдел частного ховяйства, если я верно вас понял, существовал несколько месяцев в I932 г., но практически совсем не действовал, а другой пост - это комиссия по экономической политике. Здесь вы были назначены руководителем в декабре I932 г., а через месяц, в феврале I933 г., непосредственно после прихода к власти, вы ушли с этого, так сказать, поста, это верно?

ФУНК: Да.

ЗАУТЕР: Затем о вашем отношении к партии. Вы были

H1200 – 0342

H1200-0343

членом какой-либо партийной организации, СС, СА и т.д.

ФУНК: Я никогда не принадлежал ни к одной организации партии,ни к СС, ни к СА и, как уже сказано, не принадлежал к корпусу политических руководителей.

ЗАУТЕР: Значит, вы к корпусу политических руководителей не принадлежали?

ФУНК: Нет.

ЗАУТЕР: Вы знаете д-р Функ, что партийные деятели,то-есть старые борцы,ежегодно в ноябре собирались в Мюнхене. Вы сами видели фильм со с'емками этих собраний. Вы были приглашены на этот с'езд 8 - 9 ноября?

ФУНК: Получал ли я приглашения, сейчас уже не помню, это может быть. Но я никогда не присутствовал на таких собраниях,так как эти собрания,предназначались специально для старых членов партии в память о марше к Фельдхеррнхалле. Я никогда не принимал участия в этих собраниях,как и вообще я очень неохотно принимал участие в крупных собраниях. За все время лишь один раз я был на партийном с'езде и один или два раза на крупных собраниях. Эти массовые собрания причиняли мне физическую боль.

ЗАУТЕР: Господин свидетель,после того,как вы стали министром хозяйства, вы получили золотой партийный значок?

ФУНК: Нет,я получил его, когда я был еще начальником прессы имперского правительства.

ЗАУТЕР: Значит,не как министр?

ФУНК: Нет.

ЗАУТЕР: Какое время вы были национал-социалистским депутатом рейхстага?

ФУНК: Всего лишь несколько месяцев - с июля 1932 года по февраль 1933 года. Затем я больше не получал мандата, так как мне сообщил председатель национал-социалистской фракции рейхстага д-р Фрик, фюрер приказал,чтобы мандаты

H1200 – 0344

давались лишь старым членам партии,а у меня был государственный пост.

ЗАУТЕР: Таким образом,при принятии тех законов,которые г-н свидетель играл большую роль на этом процессе,например,закона об особых полномочиях,который практически исключил из управления страной рейхстаг,или закона о запрещении политических партий или закона о единстве партии и государства, то-есть при принятии всех тех законов,которые являлись подготовкой для более позднейшего развития,- были ли вы еще депутатом рейхстага или вы уже ушли из фракции?

ФУНК: Нет,я тогда уже не был депутатом рейхстага,но, несмотря на это, я считал эти законы необходимыми.

ЗАУТЕР: Это - другой вопрос. Но вы уже не были депутатом рейхстага?

ФУНК: Нет, я не был также и членом кабинета.

ЗАУТЕР: Господин доктор Функ, мы здесь неоднократно слышали аффидевит американского генерального консула Мессершмита от 28 августа 1945 г. - документ № I760-ПС. В том месте,которое относится к вам, Мессершмит пишет: "Функ был главным редактором одной из ведущих финансовых газет Берлина до прихода нацистов к власти и очень мало проявлял откровенной симпатии к ним, - т.е к нацистам, когда они пришли к власти".И далее: "Позже он превратился в ярого национал-социалиста и стал одним из самых действенных инструментов партии благодаря своим, без сомнения,крупным важным способностям в различных областях".

Это пишет американский генеральный консул Мессершмит. Разрешите мне зачитать вам также и другую цитату из уже упомянутой книги доктора Стрейха,которая озаглавлена - "Вальтер Функ. Жизнь за экономику" и которая была представлена на процессе под № 3505-ПС. В этой книге он пишет, что возложенные на вас партийные поручения хотя и были кратковременными,но имели особо важное значение.

Что вы можете сказать относительно двух этих цитат?

ФУНК: То,что я стал на сторону партии и с воодушевлением взялся за партийную работу - я уже сказал сам.К организации пропаганды я никогда не принадлежал, как утверждает г-н Мессершмит. Я при всем своем желании не могу вспомнить,чтобы я знал какого-либо Мессершмита,не говоря уже о том,что я будто бы с ним беседовал об Австрии,что он также утверждает.

ЗАУТЕР: Следовательно, об аншлюссе Австрии к Германии вы также не говорили?

ФУНК: Не могу припомнить,хотя,само собой разумеется, присоединение Австрии к Германии,я считал необходимым. Но я не знаю,говорил ли я об этом с г-ном Мессершмитом.

Что касается книги Пауля Острейха,то мне очень жаль, что Обвинение использовало эту книгу как источник информации. Из-за этого возникли ошибки,которых можно было бы избежать и которые мне даже не пришлось бы опровергать. Острейх был человеком, стоящим далеко от партии.

ЗАУТЕР: Кем же он был?

ФУНК: Он был владельцем одной немецкой газеты в Чили и несколько лет работал политическим редактором "Берлинер Берзенцейтунг".

ЗАУТЕР: Политическим редактором?

ФУНК: Он,конечно,в первую очередь хотел обеспечить сбыт своей книги и по этой причине преувеличил мою роль в партии. Может быть,он хотел сделать мне этим приятное. Но,во всяком случае, положение дел,как оно описано в этой книге - неверно.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, в документе Обвинения 3563-ПС упоминается,что вы, доктор Функ,в большом количестве опубликованной литературы назывались экономическо-политическим советником Гитлера, а в другом месте этого

ж

10226

H1200 - 0345

H1200 – 0346

документа говорится,что вас называли уполномоченным Гитлера по вопросам экономики.Я хотел бы спросить вас, было ли это партийной должностью или,как вообще возникло это наименование,на какие функции указывает это название?

ФУНК: Это не было ни партийной должностью,ни партийным званием. Пресса неоднократно называла меня таким образом на основании моей деятельности в интересах партии, которой я занимался в 1932 г. и из прессы по всей вероятности,это название перешло в литературу. Но такой должности или звания не было. Глупо утверждать,что эта деятельность имела тогда столь большое значение, ибо если бы она действительно имела значение,то я без сомнения,сохранил бы эти должности во время прихода к власти партии.Имперский министр питания был также имперским руководителем. Статс-секретарь Рейнгардт в министерстве финансов одновременно был начальником финансового отдела в имперском руководстве. Имперского руководителя по экономике никогда не существовало,а когда партия пришла к власти,я ушел из всех партийных организаций,а также из рейхстага.

ЗАУТЕР: Господин доктор Функ, в ходе процесса один или два раза говорилось об имперском экономическом совете партии. Я прошу обратить на это внимание, - экономический совет партии,т.е. партийный орган. Что вы знаете о задачах и сфере деятельности этой партийной организации?

ФУНК: Мне пришлось долго думать,чтобы вообще вспомнить это учреждение, тем более,что ни Гесс, ни Розенберг, ни Франк, не могли вспомнить ничего подобного. Однако,я смутно припоминаю,что Готфрид Федер обычно собирал для совещаний небольшой круг лиц, которому он присвоил наименование "имперский экономический совет партии",

H1200 – 0347

После прихода к власти его уже не было. Я никогда не принимал участия в заседаниях такого совета и был очень удивлен, когда прочел в Обвинительном заключении,что я был заместителем председателя этого совета. Какого-либо значения этот совет не имел.

ЗАУТЕР: Вы говорите здесь о Готфриде Федере?

ФУНК : Это был инициатор экономической программы и экономических догм партии со дня возникновения партии и до ее прихода к власти.

ЗАУТЕР: Следовательно,он был теоретиком экономических догм партии со дня ее возникновения и до прихода к власти.

ФУНК: Да,затем на первый план вышли д-р Вагнер и Кепплер. Кепплер также официально назывался "экономическим советником фюрера".

ЗАУТЕР: Таким образом, эти лица,г-н доктор Функ,о которых вы только что говорили, по вашему мнению,если я вас верно понял, были теми, кого можно назвать экономическими советниками Гитлера?

ФУНК: Нет,это неверно. Гитлер вообще не принимал советов и особенно в экономическом отношении. Это были лица, занимавшиеся экономическими проблемами в руководстве партии до меня и после меня.

ЗАУТЕР: Может быть так же писали статьи,как например, Готфрид Федер?

10228

H1200 – 0347

H1200 – 0348

ФУНК: Да, он писал много, в частности, он разрабатывал проблему снижения процентов.

ЗАУТЕР: Господин доктор Функ, это были ваши действительные и мнимые партийные посты. Теперь я перехожу к вашим государственным постам. После захвата власти, т.е. в конце января 1933 года, вы стали начальником прессы имперского правительства, а в марте 1933 года, когда было создано министерство пропаганды, т.е. государственное министерство, вы стали статс-секретарем в этом министерстве пропаганды при министре Геббельсе. Как это получилось?

ФУНК: Разрешите мне совсем кратко, связно рассказать об этом?

ЗАУТЕР: Минутку...

ФУНК: Это не займет много времени.

ЗАУТЕР: Тогда я прошу Вас учесть также вопрос, почему вы, собственно, поступили в министерство пропаганды или стали начальником прессы имперского правительства, хотя вы занимались только экономическими вопросами? Пожалуйста, отвечайте.

ФУНК: Рейхсмаршал при своем допросе уже сказал, что он, во-первых, никогда не знал о том, что до 1933 года я вообще работал в партии и что, во-вторых, поручение мне поста начальника прессы в имперском правительстве было совершенно неожиданным. 29 января 1933 года фюрер мне сказал, что среди старых партийных товарищей у него нет никого, кто бы хорошо знал прессу, и он просит меня занять пост начальника прессы, тем более, что с этой деятельностью были связаны регулярные доклады имперскому президенту, а президент знал меня и, как я еще упомяну позже, относился ко мне очень хорошо. Я часто был гостем в его семье и был с ним хорошо знаком.

ЗАУТЕР: Гинденбурга?

ФУНК: Да, Гинденбурга. Это причины, побудившие Гитлера назначить меня на этот пост. Начальник прессы имперского

H1200 – 0349

правительства был министериаль-директор в имперской канцелярии, и мне было не очень приятно, что я вдруг должен был стать чиновником, так как я никогда к этому, собственно, не стремился. Но при всеобщем воодушевлении тех дней и чтобы следовать призыву фюрера, я занял этот пост.

Я регулярно докладывал ему о прессе в присутствии Ламмерса, но это продолжалось лишь полтора года, до смерти имперского президента. Затем эти доклады по делам прессы прекратились. Фюрер пользовался для своих инструкций прессе имперским начальником прессы партии доктором Дитрихом, который позже тоже стал статс-секретарем в министерстве пропаганды.

Когда было основано министерство пропаганды, фюрер просил меня организовать это министерство для того, чтобы д-р Геббельс не занимался экономическим, финансовыми и организационными вопросами; после этого отдел прессы имперского правительства, которым я до тех пор руководил, был включен, как особый отдел, в министерство пропаганды и подчинен непосредственно Геббельсу; этот отдел возглавил особый начальник. Таким образом, с этого момента, т.е. через полтора месяца деятельности в качестве начальника прессы имперского правительства, моя деятельность по информации и инструктированию прессы прекратилась. С тех пор это делал сам Геббельс. Он проводил резкое разделение политических и хозяйственных задач министерства пропаганды. Для пропаганды он привлек своих старых сотрудников из отдела пропаганды партии. Я не привлекался к политической пропаганде, эту работу Геббельс выполнял вместе с партийным аппаратом, в который я не входил. Например, я, как председатель инспекционного совета, должен был финансировать и поддерживать в экономическом отношении имперское общество радио, я руководил этим

10230

H1200 – 0349

H1200 – 0350

предприятием с капиталом в 100 млн., но я никогда не произносил по радио пропагандистских речей. Я также никогда не говорил на больших актах партии или государства. Само собой разумеется, я утверждал необходимость пропаганды для руководства государством и восхищался прямо-таки гениальными методами, с помощью которых Геббельс проводил пропаганду. Но я не участвовал в пропаганде, как таковой.

ЗАУТЕР: Если я Вас правильно понял, в министерстве пропаганды, которое было государственным министерством, Вы занимались лишь административными и организационными вопросами, но сама пропаганда была предоставлена министру доктору Геббельсу и тем людям, которых он взял к себе из отдела пропаганды партии. Это верно?

ЗУНК: Да. Геббельс считал, что для пропаганды необходимо безупречное знание этого материала. Наряду с ним я вообще не выступал с пропагандой, но и в остальном мой пост статс-секретаря был очень ограничен тем, что многие задачи, которые в других министерствах выполняет статс-секретарь, - у Геббельса выполнял его личный референт Ханке, ставший позднее статс-секретарем и гауляйтером. Я думаю, что за все время своей деятельности в министерстве пропаганды я не более трех раз подписался за доктора Геббельса. Один из этих документов Обвинение представило здесь. Это подпись под распоряжением о проведении в жизнь закона, в котором устанавливается срок действительности этого закона.

ЗАУТЕР: Что это за распоряжение?

ЗУНК: Это - рабочее распоряжение к закону об имперской Палате культуры. Законы относительно имперской палаты культуры издавались имперским кабинетом. Я не был в имперском кабинете, но, само собой разумеется, я, как статс-секретарь министерства пропаганды, нес формальную ответственность и, конечно, поддерживал пропаганду, как всякий,

кто находился на руководящих постах в государственной или духовной жизни Германии.

Пропаганда наполняла и проникала во все поры духовной жизни нации соответственно выдающемуся значению, которое придавалось ей в национал-социалистском государстве.

ЗАУТЕР: Господин д-р Функ, Обвинение возлагает на Вас ответственность за законы, которые были приняты в то время, когда Вы занимали пост начальника прессы имперского правительства. Я указываю, например, на законы, которые были представлены под номерами документов ~~XXXXX~~ 2962 и 2963. Это - известные Вам законы об устранении буржуазных свобод в Германии, об устранении у нас парламентарной формы правления. Я прошу Вас сказать, какое отношение Вы имели к этим законам и имели ли Вы, как начальник прессы имперского правительства, влияние на содержание и издание этих законов?

ФУНК: Нет. Впрочем, на этот вопрос уже ответили отрицательно как рейхсмаршал, так и доктор Ламмерс. Я не мог ничего делать, кроме как передавать прессе содержание этих законов на основании тех указаний, которые я получал от фюрера.

ЗАУТЕР: Вы присутствовали на заседаниях имперского кабинета?

ФУНК: Да.

ЗАУТЕР: Вы знали также о решениях и дискуссиях правительства?

ФУНК: Да.

ЗАУТЕР: Это было, собственно, смыслом Вашего присутствия? Но если я Вас верно понимаю, Ваша задача состояла в том, чтобы информировать прессу о принятых решениях после заседания кабинета? Верно это?

ФУНК: Да, это верно.

ЗАУТЕР: Таким образом, Вы не имели влияния на проекты законов, ни на содержание, ни на голосование. Это верно?

ФУНК: Да, я не имел ни места, ни голоса в кабинете.

10232

H1200 - 0351

H1200 – 0352

ЗАУТЕР: Несли ли вы ответственность за политику прессы имперского правительства? Я подчеркиваю "имперского правительства", а не "партии"?

ФУНК: Я уже показал, что получал свои инструкции для прессы от фюрера. Это происходило в течение 1.1/2 месяцев, затем руководство политикой прессы взял на себя доктор Геббельс.

ЗАУТЕР: Вы только-что сказали, что доклады о прессе имперскому президенту Гинденбургу прекратились с его смертью в августе 1934 года.

ФУНК: Да.

ЗАУТЕР: И с этого момента Вы начали делать доклады о прессе имперскому канцлеру Гитлеру? Верно это?

ФУНК: Да, президент в это время умер.

ЗАУТЕР: И после этого на ваше место выдвинулся имперский начальник прессы, т.е. партийный чиновник д-р Дитрих?

ФУНК: Д-р Дитрих принадлежал к числу ближайших сотрудников фюрера, и через него фюрер давал свои директивы прессе.

ЗАУТЕР: Г-н доктор Функ, из уже упомянутой книги доктора Остройха, документ № 3505-ПС, США-653, я цитирую следующее место о Вашей политике в прессе. Цитирую дословно:

"Многие журналисты, работавшие в Берлине и за его пределами, были ему очень благодарны за то, что он заботился об их желаниях и нуждах, в особенности в переходный период.

Это от Функа идет выражение, которое потом так часто цитировалось, что "пресса не должна быть шарманкой"; эту фразу он обратил против "унификации", т.е., если сказать по-немецки, против единообразия и уравниловки - прессы и требовал от нее индивидуального лица. Но, одновременно, он защищал прессу от постановлений официальных учреждений выставить напоказ свой вздор..." Это так?

ФУНК: Да, я писал это. Это было моим мнением. Я делал все, что было в моих силах, защищая прессу от уравниловки

H1200 – 0353

и от произвольных действий, в особенности различных официальных инстанций.

ЗАУТЕР: И мне кажется, Вы уже сказали, что Вы не участвовали в политическом руководстве министерства пропаганды и в пропаганде как таковой. Это верно?

ЗУНК: Да, это верно.

ЗАУТЕР: Господин председатель, теперь я хочу перейти к новому разделу, но, мне кажется, что сейчас следует сделать перерыв.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы сегодня заканчиваем заседание в 12 часов, поэтому я считаю, что сейчас следует продолжать.

Заутер: Господин свидетель, я перехожу к вопросу о Вашем отношении к антисемитизму, причем потому, что на Вас более или менее возлагается ответственность за эти эксцессы по отношению к евреям. Расскажите о Вашем принципиальном взгляде на этот вопрос.

ЗУНК: Я никогда не был антисемитом в смысле расового учения. Антисемитские требования партийной программы я сперва воспринимал как пропагандистские. Тогда евреи преобладали в различнейших жизненно-важных отраслях хозяйства Германии, и имелось много очень умных евреев, с которыми я лично был хорошо знаком и которые не считали, что евреи заинтересованы в захвате господствующего положения в культурной и юридической жизни, в науке и экономике, как это было на самом деле. Итак, в тот период в народе имелись антисемитские тенденции. В культурной жизни влияние евреев было особенно сильным и это влияние, также и с моей точки зрения, было особенно вредным, так как под влиянием евреев возникали тенденции, которые я считал совершенно ненемецкими и даже нехудожественными, особенно в живописи и в музыке. Затем был издан закон об имперской палате культуры, который радикально отстранял евреев от культурной жизни,

но все-таки давал возможность делать исключения. Там, ... было возможно воспользоваться этим правом делать исключения, я это делал. Этот закон, как сказано, является законом имперского кабинета, который и несет за него ответственность. Я никогда не был членом кабинет, и следовательно, я делал все от меня зависящее, чтобы помочь как евреям, так и всем инакомыслящим в области культуры в то время, когда я был в министерстве пропаганды. Это подтвердит и должен подтвердить каждый, кто меня знает по моей деятельности в то время.

ЭЛУТЕР: В своей книге документов под № 1 и 2 я представил два аффидевита: Один - редактора "Франкфуртер цейтунг" по имени Альберт Эвер, и другой - адвоката д-ра Резен. Эти два аффидевита я прошу принять к сведению в качестве доказательства. Первый аффидевит показывает, что подсудимый Функ в свое время, подвергая опасности свое собственное положение, очень заботился об упомянутом редакторе Альберте Эвере из "Франкфуртер цейтунг" и ряде сотрудников этой газеты. В первую очередь, о таких сотрудниках, которые не были арийцами и вследствие этого не могли, согласно стремлениям партии, больше работать, но Функ упорно защищал их.

10235

H1200 - 0354

H1200 – 0355

ФУНК. Не по требованию партии, а по закону Палаты культуры они не могли больше работать.

ЗАУТЕР. Также и по закону Палаты культуры. И затем афицевит ц-ра Реевна, который подтверждает, что подсудимый Функ, например, заботился также о семье композитора ц-ра Рихарда Штрауса и о его неарийских внуках и тем самым подвергал себя некоторой опасности. Это примеры. Но подсудимый может, пожалуй, привести некоторые другие примеры своей заботы о людях.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Под каким номером Вы представляете эти документы в качестве доказательства ?

ЗАУТЕР. В книге документов № 1 и № 2. Подлинники я передал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. № 1 и № 2 ?

ЗАУТЕР. Г-н ц-р Функ, я только что сказал, может быть, Вы, только совсем коротко, сможете привести другие примеры того, что Вы в то время использовали свое служебное положение, чтобы поддержать лиц, занимавшихся искусством и имевших трудности из-за своих убеждений?

ФУНК. С Рихардом Штраусом произошел особый случай. Этот знаменитый композитор современности имел очень большие трудности из-за либретто еврея Стефана Цвейга. Я добилася того, что Рихард Штраус снова был принят фюрером, и это дело было урегулировано. Аналогичные затруднения были у ц-ра Фуртвенглера, так как он в одной статье благоприятно отозвался о композиторе Хиндемите, затем люди, женатые на еврейках, как, например, Легар и др. У них постоянно были большие затруднения вследствие запрета исполнения их произведений. Я добился того, чтобы этим композиторам снова было дано разрешение исполнять свои произведения.

10236

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Функ может утверждать, что он оказывал помощь сотням евреев, но это не опровергает того факта, что он действовал враждебно путем подписания декретов против еврейской расы, хотя он и оказывал помощь некоторым своим друзьям евреям. Во всяком случае, я думаю, здесь нет необходимости вдаваться в какие-либо подробности.

ЗАУТЕР. Господин президент, мы стоим на той точке зрения, что для характеристики личности подсудимого известное значение имеет то, подписывал ли он распоряжения, содержащие какой-либо антисемитский смысл, потому что он был чиновником и был обязан это делать на основе своей присяги, или же он подписывал эти законы потому, что он сам является антисемитом и потому, что он притеснял еврейских соотечественников и хотел их лишить их прав, и лишь поэтому ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Заутер, по мнению Трибунала, Вы достаточно ясно установили, что он помогал друзьям евреям. Но это не является таким вопросом, который следует рассматривать настолько подробно.

ЗАУТЕР. Хорошо, господин президент. Я перехожу к другому пункту. Я хотел бы спросить подсудимого, как с течением времени проходила его деятельность в министерстве пропаганды ?

ФУНК. В том же самом направлении, о котором я уже сказал. Я управлял большими концернами культуры, науки, кино, радио, театров, был советником-контролером и председателем общества филармонических оркестров. Затем я был в совете германской экономики, который руководил экономической деятельностью всего хозяйства внутри страны и за границей. Это в общем было моей работой.

10237

H1200 – 0356

H1200 – 0357

ЗАУТЕР. Господин свидетель, Обвинение представило относительно Вашей деятельности в министерстве пропаганды письменные показания под присягой бывшего райхсляйтера прессы, мне кажется, Макса Амана под номером 3501-ПС, на которые я ссылаюсь. В этом письменном показании под присягой находится предложение о том, что Вы, доктор Функ, я цитирую дословно: "практически были министром пропаганды..." и далее говорится - я снова цитирую: "Функ осуществлял полный контроль над всеми средствами просвещения в Германии - над прессой, радио, музыкой и театром". Прошу Вас высказаться по этому поводу, но Вы должны сделать это совсем кратко, так как я представил суду другой аффидевит Макса Амана, на который я сейчас сошлюсь.

ФУНК. Аман знал министерство лишь с внешней стороны. Вследствие этого он не имел точных сведений о внутренних делах министерства. Моя работа проводилась так, как я здесь обрисовал. Глупо утверждать, что при таком министре, каким был доктор Геббельс, министерством руководил кто-то другой, который вовсе не был министром. Доктор Геббельс проводил такую исключительную и всеобъемлющую деятельность в области пропаганды, что наряду с ним никто вообще не мог быть принят в расчет.

ЗАУТЕР. Господин председатель. В дополнении к книге документов Функа под № 14, документ № 3, у меня имеется письменное показание под присягой бывшего райхсляйтера Макса Амана. Я прошу принять к сведению в целях доказательства этот аффидевит. Я думаю, что мне не следует зачитывать его целиком. Я снял это письменное показание в присутствии и при содействии представителя Обвинения.

Самое существенное в этом афидевите от 17 апреля 1946 г., заключается в том, что, как это признает и Макс Аман, Функ к пропаганде, собственно, не имел никакого отношения, т.-е. не делал докладов по радио, не произносил пропагандистских речей, а что он, главным образом, занимался лишь организацией и управлением министерства.

Теперь, господин председатель, я перехожу к посту последнего, как имперского министра хозяйства. Господин доктор Функ, до 1937 года Вы были статс-секретарем министерства пропаганды, а затем в конце ноября 1937 г., после ухода Вашего предшественника доктора Шахта, стали имперским министром хозяйства. Можете ли Вы нам об"яснить, конечно, по возможности кратко, как произошла эта смена и почему Вы были назначены на этот пост ?

ФУНК. И это было для меня полной неожиданностью. Я встретился в опере с фюрером, он отвел меня в антракте в сторону и заявил мне, что разногласия между Герингом и Шахтом стали совершенно непримиримыми и что он поэтому должен удалить Шахта с поста имперского министра хозяйства и просит меня занять пост министра хозяйства, так как он с давних пор очень хорошо знает мои экономические познания и опыт. Он просил меня связаться с рейхсмаршалом Герингом, который скажет мне все, что нужно. Это был единственный разговор, который я имел с фюрером по этому поводу.

ЗАУТЕР. Вы говорили затем с Герингом ?

ФУНК. Затем я отправился к рейхсмаршалу: он заявил мне что он намеревался поручить руководство министерством хозяйства статс-секретарю, но что он, однако, затем пришел к убеждению, что целесообразнее слить большой аппарат четырехлетнего плана с аппаратом министерства хозяйства, но

10239

H1200 – 0358

H1200-0359

имперский министр хозяйства должен работать соответственно его указаниям и, в частности, он оставляет генеральных уполномоченных по отдельным решающим отраслям промышленности, которые свои директивы получают непосредственно от генерального уполномоченного по четырехлетнему плану. Для того, чтобы предпринять необходимую перестройку, рейхсмаршал взял на себя руководство имперским министерством хозяйства и передал его мне в феврале 1938 года.

ЗАУТЕР. То-есть фактически в течение приблизительно четверти года Геринг сам руководил имперским министерством хозяйства ?

ФУНК. Под его руководством была произведена реорганизация. Экономической политикой он руководил как в то время, так и позднее, так как четырехлетний план оставался решающим и направляющим фактором в отношении управления связями, которые определяли деятельность министерства питания, использования рабочих, что определяло деятельность министерства труда; оставались генеральные уполномоченные по отдельным отраслям хозяйства, по углю, железу, химии и т.д., которые непосредственно подчинялись уполномоченному по четырехлетнему плану. Имперское министерство экономики, таким образом, получило от четырехлетнего плана некоторые инстанции, которые продолжали работать и дальше полностью самостоятельно, как, например, имперское учреждение по строительству и исследованию под руководством профессора Штрауха, имперское учреждение по исследованию почвы, которым руководил статс-секретарь Кэпплер, о котором упоминалось в связи с Чехословакией и Австрией.

Я старался отделаться от этих учреждений и до сих пор не знаю, что там делалось. Они, как и раньше, чувствовали себя подчиненными не министру экономики, а уполномоченному по четырехлетнему плану.

ЗАУТЕР. Доктор Функ, самое важное в том,что Вы сейчас нам рассказали, мне кажется, заключается в том, что, хотя Вы и получили звание министра, но что на самом деле Вы вовсе не были министром, а лишь имели функции статс-секретаря, и что Ваше так называемое министерство хозяйства полностью подчинялось директивам четырехлетнего плана, а именно Вашего сопредседателя Геринга, и было связано с этими указаниями.

Правильно ли я Вас понял ?

ФУНК. Последнее верно, и рейхсмаршал сказал здесь об этом, т.-е. подтвердил это. Но первое неверно, так как я всегда, по крайней мере, формально занимал пост министра и руководил огромной областью административного руководства, которой рейхсмаршал, конечно, не мог заниматься Это и было как раз смыслом организации : рейхсмаршал руководил экономической политикой в общем, в решающем, давал мне соответствующие указания, но выполнял их, естественно, министр и его организация. Верно, поста министра, как его обычно понимают, не было. Существовало, так сказать, высшее министерство,но в жизни у меня, к сожалению всегда так получалось, я так сказать подходил до дверей, но войти не смел.

ЗАУТЕР. На процессе получилось по иному. Г-н доктор Функ, Обвинение утверждает, что хотя Вы, собственно, не были министром с полной ответственностью министра и с его самостоятельностью, что, несмотря на это, Вы, доктор Функ, как имперский министр хозяйства руководили теми отраслями промышленности Германии, которые стратегически

10241

H1200 – 0360

H1200 – 0361

относились к группе военной промышленности и промышленности вооружения, в частности сырья и полуфабрикаты, затем горное дело, сталелитейная промышленность, электростанции, ремесло, финансы, кредит, внешняя торговля и девизы.

Я напомню Вам, доктор Функ, показания на странице 22 немецкого текста обвинительного заключения, которые я обсуждал с Вами несколько дней назад.

ФУНК. Формально это правильно. Но я уже говорил, каково было действительное положение вещей. К промышленности вооружения я не имел никакого отношения. Эта промышленность подчинялась сперва главному командованию вооруженных сил, начальнику отдела вооружения Томасу, который был участником заговора Шахта, о котором мы слышали здесь. Министр вооружения Тодт, назначенный на пост в 1940 году и забравший у меня всю энергетическую промышленность. Позже я передал также все гражданские отрасли промышленности министру вооружения Шпееру.

ЗАУТЕР. Что Вы понимаете под гражданскими отраслями ?

ФУНК. Уголь, химию и производство предметов широкого потребления. Но основные отрасли промышленности и в этой области, как я уже сказал, подчинялись уполномоченному по четырехлетнему плану. Так получилось, что министерство хозяйства постепенно превратилось в чисто торговое министерство, которое занималось лишь распределением предметов широкого потребления.

ЗАУТЕР. Господин председатель, может быть, Вы разрешите мне занять несколько еще секунд, чтобы закончить эту главу?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Конечно.

ЗАУТЕР /Обращается к Функу/. Итак, расскажите коротко. Вы что-то хотели сказать еще об использовании золота и девизов. Кто ведал этим ?

ФУНК. Этим занимался руководящий отдел цевизов при уполномоченном по четырехлетнему плану и, согласно его указаниям, действовал рейхсбанк.

ЗАУТЕР. А внешней торговлей ?

ФУНК. Этим ведало министерство иностранных дел. Министр иностранных дел упорно отстаивал это право.

ЗАУТЕР. А что делало министерство хозяйства ?

ФУНК. Министерство хозяйства и рейхсбанк занимались техническим осуществлением, клирингом, расчетом и т.д.

ЗАУТЕР. Господин председатель, сейчас я хочу перейти к допросу Функа о его деятельности в Рейхсбанке. Мне кажется, это подходящий момент для перерыва.

/Трибунал об"является перерыв до 6.У,
10 час. утра/

10243

H1200 – 0362

H1200 – 0363

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 6 мая 1946 г.

/Утреннее заседание/

Встать ! Суд идет !

Д-р ЗАУТЕР: Г-н председатель, позвольте мне продолжить допрос подсудимого Функа.

В субботу мы остановились на вопросе назначения подсудимого Функа имперским министром хозяйства. Сейчас я перехожу к вопросу его назначения на должность президента имперского банка.

Г-н свидетель, в январе 1939 г., мне кажется, вы были назначены на должность президента имперского банка в качестве преемника д-ра Шахта. Как произошло это назначение ?

ФУНК: В середине января 1939 года, вернувшись из поездки, я был вызван к фюреру. Когда я к нему пришел, я застал его в страшном возбуждении. Он заявил мне, что имперский министр финансов сообщил ему, что Шахт отказался предоставить необходимые кредиты для финансирования и что вследствие этого империя оказалась в очень затруднительном финансовом положении. С большим волнением фюрер заявил, что Шахт саботирует его политику, что он не потерпит далее, чтобы имперский банк продолжал мешать проведению его политики. В директорате имперского банка сидят сплошные дураки, если они думают, что он и дальше будет терпеть подобное отношение. Ни одно правительство в мире и ни один глава правительства в мире не позволили бы, чтобы их политика зависела от желания или нежелания эмиссионных банков.

Фюрер заявил, что с настоящего момента он, заслушав предложения и требования имперского министра финансов, сам будет определять, какие кредиты имперские банки должны предостав -

лять империи. Он дал Ламмерсу задание вместе с имперским министром финансов разработать распоряжение, согласно которому было бы изменено положение, занимаемое имперским банком на основе Версальского договора, и согласно которому всеми кредитами для империи будет распоряжаться лично он - фюрер.

Фюрер далее сказал, что он просит меня взять на себя руководство имперским банком, на что я ему ответил, что я выполню его желание, но что вначале я должен иметь от него подтверждение того, что предпосылки стабильности валюты будут сохранены и в дальнейшем.

Здесь один из свидетелей говорил, что дальнейшее предоставление кредитов в то время могло бы привести к инфляции. Я считаю, что это заявление неправильно и лишено всякой состоятельности. 12 миллиардов кредита могут легко привести к инфляции, и совершенно необязательно, что 20 миллиардов кредита приведут к инфляции, если у государства есть необходимый авторитет, чтобы поддерживать стабильность цен и зарплаты и проводить в жизнь положения об установлении цен и управлении хозяйством, если народ поддерживает необходимую дисциплину, и если, наконец, денежные средства, которые на основании предоставления расширенного кредита представляют собою излишнюю покупательную силу, будут из"яты путем налогов. В этом случае валюта не подвергается никакой опасности. Факт, что германская рейхсмарка до окончания войны была стабильной и покупательная сила денег, необходимая для жизненных потребностей была в Германии обеспечена. Кроме того, потребительная стоимость денег была ограничена тем, что предметы широкого потребления изготовлялись только в ограниченном масштабе, поскольку вся промышленность занималась изготовлением предметов вооружения.

10245

H1200 – 0364

H1200 – 0365

ЗАУТЕР: Г-н доктор Функ, Вы кончили ?

ФУНК: Нет, я еще не кончил, мне кажется , что это один из самых важных вопросов.

В других странах предоставление больших кредитов во время войны тоже ведь не вызывало инфляции. Задолженность, как в Соединенных Штатах , так и в Англии была относительно, а иногда и абсолютно большей чем в Германии. В этих странах правильная денежно-финансовая политика сумела разрушить устаревший тезис, о том, что война неизбежно влечет за собой нарушение стоимости денег.

Германский народ до конца войны, до страшной катастрофы сохранил удивительную дисциплину, а деньги будут оставаться государственным орудием и валюта будет иметь свою цену до тех пор , пока государство пользуется авторитетом, чтобы удержать стабильность валюты, поддерживать хозяйство в порядке и пока народ сам сохраняет необходимую дисциплину. Я принял на себя этот пост не потому, что я был убежден, что Германия сейчас движется к инфляции, а наоборот, потому, я сознавал, что путем проведения соответствующей государственной политики стабильность валюты можно сохранить . И действительно , она была сохранена. Принципиальная разница между положением Шахта и моим положением состояла в том, что во времена Шахта рейхсбанк мог решать вопрос о предоставлении кредитов эмиссионного банка империи, в то время как у меня было отнято это право, и ответственность за внутреннее финансирование была возложена на министра финансов и на самого фюрера.

ЗАУТЕР: Господин доктор Функ, у меня еще один вопрос. Может быть, несмотря на плохое состояние здоровья, Вы сможете говорить немного громче, чтобы, например, стенографистки могли Вас легче понимать. Приложите усилие, мы

мы по возможности сократим допрос.

Господин свидетель ! Кроме тех должностей, о которых мы до сих пор говорили, Вы, наконец, получили еще один пост, тоже в качестве преемника д-ра Шахта, пост генерального уполномоченного по экономике. Может быть Вы сможете более подробно изложить свою точку зрения на этот комплекс вопросов, что необходимо для выяснения Вашего положения, Вашей деятельности и результатов ее ?

ФУНК: Здесь у меня была самая низкая слабая позиция. Как правильно сказал рейхсмаршал и как это подтвердил доктор Ламмерс. Эта должность существовала только на бумаге. Это было также существенной разницей в положении, которое занимал Шахт, и в положении, которое занимал я. Шахт был назначен генеральным уполномоченным военной экономики. Я-же уполномоченным по экономике. Согласно имперскому закону об обороне от 1938 года, генеральный уполномоченный по экономике должен был координировать подготовительную работу всех гражданских экономических ведомств для будущей войны. Между тем эти экономические ведомства были переподчинены уполномоченному по четырехлетнему плану и я, в качестве генерального уполномоченного по экономике . также подчинялся его указаниям. Вследствие этого в полномочиях и правах, как они были формально установлены, возникали неясность и параллелизм , наши функции перекрещивались. Все это привело к тому, что уже спустя несколько месяцев после начала войны по указанию фюрера права уполномоченного по экономике и генерального уполномоченного по экономике в отношении гражданских экономических ведомств юридически, т.е. также и формально были переданы уполномоченному по четырехлетнему плану.

H1200 - 0366

H1200 – 0367

ЗАУТЕР: Когда это было ?

ФУНК: Это было в декабре 1939 года. У меня осталось лишь формальное право отдавать распоряжения, т.е. я мог подписывать распоряжения для пяти гражданских экономических ведомств, которые в соответствии с законом об обороне империи были переподчинены генеральному уполномоченному по четырехлетнему плану, а за мной остались полномочия в отношении имперского министерства хозяйства и имперского банка, полномочия, которыми я пользовался и без того.

ЗАУТЕР: Таким образом Вы и в этой своей роли все-таки подчинялись уполномоченному по четырехлетнему плану ?

ФУНК: Да, также, как и все гражданские экономические ведомства ; только с самим министерством хозяйства у меня имелась более тесная связь.

ЗАУТЕР: Г-н свидетель, в августе 1939 г., - т.е. непосредственно перед началом войны с Польшей, Вы в качестве генерального уполномоченного по вопросам хозяйства, созвали совещания с представителями отдельных гражданских экономических ведомств. Как раз об этом идет речь в документе ПС-3324. Мне кажется важным, чтобы Вы высказали свою точку зрения и и по этому вопросу, и именно под тем углом зрения, что, видимо, на основании этого совещания было написано Ваше письмо Гитлеру от 25 -го августа. Об этом упомянуто в Вашем досье на стр. 24. Пожалуйста выскажитесь по этому поводу !

ФУНК: При Шахте было создано бюро генерального уполномоченного по экономике и рабочая комиссия, состоявшая из представителей всех экономических ведомств , а также представителя министерства внутренних дел или генерального

уполномоченного по администрации, представителя от ОКВ и, прежде всего, представителя от ведомства по четырехлетнему плану.

Когда Шахт оставил свою должность, руководство этой комиссией, этим бюро генерального уполномоченного по экономике перешло к его бывшему статссекретарю доктору Фоссе, тогда как при Шахте этим бюро и этой комиссией руководил государственный советник Вольфарт. Эти лица неоднократно совещались по вопросам тех мероприятий, которые были необходимы в области экономики для ведения войны. Таковым было это учреждение, о котором я упомянул в одной из своих речей в Вене, эта речь оглашалась здесь, которое работало наряду с управлением по четырехлетнему плану и главной задачей которого была плавный перевод всех невоенных отраслей хозяйства на военные рельсы в случае войны и подготовка соответствующего управления хозяйством в военное время.

Когда в августе 1939 года возникла угроза войны с Польшей, я созвал начальников гражданских экономических ведомств и представителей Управления по четырехлетнему плану, и на совместном совещании мы разработали мероприятия, необходимые для переведения гражданского хозяйства без всяких осложнений на рельсы военного производства в случае войны.

Вот каковы были мои предложения, изложенные в моем письме фюреру от 25-го августа 1939 года, т.е. в момент, когда германские и польские войска стояли друг против друга в полной боевой готовности.

10249

H1200 – 0368

H1200 – 0369

Само собой разумеется, моей обязанностью было сделать все, чтобы в случае войны воспрепятствовать каким-либо потрясениям в гражданском секторе хозяйства, а моей обязанностью, как президента имперского банка было также возможное увеличение золотых и валютных фондов имперского банка. Это было необходимо даже по одному тому, что в тот момент общее политическое положение было чрезвычайно напряженное. Это было необходимо также и в том случае, если-бы дело не дошло до войны,, а только до экономических санкций, которых следовало ожидать в виду чрезвычайно напряженной политической ситуации, которая создалась в тот момент. Моей обязанностью , как министра хозяйства, было сделать все, чтобы повысить производство продукции.

Однако, я не занимался требованиями вооруженных сил в области финансов и не имел никакого отношения к задачам вооружения, поскольку, как было сказано, руководство хозяйством и мирного и военного времени перешло к уполномоченному по четырехлетнему плану.

То, что я держался вдалеке от всей деятельности этой комиссии, находит свое об"яснение в следующем:

Я сам не верил в возможность возникновения войны. Это должен подтвердить всякий, кто со мной говорил в то время на эту тему. В период до начала войны я сконцентрировал всю свою работу на международных переговорах, которые велись в целях достижения лучшего международного экономического порядка и улучшения торговых отношений Германии с другими странами. В то время я добился визитов английских министров Хатсона и Стенлея в Берлин. Сам я также должен был поехать для переговоров в Париж, где в 1937 г., будучи руководителем большой выставки германской культуры, познакомился с

несколькими членами французского кабинета. Следовало вновь урегулировать вопросы, связанные с краткосрочными долгами Германии другим государствам, так называемую приостановку платежей. Я разработал новые предложения, которые были встречены сочувственно особенно в Англии. В июне 1939 г. у меня в Берлине состоялось международное совещание по финансовым вопросам, в котором участвовали первые представители банковского мира Соединенных Штатов Америки, Англии, Франции, Голландии, Бельгии, Швейцарии и Швеции.

Результат этого совещания был для всех сторон довольно удовлетворительным. В то-же самое время я провел обмен доли имперского банка, находившейся в руках иностранных государств. Этот обмен акций золотого банка , также нашел полное одобрение иностранного банковского мира и прессы.

В июне я поехал в Голландию для ведения торговых переговоров. В тоже время начиная с июля 1939 г. я принимал участие в ежемесячных конференциях международного валютного банка в Базеле.

Несмотря на тяжелую политическую обстановку , которая царила в тот момент, я был убежден в возможности избежать войны, что я и заявлял во всех своих беседах как у себя на родине , так и за границей. Вот , что было причиной того, почему в то время я почти не интересовался совещаниями и переговорами по вопросам финансирования и ведения хозяйства во время войны. Во всяком случае, я дал указание имперскому банку приобретать и по возможности увеличивать золотые запасы за счет имевшихся у нас за границей активов и вообще увеличивать запас валюты, но за несколько месяцев до начала войны успех этих мероприятий был незначительным.

10251

H1200 – 0370

H1200 – 0371

Золотой фонд и запас девизов, принятый мной от Шахта, к моменту начала войны в основном не изменились. В опросном листе, переданном вице-президенту имперского банка Пулю, я просил его дать более подробные сведения об этих операциях, т.к. дирекция имперского банка и поверенный в делах директор, которым тогда был Пуль, должны были знать об этом. К сожалению опросный лист еще не возвращен.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, Вы говорите об этом, очевидно, для того, чтобы показать , что несмотря на тогдашнее очень напряженное политическое положение, Вы вообще серьезно не верили в возможность возникновения войны ?

ФУНК: Да, до августа 1939 года .

ЗАУТЕР: Здесь,на процессе мы слышали о ряде совещаний, которые Гитлер проводил с генералами и другими лицами, совещаний иногда военного, иногда политического содержания; сплошные совещания , о которых мы должны сегодня сказать, что они находились в самой тесной связи с подготовкой к войне.

На каком из этих совещаний Вы присутствовали и что Вы узнавали из них ?

ФУНК: Я вообще не приглашался на совещания ,на которых обсуждались политические или военные вопросы и не принимал участия ни в одном из этих совещаний у фюрера, о которых здесь упоминалось в связи с обвинением в подготовке агрессивной войны.

10252

H1200 – 0372

Меня также не информировали о содержании их. Но и на совещаниях у рейхсмаршала, насколько я помню, я вряд ли присутствовал, если на них обсуждались вышеупомянутые вопросы.

Здесь мне пред"явили документ - запись совещания, которое состоялось в октябре 1938 года.

10253

H1200 – 0372

H1200 – 0373

ЗАУТЕР: I4 октября I938 года? Я могу сказать вам номер документа - I30I-ПС. Вы присутствовали на этом совещании?

ФУНК: Нет.

ЗАУТЕР: Это было совещание...

ФУНК: Да, на котором, согласно пред"явленному мне обвинению, Геринг указал на то, что он получил от фюрера задание колоссально увеличить вооружение. Военно-воздушные силы должны были быть увеличены в 5 раз. Согласно страницы 2447 стенограммы г-н представитель Обвинения заявил, что на этом совещании Геринг обратился ко мне со словами, которые прозвучали как слова человека, который уже вел войну. В это время я вообще в Германии не был. Я находился в Болгарии и, следовательно, не мог присутствовать на этом совещании.

ЗАУТЕР: Господин председатель, в доказательство того факта, что в момент совещания у Геринга I4 октября I938 года подсудимого Функа не было в Германии, в книге документов Функа я представил несколько документов, выдержек из "Фелькишер беобахтер". В книге документов Функа они находятся под №№ 5, 6, 7 и 8. Эти документы я пред"явил в основном потому, что из них следует, что в период с I3 октября I938 г. по I5 октября I938 года Функ действительно находился в Софии, в Болгарии и, следовательно, не мог присутствовать на этом совещании у Геринга, I4 октября I938 года. То, что Функ говорил в Болгарии относительно экономических отношений, я надеюсь, мне не нужно оглашать во всех подробностях. Я ссылаюсь на его речь от I5 октября I938 года /книга документов Функа, док. № 7/ в первом абзаце которой подсудимый Функ заявил, что он лелеет мысль о возможности экономической общности между германским хозяйством и хозяйством юго-европейских государств и что он, Функ, со всей решительностью отклоняет зависимость юго-европейских государств, их экономики, от германской экономики.

Итак, я прошу принять этот документ к сведению, как доказатель-

ство, в интересах экономии времени я не буду оглашать его далее.

Господин свидетель, под № ПС-3562 Обвинение пред"явило документ относительно совещания от I июня 1939 года. На этом совещании вы сами не присутствовали, но на нем присутствовало несколько представителей вашего министерства и имперского банка, как видно из списка участников совещания. На этом совещании говорилось о вероятных потребностях империи в финансах на случай войны о производительности германской промышленности и промышленности протектората на случай войны. На полях протокола этого совещания имеется пометка, в которой говорится, что этот протокол должен был быть доведен до вашего сведения. Я прошу вас кратко высказаться по этому поводу, действительно ли это так было?

ФУНК: Нет, этого не было. У меня этот документ здесь.

Если бы я в свое время получил этот протокол, то на нем стояла бы моя виза "В.Ф.". Впрочем, это одно из упомянутых мною совещаний относительно финансирования войны и относительно тех мероприятий, которые должны были быть предприняты в области гражданского хозяйства в случае войны.

Само собой разумеется, что решающие мероприятия в области финансирования разрабатывались по линии имперского министра финансов и об этих мероприятиях долго говорилось на совещании, причем много времени занял вопрос покрытия расходов путем налогов.

Во всяком случае подобные совещания неоднократно имели место между представителями отдельных экономических ведомств и проводились в оперативном штабе генерального уполномоченного по экономике. Сейчас я случайно встретил наименование, которое я раньше не мог припомнить, и это была как раз та инстанция, та комиссия, которая была создана еще во времена Шахта, и которая продолжала существовать позднее.

ЗАУТЕР: Господин доктор Функ. 30 марта 1939 года вы произнесли программную речь перед центральным комитетом имперского банка. Я включил важнейшие отрывки из этой речи в книгу документов

H1200 – 0374

H1200 – 0375

Функа, как документ № 9. Я возвращаюсь к этой речи потому, что она была произнесена вскоре после вступления подсудимого Функа на должность президента имперского банка перед членами центрального комитета этого банка и в некотором отношении, сыгравшем здесь роль она свидетельствует о той программе, которая имелась тогда у него, как у президента имперского банка.

Господин доктор Функ, может быть вы выскажетесь очень кратко относительно отдельных положений этой речи, поскольку это вас интересует с точки зрения пред'являемого вам обвинения.

ФУНК: Мне кажется, что нет. Я уже ранее кратко упомянул, что в то время я вел с другими странами переговоры относительно необходимости введения нового порядка в международных экономических отношениях и что я тогда говорил о готовности Германии принимать в этом самое активное участие. Мне кажется, что мне не нужно ничего больше оглашать из этой речи, она должна только подтвердить, что в то время я занимался не подготовкой к войне, а главным образом тем, чтобы достигнуть международное взаимопонимание и соглашение в вопросах экономики и я знаю, что моя деятельность в то время нашла за границей, особенно в Англии, признание общественности.

ЗАУТЕР: Это намерение, господин свидетель, установить хорошие, полные доверия отношения с иностранными государствами, т.е. с их хозяйственными и финансовыми кругами играло, видимо, решающую роль в успехе того мероприятия, о котором вы перед тем упоминули, а именно, оно способствовало чрезвычайно лояльному проведению расчетов по возмещению убытков иностранным пайщикам имперского банка, пайщикам, находившимся, мне кажется, главным образом в Англии, Голландии и Швейцарии.

ФУНК: Да, я уже сказал это.

ЗАУТЕР: Господин доктор Функ. Вы здесь упомянули об одном письме, которое вы написали Гитлеру. Это письмо интересует меня, поскольку я хотел бы задать вам следующий вопрос: почему вы написали его и почему вы в этом письме говорили о "своих предложе-

ниях", хотя в основном это были вещи, которые менее всего исходили от вас. Выскажетесь, пожалуйста, по этому поводу.

ФУНК: Тон и содержание этого письма об"ясняются теми настроениями, которые тогда царили в Германии. Кроме того, - это мое личное письмо фюреру, в котором я благодарил его за его поздравления ко дню моего рождения. Поэтому письмо составлено немного в патетическом стиле. Если я говорил в нем о "своих предложениях", то это об"ясняется тем, что я сам за несколько дней до этого об"яснял фюреру, какие мероприятия были бы необходимы в случае войны. Это в основном были мероприятия, которые затем на основании совещания с представителями других экономических ведомств были разработаны и проведены в жизнь. Как раз об этом я и упоминал в своем письме.

Я не совсем правильно назвал это "своими предложениями", правильнее было бы сказать: "предложения", разработанные вместе с остальными экономическими ведомствами".

ЗАУТКР: Г-н доктор Функ, вы закончили по этому вопросу ?

ФУНК: Нет. Мне бы хотелось сказать по поводу этого письма еще несколько, поскольку оно, очевидно, является одним из столпов обвинения, пред"являемого мне. Как я уже сказал, это было время, когда обе армии стояли друг перед другом в боевой готовности. Это было время, когда ввиду беспрерывных провокаций в Польше и издевательств над немецким населением, которые имели там место, весь немецкий народ находился в состоянии большой тревоги. Я сам не верил, что дело может вылиться в войну, поскольку я был убежден в том, что с помощью дипломатических переговоров и в этом случае удастся устранить опасность войны и избежать ее. После того, как Гитлер добился в области дипломатии таких, граничащих с чудом успе-

H1200 – 0376

H1200 – 0377

хов, конечно, у каждого истинного немца начинало сильнее биться сердце, когда он думал, что наконец и на востоке выполнятся желания Германии, т.е. что моя отделенная родина провинция Восточная Пруссия будет воссоединена с империей, что исконно-германский город Данциг снова возвратится к империи и разрешится проблема коридора. Немецкий народ в своем преобладающем большинстве, и я также не верили, что из-за этого может возникнуть война. Мы скорее были убеждены, что Англии удастся оказать определенный нажим на Польшу, чтобы Польша согласилась с германскими требованиями относительно Данцига и коридора, не доводя дело до войны.

После показаний свидетеля Гизевиуса всему миру стало ясно, что в тот момент Англия не предприняла ничего, чтобы повлиять на Польшу усмиряюше и стать между нами посредником, т.к. в противном случае английское правительство, зная, что в Германии существовал в то время заговор, в котором принимали участие начальник генерального штаба, начальника штаба сухопутных сил, глава германского вооружения и генералитет и что они подготовляли переворот в случае войны, было бы безрассудным, если бы оно, что-то предприняло для смягчения позиции Польши и для посредничества с ней. Английское правительство должно было быть убеждено, что если бы Гитлер развязал войну, то произошел бы путч, восстание, переворот и тогда, во-первых, не было бы войны и, во-вторых, была бы устранена ненавистная система гитлеровского правительства. Большего требовать нельзя.

ЗАУТЕР: Господин доктор Функ, не будем заниматься политикой, возвратимся к письму от 25 августа 1939 года. Повторяю номер этого документа: 699-ПС. Меня интересует только это

письмо и ваши показания и, если я вас правильно понял, то вы написали это, несколько экзальтированное письмо Гитлеру потому, что надеялись, что Гитлеру удастся воссоединить вашу родину ? - Восточную Пруссию с империей и разрешить наконец проблему Польского коридора, не развязывая войну. Правильно ли я вас понял ?

ФУНК: Да, это так. Но одновременно я считаю себя обязанным уверить вас, что с моей стороны было сделано все для того, чтобы в случае возникновения войны перевести гражданское хозяйство на рельсы военного производства без всяких осложнений. Это единственный раз, когда я вообще осуществил свои права генерального уполномоченного по экономике в отношении остальных хозяйственных ведомств и то, что в этом письме я подчеркивал эту свою должность, совершенно понятно с человеческой точки зрения, т.к. я был горд, что я тоже смог кое-что осуществить на таком посту, ведь каждому человеку хочется хот однажды быть чем-то значительным.

ЗАУТЕР: Господин доктор Функ, мы все еще занимаемся вопросом о том, знали ли вы о намерениях Гитлера развязать войну, агрессивную войну с целью приобретения и завоеваний. Я хотел бы задать вам несколько вопросов, на которые вы для простоты можете отвечать лишь "да" или "нет", так как я хочу только знать, действительно ли ваша осведомленность и ваши предположения соответствовали показаниям некоторых свидетелей и других обвиняемых. Так например, рейхсминистр Ламмерс показал здесь, что вы встречались с

10259

H1200 – 0378

H1200 – 0379

большими трудностями, когда хотели попасть к Гитлеру, что вам удавалось это только, так сказать, по великим праздникам и что даже однажды в течение целого дня вы находились у Ламмерса, ожидая получения обещанной аудиенции, но не получили ее и должны были уехать, не разрешив вопросов. Это так ?

ФУНК: Да, к сожалению, это так.

ЗАУТЕР: Следующий вопрос. Нам здесь были пред"явлены документы / мне кажется, это протоколы Ламмерса/, где совершенно ясно говорится, что имперский министр хозяйства и один раз даже министр иностранных дел просили пригласить их на совещания. Там говорится, что министр Ламмерс взялся за это дело, но что Гитлер запротестовал, что он категорически запретил вам и имперскому министру иностранных дел присутствовать на этих совещаниях, хотя вы указали на то, что на них обсуждаются вопросы, имеющие непосредственное отношение к вашему ведомству. Так ли это ? Вы можете просто ответить: да или нет ?

ФУНК: На совещании, о котором вы упоминате, обсужда -

лись вопросы, связанные с мобилизацией и использованием рабочей силы.Я не имел прямого отношения к использованию рабочей силы,а министр иностранных дел также не был в этом особенно заинтересован. Вот почему,мне кажется, фюрер не хотел,чтобы министр иностранных дел и я присутствовали там. Фюрер тогда не нуждался во мне,так как / я вчера уже сказал/ свои указания относительно руководства хозяйством до 1942 года он давал непосредственно рейхсмаршалу,как ответственному за все руководство экономикой. С 1942 года он давал эти указания Шпееру,поскольку все хозяйство было подчинено интересам вооружения. По приказу фюрера все экономические вопросы решались под углом зрения потребностей вооружения.

ЗАУТЕР: Тот же самый рейхсминистр доктор Ламмерс во время своего допроса 8 апреля показал: /я цитирую/.

"Фюрер неоднократно возражал против Функа. Существовало много моментов,говоривших против него. Он,Гитлер, относился к Функу скептически и не хотел иметь его у себя".

Вот дословная цитата из показаний свидетеля доктора Ламмерса.Можете ли вы об'яснить это отрицательное отношение Гитлера к вам?

ФУНК: Нет,я об'ясняю это чисто деловыми соображениями.- Просто я был ему не нужен.

ЗАУТЕР: То-есть вы хотите сказать,что он считал лишними всякие совещания с вами?

ФУНК: Да.

ЗАУТЕР: В связи с пунктом обвинения,который разбирает вопрос об агрессивных войнах,меня интересует следующее: в обвинительном заключении на странице 30-й /это 30-я страница досье на немецком языке/ говорится,что вы лично и через своих представителей,которых вы сами назначали или признавали, принимали участие в подготовке войны против России. В качестве единственного доказательства был приведен документ

H1200 – 0380

H1200 – 0381

№ I039-ПС, США-I46. Из этого документа явствует,что вы, господин подсудимый, в конце апреля I94I г. вместе с Розенбергом,возглавлявшим тогда ведомство по делам востока, имели совещание по экономическим вопросам,которые могли возникнуть в случае успеха агрессивных планов на Востоке. Я прошу вас,господин доктор Функ,обратить внимание на дату этого совещания,конец апреля I94I г.,то-есть незадолго до войны с Россией. Чтобы помочь вам вспомнить,я скажу,что тогда,т.е. перед войной с Россией,Розенберг был назначен уполномоченным по единой разработке проблем восточных областей. Я просил бы вас высказаться,вытекает ли из этого, что вы действительно принимали участие в агрессивной войне с Россией или в ее подготовке и планировании,и каким образом?

ФУНК: Я ничего не знал об агрессивной войне с Россией. Для меня было очень неожиданным,когда я от Ламмерса услышал,что фюрер назначил Розенберга уполномоченным по разработке всех восточно-европейских вопросов. Ламмерс здесь заявил, что он сообщил мне это по личным соображениям, поскольку он знал,что я был очень заинтересован в налаживании экономических отношений с Россией. В действительности, благодаря усилиям,как с русской,так и с германской стороны удалось укрепить и расширить торговую связь между нами.До первой мировой войны торговля Германии с Россией была решающим фактором в торговом балансе Германии и составляла несколько миллиардов золотых марок. Русские аккуратно в срок поставляли нам свое зерно,марганцевую руду,нефть, а германские поставки машин всегда естественно отставали,поскольку их следовало еще вначале изготовить,т.к. это были в большинстве случаев специальные заказы,специальные машины. Что касается поставок вооружения, то я не знаю,в какой

степени они проводились, поскольку я не занимался этим вопросом. Таким образом, назначение Розенберга, меня очень удивило. Розенберг пришел ко мне на очень короткую беседу и заявил, что это задание фюрера охватывает также и разработку всех экономических вопросов. Я предоставил в распоряжение Розенберга министериального директора доктора Шлоттера из министерства хозяйства и предложил использовать его для разработки экономических вопросов. Когда позже было создано министерство по делам Востока, что произошло, насколько мне помнится, в июле д-р Шлоттер вместе с другими сотрудниками взял на себя руководство экономическим отделом в министерстве Розенберга. Одновременно, насколько мне известно, Шлоттер был в экономическом оперативном штабе по делам Востока. Этот штаб был той руководящей организацией четырехлетнего плана, которая ведала экономическими вопросами оккупированных восточных областей и о которой здесь, в ходе процесса, неоднократно упоминалось.

В дальнейшем я не имел к этому никакого отношения. Само собой разумеется, что я спрашивал, как Ламмерса, так и Розенберга о том, что должно означать это назначение. Оба они ответили, что фюрер считает войну с Россией неизбежной. Они говорили, что русские подтянули к нашей восточной границе крупные войска, что переговоры с Молотовым, в которых я не принимал никакого участия, прошли неудовлетворительно для нас, что русские пред"явили требования относительно Прибалтики, Балкан и Дарданелл, и что фюрер не может согласиться с этими требованиями. Во всяком случае для меня, как и для всего германского народа такой поворот событий был очень неожиданным. Я убежден в том, что в связи с этой войной, германский народ был глубоко потрясен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель говорит об июле , я хотел бы знать, имеет ли он в виду июль 1940 г.?

10263

H1200 – 0382

H1200 – 0383

ЗАУТЕР: Простите, ко мне не поступает перевод.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый говорил об июле; он имел в виду июль 1940 года?

ЗАУТЕР: Насколько я знаю, это было в июле 1941 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы имеете в виду июль 1941 г., стало быть, после начала войны с Россией? Мне кажется, что свидетель сам может ответить, не правда ли?

Вы имели в виду июль 1940 года?

ФУНК: Моя беседа с Розенбергом состоялась в конце апреля или в начале мая 1941 года, а министерство Розенберга было создано в июле 1941 года.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, я сейчас перехожу к другому пункту обвинения. Вам вменяется в вину, что вы, будучи имперским министром хозяйства, совершили ряд преступлений, участвуя в преступном заговоре в целях преследования евреев и исключения их из хозяйственной жизни страны. Я имею в виду события ноября 1938 г. Я просил бы вас осветить вашу деятельность в этой области.

ФУНК: Я прошу Трибунал предоставить мне время для более подробного освещения этого вопроса. Следующие пункты будут рассмотрены значительно быстрее, но это является тем пунктом обвинения, который особо затрагивает меня.

Когда в феврале 1938 года я взял на себя руководство министерством хозяйства,от партии, в особенности,от Геббельса и Лея, ко мне поступило требование исключить евреев из хозяйства страны, т.к. их участие в нем нетерпимо. Так мне говорили,как люди могут еще делать закупки в еврейских магазинах.Партия не может допустить чтобы члены партии покупали в этих еврейских магазинах,тем более высшие государственные деятели и в особенности их жены. Партийные руководители предприятий,члены трудового фронта отказываются работать под руководством евреев, возглавлявших эти предпри-

ятия.Дело доходит до непрерывных столкновений. Спокойствие не будет восстановлено до тех пор,пока не будут повсеместно проведены мероприятия,начатые в отдельных местах и заключающиеся в исключении евреев из экономической жизни страны. Путем закона об урегулировании национального труда, изданного во времена моих предшественников и проведенного в жизнь по договоренности с германским трудовым фронтом в хозяйство было направлено большое число политических и партийных деятелей. Руководитель предприятия одновременно нес ответственность перед партией и государством.

Отдельные еврейские предприниматели легко уступили давлению и начали продавать свои предприятия и магазины тем людям и по таким ценам,которые для нас были неприемлемы. С отдельными еврейскими крупными предпринимателями,банкирами, промышленниками и владельцами торговых домов я заключил частные контракты,на основании которых они должны были уйти со своих мест. Однако спокойствия восстановлено не было. Мы должны были в известное время и с помощью закона ослабить влияние евреев на экономическую жизнь,и постепенно вытеснить их совсем,причем я лично всегда придерживался той точки зрения,что,во-первых,это нужно проводить не спеша, в определенные промежутки времени,во-вторых, евреи должны получить за это известное возмещение и,в-третьих,им надо оставить некоторые области,в частности, оставить их участниками ценных бумаг,о чем я говорил на упоминавшемся здесь совещании с Герингом. И вот,в это постепенное развитие неожиданно врываются события 9 и 10 ноября 1938 года,начавшиеся в Мюнхене и задевшие меня лично самым чувствительным образом. Когда утром 10 ноября 1938 года я поехал в свое министерство,я увидел эти опустошения на улицах,разбитые витрины и т.д.,а от своих чиновников в министерстве я узнал детали.Я попытался позвонить Герингу,Геббельсу,даже Гиммле-

10265

H1200 – 0384

H1200 – 0385

ру,но они еще находились в пути из Мюнхена. Наконец,мне удалось соединиться с Геббельсом,которому я заявил,что этот террор является выступлением также и лично против меня,поскольку было уничтожено большое количество дорогих и невозместимых товаров,и что вследствие этого будут чувствительно нарушены наши отношения с заграницей, от которых мы как раз сейчас очень сильно зависим.

Геббельс заявил мне на это,что я сам виновен в том,что дело приняло такой оборот. Я уже давно должен был исключить всех евреев из экономической жизни. Фюрер даст рейхсмаршалу Герингу приказ,согласно которому евреи будут полностью исключены из экономической жизни и что более подробные сведения об этом я узнаю от самого рейхсмаршала.

Этот телефонный разговор Геббельс сам подтвердил позднее,а также будет подтвержден позднее свидетельскими показаниями.

На следующий день, II ноября, мне сообщили,что I2-го числа состоится совещание у Геринга,как уполномоченного по четырехлетнему плану,на котором будет обсуждаться еврейский вопрос. Уполномоченный по четырехлетнему плану поручил министерству подготовить проект распоряжения,которое составляло бы основание для дальнейшего законного устранения евреев из экономической жизни. I2-го произошло это совещание,о котором здесь так много говорили.Утром того же дня у рейхсмаршала состоялась беседа,на которой присутствовали гауляйтеры. Рейхсмаршал был чрезвычайно возбужден,он заявил,что не потерпит этого террора и что он делает всех гауляйтеров ответственными за то,что произошло в их областях /гау/.

После этой беседы я несколько успокоился.На совещании, протокол которого здесь неоднократно зачитывался,Геббельсу удалось своими радикальными требованиями привлечь настроение слушателей на свою сторону,он стал вести это совещание;

рейхсмаршал становился все более и более раздражительным, вследствие чего он позволил себе выступить с теми замечаниями,которые занесены в протокол. Между прочим я должен сказать,что в протокол этого совещания включено не все.После совещания мне стало совершенно ясно, что действительно все евреи должны будут быть исключены из экономической жизни и для того,чтобы защитить их от полного бесправия,от дальнейшего террора,насилий и грабежей,следует провести ряд мероприятий законодательного порядка.

Я так же,как и министр внутренних дел,министр финансов и министр юстиции разработал инструкции о проведении в жизнь основного декрета уполномоченного по четырехлетнему плану, в котором был предписан переход всех еврейских предприятий и еврейских паев в руки опекунов. Евреям было предоставлено трехпроцентное возмещение.В течение всего последующего времени я следил,чтобы это возмещение проводилось законным путем порядком и чтобы не была совершена новая несправедливость по отношению к евреям. О каком-то уничтожении евреев тогда не было речи.Во всяком случае на этом совещании кратко обсуждался план организации выселения евреев. Я ни в коем мере не принимал участия в терроре и насилии над евреями.Я очень сожалел,что эти факты имели место и относился к ним резко отрицательно. Но я вынужден был издать инструкции о проведении в жизнь законов,чтобы защитить евреев от полного бесправия и обеспечить проведение тех законных мероприятий, которые были разработаны в то время.

ЗАУТЕР: Господин доктор Функ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас удобно сделать перерыв.

/Перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

ЗАУТЕР: Господин свидетель,мы остановились на вашей дея-

H1200-0386

H1200 - 0387

тельности в связи с изданием распоряжений об исключении евреев из экономической жизни страны. Вы говорили нам о протоколе совещания у Геринга от 12 ноября 1938 г. Это - документ № ПС-1816.

Вы уже говорили, что этот протокол недостаточно полный и плохо отредактирован.

Однако, из него следует, что на этом совещании вы делали все возможное,чтобы затормозить это мероприятие,и что вы старались обеспечить евреям те или другие права. Например, я вижу из протокола, что во время заседания вы добились того, чтобы еврейские магазины были вновь открыты. Это верно?

ФУНК: Да.

ЗАУТЕР: Далее, я вижу из протокола, что вы стремились к тому, чтобы евреям были оставлены их акции и денежные вклады. Это вытекает из поставленного вами вопроса, не так ли?

ФУНК: Я уже говорил, что до этого совещания я считал, что евреям следует оставить их ценные бумаги. На совещании я заявил, что для меня является новостью то, что евреи должны отдать их. Им ведь было предоставлено трехпроцентное возмещение.Во всяком случае они должны были отдать также денежные акции и тому подобные вклады.Я был против такого решения вопроса еще и потому,что в таком случае государству переходило колоссальное количество акций,а реализация их, естественно, была довольно затруднительной.

ЗАУТЕР: Из протокола следует,что Гейдрих высказывался за помещение евреев в гетто. Вы помните,Обвинение уже упоминало об этом обстоятельстве. Скажите,какую позицию вы заняли тогда в отношении этого предложения Гейдриха?

ФУНК: Я был против гетто по той простой причине,что под словом "гетто" я представлял себе нечто ужасное. Я не знал ни одного гетто и сказал,ч то 3 миллиона евреев могут быть оставлены жить без гетто среди 70 миллионов немцев; я сказал, что, конечно, евреи должны соединиться и стоять друг

за друга; мне было ясно, и это я также заявил на совещании, что отдельный еврей не сможет существовать в тех условиях, которые были созданы.

ЗАУТЕР: В этой связи, господин председатель, я позволю себе сослаться на два показания под присягой; на документ № 16 и документ № 3 книги документов. Функа. Я целях доказательства я прошу ознакомиться с содержанием этих двух письменных показаний. Документ № 3 /книга документов, страница 12/ письменное показание жены подсудимого, данное ею в начале процесса 5-го ноября 1945 г.

Я передам коротко содержание этих показаний, из которых следует, что во время ноябрьских событий 1938 года, направленных против евреев, подсудимый со своей женой и племянницей находились в Берлине, то-есть попутно следует заметить не в Мюнхене, где собрались все так называемые старые бойцы и, где министр д-р Геббельс совершенно неожиданно, к всеобщему удивлению дал сигнал к началу еврейских погромов. Госпожа Функ подтверждает в своих письменных показаниях, что ее муж, как только до него дошли сведения о них, позвонил Геббельсу и спросил его: "Вы с ума сошли, Геббельс, устраивать такое свинство? Стыдно быть немцем. Мы теряем всякий авторитет перед заграницей. Я день и ночь прилагаю усилие сохранить народное добро, а вы выбрасываете его за окно. Если это безобразие не прекратится, я все брошу к чорту".

Вот дословно содержание телефонного разговора, который подсудимый вел из Берлина с доктором Геббельсом. Далее в этом заявлении под присягой говорится о заступничестве Функа по отношению к его знакомым евреям. О том же, господа судьи, свидетельствуют показания Гейнца Каллюса, бывшего министериального советника в министерстве хозяйства во времена Функа. Я представляю эти письменные показания как документ под № 15 книги документов Функа. Этот документ дати-

10269

H1200 – 0388

H1200-0389

рован 9 ноября 1945 года. Этот свидетель также подтверждает, что Функ был чрезвычайно поражен этими эксцессами и что он сейчас же связался с соответствующими инстанциями для того, чтобы прекратить дальнейшее развитие их. Следовательно, эти показания в общем и целом подтверждают те показания, которые сделал сам Функ. В связи с этим пунктом обвинения Функа, я хочу возвратиться к документу ПС-3498, я повторяю 3498-ПС, которым упоминается на странице 19-й досье по делу Функа.

Это циркуляр Функа от 6 февраля 1939 года. Он опубликован в бюллетене министерства хозяйства. В нем сказано: "Вопрос о том, в каких размерах и какими темпами следует пользоваться полномочиями ведомства по четырехлетнему плану определяется моими распоряжения, которые будут каждый раз даваться соответственно директивам уполномоченного по четырехлетнему плану".

Конец цитаты.

Я цитирую это потому, что и здесь в официальном документе того времени подсудимый Функ заявил, что он и в этой области должен следовать директивам уполномоченного по четырехлетнему плану. Это так, г-н доктор Функ?

ФУНК: Да.

ЗАУТЕР: Г-н доктор Функ, вы уже сказали, что в соответствии со всем вашим прошлым с вашей принципиальной позицией, с вашим мировоззрением вы очень болезненно восприняли обвинение вас в исключении евреев из хозяйственной жизни страны. В этой связи я хотел бы напомнить вам,

что на допросе 22 октября 1945 г. здесь в Нюрнберге Вы в присутствии допрашивавшего Вас офицера начали плакать и заявили: "Мне следовало бы тогда уйти в отставку, я виноват". Эта цитата дословно упоминалась на процессе. Может быть Вы выскажетесь о том, как получилось, что Вы сделали такое замечание и совершенно упали духом, как видно из данного протокола.

ФУНК: Я попал в тюрьму прямо из больницы. Я сначала не знал, что я обвиняюсь как убийца и разбойник и не знаю, как кто там еще: Я пролежал больным 9,10 недель, ночью меня взяли с больничной койки и привели сюда и тотчас же меня начали допрашивать. Должен признать, что допрашивавший меня американский офицер, полковник Моррей Джорфи вел допрос чрезвычайно осторожно и предупредительно, все время делал перерывы и останавливался, если я не мог больше следить. Когда мне пред"явлено обвинение в связи с этим террором и насильственными мероприятиями против евреев, я совершенно потерял самообладание, так как в этот момент я осознал полностью, что здесь начал действовать злой рок, приведший к совершению ужасных зверских вещей, о которых мы здесь услышали и о которых я частично знал уже в тюрьме. Я почувствовал глубокий стыд и свою огромную вину перед самим собой в тот момент и чувствую ее сейчас. Но то, что я издавал распоряжения о проведении в жизнь основных приказов и законов, это не было преступлением против человечности. Я ставил волю государства выше моего внутреннего голоса и моего внутреннего сознания долга, т.к. я имел обязательства по отношению к государству. Я считал своим долгом действовать по воле фюрера, по воле главы государства, тем более, что эти мероприятия были необходимы для защиты евреев, для того, чтобы охранить их от полного бесправия и дальнейшего произвола и насилия. Ведь им было предоставлено возмещение и, как это следует из того циркуляра,

10271

H1200 – 0390

H1200 – 0391

который Вы сейчас цитировали, я дал моим сотрудникам строгое указание безупречно и справедливо выполнять эти правовые установления. Ужасный трагизм заключается в том, что как раз меня обвиняют в этих действиях. Как уже сказано, я не участвовал в эксцессах против евреев, с самого начала очень неодобрял и резко осуждал их и сам страшно страдал от этого. Я делал все, что было в моих силах, чтобы и в дальнейшем помочь евреям. Об их уничтожении я никогда не думал, я вообще не участвовал в этих мероприятиях.

ЗАУТЕР: Господин д-р Функ, так как Вы сейчас говорите о том, что Вы не думали об уничтожении евреев, я хотел бы возвратиться к документу 3545-ПС, - я повторяю 3545-ПС, - который в свое время был пред"явлен обвинением и цитировался здесь. Вы наверное, помните, это - фотокопия "Франкфуртер цейтунг" от 17 ноября 1938 г., то-есть номер, который вышел через несколько дней после тех событий, которыми мы сейчас занимаемся. В этом номере "Франкфуртер цейтунг" опубликована Ваша речь, посвященная вопросу законодательных мероприятий по исключению евреев из германской экономической жизни и Вы помните, что представитель Обвинения в своей речи от 11 января 1946 г. поставил Вам в вину, что /я цитирую дословно/ "... программа экономического преследования евреев была лишь частью обширного плана уничтожения евреев". Эта цитата полностью совпадает с одним выражением, приведенным в Вашем досье, где говорится, что это является лишь частью /дословно/ "обширных планов уничтожения евреев".

Во всех Ваших публикациях того времени я не могу найти ни малейшего намека на то, что Вы были согласны с уничтожением, искоренением евреев или даже требовали его. Что Вы скажете

по поводу этого тезиса Обвинения?

ФУНК: Я никогда в жизни ни в своих речах, ни в своих статьях, не требовал уничтожения евреев: Это, очевидно, просто выражение г-на Обвинителя, которое, по моему мнению, является плодом его фантазии, настроения, под влиянием которого он сам оценил эти события. Я сам никогда не выступал за уничтожение евреев и ничего не знал о тех ужасных событиях, о которых здесь говорилось. Да я и не имел никакого отношения к ним и, насколько я помню, позднее вообще никогда не участвовал в каких-либо мероприятиях против евреев, так как эти дела больше не касались моего ведомства. Я не думаю, что, находясь на своих постах я отдавал какие-либо распоряжения, которые бы относились к еврейскому вопросу, кроме упомянутых выше мероприятий законодательского порядка.

ЗАУТЕР: Правильно ли, господин доктор Функ, что во время проведения в жизнь этих мероприятий, Вы сами выступали в защиту ряда лиц, пострадавших от них и обращавшихся к Вам лично за помощью, и что Вы оказывали помощь, чтобы тем самым смягчить результаты этих мероприятий?

ФУНК: Я строго следил за тем, чтобы распоряжения проводились в жизнь точно и в соответствии с законами, правда, проведение этих мероприятий лежало не на министерстве, а на районных властях и на учреждениях, зависевших от гауляйтеров в империи. Ко мне неоднократно поступали жалобы на проведение аризирования предприятий, и мои чиновники подтвердят, что я всегда предпринимал что-нибудь в подобных случаях, т.е. когда я слышал о каких-либо незаконных действиях. Я даже снял с должности референта этого отдела, т.к. он был недостаточно корректным. Позднее я я устранил также начальника одного из отделов.

ЗАУТЕР: Почему?

10273

H1200 – 0392

H1200 – 0393

ФУНК: Потому, что и у него были случаи некорректного поведения. Так же, как я до этого делал все для разрешения выдачи евреям валюты для эмиграции, подобным же образом при проведении в жизнь этих законов, я делал все, что было в моих силах, чтобы в рамках возможного смягчить евреям участь, постигшую их.

ЗАУТЕР: Господин председатель. Этот вопрос, т.е. вопрос о том, как практически Функ относился к проведению в жизнь распоряжений, которые он, как чиновник, был вынужден издать, - был рассмотрен мной в связи с опросным листом, одобренным Вами и направленным бывшему государственному секретарю Ландфриду. Этот опросный лист уже давно возвратился. Однако, выяснилось, что секретариат послал неверный опросный лист, и поэтому правильный ответ поступил только в субботу. Сейчас он находится в переводе, и я предполагаю, что правильный ответ, т.е. показание статс-секретаря Ландфрида, будет Вам представлен в течение дня и включен в дополнительную книгу документов как документ № 16. Я думаю, Вы не будете возражать, если я сейчас в этой связи передам своими словами краткий ответ свидетеля Ландфрида.

Г-н Ландфрид с 1939 по 1943 г.г. был государственным секретарем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Обвинение ознакомилось с этим документом?

ЗАУТЕР: Да, у Обвинения этот документ имеется.

Г-н ДОДД: Мы не ознакомились с этим документом. Мы видели его текст на немецком языке. Я не знаю немецкого языка и поэтому не смог прочесть его. Он не был переведен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Этот документ может быть представлен после того, как обвинение с ним ознакомится. Вам не следует представлять его сейчас. У Вас есть еще другие свидетели или нет?

ЗАУТЕР: Нет, по этой теме нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, я хочу сказать имеются ли у Вас еще

какие-либо свидетели?

ЗАУТЕР: Да, у меня есть еще свидетель доктор Хайдпер, но он будет давать показания на другие темы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очевидно,подсудимый будет подвергнут перекрестному допросу.

ЗАУТЕР: Простите, я не слышал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очевидно, подсудимый будет подвергнут перекрестному допросу.

ЗАУТЕР: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: К этому времени перевод документа будет закончен.

ЗАУТЕР: Да, господин председатель, если Вы желаете, я могу представить этот документ отдельно, позднее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

ЗАУТЕР: /продолжая допрос/. Господин доктор Функ, теперь я перехожу к обвинению, которое, по-моему, в индивидуальном обвинении против Вас еще не выдвигалось, к проблеме разграбления оккупированных областей, об издержках в связи с оккупацией, о системе клиринга, о стабилизации валюты и т.д. Обвинение утверждает, что Вы активно участвовали в составлении программы преступного разграбления оккупированных областей. Это мы найдем на 1-й странице стенограммы протокола заседания Трибунала от 11 января 1946 года.

Здесь это обвинение не пред"является лично Вам, на заседании 21 февраля, стр. 4770 стенограммы на немецком языке говорится только о приказе имперского министра по делам оккупированных восточных областей, подсудимого Розенберга. Обвинение представило этот приказ как документ № 1015-ПС. Он представляет собой копию приказа министра по делам восточных областей Розенберга рейхскомиссарам оккупированных восточных областей.

Этим приказом до сведения рейхскомиссаров доводятся те задачи, которые был обязан выполнять оперативный штаб Розенбер-

H1200 – 0394

H1200 – 0395

га задачи по охране художественных ценностей. Мне кажется, что подобные художественные ценности не имели никакого отношения к министерству хозяйства. Странным образом из этого приказа Розенберга от 7 апреля 1942 года следует, что он направлял не только различным другим учреждениям, но и Вам, т.е. министерству хозяйства. И из этого факта, вероятно, только из этого факта, советское обвинение сделало вывод, позволивший ему обвинить Вас в том, что Вы активно участвовали в разграблении оккупированных областей. Я должен был так подробно обрисовать Вам все обстоятельства дела для того, чтобы было понятно, о чем идет речь. Я прошу Вас кратко высказаться по этому поводу.

ФУНК: До этого процесса я вообще не знал, что такое оперативный штаб Розенберга, что он делал и какие задачи он выполнял. Мне ничего не известно о том, чтобы министерство хозяйства вообще имело какое-то отношение к вопросу об охране художественных ценностей. Я ничего не могу сказать по этому поводу.

ЗАУТЕР: Вам нечего больше сказать по этому пункту?

ФУНК: Нет, я ничего не могу сказать об оперативном штабе Розенберга. Но я могу очень многое сказать о политике в оккупированных областях.

ЗАУТЕР: Это нас сейчас не интересует.

ФУНК: Но ведь Вы, видимо, спросите меня об этом позднее.

ЗАУТЕР: Господин д-р Функ, в опросном листе, направленном доктору Ландфриду, о котором я только что говорил, я задал ему пять или шесть вопросов о том, какова была Ваша позиция в отношении экономической политики в оккупированных областях. Далее я задал ему вопросы о том, давали ли Вы директивы главноначальствующим и рейхскомиссарам в оккупированных областях, а также начальникам гражданской администрации в Эльзас-Лотарингии и т.д. Я спрашивал о том, правильно ли, что распоряжения по экономическим вопросам относительно оккупированных областей исходили

не от Вас как министра хозяйства, а от уполномоченного по четырехлетнему плану? Далее я задал вопрос о Вашем отношении к разграблению оккупированных областей, в частности, западных областей, к вопросу о черном рынке, о понижении курса валюты и т.д.

Господин доктор Функ, сейчас я не могу зачитать показания свидетеля Ландфрида потому, что по халатности соответствующего бюро я получил их лишь в субботу. Хотите ли Вы со своей стороны высказаться или добавить что-либо по этому вопросу, или Вы ограничитесь тем, что я зачитаю Трибуналу после получения перевода? Я спрашиваю Вас об этом потому, что практически для Вас последняя возможность высказаться по этим вопросам.

ФУНК: Я хотел бы высказать свое мнение по многим вопросам, но детальные справки, конечно, статс-секретари могут дать лучше меня. Что касается директив главнонач льствующим оккупированных областей, то рейхсмаршал и имперский министр Ламмерс констатировали здесь, что я как имперский министр хозяйства не имел в этом отношении никаких полномо чий. Рейхсмаршал при допросе заявил, и я записал его заявление: "Ответственность за директивы и экономическую политику, которые выполнял и проводил министр хозяйства и президент имперского банка Функ, всей своей тяжестью падает исключительно на меня". И в отношении оккупированных областей он также сказал, что если я давал специальные распоряжения в порядке практической деловой связи между министерством и руководящими инстанциями в оккупированных областях, то эти распоряжения основывались на генеральных директивах рейхсмаршала и,как он буквально выразился, на его личной ответственност и.

Дело обстояло так: директивы по экономическим вопросам давались оккупированным областям только уполномоченным по четырехлетнему плану. Проведение экономической политики лежало

10277

H1200 – 0396

H1200 – 0397

на главноначальствующих или имперских комиссарах, которые подчинялись непосредственно фюреру. Как при имперских комиссарах, так и при главноначальствующих имелись представители всевозможных министерств, между прочим, и министерства хозяйства и имперского банка. В этих инстанциях работали также люди из частного хозяйства, и, конечно, между этими рейхскомиссарами, военными властями и министерствами существовало тесное сотрудничество. Исключением были оккупированные области России, рейхскомиссары которых подчинялись одному особому министру, а именно, имперскому министру по делам восточных областей. Следовательно, здесь вопросы решались особо, но если мы хотели получить что-либо от главноначальствующих или имперских комиссаров, то мы должны были обращаться к ним с просьбой или должны были иметь на руках указание уполномоченного по четырехлетнему плану.

Такой же порядок существовал в отношении начальников гражданской администрации Эльзас-Лотарингии и других областей. Конечно, и здесь многочисленные ведомства имперского министерства хозяйства, и имперский банк не имели непосредственных прав давать распоряжения, но я еще раз подчеркиваю, что существовало тесное деловое сотрудничество между руководящими учреждениями в оккупированных областях и центральными учреждениями на родине.

Свидетели и опросные листы подтвердят, что я сам делал все возможное для того, чтобы охранить оккупированные области от разграбления.

Я все время вел прямо-таки отчаянную борьбу за сохранение стабильного курса денег в этих оккупированных областях, т.к. передо мной все время ходатайствовали о том, чтобы снизить курс денег для того, чтобы немцы могли легче и дешевле делать закупки в этих странах: Я делал все возможное, чтобы сохранить

порядок в хозяйстве этих оккупированных областей. В одном случае, вопреки всем ведомствам, я даже поднял курс датской кроны, так как национальный банк и правительство Дании совершенно справедливо в требовали этого.

Как в 1942 г., так и в 1944 г. я боролся против повышения оккупационных расходов во Франции. Памятная записка имперского банка, сделанная по моему распоряжению, цитировалась здесь главным американским обвинителем.

Установлением оккупационных расходов ведал не министр хозяйства и президент имперского банка, а министр финансов, генералквартирмейстер, т.е. высшие военные власти, а в отношении Франции, Дании и других стран - министр иностранных дел.

Следовательно, я делал все, что было в моих силах, чтобы сохранить порядок в экономике оккупированных областей. Наконец, я добился от рейхсмаршала издания приказа, согласно которому всем официальным германским учреждениям запрещалось делать закупки по спекулятивным ценам. Правда, до этого было допущено много плохого в этой области. В этой связи я должен указать, что для сохранения порядка в оккупированных областях было необходимо сохранять порядок и в социальной жизни, поэтому я все время был принципиально против насильственного или слишком широкого из"ятия рабочих из оккупированных областей и направления их в Германию. Я сказал об этом также на заседании у Ламмерса, протокол которого здесь цитировался. Это могли бы подтвердить мои статс-секретари. С другой стороны, мне было совершенно ясно, что Заукель находился в очень тяжелом положении, т.к. от него беспрерывно требовали рабочих для германского хозяйства. Я сам, в особенности после того, как передал всю невоенную промышленность Шпееру и занялся работой в бюро

10279

H1200 – 0398

H1200 – 0399

центрального планирования, в служебном отношении не только не был заинтересован в том, чтобы рабочие приезжали в Германию, но, наоборот, еще более был заинтересован в том, чтобы рабочие оставались в оккупированных областях, т.к. промышленность продуктов широкого потребления в большой степени была переведена в эти области. Поэтому-то я как министр, который должен был обеспечивать снабжение населения продуктами широкого потребления был заинтересован в регулярной, упорядоченной работе в оккупированных областях, в предотвращении экономических и социальных помех.

Однако я считаю целесообразным по этим пунктам произвести допрос обоих моих статс-секретарей и вице-президента имперского банка, поверенного в делах директора этого банка, Пуня. Эти лица более детально знакомы с проведением этих мероприятий в жизнь, больше участвовали в нем, чем я. Если мне ставят в вину, что при помощи клиринга мы грабили иностранные государства и оккупированные области, то я должен заявить, что система клиринга не нами выдумана и не нами впервые введена в обращение с оккупированными областями, т.е. в военное время. Это было нормальной системой торговли Германии с другими странами, система, навязанная нам в то время, когда, как уже указал Шахт, иностранные государства стали использовать выручки от германского экспорта на покрытие и амортизацию германских долгов.

В то время я неоднократно указывал, что клиринговые долги являются чисто товарными долгами. Я всегда говорил, что клиринговые долги - это - товарные долги Германии, они погашаются по тому курсу, по той покупательной стоимости, которые действовали в момент, когда Германия делала займы. Это я подчеркивал в своих последних речах в Вене в марте 1944 г. в Кенигсберге

в июле 1944 года.

Кроме того, в июле я предложил после войны превратить клиринговые долги в европейский заем для того, чтобы они не оставались ограниченными двусторонним товарообменом, а принесли бы эффективную коммерческую выгоду. Из этого следует, что я всегда считал эти клиринговые долги чисто товарным долгом Германии, и что, следовательно, оккупированные страны, имеющие к Германии такие претензии, должны быть и могут быть удовлетворены после войны, и как я все время здесь подчеркиваю, удовлетворены по тем ценам, по той стоимости, которая существовала в то время, когда Германия брала в долг.

Естественно, если бы речь зашла о том, что согласно мирному договору страны были бы обязаны возмещать военный ущерб, то разумным образом эти убытки могли бы быть возмещены только в товарах, и тогда можно было бы благоразумно провести расчет между германскими долгами и германскими требованиями. Но, я никогда не сомневался, что клиринговые долги являются чисто товарными долгами.

Поэтому я отвергаю обвинение в том, что с помощью клиринга было произведено ограбление оккупированных областей. Еще более категорически я отвергаю обвинение в том, что я являюсь виновным в обложении оккупированных стран невыносимыми денежными налогами, в частности, налогами на содержание оккупационной армии и администрации и прочими сборами. Я могу доказать, что я всегда выступал против высоких налогов в оккупированных областях. Это подтвердят свидетели.

ЗАУТЕР. Господин председатель, подсудимый ссылался на две речи: на речь в Вене и на речь в Кенигсберге. Эти две речи, которые частично посвящены вопросам о клиринговых долгах,

H1200 – 0400

H1200 – 0401

и с другой стороны, рассматривают любую тему подсудимого доктора Функа, а именно тему об экономической общности Германии и ее соседей, экономической общности на основе полного равноправия. Для экономии времени прошу Трибунал принять в качестве доказательства эти речи, основное содержание которых было передано частично подсудимым, частично мною.

Это - речь подсудимого в Вене от 10 марта 1944 года, документ № 10 книги документов Функа и его речь в Кенигсберге по поводу 400-летия университета, от 7 июля 1944 года, документ № 11.

Г-н ДОДД: Господин Председатель, если этот документ № 11 пред'является защитой для того, чтобы показать, какова была политика подсудимого в оккупированных странах, то я считаю целесообразным указать, что эта речь имела отношение не к оккупированным странам, а, скорее, к государствам - сателлитам Германии.

ЗАУТЕРб Г-н председатель, перехожу далее к документу 3819-ПС. Этот документ также уже был представлен Обвинением. Это протокол совещания у министра Ламмерса от 11 июня 1944 года, о котором говорил подсудимый. Согласно протоколу, на этом совещании присутствовал и подсудимый Функ. Он упоминается только одним предложением. Это на странице 8-й внизу:

"Рейхсминистр Функ ожидает от этих беспощадных облав снижения производства, продукции во внегерманских областях". Это предложение, вырванное из контекста, очень непонятно, но если учесть в какой связи оно находится, то становится ясным, что этими словами подсудимый Функ предостерегал от применения насилия при мобилизации иностранных рабочих для германской военной и невоенной промышленности. Он предостерегал от

насильственных мероприятий, от чрезвычайных мер, так как это, по его мнению, нарушило бы работу промышленности в оккупированных областях.

Далее, господин председа тель, я ссылаюсь на документ № 2149-ПС. Это - заключение экспертной комиссии имперского банка от 7 декабря 1942 года - "По вопросу об увеличении французских оккупационных налогов". Я должен заявить, что эти налоги были затем повышены, но не по предложению подсудимого Функа и не с его согласия, а напротив, вопреки его возражениям. Это заключение от 11 декабря 1942 г., на которое ссылался подсудимый Функ и которое я только что цитировал, очень подробно раскрывает картину того, почему Функ и его имперский банк со всей решительностью выступали против повышения этих налогов. Я бы хотел еще задать подсудимому вопрос относительно налогов Греции. Вы слышали показания свидетеля д-ра Нейбахера, бывшего посланника в Румынии и Греции, который подтвердил, что Вы прилагали усилия снизить оккупационные расходы также и в этих странах?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ваш допрос займет еще много времени?

ЗАУТЕР: Да, я думаю, будет лучше, если Вы, господин председатель, об'явите сейчас перерыв. Мне кажется, у меня еще осталось несколько вопросов к подсудимому.

/Перерыв до 14.00/

10283

H1200 – 0402

H1200 – 0403

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 6 мая 1946 года

Вечернее заседание

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сегодня вечернее заседание Трибунала закончится в 4ч. 30 минут.

ЗАУТЕР. Господин Функ! Я хотел бы еще раз остановиться на вопросе о так называемом разграблении оккупированных областей. В виду того, что в то время Вы являлись имперским министром хозяйства, Вы, безусловно, можете дать нам справку о том, как, по Вашему мнению и по Вашим наблюдениям, отражались поставки оккупированных областей на ведении войны Германией ?

ФУНК. Поставки оккупированных областей, несомненно, имели большое значение для совместного ведения войны. Я всегда считал оккупированные области и германское хозяйство единым целым, совместным потенциалом военного производства, общностью, имеющей своей задачей установление нового порядка в Европе. В оккупированных областях действовали почти те же экономические принципы, что и в Германии. В 1944 году я однажды дал указание сделать подсчет того, что произвели оккупированные области для войны за три года, с 1941 по 1943 гг. Мне сообщили, что валовая продукция достигает стоимости на 90 млрд. марок. Это, безусловно, чрезвычайно высокая цифра. Притом необходимо учесть, что валюта отдельных стран была исчислена в рейхсмарках и, таким образом, упавшая покупательная стоимость валюты отдельных стран не была принята во внимание, т.-е. общая стоимость

произведенных ценностей несколько меньше, чем ее выражение в рейхсмарках.

В то же время Германия затратила на войну в Европе, примерно, две трети своей валовой продукции или около 260 миллиардов рейхсмарок, т.-е. приблизительно в три раза больше, чем оккупированные области. В особенности во Франции мне удалось поддержать порядок в финансовом и денежном хозяйстве и тем самым сохранить и хозяйственный и социальный порядок почти до момента вторжения союзных войск, причем фактически французская финансовая система к концу оккупации Франции Германией была значительно более здоровой, чем финансовая система Германии и, если бы не случилось того, что случилось, Франция могла бы построить себе здоровую финансовую систему.

Эти мои расчеты в некоторой степени подтверждаются документом, который был здесь пред"явлен: документ № РФ-22. Это - документ, в котором говорится о французских поставках Германии. Это - официальный отчет, направленный французскому правительству о применении принудительного труда во Франции. На страницах 38, 39 и 40 этого отчета даны таблицы, в которых имеются цифры относительно французских поставок Германии, отражающие пропорцию этих поставок и всей валовой продукции французской промышленности. Эти цифры показывают, что, примерно, за три года 30-35 % валовой продукции Франции отправлялось в Германию для совместного ведения войны, причем эти цифры по отдельным статьям и в особенности по тем, которые касаются снабжения французского населения, например, по текстильным товарам, фармацевтике, по газу, электроэнергии и т.д. значительно ниже и составляют иногда только 5-6 %. Однако, как специалист по народному хозяйству, я, безусловно, признаю, что, если рассматривать эти цифры не

10285

H1200 – 0404

H1200 – 0405

с точки зрения совместного военного производства и совместного ведения хозяйства, то отчисления 35% значит больше и имеет, естественно, большее значение для всего хозяйства страны.

В отношении русских областей я, к сожалению, не имею точных данных. Что касается экономики этих областей, то министерство хозяйства не принимало в ней никакого участия. Мы стремились лишь привлечь к деятельности в этих областях отдельные фирмы или общества, которые должны были вести себя там, как частные предприятия, т.-е. покупать и продавать на свой собственный риск. В остальном я не участвовал в экономике оккупированных русских областей, за исключением того, что я был председателем совета надзора континентального нефтяного общества, которое по заданию управления по четырехлетнему плану и командования вооруженных сил занималось в этих областях вопросами нефтяной промышленности. Я как председатель совета руководил лишь финансовой стороной деятельности этого общества.

ЗАУТЕР. Господин свидетель, в конце утреннего заседания Вы говорили о так называемом бюро центрального планирования, о котором мы здесь очень много слышали. Вы кратко остановились на том, что Вы, будучи имперским министром хозяйства, совершенно не были заинтересованы в том, чтобы иностранных рабочих направляли в Германию, независимо от того, предназначались они для работы в военной промышленности или для других целей. Я Вас правильно понял ?

ФУНК. Это правильно в отношении того момента, когда я вошел в это Бюро центрального планирования.

ЗАУТЕР. Когда это было ?

ФУНК. Осенью 1943 г. ..

ЗАУТЕР. Осенью 1943 года ?

ФУНК. ... когда я передал руководство всей промышленностью

Шпеэру и 22 ноября 1943 года впервые принял участие в заседании Бюро центрального планирования. В то время я действительно не только не был заинтересован в том, чтобы иностранных рабочих направляли в Германию, а, наоборот, с точки зрения интересов хозяйства я был заинтересован в том, чтобы эти рабочие оставались за границей, потому что в оккупированные области была переведена значительная часть промышленности предметов широкого потребления с тем, чтобы эта промышленность, я имею в виду французскую или бельгийскую, могла беспрепятственно работать на нужды населения Германии. Я был заинтересован в том, чтобы рабочие этой промышленности оставались на своих местах, и в особенности в том, чтобы их не изымали оттуда принудительным путем, так как это нарушало социальный порядок в этих странах.

Ранее как министр хозяйства я был за то, чтобы германское хозяйство получало рабочих. Однако эти вопросы никогда не разбирались в министерстве хозяйства, они рассматривались либо в управлении по четырехлетнему плану, где имелся генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Все это мы уже слышали. Эти показания он давал сегодня утром.

ЗАУТЕР. Господин председатель! В связи с работой Бюро центрального планирования мне хотелось бы сослаться еще на один документ.

Господин свидетель, я прошу Вас в своем ответе коротко остановиться на письме, которое Вы в свое время написали фельдмаршалу Мильху и которое было пред"явлено здесь, мне кажется, представителем французского обвинения под № РФ, т.-е. республика Франции, - РФ-675. Это письмо, господин

H1200 - 0406

H1200 – 0407

Функ, в котором Вы извиняетесь за то, что Вы так редко принимаете участие в заседаниях Бюро центрального планирования. Для участия в заседании Вы направили двух специалистов Вашего министерства, которые ведали вопросами производства предметов снабжения гражданского населения и вопросами экспорта. В качестве представителя Вашего статс-секретаря, доктора Гейлера, который позже будет вызван сюда в качестве свидетеля, в заседании Бюро центрального планирования принимал участие некий Олендорф, которого Вы видели здесь, в зале суда, в качестве свидетеля.

Я интересуюсь вопросом, какие функции выполнял этот Олендорф, который, очевидно, работал в Вашем министерстве?

ФУНК. В заседаниях Бюро центрального планирования меня интересовало, главным образом, то обстоятельство, что на них решался вопрос о выделении соответствующего сырья для промышленности продуктов широкого потребления и для экспорта. Поэтому я и направил на заседания Олендорфа и двух соответствующих специалистов. Олендорф был привлечен для работы в моем министерстве статс-секретарем Гейлером. До этого времени я знал Олендорфа весьма поверхностно, по одному или двум заседаниям. У меня сложилось о нем весьма благоприятное впечатление, так как у него была чрезвычайно ясная голова и он умел очень четко выражать свои мысли. Я совершенно не знал, что Олендорф одновременно выполнял должность в главном управлении безопасности, я познакомился с ним как с управляющим делами организации немецкой торговли. Гейлер возглавлял эту организацию, а Олендорф был его управляющим делами. В качестве такового он был мне представлен при нашем знакомстве.

Таким образом я не мог иметь никаких возражений против того, чтобы Олендорф перешел в мое министерство и взял на себя тот сектор, который соответствовал его преж-

ной деятельности, сектор торговли продуктами широкого потребления.

Позже я, естественно, узнал от Гейдера, что Олендорф работает в главном имперском управлении государственной безопасности, или как оно (так) называется, в качестве начальника отдела ~~в~~ СД. Но это не помешало мне оставить его у себя, потому что я не знал точно тех задач, которые он там решал и во всяком случае не был уверен, что он делал что-то, несовместимое с его работой в министерстве. Ведь основной должностью Олендорфа была должность управляющего делами сектора торговли. Насколько мне известно, в этом управлении безопасности, ~~или как оно (так) называется~~, он занимал пост по совместительству. Безусловно, я был страшно поражен и весьма неприятно задет, когда я услышал здесь о том, чем занимался Олендорф в предшествующие годы в своих оперативных штабах, или как они (так) назывались, в России. Об этой деятельности Олендорфа я никогда не слышал ни слова. Он сам никогда не беседовал со мной об этом, и я до этого момента ничего не знал о том, чем занимались эти оперативные штабы.

Олендорф вообще не говорил о своей работе в СД. Г-н Гейдер сможет показать здесь об этом, так как он знал его гораздо ближе и лучше, чем я.

Во всяком случае, об этой деятельности Олендорфа, которой он занимался уже несколько лет, я ничего не знал. Я был сражен, узнав, что этот человек делал такие вещи.

ЗАУТЕР. Господин свидетель, я прошу Вас высказаться по поводу показаний другого свидетеля, которого мы здесь, в зале суда, видели и слышали. Это - свидетель доктор Блахе, который здесь, в зале заседаний, обрисовал условия в концентрационном лагере Дахау и который при этом рассказал,-

H1200 – 0408

H1200 – 0409

Вы, очевидно, помните это,- что и в самом Дахау и за пределами его говорили о том, что в одном из официальных посещений этого лагеря принимал участие имперский министр хозяйства доктор Функ. Как Вы помните, на мой вопрос он заявил, что он Вас лично не видел, но слышал, как другие заключенные упоминали в этой связи Вашу фамилию.

Были Вы когда-нибудь в Дахау или в каком-либо другом концентрационном лагере ?

ФУНК. Нет, я никогда не был ни в Дахау, ни в каком-либо другом концентрационном лагере.

ЗАУТЕР. Можете Вы это подтвердить с чистой совестью под присягой ?

ФУНК. Да.

ЗАУТЕР. Свидетель доктор Блаха также показал, что этот осмотр Дахау имел место после совещания министров финансов, которое проходило в Бархтесгадене или в Рейхенгалле или где-то в другом месте этого района.

Поэтому я спрашиваю Вас, Вы вообще когда-нибудь принимали участие в заседании министров финансов или, по крайней мере, в тот период, о котором говорил свидетель Блаха ?

ФУНК. Нет,я никогда не принимал участия в заседаниях министров финансов, потому что я сам никогда не был министром финансов и в тот период вообще не участвовал ни в каких международных переговорах. Нет.

ЗАУТЕР. Господин доктор Функ, Вы сегодня очень плохо себя чувствуете. Вы жаловались сегодня на сильные боли. Вследствие этого я не хотел бы больше задавать Вам вопросов. Я задам лишь один заключительный вопрос,на который Вы можете ответить очень кратко.

Почему Вы остались до самого конца на своих должностях

имперского министра хозяйства и президента имперского банка ?

ФУНК. Я считал себя обязанным оставаться на этих постах до тех пор, пока я был в состоянии служить моему народу и быть ему полезным. Как раз в последние годы войны мое положение было весьма тяжелым. Наступила большая дезорганизация в управлении хозяйством, и я должен был прилагать чрезвычайно много усилий, чтобы снабжать население, в особенности тех, которые пострадали от бомбардировок, различными предметами широкого потребления. Я должен был все время прилагать усилия к тому, чтобы обезопасить склады товаров от самовольных действий гаулейтеров. В одном случае я даже вынужден был призвать на помощь полицию. Я никогда не следовал выдвинутому фюрером лозунгу о "сожженной земле" и достиг того, что немецкий народ после оккупации Германии противником еще мог располагать некоторыми запасами товаров широкого потребления.

Я получил от фюрера указания издать распоряжение, согласно которому прием оккупационных марок союзников рассматривался как государственная измена и карался смертной казнью. Я не издал такого распоряжения. Я пытался предотвратить разрушение и расхищение народного достояния. Я спас золотой запас имперского банка, находившийся под угрозой. Короче говоря, я до последнего момента, как мне кажется, выполнял свой долг, оставаясь на своем посту и выдерживая все до конца,

в особенности после того, как мы, немцы, узнали, что по плану Моргентау немецкий народ должен быть низведен до состояния пастухов, овец и коз, что вся промышленность должна быть уничтожена. Это означало бы уничтожение 30

H1200 – 0410

H1200 – 0411

миллионов немцев. А после того, как г-н Черчилль сам заявил, что немецкий народ будет голодать и что нужно будет предпринять что-то, чтобы избежать голода, для меня и для каждого честного немца оставалась лишь одна возможность: до последнего момента пребывать на своем посту и делать все, что было в моих силах, чтобы предотвратить хаос.

Стать предателем и заговорщиком - для этого у меня не было таланта. Но я всегда горячо любил свою родину и свой народ и до конца пытался сделать все, чтобы послужить родине, народу и быть им полезным.

ЗАУТЕР. Господин председатель, я хотел бы в связи с этим мнимым посещением концлагеря сослаться на опросный лист свидетеля доктора Швеблера, который недавно поступил ко мне и который находится в дополнительной книге документов Функа под № 14. Это показание под присягой, с содержанием которого я прошу ознакомиться, подтверждает, что свидетель доктор Швеблер с 1 февраля 1938 года постоянно сопровождал подсудимого Функа, что подсудимый доктор Функ никогда не посетил ни одного концлагеря и что свидетель должен был бы знать, если бы такое посещение имело место.

Таким образом, господин председатель, я закончил свой допрос подсудимого Функа. Благодарю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желает ли еще кто-либо из защитников задать вопросы свидетелю ?

Доктор Заутер, Вы сказали, что Вы ссылаетесь на письменное показание доктора Швеблера, которое находится в Вашей дополнительной книге документов под № 14. Но мы не можем найти этого документа в наших книгах. Вы сказали, что это № 14. Не кажется ли Вам, что это другой номер ?

ЗАУТЕР. Простите, господин председатель, это № 13, я оговорился. Это № 13 в дополнительной книге документов -

опросный лист доктора Шведлера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Номер 15 ?

ЗАУТЕР. Нет, № 13.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

НЕЛЬТЕ /защитник подсудимого Кейтеля/. Господин свидетель, у меня есть один вопрос, который я хотел бы Вам задать.

Обвинение связало подсудимого Кейтеля, как начальника штаба ОКВ, Вас, как генерального уполномоченного по экономике и министра Фрика, как генерального уполномоченного по администрации. В законе об обороне империи от 1938 года упоминаются лица, возглавляющие эти 3 учреждения. Насомненно также, что Вы выполняли некоторые функции, которые могут иметь большое значение. В связи с этим Обвинение говорило о триумвирате, оно считает, что этот триумвират имел большие полномочия и права по вопросам, которые инкриминируются Вам в разделе обвинения "Планирование и подготовка агрессивных войн".

Я спрашиваю Вас, существовал такой триумвират и каковы были функции каждого из трех названных учреждений, согласно имперскому закону об обороне империи ?

ФУНК. В хаосе немецкой администрации мы сами едва могли разобраться, и поэтому нет ничего удивительного, что представители Обвинения в этом случае заблуждаются. До процесса я сам ничего не слышал о таком комитете трех или о триумвирате.

Я вообще не знал, что я отношусь к комитету трех,или коллегии трех, или триумвирату, или к чему-то еще. На основании закона об обороне империи одинаковые полномочия предоставлялись и начальнику ОКВ, и генеральному уполномоченному по администрации, и генеральному уполномоченному

H1200 – 0412

H1200 – 0413

по экономике. Эти три лица могли, вне зависимости от существовавших законов, давать распоряжения, которые они обязаны были совместно подписывать. Однако соответственно смыслу данного положения это могли быть распоряжения второстепенного характера, которые в основном относились только к сфере компетенций каждого из этих трех лиц. Законы принципиального значения издавались либо советом министров по обороне империи, деятельность которых впоследствии тоже свелась к изданию циркуляров, либо указами фюрера. Насколько мне известно, было всего 3 или 5 заседаний этого совета. Позже указы фюрера стали основными законодательными документами. Эти указы исходили лично от фюрера, и часто о них только сообщалось тем лицам, которых они касались.

Таким образом, этот комитет трех - фикция.

НЕЛЬТЕ. У меня нет больше вопросов к свидетелю.

ДИКС /защитник подсудимого Шахта/. Господин доктор Функ, Вы говорили о законе относительно порядка национального труда и сказали, что он был издан Вашим предшественником. Вы сказали: "Моим предшественником".

ФУНК. Нет, Вы заблуждаетесь. Я сказал: "Моими предшественниками".

ДИКС. Хорошо. Можете ли Вы сказать Трибуналу, при каком имперском министре хозяйства был издан этот закон ?

ФУНК. Насколько я помню, этот закон был издан при имперском министре хозяйства доктора Шмидте, а последующие соглашения с германским трудовым фронтом, очевидно, были заключены Шахтом. В частности, я припоминаю так называемые "лейпцигские решения".

ДИКС. Далее Вы говорили о том, что при Шахте, занимавшем должность генерального уполномоченного по военной

экономика, имелось бюро. Вы помните, что свидетель Фокке отрицал существование такого бюро Шахта, как уполномоченного по военной экономике. Шахт тоже отрицал это.

Какое бюро Вы имели в виду ? Как выглядело бюро, о котором Вы говорили ?

ФУНК. Это не было бюро в том смысле, как здесь, возможно, понимают. Это была комиссия референтов различных ведомств, которая возглавлялась представителем генерального уполномоченного по военной экономике, которым был Шахт, а позже моим уполномоченным, представлявшим меня как генерального уполномоченного по экономике. При Шахте это был государственный советник Вольтат, при мне это был бывший статс-секретарь Шахта - Поссе.

ДИКС. Этот вопрос ясен. Эта комиссия идентична комитету, который существовал ранее на основании старого закона об обороне империи и работал еще до 1933 года ?

ФУНК. Я не знал о таком комитете.

ДИКС. Во всяком случае это был комитет, в котором были представлены различные ведомства ?

ФУНК. Да.

ДИКС. И ОКВ ?

ФУНК. Да, там были представители ОКВ, министерства внутренних дел и позже, как главные участники - представители уполномоченного по четырехлетнему плану.

ДИКС. И референтом от Шахта был в то время ц-р Вольтат?

ФУНК. Насколько мне известно, да.

ДИКС. Тогда еще один вопрос. В конце Ваших показаний, отвечая на вопрос моего коллеги, защитника подсудимого Кейтеля, Вы говорили о так называемом триумвирате. Создание этого триумвирата и его деятельность, как Вы ее описали, относятся, очевидно, к периоду после Шахта ?

10295

H1200 - 0414

H1200 – 0415

ФУНК. Мне кажется, что это так. Но деятельности никакой не было.

ДИКС. Нет. Нет.

ФУНК. Я никогда не принимал участия в заседаниях этого триумвирата или коллегии трех.

ДИКС. Вы сказали, это была фикция ?

ФУНК. Да, никаких заседаний этих трех людей никогда не происходило.

ДИКС. Да, Вы так показывали. Хорошо.

СЕРВАТИУС /защитник подсудимого Заукеля/. У меня есть вопрос в отношении заработной платы иностранных рабочих. Проявлял ли Заукель особую заботу относительно того,чтобы заработная плата рабочих переводилась их семьям ? Знаете Вы что-нибудь об этом ?

ФУНК. Да, Заукель нередко хлопотал перед имперским банком и имперским министерством хозяйства о разрешении денежных переводов—заработной платы иностранных рабочих заграницу, в оккупированные области, в более широком масштабе. Мы, естественно, находились в весьма затруднительном положении, так как, например, в странах Юго-Восточной Европы валюта была сильно обесценена, следовательно, покупательная способность немецких денег сильно пала бы. Я же был заинтересован в сохранении стабильного курса перерасчетов валюты, в том, чтобы путем обесценивания валюты этих стран не усиливать тенденцию к инфляции и не вносить полный хозяйственный беспорядок в эти страны. Вследствие этого мы были вынуждены сами давать дотации к этим денежным переводам, которые бы в некоторой степени мешали обесцениванию денег в оккупированных областях и в остальных странах. В общем за грани-

цу перевещены значительные суммы. Я думаю, примерно, 2 миллиарда рейхсмарок.

СЕРВАТИУС. Что Вы знаете относительно того, заботился ли Заукель об обмундировании иностранных рабочих ? Предпринимал ли он какие-нибудь меры в этом направлении ?

ФУНК. Да, он прилагал много усилий в этом отношении. Вещь это очень сильно отражалось на деятельности министерства хозяйства, так как министерство хозяйства, располагая незначительным количеством сырья, которое ему предоставляло Бюро центрального планирования, должно было снабжать им население, а вследствие все возраставшего количества пострадавших от бомбардировок нам предъявлялись все большие требования. Несмотря на это, насколько было возможно, мы старались удовлетворять ходатайства Заукеля. Конечно, мы не могли полностью выполнять их.

СЕРВАТИУС. В каком об"еме было предоставлено ему обмундирование ? Вы можете назвать цифру ?

ФУНК. Нет, я этого не знаю.

СЕРВАТИУС. Знаете ли Вы что-нибудь об отношении Заукеля к Гиммлеру, с которым он работал вместе, согласно предъявленному ему обвинению ?

ФУНК. Мне помнится один случай. Когда я с моими запасами денег и остатками моих девизов бежал в Тюрингию и укрылся там в поденмельи, однажды вечером я зашел к Заукелю, где был также неоднократно упоминавшийся здесь статс-секретарь Кеплер.

В ходе беседы Заукель и Кеплер начали с Гиммлером весьма ожесточенный спор. Заукель совершенно недвусмысленно обвинял Гиммлера в том, что он нарушил единство администрации в Германии, что он несет ответственность за дев-

10297

H1200 - 0416

организацию, потому что своими СС он создал государство в государстве. Заукель сказал: "Как же народ должен соблюдать дисциплину, если верховные учреждения в империи сами не могут ее соблюдать".

СЕРВАТИУС. У меня более нет вопросов к свидетелю. Спасибо.

ФРИЦ /защитник подсудимого Фрича/. Господин свидетель, когда и где Вы познакомились с подсудимым Фричем ?

ФУНК. Когда он работал в министерстве пропаганды, в отделе прессы. Однажды он пришел ко мне, чтобы получить деньги для работы своего отдела, которые я обещал ему.

ФРИЦ. Вы были тогда статс-секретарем в министерстве пропаганды ?

ФУНК. Да.

ФРИЦ. В каком году это было ?

ФУНК. Мне кажется, в 1933 году или в 1934 году.

ФРИЦ. Когда он пришел к Вам, знали Вы, какую должность он занимает в министерстве пропаганды ?

ФУНК. Я знал, что он работал в отделе прессы.

ФРИЦ. Занимал он руководящий пост, как, например, руководитель отдела ?

ФУНК. Нет, насколько мне помнится, руководителем отдела был доктор Янке, потом Берн.

ФРИЦ. Вы могли наблюдать, что Фрича находился в тесном контакте с д-ром Геббельсом ?

ФУНК. Я никогда не привлекался к беседам, которые Геббельс ежедневно проводил со своими референтами. Геббельса представлял обычно его личный референт, позднее статс-секретарь Ганке. Но так как Фрича не был начальником отдела, я полагаю, что его также не привлекали к этим беседам. Обыч-

H1200 – 0417

H1200 – 0418

них присутствовали только начальники отделов. Фриче, безусловно, не участвовал в них.

ФРИЦ. Итак, насколько Вам, как статс-секретарю, было известно, он вообще не принадлежал к близким сотрудникам ц-ра Геббельса, если я Вас правильно понял ?

ФУНК. В тот период, повидимому, нет; что было позже, я не могу сказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желает кто-нибудь из представителей Обвинения задать свидетелю вопросы ?

Г-н ДОДД /представитель обвинения от США/. Господин свидетель, Вы слышите меня ?

ФУНК. Да.

Г-н ДОДД. Начиная с пятницы, с вечернего заседания, мы слушали Ваши показания и видим, что Вы ни в какой степени не признаете себя виновным ни по одному из пред"явленных Вам в обвинительном заключении обвинений, за одним, возможно, исключением. Мне не совсем ясно, признали Вы сегодня утром себя виновным в преследовании евреев или нет? Не можете ли Вы сказать нам сейчас - признаете Вы свою вину или ту роль, которую Вы играли в преследовании евреев ?

ФУНК. Сегодня утром я показал, что я глубоко чувствую свою вину и большой стыд за все то, что произошло с евреями в Германии, и что в тот период, когда началось применение террора и насилия, я сам находился в тяжелом конфликте со своей совестью. Я тогда чувствовал, что совершается, я бы сказал, большая несправедливость. Однако, я не признавал своей вины в отношении тех обвинений, которые здесь мне пред"явлены, а именно, что я будто бы совершал преступления против человечности тем, что поощри-

сывал инструкции к законам, которые издавались вышестоящими инстанциями, так как издание этих законов было необходимо для того, чтобы не лишить евреев всех их прав, чтобы оказать им некоторую юридическую защиту путем обеспечения возмещения их убытков. Таким образом, я признаю здесь свою моральную вину, а не вину в том, что я подписывал эти инструкции к законам. Во всяком случае я не признаю себя виновным в преступлении против человечности.

Г-н ДОДД. Хорошо. Именно это я и хотел выяснить. Вы также заявили Трибуналу, что Вы "часто бывали у двери, но Вам никогда не разрешали войти". Я понял это так, что Вы, по Вашему собственному заключению, были маленьким человеком во всей нацистской организации, не так ли ?

ФУНК. Да...

Г-н ДОДД. Ну, хорошо. Я удовлетворен Вашим ответом. Позднее, возможно, Вы дадите более подробные об"яснения по этому вопросу.

ФУНК. Однако, разрешите мне дать об"яснения. Я подразумевал, что те полномочия, которыми я пользовался, всегда превышались полномочиями тех инстанций, которые принимали окончательное решение. Это относится ко всем тем должностям, которые я занимал в государстве.

Г-н ДОДД. Хорошо, сейчас мы рассмотрим некоторые доказательства и установим, действительно ли Вы всегда играли только роль подчиненного и являлись лишь маленьким человеком, "которому никогда не разрешали войти".

Прежде, чем перейти к общему рассмотрению данного вопроса, я хотел бы выяснить следующее. Вы помните, что когда подсудимый Шахт давал показания, он заявил, что после того, как он ушел из рейхсбанка, он поместил свое бюро у себя на частной квартире. Так ?

10300

H1200 – 0419

H1200 – 0420

ФУНК. Да, он это сказал.

Г-н ДОДД. Вы же в своих показаниях заявили, что он имел бюро в рейхсбанке. Верно ?

ФУНК. Я не знаю, сказал ли я это и где я это сказал, но возможно. Когда он ушел с поста, мне сообщили, что он часто приходил в рейхсбанк и что для него там оставили кабинет. Кроме того, у него был еще свой персонал, например, секретарша, которая ушла из рейхсбанка вместе с ним. Больше я ничего не знаю.

Г-н ДОДД. Другой вопрос. Вы сказали, что у него "в рейхсбанке было свое бюро, где он составлял статистические данные по рейхсбанку и время от времени поддерживал со мною связь". Вы вспоминаете, что Вы это говорили?

ФУНК. Нет, так я это не говорил. Шахт очень редко ...

Г-н ДОДД. Если Вы не помните, я смогу Вам помочь. Помните Вы, что майор Гирам Гейс допрашивал Вас 2, 3 и 4 июня 1945 года ? Вы это помните ? Помните ли Вы, что там были Геринг, Ламмерс, фон Крозиг и т.д. ?

ФУНК. Да.

Г-н ДОДД. Правильно. При допросе Вам был задан следующий вопрос:

"Сохранил ли Шахт какую-нибудь правительственную должность после того, как он ушел с поста президента рейхсбанка?"

Геринг сказал:

"Имперского министра".

"Вопрос: Выполнял он какие-нибудь функции ?"

Геринг снова ответил:

"Он остался министром без портфеля".

Следующий вопрос: "Были ли в то время заседания кабинета, на которых он присутствовал ?"

Геринг ответил: "В то время вообще не было никаких заседаний кабинета".

Вопрос: "В таком случае занимаемый им пост был почетным?" - На что Геринг ответил: "Фактически - да".

Затем вмешались Вы и сказали (говорит Функ): "После своей отставки Шахт продолжал работать в рейхсбанке, где он составлял статистические данные по рейхсбанку и время от времени поддерживал со мною связь".

Вопрос: "Сколько времени это продолжалось ?"

Вы ответили: "До 1943 года, до тех пор, когда Шахт ушел в отставку с поста министра".

Вы давали такие ответы, не правда ли ?

ФУНК. Это неправильно. Я так не говорил. Я только сказал, что мне сообщили, что он часто приходил в рейхсбанк, что ему был оставлен там кабинет и что со мной он беседовал тогда очень редко. Он был у меня всего несколько раз. Вам, наверное, неправильно перевели.

Г-н ДОДД. Вам известен документ 2828-ПС ?

ФУНК. Нет.

Г-н ДОДД. Некоторые выдержки из этого документа были представлены за № США-654. Позднее я представлю под другим номером ту часть документа, которую я только что оглашал.

Сегодня утром Ваш защитник Заутер ссылался на письмо, которое Вы писали Гитлеру, как я помню, в 1939 году. Это интимное письмо было написано в связи с Вашим шестидесятилетием. В нем Вы излагали Ваше общее настроение того времени. Имелась и другая причина написания такого письма, связанная также со днем Вашего рождения. Вы понимаете, о чем я говорю ?

ФУНК. Да.

10302

H1200 – 0421

H1200 – 0422

Г-н ДОДД. Вы получили от Гитлера в качестве подарка по случаю дня рождения 520 тыс. рейхсмарок ?

ФУНК. Это неправильно.

Г-н ДОДД. Разве Вы тогда не получили подарка от Геринга...

ФУНК. Да.

Г-н ДОДД. Подождите минуту. Я Вам сейчас напомню. Вы получили от Геринга и Геббельса подарок на сумму 250 тысяч рейхсмарок, потому что Вы были одним из руководителей Германии, и 270 тысяч рейхсмарок, взятых из особых фондов Геринга и Геббельса. Когда Гитлер узнал об этом, он приказал Вам возвратить эти деньги, так как часть их была взята из промышленных фондов, но одновременно он лично преподнес Вам подарок в сумме 520 тыс. рейхсмарок. Разве это было не так ?

ФУНК. Первое неправильно. Второе правильно. Однако я хочу об"яснить положение вещей. Дело обстояло совершенно по другому.

Г-н ДОДД. Продолжайте.

ФУНК. В день моего 50-летия ко мне пришли президент и члены президиума имперской палаты хозяйства, организации, состоявшей во главе всей германской экономики, и заявили мне, что в связи с моей деятельностью на благо германской экономики, продолжавшейся свыше 20 лет, они с разрешения фюрера хотят мне сделать подарок, а именно подарить мне имения в Баварии. К сожалению, это было даром дьявола, так как впоследствии с этим подарком я имел очень много забот и горя. Там был выстроен большой дом, потому что, как мне было сказано, фюрер пожелал, чтобы я там и работал. Затем мне было пред"явлено требование уплатить налоги, которые были такими высокими, что я не мог их погасить. Я также не мог погасить издержек по окончанию строительства. Я не обращался к Герингу, но Геринг, услышав об этом, сам распорядился о выдаче мне 300 тыс. марок, чтобы я мог выйти из своего затруднительного финансового положения. Деньги, которые я будто бы получил от Геббельса, на самом деле явля-

H1200 – 0423

H1200 – 0424

лись подарком кинопромышленности, которая с разрешения Геббельса присоединилась к подарку имперской палаты хозяйства, которая, собственно, дала эти деньги. Когда Гитлер услышал о моих финансовых трудностях в связи с налогами и прочими долгами, он предоставил в мое распоряжение 500 тыс. рейхсмарок. На остальные деньги я сделал два взноса: один взнос – 500 тыс. марок – для рейхсбанка, т.-е. для родственников погибших на войне служащих имперского банка, и 200 тыс. марок – для имперского министерства хозяйства, т.-е. для родственников погибших во время войны служащих имперского министерства хозяйства. Это имение, этот большой дом я мог содержать только благодаря тому, что у меня был сравнительно высокий оклад. Но уже с самого начала, когда я увидел, с какими большими расходами связано управление этим имением, договорившись со своей женой, я решил после своей смерти оставить это имение либо рейхсбанку, либо моей родине – Восточной Пруссии. Об этом я неоднократно говорил также с господами из дирекции имперского банка.

Г-н ДОДД. Меня не это интересовало. Я хочу лишь знать, получили Вы эту сумму в 520 тысяч рейхсмарок.

ФУНК. Да.

Г-н ДОДД. Вы сами преподнесли денежный подарок Фрику по случаю дня его рождения 12 марта 1942 года в сумме 250 тысяч рейхсмарок, которые Вы взяли на свое имя из общественных фондов. Вы этого не помните ?

ФУНК. Я не помню этого.

Г-н ДОДД. Вы не помните этого ? Известно ли Вам как председателю рейхсбанка или важному чиновнику нацистской партии что-нибудь о других подарках, которые преподноси-

лись другим подсудимым также из общественных фондов ? Что Вы знаете об этих людях и какие суммы они получили из общественных фондов ?

ФУНК. Эти суммы выдавались не мной, а из фонда фюрера Ламмерсом. Я не выдавал таких сумм.

Г-н ДОДД. Это были так называемые общественные фонды, которые создавались только за счет народа. Известно ли Вам о том, что Розенберг получил сумму в 250.000 рейхсмарок ?

ФУНК. Нет.

Г-н ДОДД. Это было в январе 1944 года, когда Вы были президентом рейхсбанка.

ФУНК. Однако эти суммы были взяты не из рейхсбанка, а из фондов, которыми ведал Ламмерс. Я предполагаю, что эти суммы шли из фонда сборов имени Адольфа Гитлера или из других источников, во всяком случае рейхсбанк не имел к ним никакого отношения.

Г-н ДОДД. Известно ли Вам о том, что 2 февраля 1943 года фон Нейрат получил 250.000 марок ? Вы знаете что-либо об этом ? В то время Вы были президентом рейхсбанка ?

ФУНК. Я ничего не знаю об этом.

Г-н ДОДД. Вы слышали о Ламмерсе и его 600.000 марках ? Знаете ли Вы, что 22 сентября 1942 г. Кейтель получил 250.000 марок ? Вы никогда не слышали об этом?

ФУНК. Рейхсбанк не имел ничего общего с этими деньгами.

Г-н ДОДД. Разве Вы не знаете, что 30 апреля 1943 года Риббентроп получил 500 тысяч марок ? А в 1941 году генерал Мильх получил около 500 тысяч марок. Вы слышали

H1200-0425

H1200 – 0426

когда-либо об этом ?

ФУНК. Я этим никогда не занимался, это делал Ламмерс, и деньги были не из имперского банка.

Г-н ДОДД. Вы сказали, насколько я Вас понял, что фактически Вы не были экономическим советником ни Гитлера, ни нацистской партии в ее ранний период. Однако в действительности же вся общественность, промышленники, члены партии и высшие партийные руководители считали именно Вас экономическим советником и Гитлера и нацистской партии. Это правильно ?

ФУНК: Я уже говорил здесь, что меня так называли на основании моей работы в 1932 году, когда я устраивал переговоры между фюрером и некоторыми ведущими промышленниками и выполнял некоторую партийную работу, которая была здесь обрисована.

Г-н ДОДД: Хорошо. Но однажды Вы сами назвали себя советником нацистской партии по экономическим вопросам. Это было во время Вашего допроса. Вы разве этого не помните?

ФУНК: Нет.

Г-н ДОДД: Но я полагаю, что Вы согласитесь с тем, что в глазах общественности Вы были известны как экономический советник, а мнение общественности очень важно.

ФУНК: Я уже заявил, что меня так назвала пресса и через прессу это название попало в литературу. Сам я себя никогда не называл так.

Г-н ДОДД: Разве Вы не были главным посредником между крупными промышленниками и нацистской партией в ранний период ее существования?

ФУНК: Это отнимало у меня не много времени, и я делал это.

Г-н ДОДД: Нас не интересует вопрос о том, много времени отнимало это у Вас или нет. Дело в том, что вы все-таки делали это, не так ли?

ФУНК: Да.

Г-н ДОДД: Возможно, Вы помните документ ЕС-440, который представляет собой данные Вами показания относительно взаимоотношений между германскими промышленниками и нацистской партией в то время, когда во главе государства стояли национал-социалисты. Насколько Вы помните, эти

H1200-0427

H1200-0428

показания были даны Вами 28 июня 1945 года. Вы заявили: "Кеплер, который позднее стал статс-секретарем и который до меня был советником фюрера по экономическим вопросам..." Вы помните, что Вы говорили это?

ФУНК: Кеплер?

Г-н ДОДД: Да, до Вас он был советником по экономическим вопросам. Вы помните это?

ФУНК: Да.

Г-н ДОДД: Вы хотите убедить Трибунал в том, если я Вас правильно понимаю, что в министерстве пропаганды Вы являлись незначительным лицом и занимались только административными вопросами. Вы даже не знали о том, что происходило в самом министерстве. В этом заключается Ваша точка зрения?

ФУНК: Нет, у меня были очень большие задачи: задачи по руководству весьма крупным концерном, занимавшимся вопросами культуры. Я уже говорил, что к нему относились: кино-фабрики, театры, оркестры, в нем имелся совет рекламы германского хозяйства, управление немецкого радиовещания, сотнями тысяч разных культурных мероприятий, т.е. обширнейшая работа. Но главным образом моя роль сводилась к организационной, хозяйственной и финансовой стороне дела, в то время как самой пропагандой руководил только и исключительно Геббельс.

Г-н ДОДД: Но Вы, безусловно, знали о политике и целях министерства пропаганды, не так ли?

ФУНК: Да.

Г-н ДОДД: Они были Вам известны?

ФУНК: Да.

Г-н ДОДД: Хорошо. Сейчас я хотел бы выяснить один вопрос, который я затронул ранее. Помните ли Вы, что

подсудимый Шахт на свидетельском пульте заявил о том, что на хорошо известном совещании, на котором собрались крупнейшие промышленники, с тем, чтобы приветствовать Гитлера, он не производил никаких сборов? Шахт заявил, что он не делал этого. Насколько я помню, он сказал, что Геринг или кто-то другой проводил сбор. Вы помните эти показания Шахта? Вы помните, что Вас лично допрашивали по данному вопросу?

ФУНК: Да.

Г-н ДОДД: Помните Вы, что Вы заявили в своих показаниях в то время?

ФУНК: Да.

Г-н ДОДД: Помните Вы, что Вы заявили в своих показаниях в то время?

ФУНК: Да.

Г-н ДОДД: Что вы тогда сообщили нам?

ФУНК: Я сообщил, что Шахт держал небольшую речь, после которой выступили Гитлер и Геринг, затем он пригласил присутствовавших проследовать к кассе и подписаться, т.е. сделать взнос в специальный фонд. Он организовал сбор, сказав, что угольная промышленность...

Г-н ДОДД: Кто организовал сбор? Я не понимаю, кого Вы имеете в виду, когда говорите "он"?

ФУНК: Шахт.

Г-н ДОДД: Это все, что я хотел выяснить.

Когда Вы впервые узнали о том, что события, имевшие место в ноябре 1938 года, не носили стихийный характер?

ФУНК: Утром 9 ноября, когда я ехал из своего дома в министерство, я впервые увидел, что произошло ночью. До этого момента я совершенно ничего не знал о готовившихся

H1200 – 0429

H1200 – 0430

эксцессах и терроре.

Г-н ДОДД: Простите, я думаю, Вы меня неправильно поняли. Я не спрашиваю Вас о том, когда Вы впервые узнали об этих событиях; меня интересует вопрос о том, когда Вы впервые узнали, что они не носили стихийного характера, а были кем-то спровоцированы и подготовлены?

ФУНК: Значительно позже.

Г-н ДОДД: Когда позже?

ФУНК: Я не могу точно сказать когда, но значительно позже. Об этом велось много разговоров и никогда нельзя было выяснить, кто был зачинщиком этих террористических мероприятий и кто, собственно, отдал соответствующий приказ.

Мы знали, что он исходил из Мюнхена, узнали об этом 9 ноября, но отдал ли его Геббельс или Гиммлер и в какой степени лично Гитлер участвовал в его издании – я так и не смог узнать точно. Из моего телефонного разговора с Геббельсом, в котором сегодня упоминалось, выяснилось лишь одно, что фюрер должен был знать об этом событии, так как он мне сказал, то же сказал и Геринг, что фюрер отдал распоряжение полностью исключить евреев из экономической жизни страны. Я из этого заключаю, что фюреру было известно о происшедшем.

Г-н ДОДД: Из этого разговора по телефону мы можем заключить кое-что и другое. Мы знали о том, что Геббельс спровоцировал все эти события, притом знали на следующий же день. Вы знали, что все это произошло не стихийно, и именно потому Вы позвонили Геббельсу, не правда ли?

ФУНК: Да.

Г-н ДОДД: Спустя сколько дней после этих событий

Вы произнесли свою подстрекательскую речь относительно того, как следует поступить с евреями? Приблизительно через шесть дней, не правда ли? Мне кажется, она была опубликована во "Франкфуртер Цейтунг". Сегодня утром об этом говорил Ваш защитник.

ФУНК: Да.

Г-н ДОДД: В этой речи Вы пытались показать общественности, что данные события носили стихийный характер, не так ли?

ФУНК: Да.

Г-н ДОДД: Но ведь это было неправильно?

ФУНК: В тот момент я этого не знал. Тогда я предполагал, что это было чем-то таким, что охватило широкие круги. Лишь значительно позже я узнал, что здесь был пущен в ход хорошо налаженный механизм.

Г-н ДОДД: Сейчас Вы заявляете Трибуналу о том, что в то утро, когда состоялся Ваш разговор по телефону с Геббельсом и когда Вы по существу упрекали его за происшедшее, Вы не знали, являлся ли он организатором этого выступления. Такова Ваша точка зрения?

ФУНК: Я тогда еще не знал, кто организовал этот террористический акт и как он был осуществлен. Это было для меня новостью.

Г-н ДОДД: Но даже, если Вы и не знали, кто являлся организатором, Вы знали, что эти события были спровоцированы кем-то и не носили стихийного характера.

ФУНК: Да.

Г-н ДОДД: И все же в своей речи 15 ноября Вы пытались убедить общественность в том, что это было выступление немецкого народа, не так ли?

10312

H1200 – 0431

H1200 – 0432

ФУНК.Я это об'яснял покушением на... я не знаю,кем он был,на атташе в Париже.В самом деле,вследствие этого покушения настроение было крайне возбужденным,в этом сомне - ваться не приходится.

Г-н ДОДД.Свидетель,я думаю,Вы понимаете,о чем я говорю. В своей речи Вы заявили следующее:

"Произошел последний неистовый взрыв негодования народа, вызванный преступным выступлением евреев против германского народа..." и т.д.Вы пытались доказать,что эти события явились стихийной реакцией германского народа.Я утверждаю,что Вы уже несколько дней назад узнали,что это неверно,не так ли?

ФУНК. Я не знал в деталях того,что произошло.Я знал, что какая-то инстанция была зачинщиком этого мероприятия,с этим я согласен.

Г-н ДОДД.Хорошо.Когда Вы создали выражение: "Стеклянная неделя ? " Вы знаете значение этого выражения и на основании чего оно возникло ?

ФУНК. "Стеклянная неделя ? "

Г-н ДОДД. Да.

ФУНК. Этот термин я употребил однажды в обозначение тех событий,во время которых было разбито много витринных стекол.

Г-н ДОДД. Именно Вы создали это выражение,не так ли ? Оно впервые было употреблено Вами ?

ФУНК. Да, я употребил это выражение.

Г-н ДОДД. И Вы его употребили в своей речи,опубликованной во "Франкфуртер цейтунг" ?

ФУНК.Я назвал тогда эти события так в связи с тем,что действительно было побито очень много витринных стекол.

Г-н ДОДД.Сейчас обратимся к хорошо известному сове - щанию, состоявшемуся 12 ноября,на котором Геринг, Геббельс и другие выступали по вопросу об евреях. Как Вы показали ,

Вы также присутствовали на этом совещании. Но Вы не высказали никаких возражений против всего сказанного на этом совещании, не правда ли?

ФУНК: Я лишь пытался предпринять кое-какие меры, чтобы еще спасти что-нибудь для евреев, например, их ценные бумаги. Я добился того, что магазины были снова открыты, что замедляло весь процесс исключения евреев из экономической жизни страны и т.д.

Г-н ДОДД: Хорошо, мне это известно. Но мне кажется, что сегодня утром Вы были несколько потрясены теми ужасами, которые приходилось переживать евреям. Вы помните, вероятно, некоторые предложения, внесенные в тот день Герингом и Геббельсом. Они действительно были очень гнусными по своему содержанию, не правда ли?

ФУНК: Да, я открыто признал, что я был потрясен...

Г-н ДОДД: И?

ФУНК: и что я переживал большой конфликт со своей совестью.

Г-н ДОДД: Хотя Вы и испытывали угрызения совести, несколько позже Вы произнесли свою речь, которая была опубликована во "Франкфуртер цейтунг", и выполнили все распоряжения, не так ли?

ФУНК: Эти распоряжения должны были выйти. В этом отношении у меня не было угрызений совести. Угрызения совести у меня были в связи с теми причинами, из-за которых нужно было отдать эти распоряжения. Но сами распоряжения...

Г-н ДОДД: Вот о них-то я Вас и спрашиваю.

ФУНК: Распоряжения должны были выйти, но что касается причин, я согласен.

Г-н ДОДД: Вам известно, что Шахт в своих показаниях

H1200 – 0433

H1200 – 0434

заявил о том, что если бы он был министром хозяйства, то он думает, что подобные бы вещи не случились. Вы помните, что он говорил об этом недавно?

ФУНК: Да. У него были весьма тесные и хорошие связи с руководителями партии, иначе он не мог бы этого добиться.

Г-н ДОДД: А у Вас не было таких связей в партии? Вы не были в партии, Вы были министром?

ФУНК: У меня не было таких связей, я не мог предотвратить этого террористического акта.

Г-н ДОДД: Хорошо, мы позже рассмотрим этот вопрос. Ваш защитник представил письменное показание, данное под присягой Евером. Е-в-е-р, Вы помните этого человека?

ФУНК: Да.

Г-н ДОДД: Эти письменные показания...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Г-н Додд, Трибунал об"являет перерыв на 10 минут.

/Перерыв на 10 минут/.

Г-н ДОДД: Господин свидетель, до перерыва я задал Вам вопрос относительно человека по фамилии Евер. Вы припоминаете его? Это был один из Ваших сотрудников, работавший в газете "Франкфуртер цейтунг", не так ли?

ФУНК: Да, он был руководителем берлинского экономического отдела "Франкфуртер цейтунг". Это очень видный журналист.

Г-н ДОДД: Да. Вам известно, что у Вас имеется данный им опросный лист или письменное показание, которое Вы представляете Трибуналу. Оно имеется в Вашей книге документов.

ФУНК: Он сам пожелал дать эти показания.

Г-н ДОДД: Я Вас не об этом спрашиваю. Это неважно. Я хочу лишь установить, действительно ли известно Вам, что он дал письменные показания?

ФУНК: Да.

Г-н ДОДД: В этом письменном показании Евер утверждает, что Вы всегда хорошо относились к евреям, которые сотрудничали в этой газете, выступали против того, чтобы их снимали с занимаемых ими должностей и т.д.; Вы включили их в категорию лиц, для которой, согласно декрету, допускалось исключение, это правильно?

ФУНК: Да.

Г-н ДОДД: Хорошо.

ФУНК: У меня был ряд редакторов, для которых я сделал исключение.

Г-н ДОДД: Да. Но я хотел бы спросить Вас, была ли другая истинная причина, помимо Вашего хорошего отношения к евреям, которая об"ясняет Ваше поведение в отношении данной газеты?

ФУНК: Нет.

Г-н ДОДД: Обождите минутку.

ФУНК: Я не знал этих людей лично.

Г-н ДОДД: Я не хочу сказать, что Вы были лично знакомы с этими людьми. Я говорю только, что, помимо вашего сочувствия к евреям, была другая причина, о которой Вы до сих пор не сообщили Трибуналу.

ФУНК: Относительно редакторов "Франкфуртер цейтунг".

Г-н ДОДД: Да.

ФУНК: Нет, других причин не было.

Г-н ДОДД: Скажите, разве не является фактом то, что Вы, наверное, Гитлера и, безусловно, Геббельса, а также и

H1200 - 0435

H1200 – 0436

другие руководители партии решили, что эту газету следует оставить нетронутой, фрауе-ивo , потому что она имела огромное влияние за/границей. Это правильно?

ФУНК: Тогда об этом не было речи. Об этом заговорили позже, когда фюрер потребовал, чтобы почти все руководящие ежедневные газеты либо перешли в ведение партии, либо были бы слиты с партийными газетами. Тогда мне удалось спасти "Франкфуртер цейтунг" от этого решения, и "Франкфуртер цейтунг" существовала потом еще долго. Все это было значительно позже. Тогда же действительной причиной оставления евреев на работе в газете было стремление помочь им.

Г-н ДОДД: Хорошо.

ФУНК: Это делалось из чисто человеческих побуждений.

Г-н ДОДД: Хорошо. Вы можете так ответить. Я хотел, чтобы Ваш ответ занесли в протокол, ибо позднее я еще коснусь этого вопроса.

Правильно ли я понял Вас, что Вы отрицаете тот факт, что Вы хотели сохранить фрауе-ивo газеты "Франкфуртер цейтунг", потому что она имела огромное влияние за/границей?

ФУНК: Мое мнение было таковым, что "Франкфуртер цейтунг" должна быть сохранена.

Г-н ДОДД: Ваше мнение базировалось на том, что, как я уже заявлял, эти лица были хорошо известны в финансовых кругах заграницей, и поэтому Вы не хотели ослабить выгодное для Вас влияние этой газеты за/границей.

Я заявляю, что именно поэтому Вы старались оставить евреев на занимаемых ими должностях, а не из-за какого-то чувства сострадания к ним.

ФУНК: В этом случае - нет, положение было иным.

Г-н ДОДД: Хорошо. Сейчас я бы хотел задать Вам несколько вопросов относительно Вашей деятельности на посту гене-

рального уполномоченного по военной экономике и ее связи с войной, которая велась против Польши и других держав. Но прежде я расскажу Вам, о чем будет итти речь с тем, чтобы Вы имели некоторое представление.

Вы утверждаете, что занимаемый Вами пост генерального уполномоченного по военной экономике имел не много общего с интересами германских вооруженных сил?

ФУНК: Я утверждаю это. С вооруженными силами...

Г-н ДОДД: Сейчас у меня в руках письмо, написанное Бломбергом Герингу. Вы помните об этом письме? Это новый документ, который еще не представлялся Трибуналу, и поэтому здесь Вы его не видели. Вы можете припомнить его?

ФУНК: Нет.

Г-н ДОДД: Я сейчас передам Вам этот документ ЕС-255.

Господин председатель, этот документ мы представляем в качестве документального доказательства за № США-839.

Из этого письма фон Бломберга я хотел бы остановиться в основном только на последнем предложении. В этом письме фон Бломберг говорит о назначении Шахта; а в предпоследнем разделе - о необходимости Вашего немедленного назначения. Это подчеркнуто. В последнем абзаце фон Бломберг говорит следующее:

"Необходимость в проведении единой подготовки к войне совершенно не допускает, чтобы до 15 января 1938 года на этом месте никого не было".

Это письмо, между прочим, было написано 29 ноября 1937 года. Конечно, фон Бломберг считал, что пост, который он предназначал для Вас, будет играть огромное значение в деле ведения войны, не так ли?

ФУНК: Возможно, но, во-первых, этого письма я не

10318

H1200 – 0438

знаю и, во-вторых, я не сразу был назначен генеральным уполномоченным по экономике, а лишь в течение 1938 года, лишь через некоторое время после того, как я стал министром экономики. Когда я спросил Ламмерса, почему я так поздно был назначен на этот пост, Ламмерс ответил мне, что сначала нужно было выяснить мои отношения к уполномоченному по четырехлетнему плану. Это было причиной того, почему я лишь несколько месяцев спустя был назначен уполномоченным по экономике, так как надо было ясно показать, что Геринг имел решающие полномочия в этой области...

Г-н ДОДД: Нет никакой необходимости для Вас вдаваться в подробности.

ФУНК: Я не знаю того письма, я никогда не говорил с Вломбергом по этому вопросу.

Г-н ДОДД: Хорошо. Вы, очевидно, припоминаете, что после того, как Вы были назначены на этот пост, ОКВ возражало против тех полномочий, которые Вы имели тогда. Вы помните это?

ФУНК: Нет.

Г-н ДОДД: У меня имеется еще один документ, ЕС-270, который также не был представлен Трибуналу. Сейчас я попрошу передать Вам этот документ, который я представляю в качестве доказательства за № США-840.

Пока Вам передают этот документ, я хочу сказать, что он представляет собой письмо от 27 апреля 1938 года, написанное в ОКВ. В его первом абзаце дается интерпретация декрета фюрера от 4-го февраля 1938 года, которая не соответствует необходимости ведения тотальной войны.

В третьем абзаце первой страницы Вы найдете другие возражения ОКВ, которые касались Вашего авторитета. Очевид-

но, в то время ОКВ считало, что Вы слишком много заняты военными делами. И затем, господин свидетель, на последней странице, в конце письма Вы увидите следующее предложение:

"Военная экономика, подчиненная генеральному уполномоченному, представляет собой стадию развития военной промышленности. Я еще раз подчеркиваю слова "военной промышленности". И далее говорится:

"Если эта стадия развития будет неудачной, то мощь вооруженных сил будет поставлена под вопрос."

Я просил Вас обратить особое внимание на слова "военная промышленность", потому что сегодня утром, насколько я помню, Вы заявили, что Вы ничего общего с ней не имели. Но 27 апреля 1938 года ОКВ думало, повидимому, иначе. Разве это неправильно?

ФУНК: Я не знаю и этого письма, мне также неизвестна позиция ОКВ, но я знаю, что ОКВ, в частности, подсудимый фельдмаршал Кейтель, тогда считали, что я как генеральный уполномоченный по экономике должен иметь права Шахта. Тогда состоялось совещание между рейхсмаршалом и фельдмаршалом Кейтелем, что мне подтвердил Кейтель, на котором рейхсмаршал ясно заявил, что военной экономики Функ не получит. Обо всех этих вещах я могу сказать честно и откровенно, я не имел ни малейшего понятия. Я не знал, какое положение мне готовило ОКВ, я никогда не выполнял этих функций, так как военная промышленность никогда не относилась к кругу обязанностей министерства хозяйства. Я не помню таких вещей.

Г-н ДОДД: Хорошо, таков Ваш ответ. Насколько

10320

H1200 – 0439

H1200 - 0440

я помню, Вы заявили Трибуналу также о том, что Вы были подчиненным Геринга и играли очень незначительную роль во всех этих вопросах. Это правильно?

ФУНК: Да.

Г-н ДОДД: Взгляните, пожалуйста, на другой документ, ЕС-271, который я представляю в качестве доказательства за № США-841. Этот документ состоит из письма, написанного Вами Ламмерсу, письма, написанного Ламмерсом начальнику штаба ОКВ фельдмаршалу Кейтелю и еще одного или двух других писем, которые не представляют никакого интереса для рассматриваемого вопроса. Ваше письмо было написано 31 марта 1938 года.

Я хочу обратить Ваше внимание на вторую страницу, где оно находится. На первой странице препроводительное письмо Ламмерса Кейтелю. Вы нашли вторую страницу - Вы видите письмо?

ФУНК: Да.

Г-н ДОДД: Из этого письма я оглашу лишь второй абзац, где Вы пишете Ламмерсу следующее:

" В связи с поездкой в Австрию, помимо прочих вопросов, обсудил с генерал-фельдмаршалом Герингом также вопрос о положении генерального уполномоченного по военной экономике. В этой беседе я указал на то, что вопреки позиции, занимаемой ОКВ, о которой я был информирован, декрет от 4 февраля 1938 года относительно командования вооруженными силами Германии ни в какой степени не изменил положения генерального уполномоченного по военной экономике".

Далее Вы говорите о том, что этот декрет касался исключительно ОКВ и что в последнем абзаце этого декрета сказано, что Вы подчиняетесь только указаниям фюрера.

Вы пишете:

"Более того, указания фюрера включали также решение имперского правительства от 21 мая 1935 года, согласно которому генеральный уполномоченный по военной экономике в своей области является высшей инстанцией в империи и подчинен непосредственно фюреру".

Генерал-фельдмаршал Геринг заверил меня в том, что моя вышеизложенная интерпретация является во всех отношениях правильной и соответствует мнению фюрера. Основываясь на этом, я попросил его дать мне небольшое подтверждение в письменной форме. Генерал-фельдмаршал Геринг обещал удовлетворить мою просьбу".

Итак, 31-го марта 1938 года Вы написали это письмо Ламмерсу? Да или нет?

10322

H1200 – 0441

H1200 -0442

ФУНК: Да,конечно.

ДОДД: Вы стремились к тому, чтобы стать одним из высших руководителей империи и подчиняться только фюреру, именно об этом говорится в документе ЕС-271. Таков был ваш ответ на возражение ОКВ относительно того,что у вас очень много полномочий. Все это абсолютно не согласуется с тем, что вы были только незначительным, маленьким человеком, не правда ли, г-н свидетель?

ФУНК: Нет,я хотел выяснить положение. Но оно оказалось не таким,на самом деле я должен был подчиняться указаниям рейхсмаршала. Я написал это письмо, чтобы попытаться внести ясность. Я в подробностях не помню этого письма.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Г-н Додд, скажите, является ли это письмо,которое вы только что огласили,именно тем письмом,на которое делается ссылка в ранее предоставленном вами письме?

ДОДД: Да,ваша честь. Это относится к документу ЕС-271. Простите,я ошибся, я имел в виду 270.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Документ ГБ-649/38 представляет собой письмо,которое вы только что огласили. Посмотрите,пожалуйста, на первый абзац документа ЕС-270; письмо,на которое ссылаются в этом отрывке, и является именно тем письмом Функа,которое вы только что огласили.

ДОДД: Да,правильно,Ваша честь.

Г-н свидетель, вы заявили Трибуналу о том,что на самом деле вы работали только на Геринга и поэтому не можете многого сказать относительно этих вопросов, а сейчас мы установили из вашего письма,что вы хотели,чтобы за вами признали высший авторитет. Вы говорите в письме: "Факт,что я подчиняюсь только Гитлеру". Вы понимаете,что оба эти заявления крайне противоречивы. Что вы можете сказать по этому поводу?

ФУНК: Да,но фактически это мне не удалось.

ДОДД: Хорошо, мы сейчас это выясним. Обратимся к следующей странице документа, где вы найдете другое письмо, написанное Ламмерсом 6 апреля 1938 года и адресованное вам. В этом письме он писал,что вы совершенно правильно понимаете занимаемый вами пост и что вы действительно подчиняетесь непосредственно фюреру. Далее он сообщает,что копию вашего письма он направил фельдмаршалу Герингу и начальнику штаба ОКВ.

Что вы скажете относительно этого?

ФУНК: Из этого я вижу, что я пытался добиться определенного положения, но в действительности я его не достиг, так как рейхсмаршал сам позже заявил, что он никогда не даст мне военную экономику. Даже формальные права уполномоченного по экономике были переданы уполномоченному по четырехлетнему плану, на основании указа фюрера от декабря 1939 года.

ДОДД: Таков ваш ответ?

Насколько я вас понял,вы стремились убедить Трибунал в том, что вы не имели никакого отношения к планированию агрессивной войны и что ваша деятельность ограничивалась лишь руководством и осуществлением контроля над экономикой страны. На самом же деле 28 января 1939 г.,за несколько месяцев до вторжения в Польшу, вы занимались рассмотрением вопроса об использовании военнопленных,не правда ли?

ФУНК: Об этом я ничего не знаю.

ДОДД: Вы уверены в этом? Я прошу показать вам другой документ, ЕС-488, который представляется в качестве документального доказательства за № США-842. Это - не подписанное письмо,найденное в ваших архивах,и отправленное за подписью вашего заместителя Зарнова. Это письмо датировано 28 января 1939 года. В этом письме речь идет об

10324

H1200 – 0443

H1200 – 0444

использовании военнопленных. Там говорится следующее:

"Согласно закону об обороне империи от 4 сентября 1938 г.,я руковожу проведением всей экономической подготовки к обороне империи,за исключением военной промышленности". Затем сказано:

"Использованием рабочей силы и т.д."

Я обращаю ваше внимание особенно на второй абзац. Здесь говорится:

"Вопрос о недостатке рабочей силы следует разрешить по мере возможности путем использования военнопленных. Необходимую подготовку следует проводить в тесном контакте ОКВ с генеральным уполномоченным по экономике. Все управления,находящиеся в моем подчинении, будут привлечены к ней". Вы помните это письмо?

ФУНК: Нет,я никогда не видел этого письма и никогда не подписывал его. Это письмо относится к тем случаям, о которых я уже говорил сегодня утром. Бюро генерального уполномоченного по экономике... впрочем, слова "генеральный уполномоченный по военной экономике" зачеркнуты,конечно, занималось этими вещами. Я лично этими делами не занимался.

ДОДД: Хорошо. Все это одни слова. Именно ваше министерство вносило такие предложения и именно ваш первый заместитель отправлял это письмо, не правда ли?

ФУНК: Нет. Оно...

ДОДД: Обратите внимание,что в правом верхнем углу письма написано: "Генеральный уполномоченный по экономике". Ниже идет адрес и дата.

ФУНК: Да,подписано "по поручению, Зарнов".

ДОДД: Совершенно верно. Он был ваш первый заместитель. Не так ли?

ФУНК: Нет.

ДОДД: А кем же он был?

ФУНК: Он работал в бюро генерального уполномоченного. Моим первым заместителем, который руководил этими делами, был д-р Поссе.

ДОДД: Ну, хорошо. Во всяком случае...

ФУНК: Как я уже сказал, я вообще не занимался этими вещами.

ДОДД: Мое внимание только что обратил на себя следующий факт. Вы говорите, что этим человеком являлся Поссе. Во втором абзаце этого письма вы можете найти эту фамилию. "Я могу сослаться на заявления г-на генерал-полковника Кейтеля, статс-секретаря д-ра Поссе". Во всяком случае, ответственные работники вашего министерства занимались этим. Да?

ФУНК: Да, конечно.

ДОДД. Хорошо. Вы помните документ 3562-ПС, который был представлен в качестве доказательства за № США-662. Это протокол совещания, которым руководил д-р Поссе, ваш заместитель, и на котором обсуждался меморандум о финансировании войны. Сегодня утром в своих показаниях по этому поводу вы заявили, что, несмотря на имеющуюся на меморандуме пометку "Генеральному уполномоченному по экономике, для сведения", вы так никогда и не видели этого меморандума?

ФУНК: Да. Если бы я видел его, я бы поставил на нем свои инициалы.

ДОДД: Меня сейчас не интересует вопрос о том, действительно это было так или нет. Я зачитаю лишь одну выдержку из этого меморандума и, если вы желаете, вам могут сейчас передать этот документ, но я думаю, в этом нет необходимости. Вы помните, что в этом документе имеется ммм-ссылка на один из ваших меморандумов, не так ли? Помните

10326

H1200 – 0445

H1200 – 0446

вы, что Поссе тогда сказал следующее:

"Указывалось,что генеральный уполномоченный по экономике главным образом занимался вопросом об издании законов финансирования военных расходов за счет будущих после войны предполагаемых доходов империи".

ФУНК: Да.

ДОДД: Это все, что я хотел спросить вас относительно этого документа, а сейчас перейдем к другому вопросу.

Насколько я вас понял, вы заявили в своих показаниях Трибуналу,что о возможности войны с Польшей вы узнали лишь в августе 1939 года,но в то время вы еще считали,что возникший конфликт с Польшей может быть разрешен дипломатическим путем. Разве это неправильно?

ФУНК: Повидимому,нет. Опасность войны в течение многих месяцев была скрытой. Но то,что предстоит война, чувствовалось уже в августе.

ДОДД: Скажите, вы разрабатывали экономические планы войны с Польшей более,чем за год до нападения на Польшу? Ответьте,пожалуйста,да или нет.

ФУНК: Это мне не известно.

ДОДД: Вы хотите сказать,что вы не знаете, разрабатывали вы эти планы или нет? Разве вы этого не помните?

ФУНК: Нет,не помню.

ДОДД: Очень хорошо. Возможно, я смогу вам помочь. Имеется документ 3324-ПС,который был уже представлен в качестве доказательства за № США-161. Вы должны его помнить. Это одна из произнесенных вами речей,в которой вы заявили о том,что секретно,на протяжении более года,вы планировали войну с Польшей. Вы помните это? Желаете ли вы лично увидеть документ?

ФУНК: Да.

10327

ДОДД: Я оглашаю: "Работа всех экономических и финансовых ведомств была подчинена задачам четырехлетнего плана и проводилась под руководством генерал-фельдмаршала Геринга, подготовка экономики Германии к войне по другой линии велась уже в течение года в полной тайне".
Вы это помните?

ФУНК: Да, сейчас я это вспомнил.

ДОДД: И обратите внимание,что далее здесь сказано: "На протяжении более года". Затем вы говорите,что эта подготовка проводилась под вашим руководством.Это правильно?

ФУНК: Да, это - деятельность генерального уполномоченного по гражданскому хозяйству, я уже говорил об этом сегодня утром.

ДОДД: Очень хорошо. Я хотел только слышать ваш ответ.

ФУНК: О Польше я не говорил.

ДОДД: Да, но война с Польшей была единственной войной, о которой могла итти речь в то время, т.е. в октябре 1939 г.

ФУНК: Подготовка не была предназначена к какой-либо определенной войне. Это было общей подготовкой.

ДОДД: Хорошо, но практически между вами и Герингом в какой-то степени происходила борьба за власть,не так ли? Являлась ли дверь Геринга одной из тех,в которую вы стремились проникнуть? Вы можете ответить на этот вопрос очень просто. Вы нам сказали, что вы старались проникнуть в различные двери, но что вам удавалось только дойти до них, но не пройти в комнату. Я вас сейчас спрашиваю,была ли дверь Геринга одной из тех,в которую вы также стремились проникнуть?

ФУНК: Я ~~не~~ думаю, чтобы у меня были притязания на пост Геринга. Это было мне чуждо. У меня вообще мало честолюбия.

10328

H1200 – 0447

H1200 – 0448

ДОДД: Я не сказал, что вы хотели занять пост Геринга, но вы стремились получить определенную долю той власти, которой обладал Геринг, не так ли? Или вы этого не помните?

ФУНК: Нет.

ДОДД: Хорошо. Ваш приближенный Поссе был подвергнут допросу представителем Обвинения, что отражено в документе 3894-ПС. Ему были заданы следующие вопросы:

"Вопрос: Какого рода противоречия существовали между генеральным уполномоченным по экономике и уполномоченным по четырехлетнему плану?"

"Ответ: Борьба за власть".

"Вопрос: Борьба за власть между Функом и Герингом?"

"Ответ: Борьба за власть между Функом и Герингом, между Функом и министром сельского хозяйства и министром путей сообщения."

"Вопрос: Каким образом в конце концов были разрешены эти противоречия?"

"Ответ: Эти противоречия никогда не были разрешены. Скрытно борьба, по существу, происходила все время".

"Вопрос: Фактически пользовался Функ своими очень важными полномочиями, которые он имел как министр хозяйства, как президент имперского банка и позднее, как генеральный уполномоченный по вопросам экономики".

"Ответ: Да, но Геринг обладал большими полномочиями".

"Вопрос: Тем не менее, Функ обладал большими полномочиями?"

"Ответ: Да, как председатель имперского банка, как министр хозяйства, как генеральный уполномоченный по экономике".

Поссе был вашим первым заместителем, не так ли?

ФУНК: Поссе занимал должность, на которой он занимал-

ся особыми вопросами. Моим заместителем был Ландфрид, а в рейхсбанке - Пуль. Они знают об этом лучше,чем -гн Поссе.

ДОДД: Ну,хорошо.

ФУНК: Они должны знать лучше, чем Поссе. Вы не думаете,что он в действительности знал,когда заявлял,что между вами происходила борьба за власть? Таков ваш ответ?

ФУНК: Да.

ДОДД: Вот документ США-843,который до настоящего времени еще не представлялся в качестве доказательства. Теперь г-н свидетель, скажите, когда вы впервые узнали о том,что готовится нападение на Россию? По-моему, вы сказали Трибуналу, что вы узнали об этом впервые в мае месяце.Правильно ли это? Или вы узнали об этом в июне?

ФУНК: Когда Розенберг получил свое задание.

ДОДД: Хорошо, именно это мы и хотели узнать.Когда в апреле 1941 года Розенберг был назначен на свой пост,вы в то время узнали о том, что идет подготовка к нападению На Россию. Но вы не сказали ясно об этом сегодня,не так ли,г-н Функ?

ФУНК: Да, я сказал,что в качестве обоснования этого назначения нам было сказано,что фюрер считает вероятной войну с Россией.

ДОДД: Да, но как вы знаете,вы сегодня утром сообщили Трибуналу о том,что Ламмерс послал вам письмо о назначении Розенберга потому,что вы были очень заинтересованы в улучшении торговых отношений с Россией. Такой ответ вы дали сегодня утром. Не правда ли?

ФУНК: Ламмерс это сказал и здесь.

ДОДД: Меня не интересует вопрос о том,что сказал Ламмерс. Я сейчас спрашиваю вас вот о чем: действительно ли Ламмерс сообщил вам о назначении Розенберга лишь потому,

H1200-0449

H1200 - 0450

что вы должны были сотрудничать с Розенбергом в подготовке к оккупации восточных территорий после того,как начнется наступление. Отвечайте прямо: правда это или нет?

ФУНК: Нет.

ДОДД: Ну,хорошо. Мы посмотрим. Вы помните,между прочим, что в другом случае вы дали совершенно другой ответ. Вы помните,что вы при допросе заявили, что впервые вы узнали от Гесса о том,что идет подготовка к нападению на Россию? Помните ли вы,что однажды вы заявили о том,что впервые вы узнали об этом от него? Вы помните,что вы говорили нам это?

ФУНК: Нет.

ДОДД: Мы поговорим еще об этом. А сейчас мы коснемся функций, которые выполнял Розенберг.

У нас имеется документ № 1031-ПС от 28 мая 1941 года,написанный приблизительно через месяц после назначения Розенберга. Это совершенно секретный документ относительно совещания с имперским министром Функом. Вы помните,что вы говорили на этом совещании о выпуске фальшивых денег для пользования ими в России, на Украине, и на Кавказе? Вы помните это?

ФУНК: Нет.

ДОДД: Вы не помните? Хорошо. Ознакомьтесь с этим документом № 1031-ПС,представляемый в качестве доказательства США-844. Вы помните,наверное,тот день,когда директор вашего рейхсбанка Вильгельм заявил о необходимости сокрашения в тайне выпуска фальшивых рублевых ассигнаций для пользования ими на оккупированных территориях.

Розенберг присутствовал на этом совещании. Это очень короткий меморандум.Вы его читали? Он находится,кажется, на четвертой странице документа на немецком языке,в середине второго абзаца. Вы нашли? Он начинается следующими

словами: "На Украине и Кавказе придется,однако,сохранить имеющуюся там денежную единицу-рубль..." и т.п. Вы обсуждали вопрос о деньгах,которые будут иметь хождение в областях,подлежащих вашей оккупации. Это имело место приблизительно за месяц до нападения и месяц спустя после назначения Розенберга на его пост. Не так ли? Вы можете ответить на мой вопрос?

ФУНК: Я еще не отыскал это место.

Да. Если бы эти страны были завоеваны, то нужно было бы заниматься этим вопросом.

ДОДД: Дело в том,что в то время вы определенно знали о готовящемся нападении на страны, которые вы планировали оккупировать.

ФУНК: Я не знал ни о каком нападении. Я знал только о предстоящей военной опасности.

ДОДД: Ну,хорошо. Самое важное заключается в том,что вы говорили о пользовании деньгами на Украине и на Кавказе и что ваши планы были осуществлены примерно через месяц.

ФУНК: Да.

ДОДД: Ну,хорошо. Я хочу вам задать еще несколько вопросов, закончив допрос сегодня до перерыва.Желаете ли вы что-либо добавить? Я хотел лишь показать,что вы были полностью осведомлены о готовящемся нападении. Вы знали,что что-то должно произойти на Востоке. Я думаю,вы согласитесь с этим,не так ли?

ФУНК: Да.

ДОДД: Хорошо.

ФУНК: С момента назначения Розенберга - я ясно сказал об этом утром - я знал об угрозе войны с Россией.

ДОДД: По этому вопросу у нас с вами нет никаких расхождений.Нет необходимости продолжать обсуждать этот воп-

10332

H1200 - 0451

H1200 – 0452

рос.Мне казалось,вы утром сказали, что вы об этом не знали. Возможно,я вас понял неправильно. Теперь я понимаю, что вы действительно знали об этом. Пошли дальше.

ФУНК: Сегодня утром я ясно сказал,что мне было сообщено,что фюрер допускает возможность возникновения войны с Россией. Но мне все еще не совсем ясно, кто составил этот документ.

ДОДД: Я также этого не знаю. Я могу лишь вам сказать, что этот документ был захвачен вместе с другими документами в архивах Розенберга. Более этого я ничего не могу вам сказать. Я считаю, что нет необходимости разбирать далее этот вопрос, и если вы не возражаете, мы перейдем сейчас к другому вопросу.

ФУНК: Да, но это важно в той степени,что здесь мне приписывают эти вещи с рублем.

ДОДД: Да, я тоже так думаю.

ФУНК: Здесь написано,что я якобы сказал, что с введением имперских кредитных ассигновок и установлением обменного курса связана очень большая опасность. Возражал против подобного предложения?

ДОДД: Хорошо. Я рад знать ваше мнение по этому вопросу.

Теперь я хотел бы поговорить с вами немного о том периоде,когда вы заняли пост президента рейхсбанка. Поссе был вашим первым заместителем в министерстве хозяйства, не правда ли?

ФУНК: Ландфрид был моим первым заместителем.

ДОДД: Ландфрид. Между прочим, он также присутствовал на совещании,о котором я только что говорил. Кто был вашим первым заместителем в рейхсбанке?

ФУНК: Пуль.

ДОДД: Он работал в рейхсбанке еще в те дни,когда у руководства рейхсбанка стоял Шахт. Не так ли?

ФУНК: Да.

ДОДД: Вы просили его,чтобы он остался? Не правда ли?

ФУНК. Нет.

ДОДД: Вы сказали,что вы сами подбирали себе персонал. Сегодня утром вы сообщили об этом Трибуналу.

ФУНК: Нет, остались Пуль, Кречман и Вильгельм.

ДОДД: Меня не интересует,из кого состоял этот персонал. Я хочу вас спросить о том, был ли Пуль надежным банковским чиновником. Он был хорошо известен в международных банковских кругах. Одно время ему даже предлагали пост в "Чейс Банк" в Нью-Йорке. Вы знали об этом?

ФУНК: Я этого не знал.

ДОДД: Это так. Во всяком случае,он был хорошим специалистом и надежным человеком,не правда ли?

ФУНК: Да.

ДОДД: Вы ходатайствовали о вызове его в качестве свидетеля?

ФУНК: Да.

ДОДД: Вы хотели,чтобы он был вызван в качестве свидетеля,потому что вы доверяете ему?

ФУНК: Да.

ДОДД: Давайте коротко коснемся вопроса о золоте,хранившемся в рейхсбанке. Скажите, сколько приблизительно золота имелось в наличии в рейхсбанке в конце 1941 года? Не говорите об этом очень подробно, так как детали меня совершенно не интересуют. Я лишь хочу выяснить,ощущался ли у вас в 1941 году недостаток в золоте?

ФУНК: Золотой запас,который я принял,составлял приблизительно полмиллиарда,когда я получил пост Шахта.

ДОДД: Так.

10334

H1200 – 0453

H1200 – 0454

ФУНК: Он был значительно увеличен,насколько я знаю, лишь за счет бельгийского золота.

ДОДД: Хорошо. Все это очень интересно слушать,но я хочу выяснить совершенно другой вопрос.

Скажите, откуда вы получали золото после того, как вы заняли этот пост? Откуда вы получали новые золотые фонды?

ФУНК: Лишь с помощью размена девизов на золото.Затем мы получили некоторое пополнение за счет золота чешского национального банка. Мы получили оттуда некоторое количество волота,но главным образом за счет бельгийского золота.

ДОДД: Хорошо. Конечно, золото было для вас очень важно,как средство оплаты девизов.Вы должны были расплачиваться золотом в течение 1942 и 1943 гг.,не правда ли?

ФУНК: Было очень трудно платить золотом.

ДОДД: Это мне известно.

ФУНК: Так как страны, с которыми мы вообще имели какие-нибудь сношения, ввели эмбарго на золото,Швеция отказалась от золота и лишь в Швейцарии у нас были большие дела,где мы могли менять золото на девизы.

ДОДД: Я думаю, что вы уже установили,что в 1942-1943 гг. вы должны были использовать золото в качестве оплаты за импортируемые товары.Это все, что я хотел знать. Когда вы стали вести какие-либо дела с СС,г-н Функ?

ФУНК: Дела с СС? Я никогда не вел.

ДОДД: Вы уверены в этом? Я хотел бы,чтобы вы со всей серьезностью отнеслись к этому вопросу. Это уже почти конец вашего допроса,и данный вопрос очень важен для вас. Я вновь спрашиваю вас,когда вы стали вести какие-либо дела с СС?

ФУНК: Я никогда не вел с СС никаких дел. Я могу сказать только то, что я уже сказал на предварительном допросе, а именно, - что однажды господин Пуль сообщил мне,

что есть вклады... поступления от СС. Сначала я понял это в том смысле,что это вклады, которые обычно оставались закрытыми и которые нас не интересовали. Но затем Пуль сказал мне, что эти поступления от СС рейхсбанк должен реализовать. Я подумал, что речь идет о сданных золотых монетах и девизах, главным образом о золотых монетах,которые должен был сдавать каждый немец и которые, следовательно, были отобраны у заключенных в концлагерях и переданы в рейхсбанк. Ценные вещи, которые отбирались у заключенных в концлагерях, шли не в рейхсбанк, а,как вы уже неоднократно слышали в министерство финансов или...

ДОДД: Одну минуточку. Скажите, для вас было обычным принимать в качестве вкладов в рейхсбанк золотые зубы?

ФУНК: Нет.

ДОДД: Но вы принимали их от СС,не правда ли?

ФУНК: Этого я не знаю.

ДОДД: Вы не знаете? Хорошо.

Господа судьи, у нас имеется небольшой фильм,который, я считаю, мы сможем продемонстрировать до перерыва. Я очень хотел бы показать его свидетелю прежде,чем продолжу его допрос по вопросу о золотых запасах рейхсбанка.Этот фильм был заснят союзными войсками,когда они захватили рейхсбанк, в нем показаны все те золотые зубы и мосты,которые хранились в складах рейхсбанка.

ФУНК: Я ничего об этом не знаю.

ДОДД: Так как я желаю закончить этот допрос сегодня на вечернем заседании, то я считаю, что прежде чем показать вам этот фильм,я могу огласить письменное показание, данное под присягой Пулем,о котором вы пару минут тому назад сказали, что он человек,заслуживающий доверия,хорошо осведомлен по этому вопросу, и которого вы вызывали в ка-

10336

H1200 – 0455

H1200 – 0456

честве свидетеля. Это - письменное показание датировано 3 мая 1946 года...

ЗАУТЕР: Господин председатель, я протестую против оглашения этого аффидевита д-ра Пуля. Этот аффидевит, повидимому, был снят здесь, в Нюрнберге, мы не знаем его содержания. Обвинение совершенно неожиданно представляет аффидевит, который мы не знаем, в течение 10 минут оно обрушивает нам на голову десяток документов, причем оно утверждает что они совсем короткие, хотя, например, только один протокол составляет 12 страниц. Абсолютно невозможно в спешке, в которой проводится этот допрос, следить за документами и показаниями. Поэтому я протестую против предоставления этого аффидевита.

ДОДД: Это письменное показание было дано 3 мая 1946 года в Баден-Бадене в Германии. В течение долгого времени мы пытались предетавить этот раздел дела подсудимого Функа и, наконец, нам это удалось. Мы не передали этого письменного показания д-ру Заутеру, ибо мы хотели использовать его именно с той целью, которую я преследую, представляя его сейчас. Это - письменное показание, данное под присягой заместителем Функа Пулем, которого он вызывал в качестве свидетеля и от которого мы ждем получить ответы на опросный лист. Письменное показание имеет отношение к очень важному разделу по делу подсудимого Функа.

Я хочу сказать, что если нам разрешат использовать это письменное показание, то, безусловно, д-ру Заутеру будет предоставлена возможность задать свидетелю дополнительные вопросы. У него будет в распоряжении целый вечер и он сможет ознакомиться с документом, если он того пожелает.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Г-н Додд, вы намерены подвергнуть сви-

детеля перекрестному допросу по поводу этого письменного показания?

ДОДД: Да, я хочу огласить это письменное показание и задать свидетелю пару вопросов, связанных с показанием,ибо тогда,во время перекрестного допроса, возникнет два или три вопроса и я смогу уличить его в неправильности сделанных им заявлений относительно золота.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете это сделать. Но д-р Заутер, конечно,сможет,если он пожелает,ходатайствовать о вызове свидетеля для перекрестного допроса. У него будет достаточно времени для того,чтобы ознакомиться с этим письменным показанием и сделать любые комментарии,которые он пожелает

ДОДД: Очень хорошо,ваша честь.

ЗАУТЕР: Господин председатель,разрешите сделать краткое замечание? Сегодня имел место случай, когда Обвинение возразило против использования одного документа,который оно не получило заранее на английском языке, представитель Обвинения сказал мне, он не понимает по-немецки. Поэтому документ должен быть сначала переведен. Я считаю, что у защиты такие же права,как и у Обвинения.

Если мне бросают один за другим английские документы, и я не имею ни малейшего понятия, что там написано, то я не могу на них реагировать. Трудности все увеличиваются. Например,я получил документ,который состоит из I2 страниц. Одна фраза из такого документа зачитывается.Подсудимому не дается времени для прочтения следующего абзаца из этого документа. Мне - тоже. Несмотря на это,подсудимый должен говорить об одном предложении,вырванном из контекста,не имея возможности просмотреть весь документ. По-моему, этого нельзя требовать.

H1200 – 0457

H1200 - 0458

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, у вас имелись переводы почти всех документов. Вам всегда представлялась возможность ознакомиться со всеми документами после того,как они были переведены на немецкий язык. Эта же возможность будет предоставлена вам и в будущем. И если имеются какие-либо документы,которые используются сейчас при перекрестном допросе и которые не переведены на немецкий язык, то они будут переведены и затем представлены вам. Но если уже производится перекрестный допрос свидетеля, то документы могут быть использованы. Если вы желаете задать дополнительные вопросы свидетелю по поводу этих документов после того, как вы получите их на немецком языке,вы сможете это сделать.

ЗАУТЕР: Господин председатель, мы, защитники, тоже заинтересованы в ускорении процесса,а не в его замедлении. Я вовсе не за то, чтобы в течение 8 - 14 дней знакомиться с документами,которые нам сегодня бросят на стол и затем, господин председатель, через 8 - 14 дней обращаться к вам с просьбой еще раз допросить свидетеля. Мы рады, когда кончаем допрос свидетелей.

Но если это будет проводиться так, как это делает мистер Додд,то мы не сможем следить за допросом, не сможет следить за ним и подсудимый. Он не может давать показания по отдельным предложениям,вырванным из контекста, если он не имеет возможности исследовать весь документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Г-н Додд?

ДОДД: Милорд, могу ли я приступить к допросу свидетеля по этому документу?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Додд, имеются ли у вас какие-либо возражения против того,чтобы д-р Заутер ознакомился с этим документом?

ДОДД: Да, милорд, я возражаю против этого. Я считаю,что это будет новым правилом. С самого начала представления защитниками своих материалов, мы представляли и сопоставляли документы с той целью, чтобы опровергнуть правдоподобность показаний различных свидетелей,все это отвечает задачам,которые ставит перед собой перекрестный допрос.Если мы должны будем передавать такие документы защите для того,как мы проведем перекрестный допрос,то вся цель, преследуемая перекрестным допросом,пропадает.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Г-н Додд,если вы представляете документ и пред'являете его свидетелю,то защитник имеет право в тот же момент получить данный документ.

ДОДД: Мы можем сейчас передать ему копию этого документа на немецком языке,если он желает иметь ее.Эта копия на немецком языке была у нас уже готова,когда мы еще вошли в зал суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На немецком языке?

ДОДД: Да, на немецком языке, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю сейчас для нас будет удобнее объявить перерыв и после того,как вы уже используете документ,вы передадите д-ру Заутеру перевод его на немецком языке.

ДОДД: Хорошо, мы передадим перевод этого документа завтра утром,после того,как мы уже используем его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да,после того,как вы используете его.

ДОДД: Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас мы об'являем перерыв до 10 часов утра 7 мая.

/Об'является перерыв до 10 час. 7 мая 1946 года/.

H1200 – 0459